

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН

АБСУРД ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ
ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ БЕЗ РАЗБЕГА
С ПОЦЕЛУЕМ ДОРОЖЕ—

и другие рассказы

ОБЩАЯ СТАДОЛОГИЯ—

лекция, не прочитанная в Сорбонне

НАДЕНЬ НА ДЕНЬ ЧЕРНУЮ ТЕНЬ...—

стихи

КТО ТАКОЙ «БОРЗОПИСЕЦ»?—

вести из КГБ

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

З—АКРОСТИХ—З

и много другой литературной всячины

РУССКОЕ БОГАТСТВО—это независимый частный журнал: литература, искусство, культура.

РУССКОЕ БОГАТСТВО—это слово свободы, доступное каждому, слово мира и благодати.

РУССКОЕ БОГАТСТВО—это мир одного человека, это мы с вами.

РУССКОЕ БОГАТСТВО—это все, что у нас осталось после Великого разорения.

РУССКОЕ БОГАТСТВО—это наше прошлое и наше будущее.

Берегите РУССКОЕ БОГАТСТВО.

Читайте РУССКОЕ БОГАТСТВО.

Пусть РУССКОЕ БОГАТСТВО войдет в каждый дом.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Независимый частный журнал: литература, искусство, культура

Издается с 1876 года

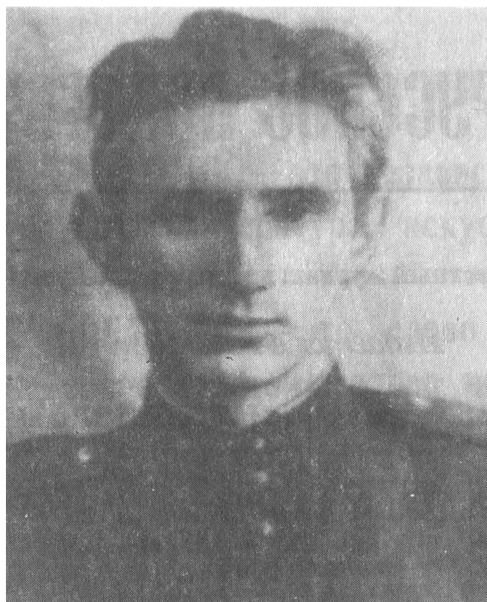
Редактор-издатель — АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Даниил Гранин
Владимир Дудинцев
Сергей Зурабов
Татьяна Иванова
Леонид Лиходеев
Лев Копелев
Булат Окуджава
Николай Панченко
Михаил Рощин
Николай Шмелев
Сергей Юрский

№1

Москва, 1993

Северо-Западный фронт, 1943 г.

**МЕНЯ ЧИТАЮТ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
Я СУЩЕСТВУЮ. ЖЕЛАЮ
СЧАСТЬЯ МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ,
ИБО САМ Я ЖИВ ИМИ.**

А.З.Лобин.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Журнал одного автора

Анатолий Злобин

*ЧЕРТ ПОДЕРИ, ОПЯТЬ
ПРИХОДИТСЯ САМО-
МУ ПИСАТЬ КНИГУ,
КОТОРУЮ Я ХОТЕЛ БЫ
ПРОЧИТАТЬ*

(Из разговора по телефо-
ну, записанному в КГБ)

№1/3/

1993

Художники: Георгий Кошелев, Владимир Иванов
Рецензент-редактор: Александр Трофимов

К сведению издательств и редакций!

Просим зарубежные и российские издательства, а также периодические издания ставить нас в известность о желании перепечатать те или иные произведения, помещенные на страницах нашего журнала.

Правление «Русского богатства»

Редакция рукописи не возвращает и не рецензирует

© Журнал «Русское богатство», 1993
© Анатолий Злобин, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Злобин

СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ	6
СТУДЕНЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ. Стихи	97
<u>Современные сказки</u>	
АБСУРД ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ (В пяти картинах)	101
ОБЩАЯ СТАДОЛОГИЯ (Лекция, не прочитанная в Сорбонне)	147
<u>Очерки наших дней</u>	
ВETERАНОВ ДОПРАШИВАЮТ ВНЕ ОЧЕРЕДИ	208
<u>Две поэмы</u>	
АНАТОЛИНА. ОГАДЕНСКАЯ БЫЛЬ	263
<u>Воспоминания, мемуары, документы</u>	
ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ БЕЗ РАЗБЕГА...	266
ЗНАМЯ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ	308
<u>Дневник писателя</u>	
СТАРАЯ РУССА-58	319
САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ	330
НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ	340
К ВОСТОКУ ОТ ПАРИЖА	344
СМЕРТЬ МАТЕРИ	350
БУТЕРБРОДЫ ДЛЯ БЕЛОГО ДОМА	356
Попутные рецензии	367
Из ненапечатанного	379
Из ненаписанного	393
Короткие сообщения	
Реклама	

СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ

(СУНДУК ПЕРВЫЙ)

Вступительная надпись на крышке с внутренней стороны

Внимание!

Сюжеты моложе 25 лет к рассмотрению не принимаются. Сюжеты объемом более 0,4 авторских листа (10 страниц на машинке, 16.000 знаков) не рецензируются и не возвращаются.

Помни: краткость — сестра таланта и мачеха гонорара.

Опись старых сюжетов прилагается.

Итак, сундук открыт. Если сюжет пролежал 25 лет и сумел не утратить своего вкуса и товарного вида, то это хороший старый сюжет. А есть и такие сюжеты, которым по 40 лет,— тем вкуснее и дороже.

Пришла пора достать старые сюжеты из консервной банки.

Ага, вам уже интересно — где хранятся старые сюжеты? Спрашивай-те, отвечаем — работает прямой эфир.

Старые сюжеты хранятся в голове. Но голова часто бывает дырявой. Тогда хранилищем для сюжета может послужить любая емкость: старый блокнот, узелок на память, спичечный коробок, заборная афиша, любая подворотня. К примеру, сохранилось по меньшей мере пять сюжетов, записанных на бумажных салфетках. Один сюжет зафиксирован на зернышке риса, его надлежит рассматривать под микроскопом.

Немало старых сюжетов зашифровано под анаграммы, номера телефонов, семь сюжетов записаны в виде виньеток — удастся ли расшифровать их обратно?

Сами видите, времени прошло изрядно. Старых сюжетов накопилось на два сундука. Чего тут только нет: сломанные подсвечники, листки календарей, запорошенные мозговые извилины, боевые донесения в партком, где старые сюжеты изложены между строк. Сюжет номер 22 вернулся в конверте, не дошедшем до адресата. Сюжеты излагались в виде дарственных надписей, залоговых квитанций, клеились из газетных заголовков. Главный сюжет зафиксирован гвоздем на заборе. Однажды ночью забор снесли. Остался гвоздь. Вряд ли он станет гвоздем программы...

Сюжет номер 18 оказался вырезанным на переднем колесе матушки «Волги» образца 1956 года. Колесо много лет бегало по Москве и каждый раз сюжет номер 18 отпечатывался на асфальте.

Так что не спрашивайте, каким образом в сундук попал кусок асфальта.

И вообще — поменьше вопросов не для печати. Что надо — автор сам расскажет.

При том — ответы даются только на те вопросы, которые подразумеваются. Сейчас у нас такое бурное время, что ответ следует впереди вопроса.

Сундук распечатывается в присутствии понятых из соседнего подъезда. Сюжетов — навалом. Старых сюжетов становится все больше, а времени у автора все меньше, в сущности, его уже нет.

Черт подери, опять самому приходится писать книгу, которую я хотел бы прочитать.

Сундук в помощь.

1. Сержант дальнего розыска

1950 год. Из Тайшетского пересыльного лагеря убежал заключенный Федор Глухов. За ним шла погоня с собаками. Все было напрасно. Глухов растворился бесследно в окрестных лесах.

Человек у нас, как известно, дороже всего, и он не смеет пропасть. Сержант дальнего розыска Николай Б. получил боевой приказ: найти беглеца, доставить его обратно за решетку. В случае поимки, сержанта дальнего розыска Николая Б. ждала премия в размере двухмесячного оклада.

При этом учтите — на одного беглеца полагался один поисковик, в противном случае произойдет разбухание штатов.

Документы выписаны, суточные получены — ровно на 45 суток.

— Задача ясна?

— Так точно, товарищ майор.

— Иди, сержант.

— Будет сделано, товарищ майор, можете не сомневаться.

Пауза, необходимая для того, чтобы перевернуть страницу.

Действие переносится в деревню Вербилки Н-ского района Н-ской области. В центре Вербилки стоит магазин сельпо. К магазину подходит мужичок в затрапезе: засаленный пиджачок, мятый картуз (описание героя берется напрокат из деревенской прозы).

Зато диалог для старого сюжета разрабатывается на современном компьютере.

— Как живете-можете?

— Здравствуйте, если не шутите.

— Смотрю — открыто. А народа не видать. Засовы у вас крепкие.

— Прятать-то нечего: соль да спички. А вы, видать, нездешний. Уполномоченный какой...

— Заготовитель я. Из потребсоюза.

— Чудо какое. В наших краях сроду заготовители не бывали. Чего у нас заготовлять?

— Как повезет. Думаю начать с брусники.

— В этом году вряд ли уродится. Сухости много.

— Тогда огурцы — на засолку. Посоветуйте, где мне остановиться. У вас случаем угла не найдется?

— Угол есть, да мужик не позволит.

Сами видите, диалог вполне электронный. Чисто информационный. Зато старый сюжет быстро продвигается вперед, выбрасывая на обочину второстепенные детали и приметы. Это же не повесть, а лишь сюжет ее.

Продавщица говорит, что в Вербилках одиноких много, в том числе и Наталья Климовна.

— А фамилия-то как?

— Глухова Наталья. Только не знаю, подойдет ли вам: муж у нее враг народа.

— Смотри-ка, и у вас враги, — усмехается Николай Б., это был он. — Коль есть враги народа, значит, и народ пока живой.

Ускорение сюжета. Николай Б. поселился в доме Натальи Глухой.

— Почему нынче брусника-то?

— Да погоди, еще не созрела.

— А я уже рапортчику послал в управление. Ждут брусничку-то. Как только созреет, тут мы ее — хоп!

Характеристику персонажам дает компьютер четвертого поколения фирмы «Оливетти», перепрограммированный с латыни на глаголицу.

Ф. И. О. — Глухова Наталья Климовна.

Год рождения — 1916.

Место рождения — село Вербилки Н-ского района Н-ской области.

Черты характера — работающая, забитая, добрая, немудрящая и так далее.

Состав семьи — сын Глухов Александр, 1946 года рожде-

ния, отца не помнит, так как родился после его ареста. До самого конца не оказывает на сюжет никакого влияния. Его роль прояснится в финале.

Огурцы заготовлялись не шибко, все же время от времени их приходилось вывозить на машине в город, где Николай Б. получал зарплату и в придачу к ней суточные. Машина с огурцами поступала на чаеразвесочную фабрику, под которую была замаскирована местная женская колония строгого режима. Так что сержант дальнего розыска Николай Б. не ел хлеба даром.

Первая весточка от беглеца — письмо. Оно пришло, когда Наталья была на ферме.

Почтальон уехал на велосипеде, и Николай остался с конвертом в протянутой руке. Читать или не читать? Где достать клей для последующей заклейки?

Терзания совести оказались преждевременными. Прибежала Наталья: слух о письме уже достиг коровника.

— Читай же, — наказала она. — Что стоишь с протянутой рукой?

А там и читать вроде нечего. Жив-здоров, того и вам желаю. Живу сейчас неплохо, дышать стало легче. И в конце просьба: приберечь новую телогрейку, которая висела в бане, пусть она там и висит. Полный текст письма прилагается в оригинале повести.

Намек на телогрейку был прозрачен — приближалась зима.

— Откуда письмо-то? — допытывалась Наталья. — Ведь оно в вольном конверте послано.

В самом деле — послано из Н-ского областного центра. Значит, беглец уже близко. Николай Б. ощутил легкий зуд в коленках.

Начало октября. Хмурый холодный день. Наталья только что пришла с фермы. Тут и прибежал с огорода пятилетний Александр: мама, мама, там в бане дяденька, он тебя зовет.

Николай Б. пошел к бане и арестовал беглеца на глазах прозревшей жены. Дождь усилился. Беглец был доставлен в правление колхоза, тут же вызвали наряд милиции. Заключительная сцена прощания сержанта дальнего розыска со своей недолгой сожительницей озвучивается в одном из вариантов.

Николай Б. низко кланяется:

— Прости, Наталья. Не обессудь. Ты же сама говорила: он беглец. А я как гражданин...

— Змею я на груди пригрела,— причитала Наталья.

— Я как гражданин и патриот... Заготовитель я. Ты сама говорила: в бегах... Давай по-хорошему. Мне еще машину огурцов вывозить.

Многовариантность есть основа художественного творчества. Предположим: находясь в Вербилках, сержант дальнего розыска Николай Б. заинтересовался делом Федора Глухова и узнал, что тот был осужден по ложному доносу. Николай Б. добился пересмотра дела, и Федор был реабилитирован. Беглец и сыщик распивают финальную бутылку, Наталья подает вареную картошку в чугушке. Заодно пригодились и заготовленные огурцы.

Впрочем, и проходимый вариант не был реализован. Тогда, в конце пятидесятых годов, дело ограничилось отклоненной заявкой на киносценарий.

2. Под мудрым руководством

Полковник В. из Н-ского гарнизона похоронил весной жену и следующей осенью женился на молоденькой по имени Вера, которая преподавала географию в нашем военном училище. Надо сказать, Вера без отрыва от географии пела в гарнизонном хоре и два раза даже выезжала на гастроли. Сделавшись вдовцом, полковник В., увидев Веру на сцене, влюбился прямо из пятого ряда.

Полковник продолжал посещать пятый ряд. Спустя тридцать лет на эту тему была сочинена популярная песенка, но вне всякого сомнения приоритет принадлежит полковнику В. из нашего гарнизона.

Смотрины были устроены по-военному. Однажды полковник прошел за кулисы и представился. Через неделю сыграли свадьбу в гарнизонном Доме офицера. Вера ушла с работы и отныне пела в хоре только по революционным праздникам. Для поездки на базар или к портнихе Вере подавалась машина.

Вера ходит в каракулях. Надо заметить, женщины быстро осваивают эту ношу.

Полковнику В. всего 49 лет. Вере вполтину меньше. Полковник В. к тому же горит на работе, так как холодная война в разгаре.

Вера быстро созрела, у нее появился молоденький лейтенант. Где они встречались, я не очень допытывался, но все же думаю, не под кустом. Короче, полковник дознался и был вне себя. Вера валялась в постели в слезах и синяках, но прощения не было.

Лейтенант вел себя глупо и тем самым лишь подлил масла в огонь. Вызванный в штаб для опроса, он тупо твердил, что готов жениться на Вере и требует развода со стороны полковника.

— Десять суток строгого ареста. Посиди, подумай.

Так и жили мы в нашем городе. Полковник В. продолжает гореть на страже родины, Вера меняет примочки, лейтенант сидит на губе и думает.

Оборона нашего города поставлена под угрозу. Полковник записывается на прием в областной комитет партии, его принимает второй секретарь, ведающий человеческими сердцами, а также обороной.

Мы сгорали от нетерпения — что дальше? По городу распространился устойчивый слух: по делу полковника В. обкомом принято мудрое решение.

Решение-то мудрое, да вот незадача — оно же зашифровано. А шифровальщик был нем как рыба.

Однако все зашифрованное рано или поздно расшифровывается. Из обкома дана шифровка на имя командующего военным округом. Лейтенант Т. получил повышение по службе и был направлен для ее прохождения в новый район дислокации — на Крайний Север. Прямо с гауптвахты был посажен в самолет. Вот сколь мудро рассудила партия.

Обороноспособность нашего города возросла на 220 процентов. Снова черная «эмка» подкатывала к Верину подъезду. Правда, городские маршруты Веры несколько видоизменились: базар, портниха, городской почтамт.

А однажды машина увезла Веру и вернулась без нее. Вера вошла в кинотеатр «Ангара» — и ее не стало. Скрылась наша Вера в неизвестном направлении.

Весь Верин гардероб оказался на месте. Недоставало лишь серой каракулевой шубы.

3. Бедная Лиза и агроном

Время действия — вечность.

Место действия — от горизонта до горизонта — бескрайняя плоская степь с редкими вкраплениями солончаков.

На заднике пейзажа видны два ряда одинаковых домов, собранных из дерева. К столбу прибита доска с надписью: «Совхоз «Целинный».

Лиза приехала в эту унылую степь добровольно, потому что была неудовлетворена своим прошлым положением и жаждала перемен. Сердце ее было раскрыто для неизведанного.

Агроном Василий Б. приехал на целину по воле партии. До этого он жил в столичном городе, работал в теплом кабинете на четвертом этаже. Жена Василия отказалась покинуть столичную квартиру. Агроном поехал в совхоз «Целинный» один и предстал перед Лизой в облике романтического страдальца. А так как роста в нем было 192 сантиметра, то страдал он неоспоримо для самого себя. Стремительно перемещался по земной поверхности, говорил быстро и отрывисто, распорядился мгновенно.

Вот вам и любовь. Степь стала для них первым любовным ложем, и чувства Лизы расцвели, как маки за Соленым бургом.

К осени вдруг похолодало. Начались пыльные бури. Тут на молодых влюбленных обрушилось новое счастье. Агроном Василий Б. получил половину сборного домика с отдельным входом: две комнаты с террасой, так как семья у него была обширная — жена, две дочери и мать жены. Правда, эта женская часть семьи пока отсутствовала, зато числилась по документам, а что главнее?..

И все это богатство вместе с палисадником досталось Лизе. От жены пришло письмо, что до весны она приехать не сможет, так как должна представить к защите диссертацию на кукурузную тему, а девочкам нельзя оставить столичную школу.

Таким образом три стороны треугольника образовали некоторую геометрическую фигуру, весьма широко раскинутую в пространстве, но тем не менее готовую к дальнейшему развитию.

Лиза хлопотала над устройством двухкомнатного рая. Геометрическая фигура совершенствовалась.

Поправка на жизнь.

В сюжет проникает комендантша Александра, сделавшая заявление, что целинный человек должен ночевать там, где он прописан. А Лиза имеет прописку в шестом вагончике, куда она обязана являться до 24-х часов, тогда как третьего дня, в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, явилась к месту прописки в пять часов утра. О чем и свидетельствую.

Лейтмотив бедной Лизы: я счастлива и хочу быть счастливой до конца. Не хочу больше таиться перед подругами, ни перед кем. Любовь не может быть тайной, так как всякая тайна есть проявление силы зла. Тайна не может сделать человека счастливым. Я устала. Ты же сам говорил, что больше не любишь ее.

Лейтмотив агронома Б.— согласен с тобой. Мне нужна только ты. Она предала меня, пусть пеняет на себя. У нас с тобой есть две комнаты и кухня с верандой и палисадником, а больше нам ничего не надо. Начинаем новую жизнь. Пробуем скважину, поставим насос. Как только сойдет снег. Разумеется, до весны придется подождать. Она сейчас кончает диссертацию, это выбьет ее из колеи. Я должен думать о будущем. Мы поделим детей. Младшую, Ирочку, я возьму себе. Ты согласна?

— Конечно,— пылко отвечала бедная Лиза.— У нас будет своя девочка. Но я хочу мальчика.

— А меня ты не хочешь?

Сердце бедной Лизы сгорало от нетерпения. Она поняла: за счастье надо бороться.

Древняя женская мудрость вела Лизу во времени и пространстве. Счастье начинается с отказа от него.

В этот день двухкомнатный шалаш пустовал. Лиза осталась в вагончике, а назавтра и вовсе пошла в клуб на танцы, откуда ее провожал знатный тракторист Павел Г.

Объяснение состоялось на другой день в глухой степи у полевого стана. Агроном исполняет тему: я без тебя не могу, взял отпуск до понедельника, лечу к ней, мы обо всем договоримся, мы же цивилизованные люди, а она вообще без пяти минут кандидатка, я возвращаюсь к тебе свободным человеком, не могу без тебя.

— И я не могу.

Ах, какое это счастье — слияние двух любящих сердец. В воскресенье пришла телеграмма: примите оборудование. А до ближней станции сто сорок километров, всю неделю возились с доставкой оборудования. Отпуск пропал.

Тогда-то и возникла тема письма; трудно сказать, кто заговорил о нем первым. Бывают такие ситуации, когда сливаются не только губы, но и слова.

— Я напишу, напишу, напишу, лишь обдумаю первую фразу, первую фразу, первую фразу. Это очень важно — как начать. Но если ты не хочешь — или не веришь мне, — напиши сама.

— Нет, нет. Я верю тебе. Я себе не верю.

Вот какая возвышенная душа. Это есть кульминация сюжета. Центр тяжести классического треугольника. Куда склонится?

Однажды вечером он взял со стола незаклеенный конверт.

— Я написал. Прочти.

— Как ты сказал? Этого нельзя делать.

Он тут же заклеил конверт языком и облизнул пересохшие губы.

— Держи. Опустись сама в ящик.

— Зачем ты?.. Я не могу. Как же я... Своими руками.

Их губы встретились, такая любовь.

Несколько дней Лиза ходила вокруг и около почтового ящика, не решаясь опустить дешевый серый конверт, уже изрядно помявшийся. И наконец решилась. Воровато подкралась к ящику, оглянулась. С легким шорохом конверт исчез в щели.

Это была щель судьбы.

Холодная метельная зима остается в качестве материала для воображения, ибо развязка приближалась стремительно, она придет до весенних ручьев. Уже куплен билет на самолет, режут моторы, осталось преодолеть последние километры от взлетной полосы до целинного шляха.

Как снег на голову.

Мирный вечер в типовом домике. На электрической плите варится каша. Агроном раздувает печку.

Сюжетная идиллия.

Распахивается дверь. На пороге возникает Она. В каче-

стве варианта можно прилепить к ее руке малое дитя в резиновых ботах.

Законная жена мгновенно оценила обстановку. Раз — первый удар обрушивается на Лизу. Вторая пощечина — на бедного агронома.

Ниже следует монолог свеженспекенной кандидатки наук, возвращенной на бескрайних российских просторах:

—
Начинается финал.

Лиза выброшена на снег. Агроном зализывает выбитый зуб и слезно просит прощения за содеянное. Вслед Лизе летят ее незатейливые вещи: платок, валенки, телогрейка. В заключение на порог выставляется кастрюля с кашей.

Униженная, опустошенная, Лиза поднимается в свой вагончик. Завтра утром она навсегда уедет отсюда.

Всю жизнь меня волновал вопрос, на который я так и не получил ответа:

— Но почему мы так покорны?

4. Диаграмма

Светлана вышла замуж. Ее мужем был Максим. Она звала его Максик.

— Максик, тебя к телефону. Максик, подай книгу. Максик, пойдй вон.

Спустя некоторое время они разошлись. Вторым мужем Светланы стал Наум. Она звала его Миней.

— Миня, тебя к телефону. Миня, подай мне бигуди. Миня, ступай вон.

Третьего мужа звали Арнольдом. Светлана покрикивала.

— Нолик, скорей к телефону. Нолик, подай чашку. Нолик, пойдй погуляй с Дашенькой. Нолик, когда ты станешь человеком?

Максик — Миня — Нолик — что за странный сюжет, зафиксированный в темноте на обратной стороне билета с точным обозначением сеанса — 20.30.

Не помню ни одного кадра. Что я тогда смотрел? Судя по сюжету, это была комедия абсурда.

Все три мужа звали ее Феней.

5. Записки холостяка

(ПОВЕСТЬ В ДВУХ ЧАСТЯХ)

Часть первая

Глава 1

К тому времени, когда я начал мало-мальски разбираться в сексуальном вопросе, выяснилось, что мне это уже не требуется.

(Конец первой части.)

Часть вторая

Глава 1

Тем не менее я настойчиво продолжал свои разработки, уверенно полагая, что в данном вопросе изысканная теория гораздо предпочтительнее, нежели голая практика из отеля «Континенталь».

(Конец второй части.)

6. Тот самый Сарафанов

Да, да, тот самый Сарафанов, которого знали все, ныне почти забытый. Что весьма прискорбно. Сарафанов делал революцию, его знали, а потом забыли, так у нас еще бывает, к великому сожалению. Не храним мы своей великой истории, не помним ее героев, что прискорбно вдвойне.

Сарафанов же делал советскую власть в Москве на Красной Пресне, что зафиксировано во всех учебниках. Он ходил в кожанке с пулеметными лентами, в руках маузер, с помощью которого он беспощадно расправлялся с врагами революции; член партии с 1904 года, это стаж.

А гражданская война! Разве вы не помните, что Сарафанов рубал беляков. Вернулся героем — на вороном коне — на родной завод. Посадили его как героя в контору. Показалось скучно бумажки двигать, сбежал в цех, так и слесарил там двадцать лет, пока это самое, ну что тогда с нами было, сам должен знать. Ну ладно, ничего я не боюсь, как было, так и скажу — попал Сарафанов куда следует, да война его спасла, тогда эшелон оттуда вывезли и напрямик на фронт; загредел Сарафанов в пулеметную роту, попал под Харьковом в новую мясорубку. Осколок мины угодил в левое бедро. Белый билет. Снова он в цеху, точит балванки ради грядущей победы.

Он мне сразу приглянулся, когда я пришел к нему от газеты. Крепкий такой мужичок, голос твердый, революционный. А ну, говорит, снимай пиджак, покажи свой бицепс. Давай, говорит, на ручках померяемся. А теперь, говорит, предъяви свой партбилет.

Долго копался в моей книжечке, расспрашивал, как я плачу членские взносы — в день получки или после?

— Членские взносы — святое дело, — сказал он, прихлопнув мою книжицу.

Подошел к двери, осторожно выглянул в коридор и, повернув ключ, на цыпочках вернулся ко мне.

— Нас обманули, — сказал он важно.

— Когда? — невольно спросил я.

— В одна тысяча двадцать втором. Смотри. — Он достал из бумажника старую затрепанную фотографию. На белой скамье, стоящей в парке, сидели двое: наш основатель и его жена с выпученными глазами.

— Смотри дальше, — Сарафанов раскрыл книгу, лежавшую на столе. Там была напечатана та же фотография, но вместо женщины с выпученными глазами рядом с основателем сидел мужчина с усами — сам понимаешь, еще не основатель, но уже продолжатель. Мы все вздрагивали, глядя на него.

Сарафанов торжественно захлопнул книгу.

— Фотомонтаж. Они мастера монтировать. Все под себя гребут. Мировую революцию обещали? Обещали. А где она, я вас спрашиваю. Вместо мировой революции получилась вторая мировая. Снова обман. В одна тысяча двенадцатом году я сидел в Таганской тюрьме. Камера сто сорок три. Я сидел. Я лично. В полном одиночестве. И у меня была от-

дельная камера — двадцать квадратных метров — и двухразовое питание при горячем блюде. А сейчас, сам видишь, имею эту каморку на восемь метров на пару с внуком — и параша общая. Поэтому спрашиваю — за что боролись?

Это не для печати, меланхолично подумал я, и не стал раскрывать блокнота. Теперь жалею, что не записал. Даю по памяти.

Сарафанов продолжал громить советскую власть и делал это со знанием дела. Я так и не смог опубликовать свое интервью с ним, хотя нуждался тогда в деньгах.

А ведь интервью с ним то и дело появлялись в газетах и журналах — но там Сарафанов все говорил правильно и учил молодежь лучше работать и учиться. Наверное, надо было быть сильным журналистом, чтобы дожать Сарафанова.

Неожиданно он остановился.

— Ты ведь за делом пришел. Тебе на хлеб заработать надо. Валяй, бери Сарафанова, режь на части. А я подмахну.

— Спасибо,— говорю,— мне такого интервью не надо.

— Ишь ты, какой гордый. Зато мы не гордые. Не гордые мы.— с обидой выкрикивал он, провожая меня до дверей.

Сарафанов продолжал мелькать, пошел гулять по президиумам на все случаи жизни. Выходил на трибуну с бумажкой в руках и рубил правду-матку:

— Когда я в одна тысяча двенадцатом году в Таганской тюрьме...

Сарафанов бдительно следил за всеми предстоящими юбилеями и, когда однажды его имя пропустили в списке, учинил громогласный скандал, дойдя аж до секретаря Центрального Комитета.

С тех пор его не пропускали, и он гордо восседал в президиуме в черном костюме с галстуком — усы строгие, острые, нос торчком, взгляд величественный.

Перетрудился Сарафанов. Во время сверхважного государственного доклада, сидя на сцене в первой шеренге, заснул на виду у всего зала. Не было у него привычки спать в президиумах с умным видом — просвистел на весь зал, до дальних рядов.

В зале хохоток. Высокий докладчик смешался. Сарафанова в бок толкают. Тот храпанул еще раз, вскочил — шасьт к

трибуне. А там вроде занято — спросонья не разберешь. Сарафанов выхватил микрофон и свое великое слово выдал:

— В одна тысяча двенадцатом году, когда я сидел в таганской одиночке...

Двое молодцов приподняли Сарафанова под ручки. Инцидент был исчерпан. Сарафанов же отвечал на упреки:

— А ты говори так, чтобы люди не спали.

Было официально объявлено о болезни Сарафанова. А коль человек болен, в президиумах ему не место. Да Сарафанов и сам приутих, спал, сидя в кресле. Вид у него был насупленный: погодите, я вам еще покажу.

И показал. Однажды приехали люди в черной машине, повезли Сарафанова в большой зал, усадили за красный стол. Незнакомый Сарафанову мужчина весь вечер рассказывал о его жизни такое, чего Сарафанов и сам не помнил. Тем не менее он прилежно слушал и кивал головой. Потом и его самого ласково подвели к трибуне. Сарафанов укрепился перед микрофоном и бухнул в зал:

— Фотомонтаж!

Незнакомые люди строго глядели на него. Сарафанов сник головой и продолжал:

— Мне тут дали бумажку, ну я вам зачитаю, только вот очки надену, они у меня розовые, это когда-то были красные...— И далее речь его потекла без помарок.

С юбилеем мы успели вовремя. Слабела оболочка Сарафанова, но не его дух. Он то и дело указывал пальцем в пространство: я вам покажу.

Он умер тихо и мудро, в возрасте 88 лет, славная смерть.

Его хоронили пышно: Он лежал в красном гробу, обложенный цветами, лежал с торжествующим видом, словно говоря:

— Ну что? Что я вам говорил. Все равно вы пришли ко мне.

Я стоял у гроба в почетном карауле, и слезы застилали глаза — уходят такие люди...

7. Девушка, не получающая писем с фронта

Старший лейтенант Григорий З. и капитан Павел В. были в паре оперативными дежурными по Алешинским казармам в Москве, где стоял запасной офицерский полк. Сутки отдежурил, трое суток свободен — а в казарме скукота, карты,

старые газеты, покоробленный бильярд, хотя режим в казармах, как в свободном городе Данциге.

Но куда лететь вольной птицей? Извлекаются на свет номера телефонов, увы, знакомых подружек нет дома, айда на танцы в Парк культуры и отдыха.

Григорий З. хлопает себя по лбу: у меня ведь Зоя есть.

— Кто такая? Это что-то новое. Почему не докладывал?

— Девушка, не получающая писем с фронта. Мы с ней пять месяцев переписывались до самой победы. Беспробудная любовь, миллион поцелуев.

— Звони. Пусть подружку зовет.

— У нее телефона нет, только адрес: Солянка, дом семь. Зачем нам подружка? Знаешь что! — перемигиваясь и хихикая, друзья разрабатывают план боевой операции.

Сюжет стремительно насыщается деталями 45-го года. Друзья уже в автобусе, спешат на Солянку. В распоряжении автора не более шести остановок, пока автобус ползет пульсирующими толчками по городу.

Значит так: девушки, не получающие писем с фронта, появились во второй половине 1944 года, когда четко обозначились временные рубежи нашей грядущей победы: вот-вот! Наши доблестные войска устремились вперед на запад, одновременно удаляясь от родных пределов. Кто первым начертил на солдатском треугольнике такой адрес? В сущности, все великие открытия остаются анонимными. Однако в самый короткий срок эта патриотическая эпидемия охватила все фронты от Белого моря до Черного.

Все крайне просто, почти на уровне примитива. Славный воин-победитель пишет письмо не менее славной труженице тыла, как правило в родные края, дабы найти сердечные утешения как можно ближе к дому. Ответ приходит незамедлительно. Короткое, быстрое прощупывание намерений — и вот уже клятвы до гроба. Десятки тысяч сердец обрели любовь в результате такой переписки. Но случалось и так, что клятвы до гроба тем и заканчивались: воин героически погибал, не дойдя до победы. И девушка, не получающая писем с фронта, как бы становилась почтовой вдовой. Но соединившихся сердец, повторяю, было неизмеримо больше.

Не остался в стороне от этого патриотического движения и наш герой Григорий З.

Город М. Институт иностранных языков. Девушке, не получающей писем с фронта.

Шансы на успех были стопроцентными. Фронтной треугольной была перехвачена нетерпеливой девичьей рукой прямо на Центральном почтамте. Понятное дело, это и была рука Зои С.

«Береги себя,— писала она,— не лезь под пули, и когда закончится война, ты приедешь в наш славный город М., я встречу тебя, и мы задохнемся от счастья. Целую тебя 1.000 раз». В каждом новом письме добавлялось по нулю.

Тут и войне конец.

— Зоя С.— 4 звонка.

— Значит так. Ясно?

— Договорились ведь.

— Звони четыре раза.

Девочка-первоклашка провела их по коленчатому коридору. И вот перед Зоей С. встали в парад, грудь колесом, оба чубатые, наглые, орденоносные. А Зоя — ой! ой! кто же это ко мне? В ситцевом халатике, только что пришла со смены, почему же вы не предупредили? Такая радость!

Вот, Зоя, мы оба перед тобой, а ты теперь возьми и угадай, кто из нас Григорий З., с которым ты переписывалась как девушка, не получающая писем с фронта. Кому ты писала: люблю и целую по сто нулей.

Выбирай, Зоя.

А сама вроде ничего. Щуплая, правда, почти худышка — на тыловом-то пайке. Но все при ней — так и проглядывает под халатиком. И в глазах что-то мерцает и светится. Как она писала, захлебываясь от слов: «Мечтаю встретить такого человека, чтобы на всю жизнь».

Девушка в халате первой хихикает. Ой, что же вы со мной делаете? Как я могу угадать. Кто писал — пусть сам скажет.

Или по почерку.

Мы тебе писали, Зоя.

— Как? Оба? Так не бывает. Вы же из разных родов войск, я вижу.

Не отвлекаться, Зоя. Вот мы оба перед тобой. И оба с открытой душой. Говори — который. Вперед, в атаку. Победа все спишет.

Не могу я так. Зачем вы меня терзаете? А сама присматривается, глазками так и зыркает, с меня на Пашу, обратно на меня.

И все хватается за спасительную идею: давайте по почер-

ку. Вот они письма, в шкатулке лежат, это еще бабушкина шкатулка...

Но мы ребята brave, у нас фронтовая дружба, смертельный номер. Ну что же, Зоя Если твое сердце молчит, значит, не судьба.

Полный поворот кругом, строевым шагом — марш! Топ-топ!

— Стойте, я узнала. Ты — Гриша.

И указала рукой на Пашу.

— Зоинька, любовь моя.— Эта зараза Павел бросается к ней, она к нему, они уже прилипли друг к другу.

Сколько нежных слов, сидя в окопе, придумал я для этой Зои. А она уже щебечет. Все достанется другому.

— Сейчас я вас чайком угощу.

Но фронтовой закон справедлив и суров. Слово боевого офицера Григория З. И я решительно шагаю в сумеречный коридор.

И в то же мгновение ключ щелкнул за его спиной, словно разрыв гранаты.

Сорок лет спустя, лежа в ветеранской палате на 22-м этаже в раковом корпусе и умирая в тяжелых муках после четвертой операции, он вспомнил Зою С., свои письма к ней, сговор с этим придурком Пашей — а ведь ни разу не вспоминал...

Ой, какая боль. Как стыдно! Зачем я это сделал — зачем?

Щелкнул ключ. Хлопок гранаты. Хлопок, разрыв. Сестра, сестричка...

Но боль не проходила даже от уколов.

8. Наш друг Рауль

Скажите, неужели это правда, что они до сих пор в подполье? Конечно, я читаю газеты, у них в стране диктатура, но ведь прошло уже шесть лет, вы только представьте, шесть лет мрака и безнадежности. Что? Вы говорите, что надежда всегда есть. Но если она не сбывается, то это уже не надежда, а что-то другое. Шесть лет без права переписки — теперь то мы знаем, что это такое. Он так и сказал мне в аэропорту в последний день «Не жди, сказал он, я никогда не напишу

тебе. Теперь я понял, так говорил он, что наше дело безнадежное, но другого дела у нас нет». И повернулся ко мне с внезапно белой бородой. Я похолодела от страха.

Монолог Маргариты Ч. в этом месте прерывается, дабы сюжет мог вернуться к истоку.

А начиналось с высшего съезда, порядковый номер которого в данном случае не имеет значения. Съезд правящей партии собирался в нашем городе М. Съезд был очередной, и готовились к нему основательно. Ждали гостей из многих стран. Преподавательница иностранного языка Маргарита Ч. была вызвана в некий дом, который пишется с большой буквы — Дом. В этом Доме Маргарите сказали, что она будет работать вторым переводчиком у товарища Рауля, который будет гостем съезда. Никаких вопросов, интервью, фотографий и фотографирований. Абсолютная конспирация. Если Маргарита увидит нацеленный на товарища Рауля объектив, она должна закрыть нашего друга своим телом, так как товарищ Рауль там, в своей стране, объявлен вне закона. Поэтому бдительность и чуткость. Любое требование или даже легкое пожелание со стороны товарища Рауля должны исполняться незамедлительно и безоговорочно. Все условия для этого будут созданы.

Через день они встретили Рауля прямо у трапа. Это был самолет Аэрофлота, прибывший почему-то из Сухуми. Черная «Волга» стояла рядом. Рауль спустился по трапу и тотчас направился к машине, словно знал ее номер заранее. С ним был небольшой плоский портфель, чемодан привезли на другой день прямо в гостиницу.

Маргарита Ч. была напугана и ничему не удивлялась. Едва они вошли в номер, наш друг Рауль первым делом обшарил все углы и шторы, заглянул под кровать. Ванная комната привела его в состояние аффекта. Он потребовал объяснения от каждого крана и каждой ручки, а встретив ее недоуменный взгляд, пояснил с виноватой улыбкой.

— Три последних года жил в хижине высоко в горах, вода из ручья, мясо на костре.

С каких гор он спустился на московскую землю? Из какой страны? Сколько ему лет? И вообще — Рауль ли он?

Маргариту разместили в соседнем номере, похожем на комнату для прислуги — питание по талонам: получите на три дня вперед. Рауль сказал, что будет отдыхать после дороги и позвонит ей, как только проснется.

Ничему не удивляйтесь, он спал шестнадцать часов.

И прямо на полу, подстелив под себя одеяло. Свернутый ковер нелепой трубой стоял в углу.

Он попросил молока и хлеба.

— самого грубого,— сказал он.

Принесли три сорта черного хлеба. Больше всего ему понравился «бородинский».

— Это хлеб моей хижины,— сказал он.

Она ничему не удивлялась. Она работала. У нее выявились повышенные способности к синхронному переводу, и эта неделя определила всю дальнейшую жизнь Маргариты Ч.— она стала штатным переводчиком в Доме.

Однако один раз она все же сильно удивилась, когда председательствующий на вечернем заседании предоставил слово генеральному секретарю энской коммунистической партии товарищу Раулю Сан Полимо. Она почти машинально сказала эти слова в микрофон на испанском и тут же увидела из своей синхронной кабины, как Рауль поднялся со своего места и пошел к трибуне. Она просто похлодела от этих слов, которые сама же и произнесла, хоть и на другом языке. Но пока Рауль шел к трибуне, Маргарита полностью пришла в себя, и голос ее был спокоен, и перевод безупречен. Рауль произнес пламенную речь. Ему аплодировали бурно.

— Вот, собственно, и все,— тихо закончила свой рассказ Маргарита Ч.— За эти дни я влюбилась в него без памяти, как последняя десятиклашка. Ну вот — вас больше всего интересует конечный результат. Так и быть, постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Все эти дни мы были практически неразлучны. Ездили за город, были в цирке, на балете. Он был отзывчив и весел. И не делал никаких попыток, хотя теперь он спал нормально, в кровати, и ел готовые блюда за обеденным столом.

— К этому привыкаешь за два дня,— сказал он.— Но лучше, если этого нет. Когда в руках у человека много сортов мыла, он меняется, думает не о чистоте, а о самом мыле.

Мы ни разу не пили вина, хотя я предлагала ему, переводя названия вин из меню. Он не курил: для революционера это непозволительная роскошь.

И вот мы вернулись с балета, вернее, прошли пешком через площадь по ночному городу.

Послезавтра отлет. Теперь или никогда, отчаянно решила я, доставая из холодильника бутылку шампанского. Я пила одна.

— Пойми меня,— говорил он.— Я не имею права на это.

— Зато я имею на это право,— сказала я. Подошла к лампе и выключила свет. Он кинулся ко мне.

Мы ехали в черной «Волге» в аэропорт. Билет у него был до Лондона через Хельсинки и далее в Торонто, я сама оформляла этот маршрут. Паспорт, виза — все было фальшивое. Он доедет в автобусе до центра Торонто, сойдет у Южного вокзала, смешается с толпой прохожих и растворится в густом настое чужих лиц, походок, голосов. Он растворится без остатка — ни шороха, ни звука.

Мне сделалось зябко.

— Отвернись,— сказал он мне в спину. Голос его стал глухим и вязким.

Он обернулся ко мне. Седая фальшивая борода совсем не старила его. Он рассмеялся и сказал.

— Дальше я сам. Пойду бороться за наше безнадежное дело. Но теперь мне будет трудно, гораздо труднее, чем было раньше. Ведь я уже прожил две недели после победы. Не скажу, чтобы это было плохо, но это совсем другая цель.

— А я? — жалобно проблеяла я.

— Спасибо тебе. Я буду писать тебе письма, которые тебе не суждено получить.

Он ушел под навес в пелену молочного света. Я сидела в машине и молча сглатывала слезы, они были совсем солеными...

9. Второй рассказ Маргариты

Страшная история, право, не знаю, стоит ли рассказывать? Перегрузки памяти, реанимация страха. В любом случае предупреждаю: я Маргарита, но не Ч.— я Маргарита У. С Ритой Ч. я, правда, знакома, но весьма отдаленно, скорее, это случайная встреча под общей обложкой, так сказать: знакомы страницами. Рита Ч. застегнута на все пуговицы, а я распахнута. Рита Ч. согрешила — и тут же юрк в подполье. А я готова для нового греха.

А в тот год мне вообще море было по колено — только что разошлась с Вадимом и решила проветриться. Подвернулась горящая туристская путевка: круиз вокруг Европы, из города Л. в город О.— 24 дня, каюта первого класса. Советуем прибыть на теплоход за шесть часов до отплытия.

Как сейчас помню: мы отчалили из города Л. в 17 часов, а в 22 часа я уже познакомилась с Борисом, когда тот вышел на палубу и остановился в трех метрах от моего шезлонга. Ослепительно теплый вечер. Солнце уже зашло, на море легла лунная дорожка. Такая лирика.

По-моему, мы с ним поцеловались первый раз в ноль часов тридцать минут; я уже начинала утрачивать представление о времени, ну а дальше вообще ничего не считала. Он был красив, как молодой мустанг, и спортивен, как судья на ринге. И при таких данных работал барменом на нашем теплоходе, странно, не правда ли? Я сразу почувствовала: что-то тут не так. Но мне уже было не до того.

Спокойно — скоро все разъяснится, ведь это не постельный сюжет, отнюдь. Прогиворечия сюжета называются интригой, это разрешено литературоведением.

Рита Ч. расплатилась страхом; худший вид кредита. Мой случай гораздо банальней, я расплачивалась собственной верой.

Первая остановка была в Копенгагене. Я попала в седьмую группу. Автобус набрал скорость и покати по автострате № 62. Тут самое время описать моих попутчиков, один из них уже положил на меня глаз, но тут же был поставлен на место. Однако законы сюжета не дают мне повода глазеть по сторонам.

Где же Борис — мой молодой мустанг? Увы, остался на теплоходе, он же бармен, так сказать, обслуга — ему судьба стаканы мыть.

Теплоход следует по маршруту. Море штормит. На палубе мрак и холод. Я спустилась в бар. Там танцевали две скучные пары. За стойкой стоял незнакомый парень, явно не молодой мустанг, даже не пони.

Борис вломился в мою каюту во втором часу ночи. Он был мертвецки пьян. Я в ужасе отшатнулась, ударила его по щеке. Он уполз на бровях. Я рыдала в подушку: отчего я такая невезучая? Прошло около часа. Стук в дверь. Он стоял передо мной в смокинге и был трезв как стеклышко.

Я остоленбелла:

— Что такое? Откуда ты? Ты же только что был у меня на бровях.

Он засмеялся, как умел смеяться только он один. Вы слышали, как смеются мустанги?

— Тебе приснилось. Я только что освободился.

— Ты был на берегу? — спросила я сдуру.

— Я выбрал вертолет и с ним воздушное пространство,— отвечал он, приближаясь ко мне.

Круиз вокруг Европы грозил затянуться одним затяжным поцелуем, от отвала до причала. После каждого порта он неизменно приползал на бровях, моля о пощаде. Я уже не гнала его, ибо начала понимать: просто так ничего не бывает.

Да, это был круиз вокруг собственных проблем. Все Парижи и Римы отвалились в сторону, передо мной остался Борис с его трагической судьбой. Что с ним происходит?

Есть мужчины, которые быстро и нехорошо пьянеют. Борис был из другой породы: он быстро, почти мгновенно трезвел. Я пыталась достучаться до его души, но он умело уходил от любого вопроса. Мне доставалось одно его тело.

А что еще я могла получить?

И вот мы отвалили от последней стоянки. Впереди родина, город О.

Стук в дверь. Я ждала его. Он появился в смокинге, суровый, недоступный. Мое сердечко так и екнуло — мне тут ничего не отломится. За что такая напасть?

Он подошел ко мне, поцеловал руку.

— Маргарита,— начал он торжественно.— Завтра наш теплоход прибывает в город О. Спасибо тебе за все. Нам пора объясниться.

— Наконец-то я узнаю твою страшную тайну,— усмехнулась я.— Можешь не волноваться. Я пройду мимо вас молча и гордо.

— Увы,— сказал он из глубины.— На причале меня никто не будет встречать. И меня самого там не будет.

— Но мы же уже никуда не заходим,— испугалась я, в ту же минуту поняв, что именно так и случится.— Ты не можешь сойти.

— Я сойду,— повторил он.

— Ах, вертолет, я и забыла.

— На этот раз это будет морская стихия. Мне подадут подводную лодку.

— Одноместную? Или...

— Брось паясничать, я говорю с тобой серьезно. Меня не будет ровно два года. Но потом я вернусь и найду тебя. Клянусь.

— Так вот чем ты занимался на стоянках,— неудержимо

воскликнула я.— Думаешь, я не знаю. В Марселе я видела, как ты садился в машину. Боже, мне страшно. Я люблю тебя. Умоляю, не делай этого, мне страшно.

— Маргарита, послушай меня. Я признаюсь — только тебе одной. Это боевой приказ. Но возможность провала практически исключена. Схожу с корабля, в порту меня ждет машина. Еду в соседнюю страну, в город Н. Там выполняю задание и быстренько возвращаюсь на родной корабль. Все предельно четко. У меня абсолютное алиби, я чист. Только горло иной раз пересыхает, хочется его промочить. Вот и вся работа.

— Нет, нет, умоляю тебя.

— А сейчас вообще будет спокойная жизнь: Я залягу на дно.

Я слышала как щелкнул замок в двери. На столе лежал забытый портсигар. Я машинально открыла его и вскрикнула. Среди сигарет там лежали две стреляные гильзы от пистолета.

В каюте горько запахло порохом.

10. Воздушный директор

Глава I

— Кто на проходной, Лена?

— Махонин. Только что заступил.

— Он предупрежден?

— Говорила с ним лично, Павел Исакович.

— Хорошо, Лена, соедини меня с Гинзбургом.

От проходной до заводоуправления триста метров открытого пространства. Плюс три этажа, на лифте или пешком. Следовательно, имеем в запасе от четырех до пяти минут — физический баланс жизни. Если они пройдут или проедут через проходную и Махонин даст знать об этом, можно спуститься по запасной лестнице прямо в механический цех — а что дальше? У них, вне всякого сомнения, будет страховка. Но они сюда не приходят, во всяком случае — еще не приходили. Они приходят домой. И только ночью. Вот какие смелые ребята.

- Лена, где же Гинзбург?
- Павел Исакович, Гинзбург на работу не вышел.
- Так позвони домой.
- Квартира не отвечает.
- Дай мне Зубова.
- Павел Исакович.— Она помолчала.— Зубов тоже не отвечает. Только что его спрашивал главный инженер.
- Хорошо. Как ночная смена?
- Вторая позиция — без отставаний. Собрано три штуки. Сейчас они подпишут сводку и принесут вам.
- Вот так. Они хватают одного за другим, вытаскивают из теплых постелей, а работа идет, как и шла — по графику.
- Две штуки убраны.
- Три штуки собраны.
- Ха-ха! В этом нет ничего смешного.
- Павел Исакович Рубинчик тяжело сидит за столом. Мыслей нет.
- В кабинет входит Грязнов, парторг ЦК на заводе. Работают вместе еще с войны, более десяти лет.
- Лицо Грязнова пересохло от забот, походка надломилась, он долго идет от двери до стола, неловко вползает в кресло.
- Павел — пора! — И голос осекся.
- Тебе звонили?
- Гинзбург, Зубов. Кроме того, взяли Неймана из министерства.
- Неймана-то за что?
- За то же самое, что и других. Завтра они начнут давать показания.
- А ты? Готов?
- Я останусь до конца. Ведь кроме показаний надо давать самолеты. Как будет, так и будет.
- Весьма жизнеутверждающая философия. Именно такая нужна нам сейчас.
- Павел, не медли.
- Наплыв: портрет Сталина в форме генералиссимуса, висящий на стене. Портрет сдвигается в сторону, за ним — дверца несгораемого шкафа, вмонтированная в стену. В несгораемом шкафу стоит фибровый чемоданчик — он припасен в дорогу.
- Я тебя ни о чем не спрашивал, ты мне ничего не говорил. Пойдем, я отвезу тебя на восьмой километр.

Глава II

Третий месяц в бегах. Бывший директор Павел Рубинчик стоит за буфетной стойкой и поглядывает в окно на летное поле. По радио передают объявления о самолетах.

Следует вариация на знакомую тему, уже однажды мелькнувшую в старых сюжетах — один человек в одной стране. Вот вам ваша страна, от Бреста до Владивостока — и будьте свободны.

Павел Рубинчик спешит к самолету. Посадка заканчивается. В руках Рубинчика красная книжица, подписанная министром. Стюардесса услужливо пропускает его, потом подходит к нему с подносом.

Риск, конечно, был. Стоило летчикам дать радиogramму в пункт назначения, и эти бравые мальчики тут же ждали бы его у трапа. Но такого не случилось ни разу, ведь Рубинчик летал на своих самолетах.

Воздух был пропитан предательством и страхом.

Он прилетел в город Р. перед вечером и, когда стемнело, пошел на Красную улицу к Ирине. Та увидела его и заплакала:

— Я знала, что ты придешь,— сказала она, не просыхая от слез.

Он остался у нее ночевать и все было, как прежде. Утром он неожиданно проснулся от внутреннего толчка. Ирины рядом не было. Ее не было вообще в квартире. Он подошел к окну и увидел ее на той стороне улицы, она выходила из будки телефона-автомата.

«Я знала, что ты придешь»? — при чем тут женская интуиция. Ничего она не знала, просто ее предупредили, что я могу прийти. И взяли подписку: как только появится ваш бывший муж, немедленно звоните нам.

Он ушел через черный ход и уехал из города Р. в поезде.

В гостинице города М. он жил в двухместном номере с подозрительным типом, то и дело подбегавшим к двери и слушавшим шаги в коридоре. Глубокой ночью в кромешной тьме Рубинчик проснулся оттого, что его душили за горло. Рука была дряблой, неустойчивой. Рубинчик легко сбросил руку и закурил ее. Кулак провалился в теплый хнычущий кисель. Сосед упал на Рубинчика, прочитая.

— Шпионишь за мной. Тебе не жить.

В городе О. ему пришлось устроиться в заводском общежитии. У входа в Дом культуры висела цветная афиша:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ПОЭМА О ПИОНЕРЕ-ГЕРОЕ
ПАВЛИКЕ МОРОЗОВЕ.

ЧИТАЕТ АВТОР. ВХОД СВОБОДНЫЙ

Народу было не густо, но тем не менее они слушали, и благообразный седой старик размахивал руками на сцене, читая стихи.

В С-ке он увидел, как на улице избивают женщину. Рубинчик схватил хулигана за руку, подоспел милиционер, и сам Рубинчик был тут же схвачен за шею в обхват. Он оказался в отделении милиции. Дежурный привычно спросил:

— Ваш паспорт.— И руку тянул прямо к лицу.

Спассти его могло лишь чудо. И таковое случилось. Тот задира, который бил женщину, ринулся к окну, выломил раму, прыгнул на улицу. Все кинулись за ним. Про Рубинчика забыли. Он спокойно вышел на улицу и сел в трамвай.

В городе М. он не выдержал, заказал московский номер телефона. К телефону подошла дочь. Он молчал.

— Папа, это ты? Что же ты молчишь? Папа, я же знаю, что это ты. Скажи мне, что ты меня слышишь, ну скажи мне, скажи...

Он тут же поехал на аэродром, петляя по городу, чтобы сбить со следа возможных преследователей. Прилетел на юг, в город Т. Начиналась весна, было начало марта.

Эксперимент на тему: одна страна — один человек подходил к концу. Эксперимент оказался мнимым: у человека не было ни единого шанса в его противостоянии со страной. Лица, подпавшие под эксперимент, как правило, спускались в канализацию.

Он дремал на лавке в зале ожидания. Внутренний толчок. Прямо на него, растопырив руки, шли шесть милиционеров. Они играли в жмурки. А он был жмуриком. Милиционеры рассеялись, слившись с пассажирами. Он сидел на жесткой деревянной скамье, смотрел стеклянными глазами и ничего не видел.

Он думал: страх поступает в меня со всех точек пространства. Страх без лимита. Это такая страна, где нет дефицита на страх, все остальное по карточкам.

Но что можно создать из страха? Как будет работать самолет, собранный из лучших сортов страха? Он просто не взлетит. Он будет биться мелкой дрожью — и останется на

старте. Такая машина способна работать лишь на разрушение — носом в землю. Машина, сотканная из страха, разрушает не только себя, но и все окрест.

Я должен перешагнуть через свой страх. Пусть не спасение — но страдание. Пусть клетка — лишь бы не стало страха.

Но страх продолжает поступать на сборку, идут милиционеры с завязанными глазами, раскатывается бесконечный моток колючей проволоки.

Конвейер страха и смерти.

Глава III

— Доброе утро, Лена. Соедини меня с Гинзбургом.

— Гинзбург слушает. Доброе утро, Павел Исакович.

— Доложите обстановку, Наум Львович. Как прошла ночь?

— На сборке кончились патрубки. Пришлось искать замену. Теперь патрубки привезли, к обеду отставание нагоним.

— Лена, дай мне Зубова.

— Зубов на проводе, Павел Исакович.

— Сколько двигателей проверено? И где обещанная докладная? Как мы будем повышать ресурсы двигателей? Помоему, вы обленились там, на отдыхе, Иван Семенович, придется приводить вас в чувство.

— Павел Исакович, есть идея, я как раз там и придумал, на отдыхе. У меня и наметки сделаны. Но я хотел бы сначала поделиться лично с вами. Выкройте мне минуту.

— Записываю: шестнадцать десять. Двадцать минут вам хватит?

— Спасибо, Павел Исакович, я все принесу.

— Вас просит Катюша.

— Папон, я тебя поздравляю. У тебя не такая никчемная дочь, как ты думаешь.

— Сколько?

— Восемь.

— Две четверки?

— Пять и три.

— Кто ты есть, если ты способна радоваться тройке?

— Зато какая тройка! По географии. Я ей сказала, что город С. от Москвы ближе, чем Т.

— Но это же абсурд.

— А откуда ты мне звонил? Уже не помнишь?

— В самом деле. И куда только все это испаряется. Мировая загадка.

На этом звуковом фоне возникает окружающее пространство, огражденное стенами кабинета. Это тот же самый кабинет, который мы видели вначале. Взгляд скользит по книжным полкам. Между полками — несгораемый шкаф. Дверца шкафа закрывается, перед нами тот же портрет, который мы уже видели. Генералиссимус обвит черными лентами.

— Папа, где же ты? Куда ты пропал?

— Я здесь. Никуда не отлучался. Только заглянул внутрь самого себя.

— Ты не забыл? Сегодня мы идем к бабушке. Я уже приготовила твой черный костюм.

— Спасибо дочка. Постараюсь прийти вовремя. Как ты думаешь: мне пойдет черное? Кое-кому очень идет.

11. Дочка лесника

Николай Л. крупно поругался с женой и скрылся от нее в сарае. Кажется, она не заметила, как он перебежал через двор. В любом случае, десять минут у Николая в запасе.

Предлагаю на выбор пять вариантов семейных ссор, хотя в практической жизни число это может быть бессчетным.

1) Из-за денег (до и после полочки) — 33,5 процента

2) Где ты шлялся? — 25,0 процента

3) Почему носок с дыркой, посуда не мыта, где штаны извазюкал? — 12,5 процента

4) Опять нафунял в туалете — 8 процентов

5) Прочие причины — 22 процента.

Сердце постепенно успокаивается: как хорошо быть одному. Перед Николаем стоит стакан, переполненный воспоминаниями. Николай нетерпеливо ждет: ну скорей же.

...Ханка появлялась после первого стакана, когда на донышке береглась самая ценная малость, однако не меньше, чем на полпальца. Возникало лицо Ханки или какая-то ее часть, после этого Ханка не уходила и был лишь один человек, способный ее прогнать.

Ханка была близкой и такой реальной, что Николай иногда не выдерживал и окликал ее.

— Ханка, ты меня слышишь? Иди сюда.

Но слышала ли она?

Он словно бы очнулся от глубокой дремы и крепче сцепил поводья. Сколько он пребывал в таком состоянии? Лошадь шла через лес уверенно, впереди была дорога, постепенно переходящая в тропу.

Николай Л. отвозил в полевой госпиталь своего начальника разведки и теперь возвращался в родную часть на вороньей мерине Султана.

Шел 1944 год, осень. Советские войска наступали по Польше. Николай Л. догонял своих.

Скоро он понял, что заблудился. Но тем не менее продолжал двигаться вперед на звук канонады.

Что вело его вперед? Ответ один — судьба.

Да что там объяснять. Действительность не требует мотивов. Лес становился все сумеречней. Вот и дом показался за высоким забором, сложенным из бревен. В окне горел свет.

Хозяин встретил его с угрюмой настороженностью, как и полагается по закону сюжета в военное время. Пылала печка. На печи — чугунок с картошкой.

Выпили — крикнули. Тут же повторили. Похоже, старый лесник жил в лесу один и порядком одичал на безлюдье. Николай собрался в дорогу — догонять своих. Хозяин предложил ему остаться на ночь. Николай колебался.

Тут послышался топот лошади, быстро приближающейся к дому.

И распахнулась дверь — явилась Ханка. Как она всегда являлась из стакана.

Она сбросила черный дождевик и осталась в пестром ситцевом сарафане, из которого она явно выросла. У меня аж сердечко забило: какое изобилие, все в обтяжку, ни единой морщинки. Ее распирало от плоти: все открыто, все доступно — и все тайна. То ли сказка, то ли сон.

Вот вспомнил — и снова горло пересохло, срочно требуется промочить.

— Чья это лошадь там во дворе? — спросила она громким гортанным голосом.

— Пока ты проверяла капканы в лесу, — отвечал отец, — я нашел тебе жениха.

— Это русский жолнеж? — она хмыкнула.

— Польские жолнежи все разбежались, а это пан капитан, — ответил отец.

Вот так и началось, я ничего не придумал.

Во-первых, боже, как она хороша. До сих пор остается совершенно неясно, каким образом в этой дремучей пуше могла возникнуть такая красота, сравнимая лишь с образом богини. Но с другой стороны, только в диком лесу и могло возникнуть подобное чудо.

Во-вторых, она оказалась девушкой. Тем краше была ее любовь и благодарность. Николай Л. как бы принимал на себя дополнительные обязательства по сохранности доверенного капитала.

Казалось, волшебная ночь никогда не кончится. Отец сам устроил их в старой спальне, перекрестил — и ушел.

К утру Ханка доказала, что умеет не только отдаваться, но и брать. Это почти молниеносное превращение девушки в женщину было таинственным и волнующим.

Николай Л. никак не мог прийти в себя от волнения и счастья. «За что Господь одарил меня такой ночью?» — с умилением думал он, глядя на белое тело Ханки, и с новой яростью набрасывался на нее.

Утром старик постучал в дверь спальни.

— Завтрак остывает, — сказал он.

Николай торопливо оделся, натянул сапоги, попрыгал на месте. Прыгучесть была в норме.

Ханка замешкалась в спальне, видимо, не без умысла.

На сковороде дымилась яичница на двенадцать яиц.

— Ночью совсем не стреляли, — сказал Старик. — Было тихо.

— Значит, наши ушли вперед, — сказал Николай Л. — Надо догонять своих.

— Разве тебе плохо здесь? — Старик был обижен.

— Я солдат, — коротко ответил Николай Л. — Война еще не кончилась.

— Зачем тебе эта война? Ты свои ордена заработал.

— Я вернусь. Непременно вернусь, к твоей дочери и к тебе. Но сначала должна кончиться эта война.

Ханка с плачем выбежала из спальни.

— Отец, я согласна, чтобы он был моим женихом. А ты? Я не отпущу тебя на войну.

И он остался, скованный ее руками. Уже и обед прошел,

и солнышко за лесом садится. Пора ехать. Николай вышел из дома: а где же Султан?

— Я не знаю.— Старик пожал плечами.— Два часа назад был здесь. Не волнуйся, он придет. Лошадь умная.

— Я пойду искать его,— объявил Николай Л.

— Куда ты спешешь? Зачем? Я тебя спрячу в лесу, ни одна живая душа не найдет.

— Вот оно что,— сказал Николай Л. и снова остался.

Ханка щebetала, как птичка на зорьке. Коханный мой, кохай меня. Как ты хочешь? Как тебе сделать?

— Надень сарафан. Я хочу так, как первый раз тебя увидел. Сними сарафан. Иди сюда.

— Покажи мне что-нибудь еще. Нет, я сама придумаю. Вот так? Или так?

Это были скачки без препятствий. А Ханка была застоявшаяся лошадь, то и дело срывающаяся в галоп.

На второе утро он услышал далекую канонаду. Она звучала глухо, как внутренний голос Николая Л.— постепенно затихая.

Может, и впрямь остаться тут, в этом диком лесном доме? Пусть они дерутся, убивают друг друга, получают ордена и раны. А я останусь, тут, выучу язык, получу документ.

Я счастлив — и это не сказка. Зачем же я должен бежать от своего счастья?

Видно, я хороший человек, если Бог послал мне такое.

Султан нашелся, сам пришел.

А как же мои боевые друзья? Они ждут меня, я должен бежать отсюда.

Он осторожно выбрался из спальни. Ханка спала, чмокая во сне распухшими губами.

Султан стоял на привязи в конюшне. А где мое седло?

— Зачем тебе седло? — спросил Старик.— Поедешь так. Ты найдешь себе новое седло в любом доме.

— Я не собираюсь уезжать. Просто хотел посмотреть на лошадь: поена ли она..

И он остался в третий раз, и любил Ханку бесконечной любовью, которая к тому же оказалась вечной, ибо он любил ее всегда, и завтра, и послезавтра, и в будущем году и через десять лет. Любил всю жизнь. И эта любовь не убывала, хотя ее становилось все меньше.

Ханка не старела. Она была все такой же, любимой, желанной, ненасытной, бесстыдной, распластанной перед ним.

И он был с нею сам не свой, никогда не думал, что в нем хранилось столько нежности.

И была ночь. И было утро. И был день.

Старик качал головой:

— Вот какой русский пан. У меня будет добрый внук.

И пришел вечер. Они ужинали втроем, ели курицу. И снова распахнулась дверь, и на пороге возникла женщина в шинели.

Это была Клавдия, старшина медицинской службы.

Трах! Первую пощечину получил Николай Л. Вторую — Ханка. Напор Клавдии был мощным и справедливым. Сопротивления с противоположной стороны не последовало. Силы были неравными. Поверх шинели на ремне болталась кобура с пистолетом.

— Русская жинка приехала, — сказал Старик. — Садись с нами за стол.

Ханка беззвучно рыдала. Клавдия хватанула стакан самогона, уткнула курицу. Они уехали.

Вот и все. Но оказалось, что ничего не кончается. После войны он порывался к Ханке, Клавдия не пустила. Жизнь на войне была трудной. После войны не стало легче. Николай Л. работал на заводе плановиком, ввязался в драку, получил срок, Клавдия поехала в ссылку за ним. После срока обосновались в областном городе при заводе, получили малосемейку. Детей не было. Денег не хватало.

Клавдия старилась, располнела, утопталась, грубел голос. А Ханка была как прежде — юной и прекрасной. И плоть выпирала сквозь ситец.

Николай Л. поднял стакан и допил самую ценную малость. Ханка не уходила. Ханка всегда была с ним, хотя с течением лет ее приходы становились все более трудными.

Клавдия знала о Ханке и боялась ее, срывая свою боязнь за умешкой.

— Опять пошел к дочке лесника? Давай, давай, она тебя заждалась.

А Ханка не уходила. Она приближалась, обвиняла его руками, вбивалась в губы, высасывая его. Голова Николая Л. не выдерживала этой муки и тяжело опускалась на стол.

Клавдия подошла неслышно, погладила его по плечу.

— Ну, чего расселся? Пойдем, пойдем. Я сметаны достала, сырников напекла.

Он неловко ткнулся губами в ее шершавую ладонь.

12. Разговоры вдоль забора

Длина забора — 55 шагов. Собственно, это не забор, а простой штакетник, хорошо проевечивающий и пропускающий звук.

А тут все дело в звуке.

Забор достался мне в качестве бесплатного приложения к террасе и двум комнаткам, которые мы снимали в тот год за 400, кажется, рублей.

Улочка вела к станции, все время в течение дня мимо проходили люди с поезда, или в обратном направлении — на поезд.

Между террасой и забором висел гамак, оказалось, что это самая удобная позиция. Отсюда я слышал все разговоры вдоль забора.

Важно, чтобы это был разговор длиной в 55 шагов.

Я лежу в гамаке и ничего не делаю. А гонорар сам в руки плывет.

И я могла бы

Он и она.

— ...всегда в отлучке. А я тут маюсь.

— Ты же сама выбрала.

— Хорошо раньше было. Никаких авосек. Люди жили в своих поместьях. Зимой — в городе, летом — на природе. Можно было работать над собой, совершенствовать свою культуру. А тут кухня, стирка, авоськи.

— Ах, Лена, ты забываешь о том, что таких людей с поместьями обслуживали десятки слуг, крепостных.

— Ну и что же? Зато они жили хорошо и свободно, повышали свой уровень. И я могла бы...

— Кто знает. Ведь ты могла бы оказаться среди тех, кто обслуживает.

— Конечно, от тебя никогда не дождешься доброго слова.

Мушинные агенты

Он и он.

— Ты привез? Сколько лент?

— Придем домой, покажу — сам сосчитаешь.

— Вчера было сто сорок две штуки, а нынче всего тридцать одна...

— Я же говорил, их уже стало меньше.

— Их мириады, ты же видишь. И они делают все, что хотят. Я наблюдал за ними, они попадают туда и начинают сучить ножками, быстро-быстро, как в кино. И почти сразу она освобождается и улетает. Потом она летит к другим и хвастается перед ними, как она освободилась. Я сам видел.

— Не фантазируй. Все гораздо проще. Просто мы не в состоянии сделать так, чтобы все держалось. Когда все разваливается, в первую очередь теряет силу клей для мух...

— Я знаю, эту ленту делают особые люди, они мушинные агенты...

Кто там?

Он и она.

— Все-таки это далеко. Сорок минут на поезде. И еще ждать...

— Ничего, я привык. Беру с собой книгу — нет проблем.

— Душно сегодня. Давай сразу пойдем купаться, ты же обещал.

— Все равно мы пройдем мимо дома, пруд как раз в той стороне.

— А вдруг там кто-то будет?

— Где?

— На пруду, конечно.

— Уверю тебя, нас там никто не ждет.

— Но ты должен сделать все, как обещал.

— Неужели ты сомневаешься?

Белые грибы

Он, он, и он.

— Вот такие. Никогда не видел таких белых грибов. Один к одному. Как вошел в лес, враз собрал двести двадцать штук, один к одному.

— Вот я и думаю: кто из них умнее — Тольятти или Торез? Оба на одну букву, а кто умнее — вопрос. Оба умерли, а так можно было бы самих спросить — кто из вас умнее? И этот тоже умер, греческий патриот, как его? Из головы выскочило: тоже, говорят, умный был.

— Двести двадцать белых за один заход, нет, ты только подумай.

— Сейчас придем, пивка тянем. А этот греческий патриот еще жив, я точно знаю, умер другой. Или эта баба из Америки, кучерявая такая, знаешь, сколько у нее мужей было. С такой бабой не соскучишься, она же кучерявая.

— Мы их засушили, аромат-то какой! В этом году совсем не та обстановка.

Голоса затихают за покосившимся штакетником. Я уйду в дом, оставив в гамаке включенный магнитофон, дабы ни одно слово, произнесенное вдоль забора, не пропало даром.

Пленка кончилась, однако разговоры продолжались своим чередом. Более того — на заборе начали появляться бумажки, исполненные в виде объявлений. Разговоры в записанном виде.

Организация МММ

Принимает заказы на построение светлого будущего
из

материала заказчика

как

по индивидуальным проектам,

так

и по типовым.

Строим воздушные замки!

В случае оптовых заказов предоставляется скидка
50 процентов.

Малое предприятие ТТТ предлагает
большой выбор.

Сдается в аренду

настоящий мужчина — рост 190 см.

На срок от 3-х до 48-ми часов.

Делает все, кроме полового акта.

Иногда появлялись карикатуры неизвестного назначения, а также заборные надписи типа: «От мудака слышу».

В конце лета удалось раздобыть крупную партию импортной пленки. Магнитофон продолжал раскачиваться в гамаке.

Здесь никого нет

— Пойдешь за угол.

— Никуда я не пойду.

— А я говорю, пойдешь. И там на углу тебя будет ждать макинтош, в правой руке газета.

— Тише ты, услышат.

- Здесь никого нет.
- Все равно — не пойду.
- Угол тот же — понял?
- А макнитош какой — старый или новый?

Люби меня громче

— Ты меня познакомь с этим, помнишь, у ларька стоял, ты у него еще сигарету взяла.

— Это Эдик. А как же твой Вася?

— Все! Я его не выдерживаю. Пузо отрастил — во! Как назавитесь, сил нет. А сам ничего не может, я должна его разжигать, чтобы он разошелся. Люби меня громче. Почему ты меня тихо любишь. Разве это любовь? Это же сущее издевательство. Не хочу любить громко. Мне нужен мужчина прочный, доверчивый...

Пленка крутится, крутится. Ибо дан приказ: пленки не жалеть.

13. Телепатия

За длинным деловым столом сидят двенадцать человек. Я восьмой, ближе к окну. На столе бутылки с минеральной водой. Все бутылки закупорены, фужеров не видать. Открылки тоже нет.

У стены — вспомогательный стол меньшего размера. Там сидит благообразная седая стенографистка и быстро строчит в блокноте.

Заседание секции фантастов в разгаре. Я несколько опоздал, но место мое было свободно. Я ел, раздавая кивки. Моментально сосредоточиваюсь, дабы с хода ухватить ведущую струю.

Сидим тихо, послушно. Никто не перебивает, не размахивает руками. Никакой демагогии. Полная демократия. Интересно, кто сейчас держит речь? Ага, поймал. Вот этот чудик в очках. Глаз так и сверкает.

Настраиваю звук на резкость.

— Прошу занести в протокол. Мне удалось разработать теорию антигравитации, — докладывает очкарик, мысль его

развивается гармонично и беспредельно.— Новая теория дает возможность перемещать в пространстве любые предметы без учета времени. Следовательно, не имея времени, мы не можем иметь и фактора скорости, все совершается мгновенно. И по желанию.

Во чешет! Как по бумаге. А кругом благоговейная тишина. Буду ходить только в эту секцию. Это грандиозно. Это глобально. Человечество освоило новый метод совещаний, конгрессов, симпозиумов, съездов. Грядет новая эпоха. Сейчас даже невозможно представить себе все последствия этого великого метода.

— Кто желает высказаться? — спрашивает рыхлый астматик, сидящий на председательском месте.

— Разрешите мне, — от кого исходит эта теплая волна? Ага, настроился, это мужчина напротив, похожий на свадебного генерала. — Хочу доложить о своем открытии. Зачем транспортировать материю? Это нерентабельно. Даже слова не нуждаются в транспортировке. Отныне мы будем транспортировать только мысли...

— Теперь моя очередь, — перебивает женщина слева от меня. — Я должна успеть на другое заседание. Это очень важно. Мне удалось открыть композитора Кошкина, крупнейшее явление нашего времени.

— Позвольте, — возражает усатый неврастеник. — Какое же это открытие, если оно никак не подтверждается. Открытием считается то, что нашло применение и было использовано хотя бы два раза. А вашего Кошкина никто никогда не слышал. Ноты лежат на полке, но они не были озвучены, я выражаю протест.

Кажется, сейчас они вскочат с мест, заголосят, замахают руками. Но все чинно, беззвучно, а главное — рентабельно и мудро.

В комнату бодрой походкой входит мужчина в пестром свитере.

— Извините, товарищи, задержался, была важная встреча. — Вошедший занимает место председателя, стучит карандашом по закупоренной бутылке. — Что же, товарищи, все в сборе, начнем, пожалуй, — говорит он густым басом. — Собрание секции фантастов считаю открытым. На повестке дня у нас один вопрос — о несправедливом гонораре. Слово для сообщения имеет товарищ М.

Стол загудел.

14. Солнечный удар под маринадом

Сейчас этой гостиницы и этого ресторана в городе М. нет. Сломали. Я говорю о «Гранд-отеле». Зачем его сломали, никто не знает, но это был лучший ресторан в городе М.— равно как по красоте зала, так и по качеству кухни. Это был бывший ресторан Тестова, многократно описываемый в русской литературе.

Итак, место действия определено с точностью до двух секунд северной широты и восточной долготы. Наш герой Владимир Семенович Ш. в этот момент спускается по широкой ковровой лестнице с третьего этажа и входит в зал ресторана.

Кто он? Генеральный конструктор из закрытого КБ? Народный художник? Подпольный миллионер? Не все ли равно. В данный момент он выступает в качестве самца, жаждущего любовных приключений.

Остановился на краю зала, наметанным глазом окинул его пространство. Метрдотель с учтивым достоинством подкатывается к прославленному завсегдатаю, указывая рукой на свободный столик у окна. А за окном посверкивал вечерними огнями город М.

Картина прояснилась. Она сидит за большим круглым столом в центре зала. И не одна, а при трех мужчинах. На столе бутылки с минеральной водой — только что сели. Время есть.

Но хороша — ничего не скажешь. Откуда такие возникают? Из какого небытия? Нет, нет — и не надо ничего говорить. В таких случаях надо глядеть — и не просто глядеть, а пожирать глазами ее раскрывшийся в улыбке рот. Она тоже его заметила, когда он входил и сел. Их взгляды пересеклись, более того — схлестнулись.

Тупиковая ситуация — самая подходящая завязка для старого сюжета из продырявленной консервной банки.

Оркестр сегодня не играет, да это же пошло: разрешите пригласить на танец. До такого примитива мы еще не опускались.

Впрочем, время есть, пока суд да дело, закажем ужин, дабы зарядить себя биологической энергией на будущее. Пусть она видит, что принимает в себя настоящий мужчина.

Подкатились два официанта — и пошла у них работа: икорка, балык, минюги, селянка, профитроли. И все это под

маринадом. На сладкое — блюдо с омлетом. Его несут на шести руках, обливают спиртом, подносят спичку — нежный голубой огонь вспыхивает в моей страждущей душе.

Пять тысяч энергетических калорий впитаны телом, нетерпеливо рассасываются по клеточкам, требуя выхода.

Владимир Семенович Ш. идет по залу как бы в сторону бара. Проходит неподалеку от круглого стола. Она вскидывает ресницы:

— Простите пожалуйста, у вас не найдется хорошей папиросы?

Он с готовностью раскрывает перед ней коробку «Казбека». Тонкими нежными пальцами она берет папиросу.

— Я две возьму. Большое спасибо. Весьма обязана.

Вот и все. Дело сделано. Владимир Семенович выпивает у стойки рюмку ликера и переглядывается с ней.

Ресницы опущены.

Он поднимается к себе, нервно ходит по номеру, курит папиросу. Раскрытая коробка «Казбека» лежит на столе — и там на внутренней стороне крупно начертано синим карандашом — № 318.

Раздается стук в дверь. Пришла! Он подбегает, распахивает половинки. Увидев его, она хихикает и прикладывает палец к губам.

— Вы приглашали. Я на минутку.

Ничего нового нет под луной. Ночь восторгов опускается. Однако же остались некоторые звуковые оттиски той волшебной ночи — от зрительного образа сюжет переходит к слуховому.

— Так не бывает.

— Почему же — если уже было. Ты помнишь такой рассказ «Солнечный удар»?

— Из «Огонька»? Что там?

— Пароход, извозчик, номер в гостинице, вот и со мной так.

— Ах, это старое. Я помню: Хенкин читал. А кто это написал? Тургенев?

— Почти. Не все ли равно. Важно, что сейчас это с нами. Кто там был?

— Как кто? Муж и два его приятеля. Я сказала им, что пошла звонить Вере. Теперь это не имеет значения, я потом позвоню.

— Но так же не бывает.

— По-моему, лучше знать, что будет.

— Лучше не будет. Никогда.

— А хуже?

— А зачем хуже?

Утром он проснулся и увидел, что она ходит по комнате, собирая раскиданные одежды. Вдруг она вскрикнула.

— Что такое? — спросил он.

— Чулки порвались. Совсем поползли.

— Может, подтянуть можно?

— Неужели ты думаешь, что я могу вернуться домой в рваных чулках, так низко я еще не пала.

— Что же теперь делать, дорогая?

— Надо купить.

— Прекрасная идея.

— Но ты же видишь, я пришла к тебе без всего.

— И это был лучший вариант. Нет проблем. Сколько тебе. Этого хватит? — Он протянул ей деньги, достаточно щедрые.

— Пожалуй, еще немного на такси. Не могу же в рваных чулках идти по улице.

— Я сейчас закажу машину. Иди ко мне.

— Конечно, мой милый. Ты такой душка. Так не бывает. Только давай скорее. Я побежала. Спасибо, милый. Запиши мой телефон. Будешь в Москве, позвони, ты же часто бываешь. Если ответит мужской голос, клади трубку. Он очень ревнивый, просто зверь.

15. Напечатано в «П-издате»

Молодой автор создал великое творение. Что это было — роман? поэма? симфония? История умалчивает. Тем не менее то, что он создал село в его душе, а это означает, что он создал нечто великое. Он не только повторил природу, он создал такое творение, которое само становилось частью природы — как египетские пирамиды, как Гибралтар или Девятая патетическая.

Молодой автор хотел подарить свое творение людям и потому направился в издательство. Там за каменным столом сидел волосатый редактор с дубинкой. Он выслушал молодого автора и сказал:

— Мы занимались твоим сочинением, оно весьма интересно и актуально, можно сказать, бессмертно, но, увы, в настоящее время мы издать твоё творение не сможем.

— В чём же причина? — робко спросил молодой автор. — Нет бумаги?

Редактор покрутил в руках дубинку.

— Видишь ли, — ответил он. — Все дело в техническом прогрессе и новой технологии. Ноу хау — слышал такое? Мы ещё отстаем в этом вопросе от других цивилизаций. У нас ещё письменность не изобретена. Так что не стесняйся, заходи через тысячу лет. Изобретем письменность, тогда поговорим.

У входа молодой автор увидел вывеску, на которую прежде не обратил внимания:

ПЕЩЕРИЗДАТ

16. Баржа

На бескрайней рябой простыне реки не сразу разглядишь одинокую черную точку. Это баржа, выведенная в заголовок. Баржа, выдавшая виды. Крашенная и перекрашенная, с погнутыми перилами, покосившейся трубой. Но ещё служит, старушка, вот теперь вливается в старый сюжет, влекомая таким же упорным буксиром.

Вместимость баржи — 146 голов плюс 6 человек караульной команды. Каждое утро считают по головам.

Третий день пути. Хмурое утро. Над рекой сеется тонкая пленка дождя. Караульные подняты по тревоге. Такого ещё не случалось в наших краях.

Считай — не считай. Было — 146. Стало — 140. Нижняя камера в кормовом трюме пуста, и дыра в обшивке — словно лаз на тот свет. Когда же это случилось?

Сосед из восьмой камеры, рассчитывая на поблажку, скороговоркой доносил:

— Они ещё с вечера, к ночи ближе, я слышал шум и тархтенье. Один за другим плюхнулись. Шесть раз. Мне и невдомек, поди догадайся: вода за бортом полощется.

Карнач стоял перед дырой, оглушенный случившимся. Расписался за 146 голов, осталось в наличии сто сорок. Свою голову отдавать придется.

Такова завязка сюжета № 16. Далее он может развиваться по трем различным направлениям.

1. Оставляем баржу и следуем на берег. В центре — судьба шести беглецов, которая, по возможности, должна быть счастливой.

2. Исследуется судьба караульного начальника Семена Ш. — тридцатидвухлетнего старшины, глаза карие, рост 168 сантиметров, служит в охране 10 лет, замечаний не имеет.

Первое побуждение Семена Ш. — догнать, найти, казнить. Вариант отпадает. С момента побега уже прошло девять часов, за это время баржа проплыла не менее ста километров. Да и как повернешь, когда в трюме сто сорок голов...

3. В городе И. узнали о дерзком побеге. Предпринимаются самые решительные меры, вплоть до выброски десанта в тайгу. Отважные десантники прочесывают квадрат за квадратом. У этих ребят из ВОХРа нелегкая служба — разве не достойны они быть воспетыми, хотя бы в третьем варианте сюжета № 16?

Но вот вопрос — каким образом в городе И. узнали о побеге, если карнач Семен Ш. еще не принял решения? Вот он стоит на верхней палубе, кусая до крови губы. Связи с городом И. нет, посоветоваться не с кем. Самому придется решать.

Боже мой, в какое страшное время мы живем. Ну везут людей на расстрел, эка невидаль. Но почему мы даже такого привычного дела не можем сделать по-благородному?

Буксир топчет воду, стараясь отвернуть от плеса. Придуманные варианты сюжета отпадают один за другим, потому что с берега раздается выстрел.

На плесе у самой воды стоит человек. Второй выстрел. Все ясно: человек просится на баржу.

Вот она, жизнь. Лови ее мгновенья. На носу ледостав, возможно, это вообще последняя баржа, которая идет вверх по Лене.

Карнач Семен Ш. мгновенно принимает решение — взять человека на борт. Буксиру команда притормозить. Спустить шлюпку.

Разговор на берегу:

— Кто таков? Откуда?

— Геолог. Ходил на Тунский косогор. Открыл кое-что.
— Не могу тебя взять. Баржа везет врагов народа. Государственные преступники.

— Я заплачу.

— Нужны мне твои бабки. Своя голова дороже.

— Ах, начальничек, возьми, не пожалеешь. Вторые сутки на берегу. Возьми, я в долгу не останусь.

— Могу взять зеком. Так и быть.

— За что?

— У меня других мест нету. Посажу в трюм, как зека. Паспорт и все ценное сдашь мне.

Буксир тарахтит по реке. Одна голова водворена на место. Где взять еще пять голов?

Кто сказал, что наши края безлюдны? Тайга подобна перенасыщенному раствору. Осадок выпадает на линии берега. Население тайги стремится к воде, пока не начался ледостав.

Геолог Б. сидит в трюме и радуется, что ему повезло.

Бухгалтер леспромхоза Николай В. давно задумал уйти на материк с крупной суммой денег. Надо лишь выйти к воде последним ходом — и начинаем новую жизнь.

Федор С. так увлекся охотой, что забыл обо всем на свете. Брал зверя одного за другим, а когда опомнился, оказалось, что тракт остался далеко позади. Мешок со шкурками сделался тяжелым, значит, дорога одна — к воде.

Три беглеца шли по тайге сорок дней. Побег из лагеря удался. Искали заимку, чтобы перезимовать в тайге, а весной тронуться дальше. Однако заимка не попадалась. Беглецы вышли к реке и пошли берегом.

Итак, шесть человек собраны в одну корзину. Персонажи стремятся к реке, преодолевают неожиданные препятствия, прилагают хитроумные уловки, чтобы попасть на баржу, не подозревая с том, что их ждет на борту.

Геолог, бухгалтер, охотник уже сидят в трюме, а трое беглецов пока бредут по берегу. Это Утюг, Волгарь и Седой. Сюжет развивается вольно, но в то же время по своим внутренним законам. Утюг был организатором побега, у него же была и карта. Третий, Седой, был взят на всякий случай, так сказать, на закуску.

В этом месте в Лену впадает приток, вроде бы неширокий, но не перешагнуть. Решено идти вверх по притоку, чтобы выбрать удобное место для перехода. Два дня искали

место, пока не попало бревно. Все трое на одном бревне. На середине, где была быстрина, Седой не удержался и ушел под воду. Комель бревна задел его по голове. Утюг и Волгарь искали его до вечера. Пошли к Лене одни.

Вот и они увидели буксир с баржой.

Кто шестой, где его взять? До города И. оставалось менее суток хода.

Карнач стоял на палубе и смотрел в бинокль на дальнюю пристань. Там на дебаркадере толпилось не менее десяти человек. Зачем мне столько? Мне хватит одной головы.

За кормой раздался протяжный гудок. Из-за поворота самодовольно выплывал белогрудый двухпалубный теплоход. Играючи обошел баржу, буксир и слизнул с дебаркадера всю живую наличность.

Впереди речной простор с пустынными берегами: теплоход всех подберет.

Приближается финал. Похоже, он не станет счастливым, ибо русская литература, равно как и действительность, не приспособлена для счастливых финалов.

Причудливые перебеги сюжета подобны поворотам фарватера, по которому плывет баржа. Существует немало реальных сил, способных вступить в противоборство с карначом Семеном Ш. Тут и старый речной волк, капитан буксира, и солдаты вооруженной охраны, которые давно поняли, что затеял их начальник, и пассажиры, запертые в трюме. Кстати, Утюг первым догадался о том, что угодил из одной мышеловки в другую. Именно такое противостояние требуется по логике сюжета.

А если в самый последний момент подберут шестого, если баржа прибудет на особый причал глубокой ночью, если всех заключенных тут же раскидают по воронкам и никто не услышит воплей геолога или бухгалтера, если расписка тютельница в тютельница сойдется с дорожным листом — сто сорок шесть голов, и если воронки сразу отбудут на место казни, то это по нынешним понятиям и есть самая заурядная банальность. Люди прочтут — и мир не вздрогнет, вот в какое страшное время мы живем.

Что поделать. Автор не виноват, именно так и случилось. Внутренние резервы сюжета остались невостребованными.

История была сильнее нас. Нам казалось, что мы вершим ее — и она отомстила нам беспощадно.

Нам мнилось — мы не виноваты. А природа призовет к ответу наших внуков.

Баржа движется вверх по реке и постепенно скрывается за поворотом.

17. Муж Тамары

Этот сюжет лучше всего реализовать в виде экранизации в черно-белом варианте, а уж после этого произвести словесную запись с экрана. В таком случае, начинать придется с тарелок, если того же пожелает режиссер. Мы же сразу обозначим место действия: город И.— ресторан «Ангара». За пределы ресторана действие не выходит.

Во второй смене работали шесть официанток, включая Тамару, которая по совместительству мыла посуду. Пять одиноких женщин, одна замужняя: Тамара (см. название).

Правда, у Раисы тоже был муж — погиб на войне под городом Б.— пришла похоронка и медаль, остался сын Егорка, скоро он пойдет в школу, дабы обозначить тем самым время действия.

Четверо других перебивались как могли — зато умели не теряться. О том и наш сюжет.

Муж у Тамары законный, однако никто его не видел живьем. Иногда он звонил по телефону и робко просил Тамару.

Толик, что же ты своего не приведешь? Нечего ему тут делать, он у меня не балованный. Да нам быть хоть одним глазком глянуть. Нечего на него глядеть, он не нарисованный.

И вдруг: придет послезавтра. Переполох во второй смене. Рита срочно поменяла кофточку, Клавдия сделала перманент. Анастасия, за неимением иного, выставила новые сережки.

Персонал готовился.

Тамара нервничала, то и дело выбегала к выходу. В этот вечер ее поставили обслуживать банкет, и она договорилась с Раисой, что Семен сядет за ее столик. Раиса была вдовой, ходила по залу уточкой, опасности не представляла.

Этот кадр или моментальная фотография, с него исполненная, могли бы занять достойное место в музее по истории

ресторана «Ангара», столетний юбилей которого был недавно отмечен сибирской общественностью.

Изображение черно-белое. Большой зал ресторана. На пороге, неловко поджав левую ногу, замер Семен Семенович С. На голове хохолок, глаз насторожен, но без робости, нос размыт округлыми линиями, и какой-то тревожащий излом во всей его фигуре. Но это лишь по первости, а второй раз поглядишь,— вполне прилично мужичок смотрится.

В разных концах зала застыли официантки. Их взгляды скрестились на фигуре Семена Семеновича С. В левый нижний угол кадра попал кусок сцены. Музыканты вразнобой пробуют инструменты.

Кадр оживает. Тамара быстро проводит мужа по залу, сажает его за столик Раисы и тут же спешит в банкетный зал.

Муж Тамары осматривается, привыкая к обстановке. Неприятно возникает Клавдия в перманенте.

— Семен Семенович, какими судьбами, мы вас так ждали, прямо не верится, что прикажете подать?

— Я не пью,— с вызовом отвечал он.

— Да вы не волнуйтесь, Семен Семенович. Мы же от себя. Для вас. Такого гостя как не уважить.

У Клавдии сытое лицо, а в глазах голодный блеск, сами понимаете: перед нами один из вариантов голодной сытости.

Раиса надежно перекрыта. У Раисы порвались чулки в самом интересном месте. Сами порвались или по заказу?

Действие развивается по писанному сценарию: салат, икорка, омуль, грибочки, поросенок в хрене. И графинчик с каплями небесной росы на выпуклостях.

Картинки меняются как в волшебной трубе для рассматривания. Семен Семенович С. курит, закинув ногу на ногу. Носок ботинка нагло выставлен в зал.

Семен Семенович С. принимает из вспотевшего графинчика. В качестве горячего блюда перед ним возникает металлический судок с цыпленком табака.

Графинчик повторяется.

Семен Семенович С. прикладывается. Рядом с ним сидит мужчина неопределенной наружности. Они чокаются.

Семен Семенович С. отплясывает у сцены, охлопывая себя по мягким местам. Оркестр шпарит «Я тоскую по родине».

И вдруг — тишина. Пустой стул, грязная посуда, проли-

тый соус, папиросные окурки, прорастающие сквозь скатерть. И поверх всего этого забытый женский гребень от перманента.

Сюжет замыкается черно-белой картинкой. Снимок непрожжен, размыт по краям: то ли света не хватило, то ли рука оператора устала. Но суть угадывается без усилий. Пустой зал, все разошлись. Тамара моет грязные тарелки в своем закутке.

Крупным планом: сверкающие брызги, летящие из-под струи и осаждающиеся на лице Тамары.

А фильм-то получился немым. Его и озвучивать не надо. И вообще, скорее всего это видеоклип с самым незатейливым мотивом.

18. Старый генерал

Хоронили старого генерала, ветерана многих войн за свободу и против нее. Четыре генеральских звезды, почти маршал. Жизнь он прожил большую, достойную и нажил немало добра. У генерала Г. всегда было несколько порученцев, свой водитель (разумеется, с машиной), повар, денщик и даже врач постоянного сопровождения на случай инфаркта или инсульта, что в конце концов и произошло. Имелся у четырехзвездного генерала и свой самолет, однако пилот ему не принадлежал, как не принадлежало генералу Г. его оружие, с помощью которого он громил своих врагов или, наоборот, проигрывал свои битвы. Генерал Г. был высок, складен, речист, в молодые годы увлекался женским полом и был весьма резв по этой части, однако жена у него была единственная и прожили они вместе ни много, ни мало — 48 лет, не дожив двух лет до золотой свадьбы — и вот вдова осталась одна — но в окружении многих детей и внуков общим числом четырнадцать душ.

Хоронили старого генерала пышно, всем государством, и даже по телевизору показали эту печальную процедуру, я уж не говорю о прощальном салюте из двухсот двадцати четырех ракетных пушек. Поминки провели на даче, где было больше простора для соответствующих чувств и речений. Стол был умело сервирован и озвучен. Словом, все было на государственном уровне и протекало прилично.

После похорои прошло несколько лет. Вдова генерала оказалась долгожительницей, сохраняла бодрость, подвижность и вела многоукладное хозяйство. Особенно охраняла она кабинет генерала Г. на его городской квартире, где были развешаны карты со схемами боевых кампаний, на полках выстроились военные книги, трактующие о боевых победах.

Посреди кабинета стоял в неприкосновенности письменный стол: пепельница, карандаши, модель танка и перекидной календарь, застывший на дате генеральской кончины. Справа и слева стопки книг.

В этом кабинете начали происходить странные вещи. К этому времени подрос внук генерала Алексей Г. Он решил пойти по линии деда, поступил в военное училище и начал интересоваться учебниками. В первой же книге по методике танкового боя Алексей Г. обнаружил ассигнацию достоинством 50 рублей. Алексей никому не сказал о своей находке, однако спустя неделю история повторилась — на этот раз сотенная. В третьей книге — четвертная. Все ассигнации аккуратно заложены посреди листов — никогда не догадаешься.

Сообщили вдове. Начали перебирать книжные полки. О ужас!!! Каждая вторая или третья книга служила тайником — ассигнации так и сыпались из старых книг.

Вдова расплакалась:

— Это он для своих девок прятал. Я всегда чувствовала, что он мне недодает. Старый кобель.

Прибежала младшая дочь, дородная чопорная матрона, кандидат наук, с волосатой верхней губой.

— Зачем ты так, мама? Ты не права. Папа ради нас старался. Он и после смерти хотел нас одарить.

— Я думаю, он просто забывал, — предположила старшая дочь. — Прятал и забывал. Для него это было хобби.

— Тут же многие тысячи, мы лишь две полки перебрали.

— Вот это одарил, — сказал Алексей Г. — Вы только посмотрите, деньги-то старые, обменные.

Вдова продолжала всхлипывать.

19. Иного нет у нас пути

Я проснулся в полной темноте. Поезд катился, всхлипывая на стыках. Сердце билось рваными толчками, отчетливо ощущался их соленый привкус. Я понял, что теперь не засну.

Что-то случилось.

Я чувствовал это явственно всем телом или наоборот самой малой клеткой своего существа. Сигнал исходил не из меня, он поступил ко мне извне.

Конечно, подумал я, пытаюсь успокоить себя, это с мамой что-то случилось, она такая старая.

Колеса продолжали стучать на стыках. На полке надо мной лежала Света, она крепко спала. Иногда вагон попадал в химическую зону, тогда меня окатывало короткой вонью. Время от времени по купе пробегали отблески отдаленных огней.

А тревога не уходила. И сигнал поступил извне.

— Ты не спишь? — шепотом спросила Света, и голова ее свесилась с полки.— У тебя нет сонной таблетки, я что-то не засну.

— Придется лезть в чемодан,— ответил я.

— Тогда не надо, я попробую заснуть.

Некоторое время мы молчали, продолжая перемещаться сквозь вонь и всплески света. Я слышал, как Светлана ворочалась надо мной.

— Ты спишь? — спросил я.

— Говори тише,— ответила она тотчас.— Разбудишь соседей.

— А ведь я не сплю,— отозвался сосед со второй верхней полки.— У меня есть таблетки. Вы только ответьте мне — что случилось?

— Это с поездом что-то,— сказала бодрым голосом жена соседа, она лежала против меня на нижней полке.

— Что может быть с нашим поездом, если мы несемся с такой скоростью,— он свесился с верхней полки и смотрел на меня.— Нет, тут что-то другое. Я проснулся словно от толчка.

— И давно? — спросил я.

— Пятнадцать минут назад,— уверенно отвечал он,— когда мы проехали мимо желтого факела.

— А перед этим стояли на станции,— подхватила жена соседа.— Я еще тогда подумала: что-то случилось. Должно же что-то случиться.

— Я тоже как от толчка проснулась,— сказала Света сверху.

— И я точно так же проснулся. Но я подумал, что это с моей мамой, она такая старая.

— Нет, ваша мама исключается,— сказал сосед.— Мы же ее не знаем. Тут что-то другое, общее для всех четверых, возможно, для всего поезда.

— Может быть, и он хорошо поет, но это не имеет ко мне никакого отношения,— сказала жена соседа.

— Кто это сказал? — спросил я.

— Разве кто-то говорил, я ничего не слышал,— сказал сосед.— По-моему, кроме нас здесь никого нет.

Светлана захныкала наверху:

— Я боюсь, дай мне сонную таблетку.

— Итак, все четверо проснулись почти одновременно,— начал с расстановкой ученый сосед, я видел как качалась его голова.— И все четверо проснулись как от толчка. По всей видимости, это связано с желтым светом.

— Да, сигнал поступил извне,— сказал я.

— Где был желтый свет? — хныкала Светлана.— Я ничего не видела. Я боюсь.

— Это было сразу после станции,— сказал я.— Успокойся.

— Вот видите,— продолжал ученый сосед,— все четверо ощущают дискомфортное чувство тревоги, не имея к тому никаких видимых причин.

— Я знаю, во всем виноват транспорт,— резко взвизгнула жена соседа.— Недаром у них такая грязь в вагоне, словно сейчас война на дворе.

— Вот видите,— невозмутимо продолжал сосед,— мы уже приближаемся к конкретным причинам.

— Вагон грязный, а поезд мчится как угорелый,— сказала Светлана, всхлипывая.

— Не меньше ста километров,— сказал я, пытаюсь их успокоить.

— А я говорю, это поезд, мы сейчас с рельс сойдем, вот увидите.— Она почти кричала.

— Не каркай,— ответил муж.— На таком уровне мы ничего не решим.

— Дай сонную таблетку,— хныкала Светлана.

— Попробуем заснуть,— сказал сосед.— Сигнал поступил извне, это несомненно.

Некоторое время все молчали. Куда мы несемся? С какой целью? Я был так растерян, что даже не мог вспомнить, куда еду — домой? Или прочь из дома?

Нет, не засну. Я нащупал на столе сигареты, вышел в

коридор. Вагон мотало. Набежали размазанные огни. Мы пронеслись мимо станции. Я успел выхватить взглядом вокзальное здание со строчкой букв: Чернобыль.

Огни отстали. Поезд мчался сквозь темноту, надламываясь на стыках.

20. Нынче не те времена

Веронику К. начали прорабатывать сразу после завтрака. Руководитель группы Сергей Ф. предупредил: всем зайти в его номер на третьем этаже.

Набились тесно, дышали жадно. Ловили каждое слово. Назревало ЧП, собственно, оно уже случилось. Было интересно и немного жутко.

Вероника стояла в стороне, у окна, как бы уже отделившись от всех нас.

Суть дела: позавчера, в восемь часов вечера по парижскому времени, не поставив никого в известность, Вероника К. пошла на стриптиз. Но мало того, что Вероника К. была на стриптизе, она еще дала интервью для бульварной французской прессы, и это ужасное интервью напечатано в сегодняшней газете.

Сергей Ф. демонстрировал перед нами высший пилотаж. Он и сам был похож на плакат: лицо-плакат, слово-плакат. И подпись под плакатом: «Храните деньги в сберегательной кассе».

Вероника К. была обязана хранить честь советского человека, особенно женщины, впервые попавшей за границу.

Ей бы покаяться — в том было спасение. Она же, тряхнув головой, пошла наперекор.

— А что? Вход свободный. Купила билет и посидела за столиком. На свои сидела. Что такого?

— Интервью давала или нет? Ты знала, кому даешь?

— Я всегда знаю, кому даю. Но это же была женщина.

— Интересно, на каком языке вы разговаривали? — допытывался Сергей.

— На русском.

— Это же белоэмигрантка, — ужаснулся он. — И какой гонорар она тебе обещала?

— О гонораре не было речи. И вообще, я отказываюсь

отвечать на вопросы. Это мое личное дело. Нынче не те времена.

— А какие теперь времена? Расскажи нам, а то мы не обучены.

— Другие времена,— твердила Вероника, вот какая упрямца.

— Вы слышали, товарищи, она отказывается отвечать на вопросы?

Мы все это слышали.

Перепадка была прервана телефонным звонком. Вот это новость: звонили из посольства. Сергей торжествовал: что и говорил. Уже в Москве знают о нашем ЧП. Но мы проявили бдительность. После обеда собираемся здесь же, к нам придет культурный советник. Ну погоди, Вероника.

Сергей Ф. принял позу плаката.

До обеда мы были в Лувре, но говорили только о Веронике, пытаюсь угадать, чем кончится эта пикантная история.

— Вика, покайся, ну что тебе стоит...

— Мне не в чем каяться.

Мы жили в гостинице «Палас», там же и питались, что никак не отражается на сюжете, поэтому обеденное меню опускается.

Собираемся на третьем этаже в номере руководителя. Советник является минута в минуту.

— Где же наша возмутительница спокойствия? Познакомьте меня с Вероникой К.

Сергей Ф. вытолкнул вперед упирающуюся Вику.

— Вот она, можете полюбоваться.

И тут мы услышали нечто невероятное, чего никак не предполагали услышать.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, Вероника Владимировна,— торжественно начал культурный советник.— Я буквально взволнован. Чрезвычайный и полномочный посол нашей страны в этой прекрасной стране просил меня передать вам благодарность за ваше интервью газете «Курьер». Наконец-то наши доблестные советские женщины покончили со своими комплексами и начали вести себя в Париже подобающим образом, как взбалмошные американки или богатые колумбийки. Это прекрасно. Это новое достижение нашего социалистического строя, так сказал чрезвычайный и полномочный посол. Я вас поздравляю, Вероника Владимировна. В Париже сенсация. Нам с утра оборвали все теле-

фоны. И это сделала наша простая советская девушка из славного города Ульяновска. Вы только послушайте, товарищи, что тут напечатано. Корреспондент спрашивает Веронику Владимировну, как ей понравился стриптиз в Париже? И Вероника Владимировна отвечает, что она разочарована. «По-моему,— говорит она,— им не хватает фигового листика, хотя бы из нейлона». Это же «мо», которое будет повторять весь Париж. Следующий вопрос: что вы можете сказать о проблеме стриптиза в Советском Союзе? И Вероника Владимировна отвечает, нет, вы только послушайте, как неожиданно это преподносит. «Советские женщины,— говорит она,— уже давно раздеты». Это же блистательная находка.

— Я этого не говорила,— робко вставила Вероника, еще не осознавшая своего счастья.— Я сказала, что мы тоже умеем раздеваться, но делаем это быстрее.

— Не имеет значения,— перебил культурный советник.— Важно, что это напечатано. Этим все сказано. Разрешите мне передать от имени чрезвычайного и полномочного посла благодарность, а кроме благодарности и деловое предложение. Ваша группа покидает Париж завтра утром. Вероника Владимировна, если вы не возражаете, посольство предлагает вам продлить визу еще на семь дней, мы покажем вам все значные места Парижа, хотя я понимаю, что семи дней для такой серьезной темы— это мизер. Тем не менее, Вероника Владимировна, я надеюсь, что вы дадите нам согласие. У вас будет лишь одна проблема: вы будете давать интервью, пропагандируя тем самым новый образ советской женщины эпохи развитого социализма.

Сергей Ф. подошел к Веронике К., раскинув руки, и громогласно чмокнул ее в щеку.

— Вероника, я тебя поздравляю от имени нашей фирмы. Мы тут уже собирались утром, чтобы одобрить данную инициативу. Нынче у нас не те времена. Мы понимаем и радуемся.

— Вы согласны, Вероника Владимировна? — спрашивал советник.

— Справлюсь ли я давать интервью? Ведь я могу многого не знать.

— Совершенно верно, Верчик.— И снова чмок-чмок.— Веронике Владимировне необходим спутник по значным местам, ведь это может быть небезопасно. Я готов взять на себя эту миссию.

— Спасибо, Сергей Сергеевич,— отозвался культурный советник.— Ваша задача — доставить на родину свою группу, мы надеемся на вас. А Веронику Владимировну поручено сопровождать мне.

В центре комнаты лежал на полу плакат, сорванный со стены.

21. С поцелуем дороже

Она сидела напротив, у окна, читала книгу. Интересно, подумал я, разве такие фифочки читают книги? Мне никак не удавалось подглядеть: что же такое она читает. И не такая уж она фифочка. Нечто среднее между фифой и замухрышкой. Три с полтиной в базарный день.

Черт подери, все-таки что-то такое в ней есть. А не понять — что. Острые беспомощные коленки, припухлость губ, влажный локон на левом виске. А главное, она меня не замечает — вот сучка.

Она посмотрела на меня как сквозь воду и снова уткнулась в книжку.

Интригует.

Я попытался разыграть сцену: как она ведет себя в постели. Ничего путного не получалось — белый лист бумаги. Ничего, кроме писка.

Она почувствовала, что я пытаюсь завалить ее на спину, и наконец-то посмотрела на меня.

— Москва скоро? — спросила.

— Через две остановки,— ответил я наобум.

— Я домой еду,— сказала она,— завтра экзамен.

Так вот что она читала: учебник. Я попытался развить свой сексуальный анализ. Сплошной писк. Это начинало меня раздражать.

Мы вышли вместе из вагона электрички и пошли по перрону в метро.

— Ну как? — спросил я.

— Домой,— сказала она.

— Домой или по домам? — спросил я.

— А ты меня покормишь? — спросила она.— Учти, я зверски голодная.

— Нет ничего лучше, чем голодная женщина,— ответил я.— В таком случае возьмем такси.

Не скажу, чтобы я был разочарован, но тем не менее ничего особенного. Опыт есть, но энтузиазма маловато. Не ломается, но в меру стеснительна. Не лезет вперед, представляя инициативу партнеру.

Я пошел на кухню, принес бутылку минеральной воды.

— Ну как, насытился? — спросила она.

Я накормил ее котлетами и снова потянул в постель.

— Подожди, — сказала она. — Мы еще не договорились. Я должна знать, сколько ты мне заплатишь.

— Сколько скажешь. Все твои, — сказал я, продолжая возбуждаться.

— Знаю я вас. Все вы так говорите. Учти, я тебя предупредила.

— Давай скорей, о чем речь.

Котлеты пошли на пользу. Энтузиазма заметно прибавилось. Возникло даже музыкальное сопровождение: никакого писка, хотя до Моцарта было еще далеко.

Однако я удивился:

— Почему ты меня не поцелуешь? Все время отворачиваешься от меня?

Она ответила, не раздумывая:

— С поцелуем дороже.

— На много?

— В пять раз.

— Ого!

— Что «ого»?

— Я согласен.

— Деньги на бочку.

— А если сначала на бочку поцелуешь? Авансом. В качестве дегустации.

— Ну берегись.

Что тут было. Мое золотое перо умолкает, не в силах изобразить словом всю гамму ощущений. Она положила руки мне на плечи и долго прицеливалась, разговаривая со мной глазами. Я почувствовал холодок в груди — но это были лишь ее губы, коснувшись моих. Свет померк. Нет, свет возник, опять не то — свет преобразился. Никогда не подозревал, что в губах может таяться столько энергии. Что это было? Поцелуй? Слияние плоти? Или слияние душ?

Художественные подробности и метафоры опускаются, ибо перед нами всего лишь сюжет тридцатилетней давности — всего лишь выкройка на бумаге, а не сама ткань. Для сю-

жета важна констатация: данный поцелуй состоялся на Мойжайском шоссе, на девятом этаже панельного дома.

Теперь я знаю, что путь в женскую душу проходит через рот.

Наконец все было кончено. Я лежал опустошенный, выпотрошенный до самого предела. С этого поцелуя начинается отсчет моей новой жизни.

— Еще? — спросила она, облизывая губы.

Я вскочил:

— Ты с ума сошла. Я разорен. Никогда не смогу с тобой расплатиться.

Она улыбалась.

И вот прошло тридцать лет. Тогда ее звали Диной. Я дразню ее: мадам Диди...

А она мне отвечает:

— Пошел ты...

У нас двое детей. И один поцелуй на двоих. Как выяснилось, поцелуи не стареют.

22. Справка о трудовом стаже

Подошло время оформлять пенсию, заработанную честным трудом. Мне и говорят:

— Ваш трудовой стаж исчисляется со времени первой публикации. В вашем личном деле записано — первая публикация: 1949 год. Таким образом, у вас набегает сорок три года трудового стажа. Вам недостает двух лет для получения максимальной пенсии по трудовому стажу — сорок пять лет. Давайте подумаем, как вам натянуть два года.

— Какова же может быть прибавка?

— Рублей тридцать-сорок.

— Я вспомнил: моя первая публикация состоялась в сорок седьмом году...

— Вот и приносите, мы внесем поправку в ваше личное дело

Эта старая история никак не украшает автора, но дело все-таки идет о сорока рублях. Сорок крепких застойных рублях... К тому же тогда, в далеком сорок седьмом я действовал вполне бескорыстно, не рассчитывая на будущие прибавки.

Но расскажу по порядку. Зима сорок седьмого. В стране назначены первые послевоенные выборы в Верховный Совет. Я жил тогда на Разгуляе, по нашему избирательному округу баллотировался Иосиф Сталин. Я же учился в Литературном институте, писал стихи и мечтал напечататься. Но мне отчаянно не везло. Мои стихи отвергались редакциями, я то и дело получал обратные конверты. Хоть бы одну строку напечатали.

Где моя бессмертная строка? Все ясно, без блата в большую литературу не пробьешься.

Я мучительно страдал от непризнания.

И вот настал день выборов, я всю ночь не спал, слагая поэму в честь вождя и учителя. Мой замысел был прост: написать сочиненные ночью стихи на обороте избирательного бюллетеня и опустить их в урну.

На местности оказалось все не так-то просто. Избирательные кабины для тайного голосования шли в ряд у дальней стены, но избиратели как бы сторонились их и, получив бюллетени, спешили прямо к урнам, чтобы скорей исполнить свой гражданский долг.

Около кабин стояли молодые люди в пиджаках с повязками на рукавах. Это были агитаторы, и вид у них — соответствующий.

Рекогносцировка была мгновенной. В руках у меня розовый бюллетень. Пересекаю зал по диагонали, ныряю за ситцевую занавеску, пронзаемую взглядами агитаторов.

В кабине оказался шаткий столик, но присесть было негде. И карандаш на веревочке, чтобы я его не спер.

Ах, какая тоска. Во рту вкус металла. Трясущейся рукой я писал свои вирши. И все время под нижним срезом занавески видел переминающиеся сапоги.

Сейчас они ворвутся в кабинку и сделают со мной все, что хотят. Боже мой, никогда не было так страшно. Зачем только я задумал это?

Не помню, как мне удалось завершить свое дело, по моему, я не написал и половины того, что хотел написать в верноподданническом раже. Вышел из кабины, опустил бюллетень в урну, краем глаза видя, как один из агитаторов подошел к тому столику, где я только что получал бюллетень.

Меня засекли.

В этот зимний морозный день
Я пришел сюда загодя.
Я за Сталина опустил бюллетень,
За великого капитана-вождя.

Спустя два дня я забыл свои страхи. Я держал газету в руках и был счастлив. Меня напечатали. Наконец-то. И не где-нибудь, а в «Комсомольской правде». Стихи, правда, без подписи. Внизу стоит «москвич», так я подписался. Какая разница, это же мои стихи. Одна рифма чего стоит «день» — «бюллетень».

Жаль, мало напечатали, всего одну строфу. Но теперь мои стихи пойдут везде. Отныне я стал поэтом.

Значит, мой стаж надо считать с сорок седьмого года. Я получу прибавку к пенсии.

В отделе кадров меня встретили приветливо. Заведующий отделом внимательно осмотрел поданную ему газету. Все правильно: февраль 1947 года. Стихи напечатаны.

— А где же ваша подпись? — спросил заведующий, глядя на меня сквозь очки проницательным взглядом.

— Но это же ясно, я не мог поставить свою подпись, я выражал всенародное чувство, и потом это ведь выборы, они тайные, я не мог нарушить тайну голосования, разве не является доказательством сама газета, смотрите, какая она старая, и еще одно доказательство, что я жил в том же избирательном округе, я могу принести справку.— Я продолжал бормотать эту чепуху и был уже не в силах остановиться.

— Возможно, это неплохие стихи, при начислении стажа качество не учитывается,— сказал он.— Но они анонимны и потому не могут быть приобщены для обоснования финансового документа.

И сверлил меня взглядом. Я вспомнил тот, другой взгляд, перекрывающий дорогу в кабинку для тайного голосования.

Я ушел, растерянный и побитый. Надбавку к пенсии я так и не получил. Рабам прибавка не полагается.

Минус сорок рублей.

23. Вакантная должность

Городской комитет комсомола помещался в старом срубе, принадлежавшем некогда купцу Золотареву. Кабинет первого секретаря украшен типовыми портретами и лозунгами.

Молодая женщина с волнением говорит хозяйну кабинета:

— Мне сказали, что у вас имеется вакантная должность директора Дома культуры. Я три года работала директором Дворца пионеров в городе N. У меня положительная характеристика, трудовая книжка. Я уволилась по собственному...

Комсомольский секретарь внимательно слушает, задает наводящие вопросы. В Доме культуры полный развал, третий год не можем подобрать директора. Вместе с тем секретарь понимает, что просто так в этот заштатный городишко никто не придет. Надо докопаться.

— Комнату дать не можем,— говорит он.— Только общежитие.

— Я согласна. Пусть будет общежитие, я буду с девочками.

— Говорите, там у вас осталась квартира? Мать там живет? И вы все бросили и уехали?

— Причина имеется, конечно, вы правы. Я третий год замужем за Владимиром Т. Год назад он купил мотоцикл и совершил наезд. Человек пострадал, стал пожизненным инвалидом. Мужа судили, приговор был — два года. Это было минувшей весной. Теперь он находится в колонии в вашем городе, работает на стройке бульдозеристом. Я все бросила, хочу быть ближе к нему.

— Конечно, я понимаю, сочувствую. Посидите здесь, вернее, в коридоре. Я сейчас.

Вышел на улицу, перебежал через дорогу, нырнул в подъезд старого кирпичного особняка, бывший владелец — городской прокурор Поцелуйко. Сейчас в кирпичном особняке находится Старший брат.

Она сидит в коридоре. В окно видно, как молодежный вожак перебегает через дорогу обратно. Бодро входит в кабинет, приглашая собеседницу.

— Люди нам нужны. Но вот что я узнал только что. За тем и ходил напротив. Место директора Дома культуры, к сожалению, занято, я-то и не знал этого. Но у нас есть другие вакансии: штукатуры, маляры. Общежитие можем предоставить, как я вам обещал, правда, без некоторых удобств. Очень хочу вам помочь, если не хотите штукатуром, можно сварщицей, тогда это будет совсем удачно, на той же стройке, что и ваш Владимир. Правда, это в зоне. Но зато вы будете вместе, вы же этого хотели. А в Доме культуры места, к сожалению, нет, сами понимаете, Дом культуры — это идео-

логия. Дать вам направление?

— Понимаю, понимаю, понимаю,— беззвучно шептала она, пнясь к дверям.

24. Дама с собачкой и белой сумкой на плече

Старые сюжеты просятся на бумагу. Добротные старые сюжеты столетней давности, исследованные вдоль и поперек, по вертикали и горизонтали, каждое словечко выверено и размечено инвентарным номерком — что можно добавить к такому сюжету?

Вероника Т. высаживается из самолета в одном из крымских аэропортов — так начинается вечный сюжет, не имеющий ни конца, ни начала. На плече Вероники модная белая сумка, в руках теплый трепещущий сверток.

На набережной города Я. появилась красивая дама в ярких современных одеждах. При даме собачка на среднем поводке — белая болонка. В городе Я. таких дам на набережной — навалом. Но наша Вероника все-таки выделялась и статью, и скромностью поведения: тут же отшивала местных прилипал — гуляй, Вася...

— Да, я такая. Но с тобой не пойду, хоть золото давай. Я на отдыхе, понимаешь ты или нет. В отпуску я, русским языком тебе говорят. У меня отпуск сорок восемь дней, гуляй, Вася.

Так бы оно и прошло: массаж, бассейн, хорошая еда, видеосалон. Но Веронике захотелось покататься по морю на катере. Нашла на пирсе катер под названием «Диана», и Григорий Г. согласился ее прокатить.

Очень ей понравился этот моряк.

— Как вас зовут?

— Григорий.

— А я Вероника.

— Догадываюсь.

— А кто такая Диана?

— Жена моя.

— В магазине, небось, работает?

— Зачем в магазине? В магазине это я. А Диана у меня музейный работник.

— Хорошо катаешь. Приходи вечером, поужинаем. Я тебя со своими подружками познакомлю.

— Спасибо. У меня вечером курсы.

Вероника Т. к такому не привыкла — чтобы ей от ворот поворот. На другой день морская прогулка повторилась — с тем же результатом. На третий день Григорий вообще не пришел на пирс.

Вероника Т. вышла на Диану, жену Григория. В тот же вечер Диана гуляла по набережной с белой сумкой на плече. Они шли в обнимку с Вероникой.

Дальше сюжет начинает размазываться — над бухтой опускается туман. Треугольник составлен — прорабатываются варианты.

Виктор Шкловский гениально заметил:

— Собачка не играет в этом сюжете никакой роли. Собачка нужна Чехову для названия. Без этого названия не было бы никакого рассказа.

Вот и я, дабы конец состоялся, сообщаю вам: весь этот год, до следующего сезона, белая сумка то и дело курсировала между Москвой и городом Я.

А дальше в моду вошли сумки другого покроя.

25. Королева Равенсбрюка

В конце пятидесятых годов бывшие узницы лагеря смерти Равенсбрюка съехались в Москву на свой первый слет. Жестокая судьба выпала на долю этих женщин: война, потеря близких, плен или угон в Германию и, наконец, лагерь смерти.

Так ведь это же война.

После войны были спецпроверки, глухое недоверие и полная незащитность перед лицом власти — если кто-то стал инвалидом в лагере смерти, так это нас не касается.

И вот счастье — разрешили встречу. Пригласили бывших узниц в Москву, оплатили дорогу, гостиницу, говорят, будет выпущена книга.

Женщины были возбуждены и торопились высказаться: а вдруг завтра опять нас закроют. Многие не выдерживали боли и сладости этой встречи, стены женского комитета, где происходил слет, то и дело содрогались от рыданий.

Волнующая встреча.

— Где Катерина Ш-ва?

— У нее и билет на руках был. Попала в больницу, ноги отказали.

— Татьяну К. не видели?

— Обещала приехать. Разве ее нет?

— Кто ее видел последний раз?

— Четыре года назад мы встретились в Пятигорске. Только она уже не К., а У. Вышла замуж за инженера путей сообщения. Жаловалась, что он пьет.

— Так это не первый ее муж. Перед этим она была В. Тот был директором торгова.

— Бедная Таня. Ей всю жизнь не везло с мужчинами.

— Потому что красивая. Даже очень. Не родись красивой.

— При чем тут красота? Просто она доверчива, оттого и страдает. Помнишь, как ее майор Кренц терзал? Целыми ночами насильничал.

Татьяну К. привезли в Равенсбрюк в декабре 1944 года. Втолкнули в барак избитую, растерзанную. В тот же вечер майор Кренц вызвал Татьяну на допрос и надругался над ней. Потом это повторялось неоднократно. Татьяна не выдержала таких истязаний, однажды ее вынули из петли. После этого она ушла в себя, затихла. Узницы обхаживали Татьяну, шепотом рассказывали о ее героическом прошлом: Татьяна К. была партизанской связной, принимала участие во многих диверсиях и саботажах, однажды подорвала немецкий эшелон.

Жаль, что она не приехала — было бы что рассказать корреспондентам.

Героическое прошлое Татьяны К. — она же Татьяна У. — она же Татьяна В. — рухнуло в последний день слета, когда в Москву приехала Екатерина Ш-ва. Она потому и запоздала, что ей неожиданно пришлось заняться этим делом, у нее буквально ноги отнялись, когда она обо всем узнала.

Что такое? Не может быть?

Может, и не может — а было.

Еще год назад Екатерина Ш-ва сделала запрос в мюнхенский архив, рассчитывая получить документальное подтверждение на некоторые вопросы. И вот среди прочих бумаг пришла копия лагерного дела Татьяны К. Оказывается, наша героиня совсем не та, за кого она себя выдавала.

— Провокатор? Но она же никого не выдала. Мы бы знали.

— Хуже, хуже. Она немецкая овчарка.

— Ты проверила эти документы? Может, это не на нее?

— Все точно. Я почему задержалась. Я тут же выехала в Смоленск, на который указывали документы — и там все раскопала. У меня и очевидцы есть. Как пришли немцы, Татьяна пошла работать в комендатуру, она еще в школе немецкий язык учила. А там комендантом был Зауберг-барон. И тут у них любовь — слово-то какое, прямо язык не поворачивается. Словом, этот Зауберг фон барон женится на Татьяне и везет ее в свой замок под Тильзитом. Татьяна становится баронессой, рождает немцу дочь Марту, живет в замке и измывается над русскими слугами. Вот так: мы в лагере смерти, а Татьяна во дворце. Но тут Германия проигрывает войну, барон теряет свои земли, теряет родину и даже жизнь. Но перед этим он пытается спасти любимую жену Татьяну, мать его детей. На нее заготовили ложные документы; составили ей легенду и забросили к нам в лагерь. Посидит несколько недель в бараке, зато выйдет чистая.

Женщины молчали, потрясенные бесхитростным рассказом Катерины Ш-вой. Наконец, кто-то спросил:

— А как же Кренц? Ведь он ее насильничал. Он что — не знал?

— Это вовсе не Кренц. Это муженек Зауберг к ней приезжал. Она с ним шоколад жрала.

— Так вот почему она три раза замуж выходила. Следы заметала. Но мы ее найдем, немецкую подстилку.

— Под суд ее.

— Я уже передала бумаги, куда следует. Там быстро разберутся.

— Мы сами ее найдем. И сами суд устроим.

— Клянемся.

Между тем Татьяна четвертый раз переменяла фамилию, найти ее никак не удавалось. Спустя два года после слета ее видели на верхней палубе волжского теплохода — и снова она ушла, вернее, уплыла, от правосудия. Спустя еще семь лет ее увидели в Ростове — она ехала в машине. Далее следы терялись окончательно.

Все это быльем поросло — и наш сюжет завершается. Скорей к финалу.

Счастливый конец в стиле социалистического реализма.

Наступили годы разрядки. Однажды Татьяна получает вызов от своего законного супруга и летит в Западную Германию, где ее с объятиями встречает дочь Марта и старый барон, все эти годы хранивший верность своей жене. У фон барона запасной замок в Баварии.

Увы, так бывает только в кино. Война была тотальная, она не щадила ни женщин, ни детей.

Татьяна К. живет в Павлодаре. У нее растет дочь Марта, год рождения 1962. Татьяна работает диспетчером в жилищной конторе, тут же и квартира, небольшая, но зато отдельная. Все бы ничего, жить можно, если бы не Павел. Он слесарь, много пьет, и кулаки у него тяжелые. Павел о чем-то догадывается, хотя Татьяна, сами понимаете, ни словом, ни жестом.

Последние годы стало спокойнее. Татьяна К. поняла, что ее уже не ищут. Впрочем, разве уж так она виновата? Ведь она любила своего Зигфрида. И он был настоящим мужчиной.

Слабеют ноги, голова по утрам тяжелая, пенсия — кот заплакал. Но память ясная, негасимая, и молодая белокурая бестия надвигается на Татьяну, обволакивает ее. Меркнет свет, и ничего не остается кроме стога. Татьяна поднимается по мраморной лестнице все выше и выше.

26. Побег из русского плена

1941 год. Наши войска после тяжелых боев оставили город О. Капитан Отто Лохвиц, 36 лет, был назначен заместителем коменданта города О.

1941—1943 — работа в городской комендатуре. Роман с Полиной С.

Июль 1943 — город О. освобожден нашими доблестными войсками. Майор Отто Лохвиц захвачен в плен.

1943—1949 годы. Бывший майор Отто Лохвиц находится в русском плену на Урале, работает на шахте, сначала забойщиком, а после бригадиром и даже учетчиком. В декабре 1949 года Отто Лохвиц задумал побег, однако в зиму бежать не решился, отложив задуманное до весны.

1 мая 1950 года, воспользовавшись праздничной суетой и подкупив часового бутылкой шанса, Отто Лохвиц бежал из

русского плена, имея при себе запас продовольствия и гражданскую одежду. Побег немца вызвал переполох среди лагерного начальства, но Отто так и не был найден, ибо он скрылся там, где его не искали.

11 июня 1950 года, проведя несколько дней в товарных вагонах, Отто прибыл в город О. и сразу направился на улицу Красных зорь, дом 22, где теперь он и будет пребывать в качестве квартиранта.

Дом остался таким же — деревянное строение на четыре окна за пересохшим штакетником. Полина увидела Отто в окно и выбежала ему навстречу. Так Отто узнал, что у него была дочь Вера, которая умерла в возрасте трех лет от воспаления легких.

Он был помыт, переодет, накормлен и надежно скрыт от посторонних взоров, а кто знал про Отто еще с времен оккупации, тот помалкивал. Отто мастерил электрические чайники, кипятильники, утюги — и тем зарабатывал на жизнь. Многие удивлялись — откуда в городе О. такие замечательные электрические чайники.

На улице Красных зорь Отто Лохвиц прожил семь лет, после чего в Москву прилетел канцлер Аденауэр и было подписано соглашение о возвращении на родину всех немецких военнопленных, в число которых входил и бывший майор Отто Лохвиц, ныне мастеровой с улицы Красных зорь.

Говорят, Отто пытался хлопотать за Полину С., однако советское государство не могло признать их сожительство законным, более того, Полине С. грозил суд за измену родине. Поэтому Отто ушел из дома № 22 темной ночью и вернулся в лагерь на Урале, откуда и был репатрирован на свою историческую родину.

Полина С. осталась жить в том же доме, пустив туда нового квартиранта. У нее растет сын по имени Олег.

27. Лучший маршрут

Будучи студентом по курсу арабской филологии, Павел У. подрабатывал в качестве инструктора по туризму. У него уже был наработан третий маршрут: Энск—Жигули—Энск. В деревне Верхние Причесы жила возлюбленная Павла, и потому он каждый раз дрожал от нетерпения, выходя на третий маршрут.

В Верхние Причесы обычно приходили на четвертый день к вечеру. Группа располагалась в школьных классах, а Павел, прихватив с собой крупу и консервы из туристских запасов, спешил к возлюбленной, дом которой стоял на краю деревни.

Сюжетный узелок завязан. Персонажи просят слово по повестке дня.

ОН. Мне 23 года. Я люблю изучать языки, это позволяет познать душу другого народа. В Энске я, разумеется, не задержусь. Моя жизнь на стартовой прямой, хочу поехать по свету, других повидать и себя показать. Любовь? Конечно, я верю в любовь. Она придет ко мне. Это великая движущая сила. Человечество не только оскудело бы без любви — оно просто прекратилось бы как живой вид. Ах, Катя. Мы встретились полтора года назад. Катерина вообще прекрасная женщина, но это же на привале.

ОНА. Я счастлива. Он ворвался в мою жизнь как все сметающий вихрь. Никогда не думала, что это такая сладкая мука. Он зовет меня в город, но я не могу, я здесь родилась, выросла, мне 25 лет, я уже приросла корнями. Работа в школе меня вполне устраивает, если учителям к тому же разрешат держать корову, о чем еще желать? Я написала ему письмо, пусть он знает о моей любви.

ОН. Конечно же, это мой любимый маршрут, но ведь и я прихожу не с пустыми руками. Прoshлый раз одной гречки было 15 фунтов, сэкономили на маршруте. Какие могут быть претензии, она просто задавака.

ОНА. Мне надо с тобой поговорить.

ОН. Дай напиток.

ОНА. Налей сам. Ты же знаешь, где вода стоит. Или уже забыл?

ОН. Смотри, я принес.

ОНА. Можешь забрать свои банки обратно.

Они играли в эти игры, не догадываясь о злой судьбе, стоящей на страже сюжета. Не успел он испытать поданную чашу — прибежал перепуганный помощник. Беда. Один из туристов залез на дерево. Свалился. Открытый перелом ноги.

Всю ночь раненого несли на носилках до ближайшей медицинской точки, затем везли в город на попутном грузовике. С парнем все уладилось, отлеживается в гипсе. А вот любовное свидание не состоялось.

Через три дня Павел У. получил письмо до востребования.

У нас будет ребенок, писала она, дальше шли подробности на темы местной жизни.

«Так вот оно что», — подумал он, сидя в сквере против почтамта. Он вспомнил, как она суетливо прибежала в школу, где лежал пострадавший турист, и долго шла за носилками, семена мелкими шажками и тревожно вопрошая его: когда ты приедешь? Обязательно телеграфируй мне — когда.

Он сидел на скамейке в сквере, сидел с каменным лицом, у него не было иной мысли, лишь пульсировала упругая жилка: так вот оно что, вот оно что...

И вдруг пружинка соскочила и начала распрямляться: черт подери, все-таки жаль, лучший маршрут пропадает.

28. Мы ветераны, мучат нас раны

Причал номер шесть

Жили на теплоходе «Фридрих Энгельс». Завтракали и ужинали в кормовом салоне. Программа «Время», переключки и пр. — в носовом. Остальное время — на берегу.

Собрались мы, значит, на эту встречу. Долго собирались, несколько лет. Вот и срок подошел. Наша война — дело давнее, старые солдаты один за другим поуходили на пенсию. Последние ветераны вышли на пенсию к середине 80-х годов. Образовалось много свободного времени. Началась бурная переписка.

Почему бы нам не встретиться? Разве не пора о душе подумать?

Вот мы и собрались в городе К. на Волге, где в 42-м году стояли на формировке. Прямо с вокзала — на этот теплоход.

Первая переключка на верхней палубе. Нас сорок два человека — почти все чужие. То есть, вроде бы и не чужие — но незнакомые.

Но свои.

Ведь все мы — с одной географией. У нас одна полоса на стратегической карте генерального штаба, полоса нашей дивизии: Старая Русса — Дно — Порхов — река Великая — Алуксне — Остров Мазовецки — Эльбинг — Данциг — Померания.

Мы шли одной дорожкой дорожкой по вздыбленной земле. Начинаются сладко-горькие воспоминания.

— Парфино помнишь? Фанерный завод? Ох, и долбало там.— И он уже почти мой друг. Ведь я тоже помню, как долбало под Парфино.

— В Эльбинге шуровали как хотели. Сами почти отрезаны, но свое берем. Они ничего не успели вывезти. Есть за что выпить. За наши молодые годы.

На тебе! Сорок лет не встречались, а сошлись — водой не разольешь. Я и сам такой. И снова бежит скупая ветеранская слеза, теряясь среди морщин.

И вот что примечательно. Почти никто не спрашивал — кем ты стал? Не все ли равно? Мы были на войне на равных, шли и умирали на одной стратегической полосе. Не было на этот раз взаимной зависти.

Нас растаскивали по городу К. Главным образом, по школам и техникумам. Один раз выступали в детском саду. Словом, работали на уровне детского сознания, рожденного из незатейливых передовиц газеты «Правда».

А нам хотелось углубиться в себя.

«Фридрих Энгельс» стоял на причале, но мы уходили в далекое плавание. Смотрю с верхней палубы на себя двадцатилетнего. Неужто это я? Это я был таким на войне? Так ведь и война была такая.

Да, так оно и было. И мы остались живыми, чтобы рассказать о нашей героической юности.

В кормовом салоне стоят столы на четверых или на двоих. Такое расположение является наиболее удобным для сюжетов. Если потребуется массовка — мы сдвинем столы. Нам есть что вспомнить на старом теплоходе, давно списанном с маршрута и поставленном на вечный причал.

Под столом валяются пустые бутылки. На столе — забытая тетрадь в черном коленкоровом переплете. С нее и начнем.

Над причалом сеется мелкий дождичек. Одинокая женская фигурка притулилась у газетного киоска.

Привет от мстителя

20 января 1945 года. — В 10 часов 20 минут утра случилось историческое событие. Мы шли походной колонной по маршруту: Пескерфельде—Гульбинен. Внезапно последо-

вала команда — «Стой!». Мы остановились, причем мои сани едва не налетели на кораблевские. Командир батареи старший лейтенант З. взобрался на поваленное дерево и произнес пламенную речь.

Поскольку ведение дневников на фронте запрещено, я вынужден шифровать свои записи, в том числе и эти страницы. По этой же причине я не ставлю своей подписи: если тетрадь попадет в руки СМЕРШа, установить мое авторство будет не так-то просто.

Старший лейтенант З. сказал, что мы находимся в историческом месте. Через это поле проходит государственная граница между Польшей и Восточной Пруссией. Мы вступаем на вражескую территорию, и сегодня же в сводках Информбюро будет передано, что наши войска, преследуя противника, вступили на его территорию и пересекли государственную границу рейха.

Старший лейтенант З. говорил долго, солдаты начали замерзать. И он сказал такое, что я вынужден зашифровать. Старший лейтенант объявил нам о том, что мы освободили Польшу и наша освободительная миссия теперь закончилась. Мы входим в Германию. Отныне мы уже не освободители. Теперь мы стали м.

После этого старший лейтенант З. приказал, чтобы каждому бойцу выдали по сто грамм водки. Все немного согрелось, стало веселее. В заключение старший лейтенант З. сказал:

— Раньше командир говорил своим солдатам, победившим врага: отдаю город в ваше распоряжение на три дня. Солдаты! Я отдаю вам всю эту страну. И не на три дня, а на сколько вы пожелаете. Потому что теперь мы м.

Мы дали залп из автоматов, пересекли границу и пошли по чужой земле.

Сумею ли я быть м.?

22 января.— Населенные пункты практически пусты, всюду следы поспешного бегства. Многие дома горят, вернее, догорают, потому что мы идем не первыми. Впереди нас танковая армия. Сами мы этих танков не видим, но работа их как на ладони: раздавленные повозки и автомобили, выпотрошенные чемоданы, продырявленные дома, разбитая мебель. Молодцы танкисты, после себя они оставляют мертвую зону. Они забирают все самое лучшее, нам мало что остается.

За крестьянским домом нашел коптильню. Отрезал кусок окорока — сколько мог унести с собой. И не мог удержаться: все съел на первом же километре. Такой вкусный окорок. Ах, почему я больше не отрезал.

23 января.— Солдаты шуруют. Сержант Ц. притащил целый чемодан часов — и все на ходу. Теперь Ц. стоит на часах у собственного чемодана и всех нас презирает: «Нет, это не пятнадцатикаменка, можешь взять себе».

На площади за деревьями просматривался богатый дом. Я вошел: чего бы взять? Все уже было выпотрошено и расхвачано. Сорвал с окна бархатные портьеры, нарезал себе портянки из зеленого панбархата. К вечеру ноги мои были разбиты в кровь — не для русского солдата такое удовольствие.

24 января.— Подъехали на повозке к господскому дому — чем бы поживиться? Братья славяне волокли из дома картины в золотых рамах — «для нашего штаба», объяснил один. Я вошел внутрь. Посреди большой залы лежали шесть трупов: мужчина, женщина, четверо детей. Все они были в черных костюмах и лежали в ряд. Лица у них были удивительно спокойными.

Мне захотелось скорей на улицу. Хорошо, что фляга была со мной. Я сказал на улице Кораблеву:

— Не ходи туда.

А он смеется:

— Они еще теплые. Не мешало бы проверить карманы.

25 января.— С трофейным панбархатом пришлось расстаться: хожу с палочкой. Медсанбат отстал, туда не доберешься.

26 января.— Командир орудия Владимир С. одержим идеей поджечь дом. Оказывается, это не так просто сделать: тут все дома из камня и кирпича. Наконец мы нашли в сарае канистру бензина. Загорелось знатно. Мы пошли дальше, а за спиной все полыхало. Владимир С. рассказывает, что он поставил новую пятистенку в сороковом году. Немцы сожгли его избу. Теперь мы квиты.

28 января.— В глухом лесу стоит роскошное здание на 6 этажей. Здесь находился санаторий для немецких офицеров. А теперь тут мы, победители: купаемся в бассейне, катаемся на лифте, играем на бильярде, смотрим в кинозале немецкую хронику. Нашли картину с Марикой Рокк, она мне всегда нравилась.

Стоим тут второй день. И уходить не хочется. Продуктовые склады набиты едой на полгода. Но вина найти не удалось. Говорят, в этом доме был сухой закон.

После обеда объявили по тревоге общее построение. На плацу выстроились в каре два полка нашей дивизии. Генерал зачитал приговор военного трибунала о расстреле двух мародеров и насильников, пойманных на месте преступления.

Я первый раз видел, как расстреливают наших людей, и благодарю судьбу за то, что не участвовал в этом деле. Могли бы и мне приказать стрелять в своего. А так я только зритель, да и то весьма отдаленный, так как действие происходит на том конце плаца, я почти ничего не видел. Только и было слышно, как закричал диким криком один из этих солдат — и тут же грохнул залп. Я вспомнил шесть трупов в господском доме.

Нас распустили и выдали по сто граммов водки. Странно все это. За всю неделю мы ни разу не развернули своих пушек в боевое положение, не сделали ни одного выстрела, а после нас остается выжженная земля.

Вечером меня вызвал к себе на четвертый этаж старший лейтенант З.

— Кто на меня капнул? — спросил он в лоб.

— Не может быть. Я за своих ребят ручаюсь...

— Вызывал в СМЕРШ майор Кашин. Все знает: с кем пил, о чем говорил. У огурца два конца. Сначала говорили: давай-давай. А теперь кричат: «Тпру». Статья была в газете «Товарищ Эренбург упрощает». Кто мы теперь — освободители или мстители? Без пол-литра не разобраться.

Я долго не мог заснуть. В ушах стоит отчаянный крик этого парня. Надо же — погибнуть от своей пули, да еще в канун победы...

30 января. — Ежедневно совершаем марши по 25—30 километров, но пока ни одного живого немца не видел, тем более — немку. В домах барахла навалом. Обрастаем чемоданами.

Будем и дальше мстить.

Перина пуховая, стандартная

Старший лейтенант З., москвич, ушел на фронт нецелованным. Только и был один поцелуй на вокзале, когда Ляля провожала солдатский эшелон. Да и тот поцелуй при днев-

ном свете получился смазанным, как рикошет от щеки в ухо. Видно, и Ляля осталась недовольна вокзальным поцелуем, потому что уехала в эвакуацию и вышла там замуж.

Старший лейтенант З. был тогда курсантом. Потом маршевая рота — прямым ходом на фронт. Кругом мужская компания. На весь полк была одна Шурка, все глаза на нее проглядели, но Шурка ходила нос задрав, потому что была телефонисткой в блиндаже майора Казанина, так что тут пути-дороги перекрыты плотно.

Мы уже приближаемся к пуховой перине, ибо наш рассказ о том, как старший лейтенант З. во время боевых действий невинность потерял.

Часть, в которой он служил, вела наступление в Силезии. Только-только вступили в Германию. Освободили безымянный хутор. Солдаты шуруют: один тащит сало, другой часы нашел. Старшина варит гуляш.

Неожиданно с большака во двор завернули две странных повозки. На первой фуре стоял огромный комод, за второй повозкой шагала пегая корова, привязанная на длинном поводке. Повозки сопровождали три женщины в телогрейках. Это были перемещенные лица, угнанные с Украины еще в сорок первом году.

Солдаты бурно приветствовали женщин.

— А корову можно с собой взять?

— Берите все, что плохо лежит. Это все теперь ваше.

— У нас Ксения перед войной два колоска взяла с поля, на три года угодила, вот мы и опасаемся.

— Войне конец — победа. А где победа, там и свобода.

— Спасибо вам, освободители наши...

Хутор большой, женщины быстро рассосались по углам. Старший лейтенант З. стоял у походной кухни, наблюдая за гуляшом. Вдруг его тронули за рукав.

— Офицерик, помоги мне.

Перед ним стояла тетка в сером платке до бровей. Лицо пропыленное, но глаз быстрый, заманчивый.

— Что тебе, тетенька?

— Пойдем со мной, поглядим, я одна не управлюсь.— И рукой на чердак показала.

— Зачем я тебе? — Но шел за ней послушно.

— Вон как у вас теперь — погоны. Ты вроде как лейтенант, помоги мне.

Они уже забирались по шаткой лестнице на чердак. Жен-

щина провела старшего лейтенанта З. в дальний угол. А там пуховая перина расстелена, пухлая такая, как дирижабль. Она и бухнулась на перину.

— Посмотри, офицерик, какая перина-то. У нас на Украине и нет таких. Вот я и надумала: привезу домой такую перину. Будет моя добыча. Вот ты мне и ответь — можно?

— Она же у тебя всю повозку займет.

— Я веревками затяну, она ведь невесомая. Да что ты стоишь, садись со мной, посмотри, какая мягкая, это же пух натуральный.

— Сам-то откуда? — Старший лейтенант З. уже понял, что его ждет, но ведь он нецелованный, но не знает, как это делается и потому робеет. Сначала полагается поговорить, так сказать, провести беседу, естественно, на лирические темы.

Увы, старший лейтенант З. так и не успел показать свою интеллигентность. Женщина потянула его к себе, и вот он уже на перине, погрузился в нее и тут же утонул в задыхающихся объятиях. Платка уже нет, вместо платка появились губы, и вообще между ними ничего нет, ее руки, жадные и уверенные, направляют старшего лейтенанта З., и он с удивлением и радостью чувствует упругое мудрое тело. И голос ее зазвенел, глаза заискрились.

Как ее зовут? Кажется, я так и не узнал этого. В воспоминаниях она всегда являлась под кличкой «Казачка». Ей и было-то всего двадцать пять, она из Белой церкви, впрочем, какая разница.

Через час трофейная повозка выехала со двора. Пуховая перина и впрямь не заняла много места. Солдаты помахали женщинам руками и пошли дальше. Вечером приняли бой, напоровшись на немецкую засаду. Старшина был ранен, правда, легко.

Старший лейтенант З. вспоминал свою первую победу над женщиной с торжеством, но вместе с тем и с горечью. Получилось совсем не по-книжному, не о том он мечтал одинокими юношескими ночами. Ах, о чем говорить — война. Пусть война все спишет.

А что же тут худого? Все как надо получилось. И руки ее ненасытные, и голос взлетающий:

— Я ведь тебя сама выбрала. Как увидела у костра, так и вздрогнула: это мой. И помни меня, что я у тебя первая. Никогда меня не забудешь.

Все четыре колеса

Капитан А. плакал горячими слезами, размазывая свое жидкое отчаяние по небритым щекам.

— Ах, зачем я не остался там? Сам сидел за рулем. И сам же повернул домой. Оставалось всего двести километров, всего двести. Ах, какой я идиот, последний мудака. Двести километров и сорок лет свободы.

Я не собирался утешать капитана А., хотя тоже имел некоторое отношение к той давней истории, которая тогда изрядно нашумела и даже вошла в армейские апокрифы. Я был третьим. История наша прошумела и так же скоро приутихла, так как никаких следов не осталось — концы в воду.

Прошло сорок лет, и капитан А. со слезой и надрывом вспомнил давний случай. Мне такая печаль не приходила в голову. Да и было ли это вообще — зеленый шум, дальняя дорога.

Придумал все это капитан А. — оттого и плачет теперь пьяным глазом.

...Три дня теребил нас: поедем да поедем, тут же рукой подать. У меня маршрут составлен. Десять часов — и мы в Париже. Сутки гуляем с девочками — и домой. Оккупационные марки складываем в один бумажник, а главная валюта — шнапс.

И ведь уговорил. Да нас и уговаривать не надо, сами в Париж рвемся на всех парусах — будет что вспомнить.

Капитан А. и два старших лейтенанта: я и Сергей Ю. из нашей батареи. Машина под рукой — «опель-адмирал». Загрузили под завязку и в пятницу после обеда тронулись в дорогу, сообщив предварительно, что нас вызывают в штаб дивизии.

Конец мая 1945 года. Европа дымилась в послевоенном мареве. Границы были стерты, перемещенные лица перемещались во всех направлениях.

Взяли курс на Франкфурт. Эльбу пересекли по понтонному мосту в Витенберге. Это обошлось нам в одно золотое колечко, данное усатому старшине. Тут кончалась наша зона.

Теперь мы были в гостях у американцев. Веселый сержант в брезентовых шароварах приветствовал нас на контрольно-пропускном пункте.

— Салют. Рашен? Гитлер капут. Джо веривел. О-о! Рашен шанс, ол райт. Гуд бай.

Тянули по рюмашке — и дальше: вперед, к парижанкам. На худой конец, у нас была припасена примитивная легенда, что мы возьмем секретный пакет генералу Эйзенхауэру. Но кто нас остановит — мы же союзники, победители.

Капитан А. и Сергей Ю. менялись за рулем. Я сидел на заднем сиденье и покуривал.

Брауншвайг, Геттинген, Кассель. Война прошла по Европе полосами. То разбито в пыль, всмятку, то на сто километров ни одной разрушенной крыши.

На каждый город — по рюмашке. Мы листали Европу как потрепанную книгу, вовсе не интересуясь текстом, лишь разглядывая картинки.

Черный «опель-адмирал» мощно преодолевал пространство. У французского контрольного пункта заправились бензином, приняли по стаканчику бургундского.

— Гран мерси, капрал. Париж, мадмуазель, манифик, адью, капрал.

Приближаемся к Рейну. Тут и напоролись на этого англичанина в сером галифе.

Не успели мы предъявить заветную бутылку, как нас уже взяли под стражу — и в сарай. Капитан А. пробовал трепыхаться — куда там. Английский майор был туп как жердь, и его солдаты свое дело знали.

Замок щелкнул словно затвор русской трехлинейки образца 1893 года.

Сергей Ю. нервно закурил сигарету.

— Ребята. А ведь этот тип доложит по команде. Он ведь зануда.

— Надо было повернуть на южную переправу, — бодрился капитан А.

Но я уже все слышал — и слово было сказано нашим беспощадным стражем. Оно не нуждалось в переводе. — Дезертер.

Единственный вопрос, который следовало теперь разрешить — кто я? Дезертир или перебежчик? Мы не записывались ни в одну из этих групп. Но теперь нас и не будут спрашивать. Нас просто зачислят — куда захотят.

Сергей Ю. вел наблюдение сквозь щель в стене сарая.

— Эта жердь пошла в штаб. Сейчас доложит своим. Командир английской дивизии передаст запрос в штаб со-

юзников, оттуда депеша пойдет к русскому командованию прямо в Берлин, оттуда в северную группу войск. Наши передадут запрос в дивизию. Наш комдив доложит: у нас все люди на местах. Но тут же даст команду: проверить! Адъютант Аркадий поедет в наш артилжк на мотоцикле, но ему будет лень ехать, он непременно куда-нибудь завернет и перекантуется с какой-нибудь шатенкой. Короче. У нас есть время до утра. После завтрака будет поздно.

— Что дальше?

— Под конвоем доставят нас до границы русской зоны, передадут под расписку нашим. Самое легкое, что нас ждет — трибунал.

Часовой демонстративно печатал шаг вдоль стены сарая: остановка, полный поворот кругом, снова топает сапогами вдоль нашей судьбы. По этому шагу мы и определили его: тыловая крыса из английской комендатуры, фронтовики так не ходят, фронтовики так ходить не умеют.

Недолго мы размышляли. Нам бы только темноты дожидаться. Три боевых офицера против одной тыловой крысы — о чем разговор. Штабную жердь с погонами майора решили не трогать.

Операция по освобождению была совершена за тридцать секунд. Часовой с кляпом во рту лежал в сарае, наш «опель-адмирал» стоял во дворе нетронутым: все-таки приятно, когда уважают частную собственность.

Капитан А. сел за руль. Мы рванули. Нас никто не преследовал. Наши документы оставались при нас: мы их не отдали майору, ему достались в качестве трофеев три немецких парабеллума — кстати, нигде не зарегистрированных. В пять часов утра на малой скорости мы въехали в село, где стоял наш полк, воровато разошлись по своим домам.

Утром появился заспанный адъютант командира дивизии по имени Аркадий.

— Ребята, вы дома? А про вас тут брешают черт знает что. Будто вы в Висбадене под замком и требуете политического убежища.

— Висбаден, говоришь, вот это да, — сказал я, потягиваясь со сна. — Такая штука и во сне не приснится. Нашел кому верить — союзникам. Да они тебя враз облапошат.

— Вот и я так думаю, — согласился Аркадий. — У тебя выпить не найдется? Мне в штабдив про вас докладывать. А горло пересохло.

Наши запасы остались неизрасходованными, я отвалил Аркадию щедро.

Больше мы к парижской теме не возвращались. Парижская тема оказалась закрытой на сорок лет.

Последняя чернобурка

Капитан А. появился за завтраком свежий, как огурчик: даже морщины разгладились на белокожем лице. Разговор перескакивает с предмета на предмет.

Пора в автобус. Едем в школу, потом на ткацкую фабрику. Капитан А. выбирает сиденье подальше от меня, очевидно, ему стыдно за вчерашнюю слабость.

А воспоминания струились со всех сторон: из ушных раковин, из глаз, даже из ноздрей, когда запах черного сухаря мог напомнить о чем угодно, хоть о промокшем блиндаже. Я уже не говорю о более глубинных источниках моей памяти.

Воспоминания струились в ритме моего сердцебиения. О чем лучше всего вспоминать в автобусе? О дороге.

В Варшаве была пересадка с европейской колени на широкую русскую. У меня в руках два чемодана с трофейным барахлом, тяжело ходить с двумя чемоданами в зубах. Я загулял.

Ее звали Софка. Город был разрушен до основания. Софка стояла на груде кирпичей. Мы пошли вместе. Она привела меня в подвал, и мне уже не хотелось уходить оттуда, хотя в подвале не было ничего, кроме жесткого волосяного матраса. Я любил Софку на жестком матрасе.

Утром мы сели на трамвай и поехали на другой берег Вислы. Из подвала я попал в картежный притон, двое суток резался в очко, пока не остался без денег, без чемоданов — и без Софки. Я хотел играть дальше, готов был продать железнодорожное требование, согласно которому можно доехать до Москвы. Поляки посмеялись надо мной и вежливо проводили до вокзала. А я, дурачок, ждал до последнего момента — не появится ли Софка? Увы.

В поезде я твердил про себя: «Варшава это не Париж, Варшава это не Париж». Однако спустя двести километров внутренняя гармония была восстановлена. Пересекли границу — я вернулся домой. Босые мальчишки бежали за поездом с протянутыми руками: дяденька, подай... Я кинул в окно

последнюю горбушку, сел на свое место и заплакал, это были слезы счастья — я дома.

Кроме железнодорожного требования, продовольственного аттестата у меня в кармане хранились две почтовых квитанции о приеме двух посылок. Эти две квитанции я предлагал в Варшаве в качестве залога. О них и будет мой сюжет.

В армии все делается по ранжиру. Генерал мог отправить на родину вагон. Полковник имел право на грузовик. А нам, рядовым офицерам и сержантам, было дано право на две почтовых посылки в месяц — но чтобы в каждой посылке было не больше восьми килограмм.

Я сам этими делами не занимался. Посылал трофеи на имя матери мой ординарец Джумагазиев. Он и вручил мне две квитанции, добавив при этом:

— Мы тут один магазин почистили. Я все упаковал как надо, лишь бы дошло.

— Хорошо, Джабар, службу знаешь. Благодарю.

— Служу Советскому Союзу, — ответил тот и был таков.

И вот я волоку с почты два куля по восемь килограммов в каждом. Дома вскрываю кули — на стол вываливаются шкурки чернобурых лисиц — ровно пуд чернобурок.

Вот и весь мой трофей от второй мировой войны. Правда, был еще один трофей — моя собственная жизнь, однако тогда я каким-то образом умудрялся пропускать этот мотив мимо своего сознания, это пришло потом.

Так ведь и к чернобуркам я отнесся свысока. Они висели хвостами вниз в старом материнском шкафу. Я оставил армию, пошел в институт, жил на голодных студенческих хлебах. Два-три раза в год брал лису за хвост и шел в комиссионный магазин. Одну лису подарил своей кухне Люсе — она еще училась в школе, мы с ней занимались немецким языком, а в перерывах между страницами целовались до одури.

Чернобурки таяли как прошлогодний снег. Однажды я разговорился с приемщиком в комиссионном магазине.

— Вполне приличный мех, — сказал он. — Юхновская фабрика, партия сорокового года. И мастер известный — скорняк Гладков.

— Как вы это узнали? — удивился я.

— Вы же ко мне не первый раз приходите, я вас запомнил. Вот и решил посмотреть метку, вот тут она ставится —

в голове. Фабричная марка, номер партии, имя мастера. Все ваши черпобурки оттуда.

— Они из Померании, мне их оттуда прислали.— Я почему-то решил не вдаваться в подробности.

— Все справедливо,—сказал старый приемщик.— Они взяли у нас. Мы взяли у них. Круговорот природы завершился.

Два года назад хоронили тетю Клаву, мать Люси. После крематория собрались на поминки. Люся села за стол в траурном убранстве: на ее плечах была черно-бурая лиса.

Я подошел к Люсе и погладил ее по плечам. мех был прохладным, он еще сохранился, но уже проступали там отдельные проплешины, источая едва заметный запах тлена.

Люся плакала.

Фронтная подруга

Перед ужином, когда мы сошлись в кормовом салоне, наш руководитель, майор М., сделал следующее заявление.

— Дорогие ветераны, как вы знаете, наша часть в 1942 году находилась в этом городе на формировке. Отсюда мы уехали на фронт громить врага. Теперь наступили отдаленные последствия наших тогдашних действий. К нам в штаб поступило заявление от жительницы города К. Валентины С. Она уже третий день ходит к нам на причал, наверное, многие ее видели. Дело в том, что Валентина С. родилась в 1943 году как раз после нашего здесь пребывания. Мать умерла во время родов, отец неизвестен, но известно, что он тогда стоял на формировке, то есть из нашей дивизии. Так что признавайтесь, дорогие ветераны. Имеется возможность враз получить взрослую дочь с двумя внуками. Сама Валентина С. живет хорошо, имеет квартиру и ни в чем не нуждается, но ей очень хочется найти своего родителя.

— А как женщину-то звали? Которая мать?

— С Валентиной проведена беседа. Ее мать звали Надеждой.

Ветераны, собравшиеся в салоне, отнеслись к заявлению с пониманием. Глаза в потолок, губы шевелятся: Надя, Надюша, Надечка. Но нас всего сорок два человека, мы не можем нести ответственность за действия десяти тысяч боевых штыков.

Так или иначе — тема задана. В современном звучании она могла бы определиться так: «Любовь и пушки», — причем в данном вопросе мы являлись отнюдь не теоретиками.

— Помнишь, как мы уезжали из К. Время отъезда держалось в глубокой тайне. Эшелоны подавались один за другим на запасных путях, как можно дальше от станции. И все равно женщины набежали, аж на рельсы ложились: не пушью моего Васю на фронт...

Ветеран Б. мечтательно рассказывал, принимая манную кашку:

— Стояли мы под Лебединцем, я офицером связи был. И посылают меня с пакетом в Борки, а там батальон связи стоял — четыреста девчат, все кровь с молоком, отчаянные. Иду с надеждой, может, и мне отломится. Вошел я, значит, с боевым пакетом на территорию — и тут мне капут. Девки как увидели меня — и хватать за яйца, волокут меня в блиндаж. Ой, ребята, что они со мной делали. Двое суток меня не отпускали, высосали из меня все, что во мне было. Уполз от них на карачках. Не приведи господь.

Ветеран В. с готовностью подхватывает заданную тему.

— Держали мы оборону на реке Великой. Выстроили себе блиндаж на двенадцать человек, аккуратно весь взвод разведки помещался. Два раза ходили в тыл. Без языка не возвращались: с партизанами менялись на махорку. И вот присылают нам нового разведчика Зою. Куда ее девать? Иди, Зоя, к нам в блиндаж, как-нибудь поместимся, ложись с правого края. Только легли, лампу притушили, Зоин голос: «Мужички тут есть? Кто смелый?» Так и пошло. С вечера Зоя ложится с правого края, а утром просыпается на левом краю.

— Выдумываешь ты все. Не было этого. Мы же все-таки советские солдаты.

— Конечно, враки. Один писатель как-то написал похуже. А после одумался, понял: нельзя клеветать на нашу армию. В журнальном варианте похожая сцена с блиндажом была напечатана. А книга вышла — и все гладко, ничего не было.

— Как это не было. Я же не книгу тебе рассказываю, а про свой блиндаж. Мы разведчики — одна семья. И Зоя с нами наравне. Под Островом ей ногу снарядом оторвало. Лежит на траве, а ноги нет по колено. Сама в сознании. «Ребята, пристрелите меня. Неужто среди вас мужиков не

стало?» Увезли ее на Урал. Через полгода пришло письмо: нет нашей Зои, не захотела жить безногой.

— Значит, она свою судьбу чувствовала.

— Не было этого, — сказал голос из темноты. — Наша Зоя вообще была девственницей.

— Кто это говорит? Откуда ты?

— Это я, Зоина подружка. А зовут меня Шурой, али не узнаешь?

И подседа за наш столик.

Ах, Шурка, Шурка, мы тебя давно поджидали. Сначала вовсе не приехала, на третий день явилась: извините за опоздание, я с внуком в больницу ездила, вот они мои внучата, это Петя и Коля, а это Катя, вот эта, которая слева, карточка, правда, помялась. Но я живу хорошо. Занимаюсь полезным трудом на ферме в совхозе «Большевик». Имею свой дом, корову, курей не в счет. Получила ветеранскую открытку на мягкую мебель. А так у меня все есть — полная чаша.

— Ах, Шура, красавица наша. А майора Казанина помнишь?

— Как же мне не помнить моего майора. Умер в прошлом году. Я даже похоронить не сумела. Но теперь непременно съезжу поклониться праху его. Он в Новосибирске жил — далеко. Но у меня еще ветеранский билет не использован.

— Шур! Ты разве ветеран?

— Кто же я? У меня все по закону, ничего не пропускала. Орден Отечественной войны лично от товарища Молочкова получила.

— Какой же ты ветеран, Шура? Ты хоть раз в атаку ходила? Немца живого хоть раз видела?

— Можно подумать, что ты в атаку ходил. Ты же минометчик — кривое ружье. Я связистка в действующей армии. Как все, так и я. Под бомбежкой была. Снаряды на меня сыпались.

— Насчет связистки — это верно. Состояла ты в связи. Ты не ветеран, Шура. Ты ППЖ — помнишь, что это такое? Майора Казанина ты полевая походная жена. Вот ты кто.

— Я от своего майора не отказываюсь. Промеж нас любовь была. Я помогала майору Казанину громить врага, этих извергов, нелюдь фашистскую. Придумал тоже — не ветеран... Это надо же такую глупость придумать.

Ах, Шура, это он со зла говорит. Какая же ты гордая была, как нос перед нами задирала. Я майорова, живу в его блиндаже — не подходи. А мы изо всех щелей жадно наблюдали, как по утрам эта сытая курва выходила из майорского блиндажа в белой нательной рубаше — и давай потягиваться. Знала ведь, что на нее весь батальон глазеет, я эти Шурины телодвижения на всю жизнь запомнил. Мы все ее любили и ненавидели. И ничего в ней вроде нет: ни кожи, ни рожи. Деревенская тетеха. Но зато, что у нее есть, все отлито в мясе, все выпирает. И наша Шура одна на весь полк. Ах, Шура, Шура, обездолила ты нас. Командовала нами как хотела. А сама — недотрога.

— Не судите меня. Любила я его. Говорю вам — любила.

— Кого? Казанина? Да он же маленький, толстый как сарделька, мир его праху. Нос картошкой, ноги кривые.

— Врете вы все, не помню, как ваша фамилия. Вы вообще, наверное, не из нашей дивизии. Клевещете на ветеранов женского пола. Да нам на войне похлеще было, чем вам. На Зою вот наговорили, теперь на меня. Извращенцы вы.

— Как было, так мы и говорим. Ты что-нибудь слышала про колымский трамвай, Шура?

— Я по этим Колымам не шаталась, вы меня не собьете.

— А если двенадцать разведчиков, как одна семья...

— Зачем мне двенадцать мужиков? Мне всегда двоих хватало.

— Как двоих? Неужто это правда? Вот какие открытия сорок лет спустя...

— Я же вам честно говорю: любила я. Всей душой. А вы друг друга не слышите, у каждого своя музыка. А любила я без памяти Саню из третьей батареи, сама его выбрала, такой пумпончик был, розовенький, щечки пухлые. Москвич, между прочим, и я у него первая.

— Чудеса, да и только. И никто не знал.

— Вам и не надо знать. Вы все похабники, вам настоящую любовь не понять. Как майор уедет куда-нибудь в штаб, я трубку снимаю: примите телефонограмму, лейтенанта такого-то срочно в штаб. А я уже в халатике жду его — срочно. Он боялся сильно. Обними меня, просит, а сам дрожит.

— Чего же он боялся, Шура?

— Майора боялся. Издруг узнает. В соседнем полку такой случай был, так обоих под трибунал за измену родине. Но майор не узнал. Убило моего Саню под городом Тарту. Как я убивалась, майора целый месяц к себе не допускала. И после Сани у меня никого. Ах, были золотые годы, золотые годы, годочки, лета, леточки, да жаль, быстро кончились.

Щура поднялась в рост и пропела:
 Вот и кончилась война.
 И осталась я одна.

Нужно отрезать

Лейтенант Медников сказал:

— Все-таки лучшие годы моей жизни — когда я был оккупантом.

Я дал ему в морду. Он мне ответил. Нас разняли. Мы ничего друг другу не доказали.

Бюро социологических исследований подтверждает: 77 процентов ветеранов ВОВ любят товарища Сталина. И не надо корить нас за то, что мы сталинисты. Ведь и в самом деле война была лучшим временем нашей жизни, я имею в виду наше поколение — а мы пошли на войну восемнадцатилетними. Мы же не за Сталина воевали, а против Гитлера. И это было наше самое чистое время, когда помыслы каждого совпали с помыслами всех. Мы исполнили задачу своего поколения. Остается лишь пожалеть о том, что эта миссия была завершена, когда мне и моим товарищам было всего двадцать два года. Мы исполнили свою историческую роль и как бы сошли со сцены. Но это уже другая пластинка.

Мы вернулись с войны победителями, а нас обманули. И чем дальше, тем больше обманывали.

Мы выжили на войне. Выжить в дни мира оказалось ничуть не легче. И ветераны начали борьбу за выживание: создали свой комитет, выпустили газету, добились льгот в этой трудной жизни.

И встреча наша на тензоходе «Фридрих Энгельс» тоже ради нашего выживания.

А в том, что победа наша — великая, историческая — не принесла плодов, в том не наша вина.

А чья же?

Раньше нас просто обманывали. Теперь нас дурачат. Все мы порченые.

Поэтому не надо бить морду, как намечалось в первоначальном варианте.

Поэтому не судите нас, а мы вас простим.

Время третьей час ночи. А мы не расходимся. Мы там — в золотой нашей юности.

— Какой же я оккупант, если я освободитель. Тут что-то не так. Либо — либо.

— Нам сказали: мы идем в Германию как мстители. Надо отомстить им навсегда, чтобы они до пятого поколения запомнили. У нас в дивизии даже пароль такой был: «Ты сколько раз сегодня отомстил?»

— А детей убивать? А женщин водой обливать, статую ледяную из нее делать?

— Так я и говорю: до пятого колена.

— Я, к примеру, честно признаюсь — ни одной немки не изнасиловал. То есть с применением силы. Как было? Я вхожу и говорю: «Фрау, ком». И она тут же лапками кверху. Сама задирает. Ну человек слаб — как тут устояшь? Мне в такой ситуации устоять трудно. Я залезаю.

— Ишь ты, какой благородный. Битте-дритте, фрау. А что ей делать? Ты же с автоматом.

— Никак нет. Автомат я снимаю. С автоматом неудобно.

— Я так думаю. Немцы осознали свою историческую вину перед человечеством. И первыми поняли это немки.

— Всю Германию до винтика вывезли, все равно не помогло.

— Ребята. За что купил, за то продаю. Была такая серия: «Мифы сорок пятого года». Старшина Стасюк приезжает и говорит: «Я сегодня Марику Рокк под Магдебургом трахнул». — «Как так?» — «Очень просто, — говорит. — Еду по дороге, смотрю: слева стоит роскошный «мерседес». А в «мерседесе» Марика Рокк, я ее сразу узнал. Ни тпру, ни ну — машина сломалась. Она мне делает ручкой и улыбается: «Герр официр, хильфен мир». Ну, думаю, сейчас я тебя хильфану. От такой дамочки грех отказываться. Раз-два, наладил мотор, сам за руль, едем на хутор. «Фрау Марика, теперь ты мне хильфен». Беру ее на руки, несу в покои. Уж она благодарила: «Руссини колоссаль». И сама ничего. Все штучки знает. Только и вскрикивала: «Оне кинд!» Чтобы я, значит, детей ей не наделал. До самого вечера с ней забав-

лялись: и так и этак. Она ко мне присохла. Просит-умоляет: «Возьми меня с собой, я тебе портянки стирать буду». Но я ей твердо так говорю: «Пардон, Марики, меня дома ждут мои красноармейцы, буквально жить не могут без своего старшины. Пока я тут с тобой забавляюсь — они некормленные. Вот и вернулся к родному гуляшу.

— Марики Рокк в сорок пятом году вообще в Германии не было, она жила в Вене.

— Зато миф жил в оккупированной зоне. И этот миф бессмертен.

— Разве не могло быть настоящей любви между русским офицером и молодой немкой. В литературе не раз описано.

— Какая это литература? Отрывка соцреализма. Лейтенант-сталинист, молодая арийка из гитлерюгенда. И капитан Кашин из СМЕРШа как всегда начеку. Слушай, как бывает не в соцлитературе, а в жизни.

И он рассказал.

Старший сержант Кораблев и в самом деле увлекся Бригитой. Война-то кончилась, тут не повольничаешь. А с Бригитой встретился на базаре — и купил ей кусок сала. Бригита повезла его домой, совсем недалеко от той деревни, где стоял Кораблев — всего 8 километров. А Кораблев был ездовой, у него левая рука сухая, оттого он и робел перед дамским полом. Он возил миномет в пароконной повозке. Вот он каждый вечер и мчит к своей Бригите, они там милуются, а в семь утра он опять на боевом посту.

Любовь, да и только.

Однажды Кораблев не смог поехать на хутор к Бригите. И причина самая простая, так сказать, каприз природы: лошадь захромала, колесо лопнуло — на выбор.

Через два дня лошадь перестала хромать. Кораблев поехал, и все было как прежде. А еще через неделю выяснилось, что он заболел гонореей.

Вы уже догадались, как это могло случиться. В тот самый вечер, когда Кораблев не смог приехать, на хутор нагрянули пять солдат на самоходке и выбрали Бригиту для своих утех. Бригита решила, что она ничего не скажет своему возлюбленному — и таким образом происшествие как бы не имело места.

Но последствия были налицо. Кораблеву не хотелось казаться перед начальством, лечиться в медсанбате: там враз возьмут на учет.

Кораблев поехал в город и нашел немецкого венеролога. Немецкий врач осмотрел его, вымыл руки и произнес исторические слова:

— Мусс абшнайден — «нужно отрезать».

Кораблев был десятиклассник, но и без перевода понял, что предложил ему этот немец, фашист проклятый. Кораблев выхватил пистолет здоровой рукой и открыл огонь по фашисту.

Потом две недели мы пытались замять эту историю. К счастью, Кораблев стрелял неумело и попал только в руку.

Самого Кораблева направили в медсанбат на лечение, где он первым делом был взят на учет.

О Бригите с тех пор мы ничего не слышали. Только что закончилась великая всемирная война. Десятки миллионов людей убиты, сожжены, отравлены. Что стоит в сравнении с тем судьба одного человека.

Даже двух.

Убей его!

Три ветерана шептались на корме, по соседству со спасательным кругом. Я приладил слуховое устройство, навел звук на резкость. Из ровного вселенского гула начали возникать слова.

Первый ветеран. А ты скольких немцев убил?

Второй ветеран (озираясь по сторонам). Не помню.

Первый ветеран. Очень мне хотелось на войне немца убить. Хотя бы одного. Просто спал и во сне видел, как я его убиваю. Приехал в сорок пятом домой, сын подросток без меня, уже с усиками. Я уходил, пацаненком его оставил, а теперь ему шестнадцать с половиной, выше меня на голову, басит. Он и спрашивает: «Пап, ты скольких немцев на войне убил?» «Ни одного не убил», — отвечаю. Он и удивляется: «Затем же ты тогда на войну ходил?»

Третий ветеран. Суровы наши дети.

Второй ветеран. Нет, ты мне скажи. Скажи мне — ты кем воевал? То-то. А я подносчиком был, снаряды к пушке подносил. А куда они летят, это уже не мое дело.

Третий ветеран. Значит, ты воевал посредством снаряда. Ты отчужден от своей жертвы. А я из пистолета его шмякнул. Глаза в глаза. Оттого и снится мне по ночам.

Первый ветеран. До сих пор снится? Все время?

Третий ветеран. Нет. Первые тридцать лет не снился. Лет восемь как начал сниться. А ведь совсем мальчишкой был.

Первый ветеран. Кто? Он или ты?

Второй ветеран. Обратись к врачу, он тебе таблетки определит. Будешь как младенец спать. Он тебе снится не должен, ибо ты есть победитель.

Третий ветеран. А ты сейчас мог бы убить человека?

Первый ветеран. Нет, сейчас не мог бы.

Второй ветеран. Хоть из пушки?

Первый ветеран. Из пушки-то еще труднее.

Третий ветеран. А я в прошлом году чуть жену не убил. Уже за молоток схватился... Уж очень меня мытарит...

Второй ветеран. Подумаешь, жену. Жена не человек, на ней все что хочешь выместить можно.

Третий ветеран. А себя убить мог бы?

Первый ветеран. Зачем мне себя убивать? Только-только жить стали как люди: мне паек дают, талоны на сахар. В прошлом году мебель выделили. Нет, я хочу продолжения жизни.

Третий ветеран. Разве это жизнь? Разве мы за это воевали? За паек? За колбасу?

Второй ветеран. За что воевал, то и получил. За нашу победу. А если тебе хорошая жизнь нужна, то и незачем за победу драться. Отдай ее другому — а сам загорай.

Третий ветеран. Ну что? Примем еще по маленькой. Вот я и говорю: зря я убил его. Совсем мальчишкой был.

Выпьем за нашу победу

На третий день нашего затянувшегося застолья во время прощального банкета мы оказались за одним столом с Сергеем Мартыновым. Напротив сидел капитан А.

Мартынов подвинулся ко мне, наливая стопку, и вдруг спросил:

— А ты на кого писал?

Я тотчас понял его вопрос, но решил прикинуться дурачком.

— На кого? Или кому? Я, например, писал Зое — девушке, не получающей писем с фронта.

— Не финти. Капитана Кашина поминишь. Ага! По глазам вижу — вспомнил капитана Кашина. Он потом майором стал.

Еще бы! Мог ли я забыть.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться. Младший лейтенант З. по вашему вызову явился.

— Садись, Зайцев, в ногах правды нет. Очень ты мне нужен. Давно к тебе приглядывался, все собирался поговорить, да все некогда, сам понимаешь. А вот теперь дошла очередь до твоей буквы, Зайцев.

— Я не Зайцев, товарищ капитан. Я З.

— Не учи старших. Тут армия, я лучше знаю, кто ты есть. Уже решено и подписано. Это тебе с непривычки новая фамилия не нравится. Ты привыкай.

— Товарищ капитан, я вас не понимаю. Моя фамилия — З.

— Что же это, Зайцев? Родине не хочешь служить? Только отвечай честно — как на духу.

— Что вы, товарищ капитан, я же служу родине. Мечтаю как можно скорее на фронт.

— Вот-вот. Я всегда о тебе хорошо говорил. Такой молодой, красивый. И на фронт рвется. Тебе же цены нет, Зайцев. Вот прочитай и распишись. В том числе о неразглашении. Чтоб никогда — даже через сорок лет, когда ты будешь встречаться с такими же как ты ветеранами-мудаками. Молчок. Я всегда говорил про тебя — молодец. Он себя еще покажет. Особенно на фронте. У него вся грудь будет в орденах. И помни. Отныне ты Зайцев. Будешь работать со мной. Писать будешь?

— Кому писать, товарищ капитан?

— Ну, это мы потом помозгуем, о ком ты будешь писать. Решим в рабочем порядке. А пока присматривайся и запоминай. Тебе высокое доверие оказано.

Прошли, пролетели, растворились обещанные 40 лет. Я сижу за банкетным столом и трусливо вспоминаю капитана Кашина. И в голове подленькая мысль — призываться или не признаваться?

Сергей Мартынов поднял свою рюмку и молча смотрел на меня. Он видит меня насквозь.

— На тебя не писал, Сергей, — отвечал я со вздохом, и это была правда.

— А на Веру?

Ах, Вера. Там же была Вера — как мог я забыть. Новая игла вонзается в мою память, кровотока и впиваясь в мясо.

Конечно же, я был влюблен в Веру, весь наш запасной полк на нее заглядывался. Я то и дело бегал к Вере на перевязку, чтобы она еще раз прикоснулась ко мне своими нежными руками.

Интересно, узнал бы я Веру, если бы встретил ее сейчас на улице или даже тут, в кормовом салоне?

Моя мечта была поругана самым пошлым способом. Я вбежал в блиндаж на перевязку и тут же услышал ее счастливый задыхающийся смех и уже потом увидел за ширмой ее белое тело.

Месть была отчаянной и жестокой. По согласованию с капитаном Кашиным, спустя два дня под покровом ночи я проник в заветный блиндаж и совершил ограбление Вериного имущества, где оно и хранилось. В блиндаже никого не было. Я схватил первый попавшийся предмет и пустился наутек.

Никто меня не преследовал. Я влетел в блиндаж капитана Кашина и только теперь разглядел украденную вещь. Это была голова из папье-маше с сеткой кровеносных сосудов. Голова с содранной кожей. Зато каждый сосудик нарисован с любовью и тщанием.

Капитан Кашин задумчиво вертел в руках кровоточащую голову.

— Лучше бы череп, — сказал он хмуро. — Но и это сойдет. Совсем разболтались. Никакой бдительности. Отдыхай, Зайцев. Заслужил.

Больше я не ходил в блиндаж на перевязки.

— Твоя была работа? — удивился Сергей Мартынов с опозданием на сорок лет и тут же меня огорошил. — А я тебя и не узнал.

— Так это ты? Там? За ширмой? — Я только сейчас осознал, сколь опасным может оказаться стремление к правде.

— Спроси что-нибудь полегче, старик. — Мартынов кисло усмехнулся. — Столько лет прошло. Где Вера? Где Кашин? Скажу одно: мы с тобой квиты. Я на тебя писал. Ты на Веру подкуп устроил. Ну и дурак.

Над столом склонилась седая голова, в сумраке времен не разглядеть.

— Ха-ха! Писатели собрались. Выясняете отношения: кто на кого писал. Я тоже на тебя писал. Вот ты и скажи теперь мне спасибо.

— За что?

— Он еще спрашивает: за что? Вот нахал. За то, что именно я на тебя писал, — вот за что. Писал бы на тебя кто-нибудь другой, не сидел бы сейчас за этим столом. А я писал: «Делу Сталина предан. Каждое утро просыпается с песней: «Броня крепка и танки наши быстры». Я мастер положительного доноса. А он еще спрашивает: за что? Вместо того чтобы сказать мне спасибо.

Тут и капитан А. встрепенулся от задумчивости, в которой до того пребывал.

— Если данная система наблюдения считается действенной системой, то она обязана быть глобальной. Чтобы ни одной клеточки не осталось вне ее действия. Все писали на всех. И не надо хныкать. Лично я на вас не писал, у меня были другие клеточки.

— Я знаю, ты писал на старшего лейтенанта Д.

— И на майора М.

— А-Б-В-Г-Де... Далее везде.

— Что ты сказал, Сергей.

— Я сижу и помалкиваю. Я думал, что это ты сказал.

— Я ничего не говорил.

— Значит, это был наш внутренний голос. Иногда он становится чересчур громким. А Веру тогда крепко наказали. Прямо в маршевую роту.

— Она погибла, — ужаснулся я. — Не может быть.

— Не отчаивайся, — усмехнулся Сергей Мартынов. — Жива-здорова, даже обещала сюда приехать, видно, не смогла. А жаль. Мы бы вместе посмеялись над старой историей.

— Сергей, честно говорю, я на тебя писал только хорошее. Мне даже попадало за тебя...

«Слушай, Зайцев, что ты мне все время подсовываешь? Кому интересно, сколько он пьет и как баб портит. Ты мне его нутро выпотроши. Совсем бдительность потерял, Зайцев. Даю тебе три дня на исправление».

Оправдываться было бессмысленно. Я ушел поруганный. Была весна сорок пятого года. Мы совершали марш-бросок по Восточной Пруссии с выходом на город Эльбинг. Ночь

была тихая, почти беззвучная. Единственный снаряд прилетел издалека, пробил крышу дома и разорвался над самой кроватью. Осколок пробил голову майора Кашина и застрял в подушке. Крови почти не было, он лежал тихий, умиротворенный.

Главная сила снаряда припала на несгораемый шкаф, который был разбит вдребезги. В огне войны погибли все наши доносы, псевдонимы, оттиски пальцев и души; не знаю, что там еще было.

Мы похоронили Кашина и долго вспоминали потом этот шальной снаряд, погубивший майора и спасший его агентуру.

Сергей Мартынов подзуживал меня:

— Только хорошее писал на меня — да?

— Конечно. Ни словечка против.

— Чем докажешь?

— Так ведь тебя не посадили. — Я извивался ужом. — Ты ведь орден получил.

— Смотрите, люди, это он на меня наградной лист писал. Коль ты такой большой писатель — что бы ты на себя самого написал?

Я не выдержал, всхлипнул. Мне было горько, что пришлось дожить до такого дня. Слезы сами собой вскипали во мне, я был не в силах их проглотить, они просачивались наружу.

— Так бы и написал: этот Зайцев — сукин сын.

— Кончай реветь. Ты же не Зайцев. Мы с этим покончили. Выпьем за майора Кашина, мир его праху. Его нет и уже никогда не будет.

— За нашу победу, — подхватил капитан А.

Мы выпили молча, сосредоточенно, потому что ничего другого у нас уже не оставалось.

1951—1991

Студенческая тетрадь

(1945—1948)

* * *

По крупу пена в белых пятнах,
 Люстра устала и шла с хрипеньем.
 Падала ночь, а на запятках
 Торчала грязь и репейник.
 У конюха нюх был чуток.
 Сцепив силуэты селений,
 Цеплялась за небо, чернея, как чудо,
 Торчала дуга, затекали колени.
 И перед тем, как с дремотой расстаться,
 Ветром продрало, промыло глаза нам.
 Подплыли огни крохотной станции,
 И голос: «Приехали. Вылезаем».

ПРОЩАНИЕ С ПОЭЗИЕЙ

Не в силах красоту твою воспеть,
 Я был безмолвен, звуки — звонкий бред.
 Один твой взгляд — и сшиблена вся спесь,
 И на стихи наложен был запрет.
 И вынужден насмешки я терпеть,
 Меня поддерживала лишь тоска.
 Не в силах красоту твою воспеть,
 Я бы хотел лишиться языка.

СОНЕТ

Надень на день черную тень.
 Вечер обуглился и погас.
 Лунная лысина в темноте
 Казалась не ярче, чем спичечный глаз.

В домах бесшумно взрывались огни.
Ты там, где чужие люди.
В тихом шелесте умных книг,
В нежном запахе струнных прелюдий.
На вопрос нет ответа, и я стонал.
Но вопль мой глух, он ничей.
Черного цвета любые тона
Качались в холодной воде.
Если бы не было в мире ночей,
Над ним никогда бы не поднялся день.

СТАНСЫ

На крутом берегу реки
Я написал тебе три строки.
Потом еще три, еще и еще,
И вот уже строчкам утерян счет.
Ветер-соперник зашквалил вдруг
И вырвал листки из рук.
И улетели листки блестя,
А больше я не смог написать.
Испишутся книги, пройдут года,
Об одном буду жалеть всегда.
Что ветер унес листки.
Если бы ты прочитала стихи,
Ты бы все поняла тогда.

БАЛЛАДА О ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

Расстоянье — излишняя роскошь
У тягучих растянутых дней.
Чтобы увидеть плоскость,
Надо подняться над ней.
Чтобы увидеть тело, объем,
Надо пробиться сквозь грани,
Скинуть с себя земное тряпье,
Преодолеть неудобство сгораний.

* * *

На тебе на целый год
Свет сошелся клином.
Верь, что было отчего
Заниматься сплином.

Но я подавил свой сплин
Способом старинным.
Пользуйтесь, не жалко: клин
Вышибают клином.

* * *

Подбитый, он стал грозней и опасней...
Танк полыхал, и огненное знамя
По ветру билось, наклонясь.
Оно горело вместе с нами,
В атаку призывая нас.

1948

Меня убьют на подступах к Нью-Йорку,
И где-то вдалеке заплачет мать
Пронзительно и горько...

1945

ЭКЗЕРСИСЫ

Я вынужден по слабости
В колхоз пойти осла пасти.
Но по своей по глупости
Осла я не могу пасти.

* * *

Соревнуйся с соловьями,
Исполнял я соло в яме.

* * *

Я умру, ты умрешь,
Мы с тобой умрем.

Приходи ко мне,
Погнием вдвоем.

* * *

«Давай разлагаться»,—
Сказал атом соседу.
И на этом они
Прекратили беседу.

* * *

К этим мыслишкам
Привыкли мы слишком.

* * *

Проснитесь: сбылись сны жены,
На нитки цены снижены.

* * *

Перекину чувств мосты к вам
Взглядом и улыбкой рта.
На столе лежала тыква,
Круглая как сирота.

1946

АБСУРД ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

(В пяти картинах)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Площадь перед стадионом. Иду как ни в чем не бывало.

— Нет ли?..

— Нет ли лишнего?..

— Нет ли лишнего билетика?

Ну и давка. Такого свет не видывал. Слетелись со всех сторон на свет разума. Этак я вообще не попаду на собственную премьеру. Генеральный прогон путча идет по расписанию: пока я здесь...

— Меняю галерку на ложу. Доплата по соглашению.

— Шестой ряд партера на любой ряд в салоне авиарейса на Тель-Авив. Гарантии на предъявителя.

— Нет ли лишнего... Может, пропуск? О-го! Это вы, Ян Бенедиктович? Поздравляю. Колоссальный успех. Возьмите меня с собой.

Что поделаешь, они доверчивы и добры. От их всевидящего взгляда не скроешься. Узнали, расступились, иду сквозь строй улыбок — воронка славы смыкается за спиной.

Кумир идет сквозь толпу. Он спешит, он загадочен, он щедр. «Мы обречены на успех» — кто это сказал?

Такого свет не видел.

— Вы, вы. И вы, мадемуазель... Это со мной. Нет, нет, больше не могу, приходите завтра.

— Как тебя зовут, Крошка? Кем ты хочешь работать?

— Я хочу работать Крошкой, мсье.

— Хорошо, приходи на третий этаж. Вот тебе ключ. Раздевайся и жди.

— Спасибо, мсье. Крошка будет на месте. Я буду раздева.

Премьеры устраиваются для толпы. Все сделано, отлажено, доведено до степени автоматизма. Экспромты затверждены, режиссерские находки обсосаны до косточек.

Но толпе дано право вето. Толпе дано взреветь от восторга, толпе дано освистать кумира.

— Значит так, я вас провел. Действуем по плану. Советую разместиться в разных концах зала, будете индутировать зрителей. Аплодисменты от бурных до продолжительных. Гонорар получите в третьем окошечке после спектакля.

Остаюсь за кулисами — такова моя роль и судьба. Я написал сценарий — по собственному замыслу, между прочим. Я ставил, подбирал голоса, утверждал костюмы и роли. Я автор, режиссер, композитор. Я все. Вот почему я за кулисами.

Но исполнять буду не я. Я невидим — но мне видно все. Я нажимаю кнопки.

Какие пыльные, дурно пахнущие кулисы. Застойный воздух. Старорежимная вонь. Не пора ли поменять материю? А вот и мой верный помреж Миша.

— Все в норме, Ян Бенедиктович. На табло осталось 40 секунд.

— Пульт проверен? Дубли?

— Действуют все кнопки. За исключением тех, которые не действуют. Аплодисменты проставлены.

Четыре — три — два — один — ноль. Нажимаю кнопку.

Сцена изображает зал для заседаний. Столы расставлены чинно. За столами сидят заседатели.

Председатель (*смотрит в лорнет, разглядывая зал*). Активность населения возрастает. Это отрадный фактор. Разрешите продолжить.

— Товарищи, мы начинаем наше представление, то есть заседание в знаменательный исторический день, когда все прогрессивное человечество отмечает историческую дату, навсегда вошедшую в славную летопись человеческих деяний, которые, подобно маяку, светят нам из прошлого, освещая наш путь к грядущему, вы знаете, что я имею в виду, товарищи. Возможно, эта дата еще не наступила окончательно, но она непременно наступит, потому что мы ждем ее, мы уверенно идем навстречу ей. В этой связи я предоставляю слово товарищу НН., которого вы все прекрасно знаете.

НН. (*выходит к микрофону. Голос его по-утреннему свеж и влажен после кофе. Он читает с листа*). Прежде чем познакомить вас с проектом постановления, честь оглашения которого возложена на меня и наше высокое собрание, я хотел бы сделать несколько предварительных замечаний, ко-

торые кажутся мне крайне необходимыми и полезными, что, в свою очередь, поможет нам в...

Председатель. Короче. Признаешь себя виновным? Отвечай по существу.

К микрофону, энергично работая локтями, протискивается решительного вида женщина, осознавшая, что отныне ей нечего терять, кроме собственного прошлого. Какие пышные выразительные формы. Какой богатый внутренний мир. Так и хочется проникнуть туда, приобщиться, прильнуть.

— Он жалкий лжец, вымогатель и сутенер, — *поспешно кричит мадам А. в микрофон.* — В своих корыстных целях он использует самые гнусные средства. Он изменял мне на глазах у всех.

— Вы хотите сказать, что он делал это по телевизору? — *спрашивает председатель.*

Мадам А. полна отчаяния:

— Он готов делать это везде: на площади, в вагоне, сцены, в студии, на пляже, всюду, где есть микрофон. Вы не имеете никакого понятия о его подлых методах. Он извращенец.

Н.Н. (*Перебивает мадам А.*) Оказывается, это и есть мистер Б. Г. Абсурд.

Он стоит с гордо поднятой головой. И как отлично выглядит! На нем черный смокинг. Лицо холеное, хотя и без особых примет. Волосы напомажены.

— Это наглая клевета с целью раздувания очередного психоза. Подобные заявления лишь дезинформируют общественность, ведут к дестабилизации обстановки. Торжественно заявляю: по телевизору никогда... Прошу высокое собрание учесть данное заявление. Между тем я согласен на развод, более того, даже на отделение, но все это на определенных условиях, как это делается в цивилизованных странах. И чтобы не было этой спешки, нервотрепки, кухонных разговоров. Разве мы не можем мирно разъехаться по отдельным квартирам? Но сохранив при этом старые связи, выгодные обеим сторонам. Прошу огласить документы.

Лист дела сто двадцать восьмой, подгруппа вторая, сорт высший. Хранить вечно — и чтобы никому.

Прокурор. Что было вначале? Отвечайте, свидетель.

Свидетель. Вначале было слово.

— Уточняю вопрос. Что было вначале, до того, как было

слово? Кто это слово произнес? Кто озвучивал? Кто давал разрешение? Наконец, кто ставил круглую печать?

— Понимаю вас, гражданин прокурор. Совершенно справедливо изволили заметить. Вначале был микрофон.

— Слово первому микрофону.

Голос первого микрофона. Не играйте словами. Словесные мальчики в розовых штанишках нынче не в моде. Народы ждут свершений. И честных признаний. Мы устали от ваших слов.

Слушание продолжается. Список ораторов не только составлен, но и утвержден путем проверки кандидатов на спецкартотеке. Каждый может задать свой вопрос. При этом желательно, чтобы ответ шел впереди вопроса.

Зарплата идет впереди работы. Средства впереди цели. И, наконец, телега впереди лошади. Все это мы уже проходили. Этого мы нахлебались по горло. Теперь ни телеги, ни лошади, ни целей, ни ответов.

Мадам А. *перебивает*:

— Даю согласие на развод. Но только по справедливости. Все делим пополам. Ему лампочки, мне люстру. Ему обои, мне — стены.

— Вывести его из зала. Осторожнее, ногами вперед. Не испачкайте обивку.

— Я за плюрализм, но при одном условии — дабы он не противоречил нашим идеалам.

— Не забывайте о том, что над нами одно небо.

— Это наше исконное небо. Оно наше. А вы пришли сюда — мы вас не звали. Где твоя родина? Вот и проваливай.

Итак, мы начали премьеру. Зачем? С какой целью?

В лучшем случае все мы рискуем оказаться под одной обложкой, соблазненные и соблазнитель, палачи и жертвы, винтики и отвертки.

Крошка (*с пафосом*). Мы так близки, как страницы книги.

Помощник режиссера. Стойте, стойте! Все сначала. Слишком много страсти. Перебор пафоса. Дефицит интеллектуальности. Мне требуется не страсть — но нега. Мы так близки, как страницы книги. Сколько тут подтекста. И вы должны вычленить этот подтекст голосом. Пожалуйста, еще раз.

Крошка. Мы так близки, как страницы книги.

— Уже что-то. Домашнее задание. Повторить сорок четыре раза. Репетиция закончена. Действие продолжается. Прошу главного режиссера нажать главную кнопку.

Дудки. Мне надоело нажимать кнопки по приказу. Они меня не найдут. Я спрятался, растворился в межкулисном пространстве. Выкручивайтесь без меня, как хотите.

Лист дела триста сорок третий. Стенограмма внутреннего голоса мистера Зет, известного в ученом мире под кличкой Мысляк.

Зет (*думает про себя*). Опять мне не дали слова. Я переполнен словами, я должен излиться громоподобной речью. Я требую. Этот Егор много на себя берет. Развалил все на свете, а теперь затыкает рот. Открытое письмо придумал. Придется его вывести на чистую воду. Срочно нажимаю главную кнопку. Что такое? Индикатор не реагирует, кнопка поставлена на капитальный ремонт. Контакты стерлись.

Что за чушь в голову лезет. Просил, требовал слова, а сказать нечего даже самому себе. У каждого из нас есть три сосны, в которых мы плутаем всю жизнь. И первая сосна — это я сам.

Ударился лбом о собственную сосну. А все потому, что цель была пустая — прорваться к микрофону. С какой целью?

Ведь это и есть наипервейший вопрос всех веков и народов.

— За что нам досталась такая цель?

— Куда идем? Куда пришли?

— Нет ли лишнего билетика?

Не надо аплодисментов. Я пришел сюда не ради словесной шелухи, я истину ищу.

Но разве найдешь истину за кулисами, на театральных подмостках?

На сцену, к людям. Включите прожектора. Микрофоны на полную мощность.

Вы слышите: толпа гудит на площади. «Федор, ты не прав».

— Федора на скамью подсудимых.

Председатель. Введите гражданина Федора.

Под охраной четырех борзописцев с перьями в руках входит Федор. Он сед и брав. Взгляд пронизывающий, поступь железобетонная. Перед нами ярко выраженный тип экстрасенса.

Присутствующие встают, приветствуя Федора. Умело

вмонтированный в действие шум на площади затихает.

Прокурор в ермолке суетится подле:

— Пожалуйста, будьте добры, присядьте на эту скамеечку. Никак нет, это самая обычная скамеечка, совсем не то, что вы подумали. Если вам жестко, я прикажу подложить подушечку. Сейчас мы все уладим. Всего два вопроса.

— Извольте. У нас демократия и гласность. Готов вас выслушать. Только прошу в регламенте. У меня заседание бюро.

Прокурор. Пожалуйста, не беспокойтесь. Спасибо вам, что вы к нам пришли, это будет исторический день для всего нашего коллектива. Скажите нашему высокому собранию — когда вы познакомились со своей супругой?

— Отвечать не стану. Некорректный вопрос. Вы не смее-те, это противоречит принципам демократического центра-лизма, согласно которому вопросы задаются только сверху вниз. И вообще — у меня время.

Прокурор. Простите, что у вас?

Федор. Время приема пищи.

Прокурор. Что изволите подать?

Федор. Что-нибудь легкое, необременяющее. Ну кусо-чек белого хлеба. Икра пусть будет черная.

Боковой судья катит перед собой бочонок с икрой. Круп-но выделяется надпись: «Проверено на радиоактивность. Лейтенант Смирнов».

Федор кушает.

Прокурор (*делает пальчиком*). Мадам, подойдите сю-да. Вы узнаете этого человека?

Мадам Абсурдиха (*всматривается*). Это не мой. Этот будет пожиже. И мой — брюнет, я хорошо помню.

На сцену врывается демонстрант с площади. В руках у него бумажный плакат. НЕ ДАДИТЕ — САМИ ВОЗЬМЕМ.

Демонстрант подскакивает к бочонку с икрой:

— Отдай! Не тобой посеяно.

Демонстрант ловко сдергивает маску с Федора. Прокурор отважно просается вперед, пытаясь предотвратить насилие — но поздно. Перед нами уже не Федор, а мистер Абсурд в своем первозданном виде.

Прокурор не растерялся. Тут же выхватил бутерброд из рук Федора.

— Конфисковано.

Из-за кулис появляется мадам Абсурдиха с букетом гвоздик.

— Дорогой. Наконец-то я нашла тебя. Не уходи, побудь со мной. Если бы ты знал, как они измывались над твоей кошечкой, понуждая меня против тебя. Но я выстояла, я выдержала все пытки. Иди ко мне, дорогой.

— Историческая минута. Мы разоблачили этого приспособленца, — *пылко восклицает прокурор, доедая бутерброд с икрой.* — Дамы и господа! Братья и сестры! От имени всего прогрессивного человечества я торжественно обвиняю своего подопечного мистера Б. Г. Абсурда в том, что он в течение длительного времени, а именно 70 лет подряд, занимался систематическим обманом, вымогательством, а также искажением нашей исторической миссии, что выразилось в том, что он проживал на данной территории под вымышленными именами отца Федора, Никиты, Иосифа и Леонида. Вы же сами видели, он без маски жить не может. А под этой маской скрывается его истинное лицо хапуги и лицемера, вымогателя и сутенера. Он же всем нам мозги заморочил, что мы даже не знаем теперь, на каком свете находимся.

— К стенке его.

— Смотрите, люди хорошие. Он же радиоактивный. У меня прибор зашкалило.

— В контейнер его! Замуровать — и в саркофаг.

— Граждане. Не будем спешить и давать волю эмоциям. Прежде всего мы должны установить: что перед нами? Истинное лицо или очередная маска. При этом не должна исключаться и такая возможность, что перед нами случай искусной трансплантации. Однако в мире нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики.

Б. Г. Абсурд вскакивает со скамьи подсудимых. В руках у него оказывается трехцветное знамя. Говорит с жаром, стараясь склонить аудиторию в свою пользу.

— Я опровергаю и прошу занести в протокол. Это не маска, а мое истинное лицо, причем не простое лицо, а общечеловеческое. Ибо сказано — и доказывать не надо. На граните высечено: это есть ум, честь и совесть нашей эпохи. Ежу ясно. Мы за такой социализм, который... простите, мне сейчас трудно говорить, я взволнован раскрывающимися перспективами. Короче, я требую опровержения.

Мадам Н. Абсурдиха пытается вскарабкаться на скамью

подсудимых, но все время соскальзывает. Все-таки пристроилась на скамейке.

— Горячо поддерживаю ходатайство моего законного супруга, ибо не могу поступиться принципами. Семьдесят три года мой супруг был вам хорош. Вы же сами и перевозносили его. Никто не сомневался в том, что он является реальной, развитой личностью, это признавалось всем миром. А кто публично выражал сомнение, того в Мордовию или в дурдом. К счастью, в нашей великой державе хватило проволоки, чтобы привести в чувство этих отщепенцев. Опомнитесь. Неужто вам без него станет лучше, чем было с ним? Вот он, перед вами. Посмотрите на него: какой симпатичный, добрый, мягкий. Он не от мира сего, но разве это плохо? Разве кто-нибудь скажет, что ему уже семьдесят два. Я как женщина утверждаю: он может все...

Тем временем на столе звонит телефон. Прокурор берет трубку и тут же вскакивает по стойке смирно, слушая трубку и подобострастно кивая головой. Прокурор вешает трубку и спешит к микрофону.

Прокурор (*перебивает мадам Абсурдиху*). Простите, мадам. Срочное постановление. Наш самый справедливый и гуманный суд постановляет. Именем Республики я объявляю мистера Б. Г. Абсурда несуществующим. Он никогда не был прописан на данной территории, не занимал никаких постов, не получал зарплаты, не был награжден и так далее. Я не служу, следовательно, я не существую. Следствием установлено, что Абсурд никогда не имел места в нашей светлой действительности. Кто думает иначе, тот думает против нас. Наше учение всесильно, ибо оно не абсурдно. Это великое историческое решение, окончательный текст мы потом подработаем...

Мадам Абсурдиха. Я протестую. Только что он был — и вдруг его не стало. А завтра его вообще объявят призраком, который бродит по Европе, и, следовательно, он будет лишен постоянной прописки в общеевропейском доме со всеми вытекающими последствиями. До какого позора мы докатились.

Мистер Б. Г. Абсурд (*всхлипывает*). Меня нет. Я попал в постановление. У меня время. Я должен подкрепиться.

Голос из зала. Слушайте, слушайте. Она дело говорит. Надо провести всенародный референдум.

— Простите, я немного опоздал, на площади такая дав-ка, не протолкнуться. Давно началось? Что здесь происходит?

- Слушается дело о разводе.
- Уже? И кто с кем разводится?
- Все со всеми.

Интермедия номер один

Появляются два традиционных комика в черно-белых костюмах, сшитых по зеркальному принципу. Говорят нарочитыми голосами.

- Здравствуй, Бим.
- Здравствуй Бо... Постой, постой! Ведь ты уже не Бо...
- Кто же я теперь?
- То есть ты еще Бо... но не тот. Тебя переименовали. (Хнычет.) И меня тоже.

— Кто же это решал?

Сверху падает бумажка.

- Вот видишь. Это там решено. Распишись в получении.
- Ой-ой-ой! Выходит, я теперь Бо, но другой Бо. Я Борис, а ты Егор. (Прикрепляет бумажку к столбу.)

— Понял теперь? Нас с тобой назначили.

— Не назначили, а доверили.

— Решение партии выполним.

— Здравствуй, Егор.

— Здравствуй, Борис.

— Как живешь, Егор?

— Я хорошо живу, Борис. Все отнимают, все переименовывают. Но у меня пока все хорошо, я еще ничего не отдал и не переименовал.

— Скажи, Егор, есть ли что-нибудь такое, чего у тебя нет?

— Ах, Борис, в том-то и беда, что нет ничего такого, чего у меня нет. У меня есть все, что есть и может быть.

— Ай да Егор. Значит, ты уже живешь при этом, как его, на букву «ка».

— Не «ка», а «ко», Борис. Наверное, ты говоришь об этом самом коммунизме?

— Разве я говорил об этом самом коммунизме? А что это такое, скажи мне, Егор. Только честно, и открыто, по-нашему, по-партийному: что такое коммунизм?

— А ты посмотри на этот плакат. Я приказал повесить. Видишь?

**КОММУНИЗМ — ЭТО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС
ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ.**

— Какой ты умный, Егор. Я и не знал.

— Стараюсь.

— Его-ор!

— Ну чего тебе?

— Его-о-ор!

— Ну чего тебе?

— Я глотку тренирую.

— Зачем?

— Чтобы спросить тебя, Егор, что такое капитализм?

— Откуда я знаю. И знать не хочу.

— Тогда я тебе скажу. Хочешь?

— А разрешено?

— Конечно, разрешено, Егор. Вот бумажка, видишь?

— Тогда говори.

— Смотри, Егор, я рядом с твоим плакатом свой плакат вешаю. Видишь?

— Ну вижу.

— Тогда читай.

— Что-то плохо вижу. Очки дома забыл.

— Тогда я тебе сам прочту:

**КАПИТАЛИЗМ — ЭТО ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ
СТРАНЫ МИНУС СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.**

Егор дает пенделя под зад Борису. Борис отвечает тем же. Оба катятся за кулисы.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Рукопись максимально приближена к действительности, в идеале она обязана слиться с ней. Поэтому действие идет без перерыва. Идет одновременно и на сцене, и за кулисами, и в зрительном зале.

А разве мысль моя не есть действие? За правой кулисой начинается коридор. Первая дверь налево — несгораемая комната. Стены обиты белой жостью.

Перекур.

В стену вмонтированы железные штыри. На каждом штыре — маска.

Итак, мы проникли в маскохранилище, святая святых нашего большого дома. Каждый получивший право на вход может выбрать маску по вкусу.

Сотни масок всех времен и народов, начиная с Платона и кончая Егором. Много лет мы собирали эти маски, радуясь каждой новой удаче. Здесь собрано все человечество, разумеется, прогрессивное. Но и прогрессивного человечества более чем достаточно. Кто бы мог подумать, что прогрессивного человечества накопится такое множество. Не пора ли провести инвентаризацию? И малую санацию?

Я прохожу в дальний угол, натягиваю маску Коперника, и мне начинает казаться, что я это уже не я. Я слышу гул минувших веков, я молодею, я обращаю радостный взор к утреннему солнцу в надежде найти ось мироздания. И вижу: юная кармелитка спешит за водой с кувшином на голове. Она ждет меня под кустом орешника.

Увы, сегодня мне не до шалостей. Мы же уговорились — ищем истину. Кто сказал «а», тот должен сказать «б». Ставлю букву «б» на голосование.

Значит, мне нужен Петрушка.

— Леди и джентльмены, мы продолжаем наш интеллектуальный марафон. Дайте ответ на вопрос вопросов: что было вначале — абсурд или хаос?

Ага, задумался? Не торопись с ответом. Общая теория абсурда даст ответы на все поставленные вопросы. Шеренга вопросов — и вовсе не обязательно столько же ответов.

Хаос — начало мироздания. Поэтому я утверждаю — хаос материален. Вселенная возникла из первоначального хаоса. Но куда она стремится? И что есть цель Вселенной — гармония или хаос?

Хаос есть цель всякого разрушения. Можно разрушить все, кроме хаоса. Но если хаос нерушим, то прежде всего потому, что он обладает железной структурой.

Вселенная есть структура хаоса. Но вот открыли черные дыры, куда проваливается материя. То, что раньше звалось хаосом, стало гармонией.

Маска Коперника жмет в висках. Кровь приливает к голове. Я сдираю Коперника с головы, в этот момент в маскохранилище тухнет свет. Но здесь можно находиться только в маске. Я шарю наугад в темноте, нащупал чью-то бороду, прилаживаю на себя. Кто я?

Свет загорается. Я в маске. Но как я узнаю — чья маска на мне? Смотреться можно только в собственные мысли.

Вперед к абсурду. А куда потом? Абсурд отнюдь не материален. Однако и не духовен. Ибо абсурд не есть идея — он есть ее разрушение, ее распад, в лучшем случае — мимикрия.

Внимание. Общая теория абсурда. Тезис первый.

— Хаос — это абсурд материи.

— Абсурд — это хаос духа.

Если все начинается с хаоса, то естественно предположить: все завершается абсурдом.

Абсурд и хаос — союзники.

Абсурд не стал началом, зато он может сделаться концом.

Что это будет? Отвечайте, свидетель.

— Слияние миров и концепций. Три «ция» — либерализация, приватизация, провокация.

— Утечка материи сквозь черную дыру, под огненный всплеск термояда. Родилась интеллектуальная плазма — размагнитить ее!

— Нечто третье, непредсказуемое, как и требуется, согласно теории абсурда.

Живы будем, поглядим. Несколько миллиардов мгновений у нас в запасе.

Вращается поворотный круг судьбы. Планеты катятся по извечным орбитам. Вращение есть первая форма движения.

Суд удаляется на совещание, оставив автора в глубоком одиночестве. Я устал от масок — когда же я стану самим собой?

Стягиваю маску за бороду. Примерно так я и думал — на меня с укоризной глядит дедушка Карло.

Самое время задуматься — кто есть я в этом процессе? Свидетель или обвиняемый? Прокурор или пострадавший? А может, просто летописец, и мое дело сторона.

Звонок. В трубке испуганный голос Коли.

— Ян Бенедиктович, что делать?

— Что хочешь, то и делай.

— Ян Бенедиктович, действие остановилось. Сцена пуста. Осталось совсем немного музыки, на сорок четыре секунды.

— Ну и что? Я не могу сейчас выйти на сцену. Я думаю.

— Мы же пропадем. Уже пропали. Музыка какая-то вялая.

— Покажи им голую жопу и не мешай мне.

— Значит, можно? — обрадовался он. — А кого показать: мадам или мамзель?

— Столь глобальный вопрос надо решать на совете трудового коллектива. Обеспечь кворум.

Почему я должен быть шутком у них на виду? Кумир не имеет права на одиночество. Сколько великих мыслей погибло под обломками слов, ниспосланных свыше. Я должен ухватить мою идею.

На столе стоит черный ящик. Комната, в которой стоит стол, тоже есть черный ящик. И комната, в свою очередь, заключена в железобетонные грани здания.

Как разгадать эту структуру? Она же наша, родная, российская. Много веков ее пытаются разгадать всем миром, а она никак не дается.

Черный ящик наглухо заколочен. Импульсы, испускаемые им, почти не улавливаются во внешнем мире.

Я узник черного ящика. И свобода моя рождалась в муках под прессом — внутри черного ящика, в эпицентре абсурда, по ту сторону здравого смысла.

Черный ящик российской структуры в руках создателя трансформируется в высшее существо: появляется голова, тело и даже расписной подол для прикрытия срама.

На столе возникла размалеванная матрешка, самодовольная как мочевого пузыря.

Что там внутри — угадай-ка.

Отвернули голову первой матрешке, а внутри ее вторая, чуть поменьше. Отвернули вторую голову, а там третья матрешка.

Великая конструкция, гениальная в своей простоте и нерушимости. Попробуйте разрушить двенадцатую матрешку, самую малую, не повредив при этом одиннадцать остальных. Тысячекратный запас прочности. А ведь ничего, кроме самой матрешки, там внутри нет. Одноклеточный, в сущности, организм. Тем он бессмертнее.

Привезли к нам матрешку из дальних стран. Сразу видно — не русская это идея. А смотрите-ка — прижилась, пустила корни, получила вид на жительство, сама себе ордер выписала на квартиру. Раз-два, матрешка, уже завозит на шестой этаж импортный гарнитур.

Матрешка сделалась истинным символом российской структуры. Куда ни кинешь взор — всюду матрешка: сверху, снизу, справа, слева. И я сижу внутри нее, в самой глубокой ее клетке. Мне ни пикнуть не дано, ни пропеть. Бумаги выдают на одно письмо раз в три месяца. Гулаг — да и только. Как в таких жестоких условиях вывести общую теорию? Тут бы хоть до гипотезы дойти, хоть бы один параграф приоткрыть.

Но не так проста российская матрешка. Оказывается, внутри нее звоночек проведен. И он звонит.

Вот оно! Это звонок оттуда! Сейчас мне объявят самое главное — и всему будет найдено объяснение: кто? откуда? с какой целью?

Микрофон. Алло, квартира писателя Зет? С вами говорит радиостанция С. Разрешите задать один вопрос.

Автор. Ну чего тебе, словоблуд?

Микрофон. Я хотел бы взять у вас интервью.

Автор. Не желаю давать никаких интервью.

Микрофон. Почему же, Ян Бенедиктович?

Автор. Не желаю делиться с вами своими мыслями. Я устал от вашей трескотни. Вы талдычите одно и то же. Голый примитив. Когда вас забивали, было интереснее.

Микрофон. Извините, Ян Бенедиктович, мы работаем на наших радиослушателей.

Автор. А я не желаю работать на публику. К черту. Надоело. Я единственный. Я неповторимый. Отныне я работаю лишь на одного слушателя — на самого себя. Наконец-то наступит эпоха всеобщего единодушия.

Микрофон. Спасибо, Это уже кое-что. Наш тариф — десять марок за тридцать секунд.

Автор. Что же вы сразу не сказали, я могу продолжить...

Но там уже короткие гудки. И некому задать главного вопроса.

— Когда все это началось?

Снова звонок.

— Ян Бенедиктович, что делать? Она не раздевается.

— Кто она? Крошка?

— Мадам.

— Она что — сопротивляется?

— Никак нет. Подписали с ней контракт, выдали аванс. А она теперь не раздевается.

— Ну так заставь ее.

— Ее и заставлять не надо. Она сама все делает.

— Что ты мне голову морочишь: раздевается, не раздевается. Женщина должна уметь делать это мгновенно.

— Так я и говорю: раздевается, а раздеться не может. Сняла с себя двенадцать юбок, а под ними трусики. Начала снимать трусики, уже двадцать трусиков сняла — конца не видеть. Это же не мадам, а матрешка какая-то. Зал, правда, зatih — они надеются.

— Давай, Коля, дожимай. Это будет валютный номер.

— А вдруг эти трусы никогда не кончатся, Ян Бенедиктович. Мы же без репетиции работаем. Надо было сначала проверить: есть ли у нее плоть под трусами?

— Коля, срочно выпускай резерв. На мадам набрасываем мешок. Сцена похищения. Бард с гитарой у тебя готов?

На песню отпущено двести секунд. Бард тоскует о своих упущенных возможностях. Каждый из нас упустил свое, а все вместе мы упустили все. Песня так и называется:

«В СТРАНЕ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ».

Пока Бард тянет свою мелодию, я срочно заготавливаю шпаргалки для актеров. Пора кончать с балаганом, устраивать показушные стриптизы. Время ставит перед нами новые суровые проблемы и задачи.

Ведущий (*с важным видом*). Когда все это началось? За правильный ответ начисляется шесть баллов.

Первый ответчик. Ваша честь, мой ответ более точен и историчен. Это началось одна тысяча девятьсот восемьдесят девять лет тому назад, в нулевом году нашей эры, когда пробил час рождения Бога нашего Иисуса Христа.

Третий ответчик. Я даю наиболее точный ответ. Так было всегда. Иными словами, ничего другого никогда не было.

Ведущий. Должен заявить: полученные ответы весьма серьезные, хотя и обладают большим разбросом. Что же касается конкретной оценки полученных ответов, то я думаю — будет правильнее всего создать по данному вопросу специальную парламентскую комиссию, наделив ее соответствующими полномочиями, штатами и бюджетом. Комиссия изучит положение и предоставит на наше рассмотрение свои выводы. У кого будут предложения по составу комиссии?

К микрофону прорывается объясняющий господин.

— Господа. Не надо искать виновных. Пора заменить

образ врага на образ друга и соратника. Ибо мы должны смотреть вперед, а не назад. Хватит жить затылком вперед. Позади у нас темное прошлое — ну и что? Так сложилось исторически. Зато впереди у нас светлое будущее, так говорят патриоты, у нас, как вы знаете, слово не расходится с делом. И наше будущее всегда будет оставаться светлым до того самого момента, пока само не перейдет в темное прошлое. А это означает, господа, что мы с вами сделали еще один шаг навстречу светлому будущему. Не омрачайте нашего будущего, господа.

Что такое? По залу пошло, покатилося волнами — шепоток, покашливание, хруст бонбоньерки. Руку на пульс — не ослаблять интереса.

Коля шепчет в ухо:

— Острее надо, острее. Поддай остроты.

Пора выпускать рыжую кошку. Кошка мечется по сцене, совершая немыслимые прыжки. Наша кошка не простая — с колокольчиком. Мелодичный такой колокольчик с малиновым звоном. Публика мгновенно просыпается.

Ибо было провозглашено — мы обречены на успех.

На сцене прорастает микрофон. У микрофона твердый волевой подбородок — лошадиная челюсть. Второй вариант микрофона — губошлеп.

— Итак, уважаемые товарищи, дамы и господа. Я не собирался выступать с заключительным словом, однако со стороны некоторых товарищей проявилось некоторое непонимание наших с вами больших проблем, которые, как тут было верно замечено, нарастают быстрее решений. Мы жили в Большой стране, мы живем в Большой стране, мы будем жить в Большой стране. Наши грандиозные планы всегда перевыполнялись. Но имеется, к сожалению, одна область, в которой план оказался невыполненным. Мы недополнили план по страданиям русского народа. Вот передо мной последние статистические данные: план по страданиям русского народа выполнен всего на семьдесят четыре процента. И при этом прирост страданий за последние полтора года резко сократился. Мы не имеем права снижать достигнутые темпы страданий. Поэтому мы объявляем либерализацию цен. Это будет шок без терапии. Зато план по страданиям резко пойдет вверх. Я заявляю твердо: мы с нашего пути не свернем, так как еще не исчерпали всех возможностей, не привели в действие все резервы. Русскому коммунизму не-

обыкновенно повезло — нам досталась самая богатая в мире страна, всего у нас навалом: дерева, золота, народу, свинца. Если бы Октябрьская революция случилась в Бельгии или в Швеции, нам бы и полгода не продержаться. А в России мы уселись крепко — конца не видать. Я торжественно заверяю вас, что мы будем твердо и решительно продолжать гнуть нашу линию, пока не согнем всех в бараний рог, наполненный прекрасным ароматным вином. Запад нам поможет, товарищи. Нефти и газа в наших замечательных недрах еще хватит, еще не все леса мы вырубili, не все реки и моря отравили, тут есть над чем поработать. Однако в этом вопросе имеется один процедурный момент. Кто будет отвечать за наши будущие ошибки? Вот в чем вопрос. Ошибки и недочеты были допущены всем народом, а к ответу призывают одну партию. Это грубая ошибка, товарищи, ее надо исправить в первую очередь. Теперь мы поднимаемся на новую ступень исторической ответственности. У нас есть свободно избранный народный парламент. Парламент, как вы видели по телевизору, принимает законы. И теперь мы будем делать по закону то, что раньше делали без закона. Народ сам принимает решения — и он же сам отвечает за допущенные ошибки. Таким образом, с помощью демократии мы исправляем глубокую историческую несправедливость, и наша партия может вздохнуть свободно, ибо она снова ни за что не отвечает. Вперед, товарищи мужчины и женщины, вперед, к новым ошибкам! (*Бурные продолжительные аплодисменты, все встают.*)

Три рыжих кошки кружатся на сцене, приветствуя микрофон с лошадиной челюстью.

Вот так. Если тебе нечего сказать самому себе, хватай в руки микрофон и вещай всему миру.

У кого микрофон, тот и человек.

Танец трех матрешек держится в резерве, вернее, в стадии творческой задумки, так как налицо некоторые технологические проблемы, а именно — во время кружения матрешки должны выскакивать одна из другой. Как это делается? Иными словами — как человека обратить в матрешку?

Интермедия номер два

— Здравствуй, Егор.

— Здравствуй, Борис.

- Что нового, Егор? Как ты живешь?
- Плохо, Борис, совсем плохо я живу.
- Что с тобой, Егор, тебя опять переименовали?
- Нет, но...
- Анонимку на тебя накатали?
- Нет, но...
- Дачу отобрали?
- Нет, но...
- Так что же с тобой случилось, Егор?
- Как? Разве ты не слышал, Борис? Реформы начались.

Цены выпущены на свободу.

— Фу, как ты меня напугал. А я подумал: путчисты выпущены.

— Но реформы-то начались, Борис.

— Подумаешь, напугал. Кому реформа, а кому власть.

— Спасибо, Борис, успокоил ты меня. А теперь скажи мне. Вот пройдут реформы. А мы с тобой после реформ останемся или нет?

— Кто же тогда останется, Егор. Только мы и останемся.

— А как же народ — ведь он бессмертен?

— Подумаешь. Ты скажи мне, кто бессмертнее — народ или царь? Так что не горюй. Делай как я.

Меняют маски. Оглядывают друг друга.

— Ишь ты. Смотри-ка. Что-то не узнаю тебя, Егор. Помолодел, раздобрел. Ты теперь какой Егор, красный или розовый?

— Я думаю...

— У тебя еще штанишки короткие, чтобы меня учить.

— Штанишки короткие, зато, смотри, сколько в них карманов. Вот сколько я секретных карманов понаделал.

— Молодец. Но смотри — чтоб никакого ничего.

— Да ничего и не будет, я это гарантирую.

— Давай так: пусть кругом ничего не будет. Но чтобы у нас не убывало.

Снова меняют маски.

— Ты кто?

— Это я.

— Кто же я?

— Будь ты мной.

— Кто ты?

— Я это ты.

— Кто же?

— Это ты.

— То-то же.

Егор делает сальто-мортале. Борис пытается догнать его с помощью таких же прыжков.

Музыка играет нечто размеренное.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Внезапно я оказался в объятиях. Руки были потные, сальные. Матрешка бесстыдно шептала в ухо:

— Что же ты? Или ты не знаешь, как это делается?

Недаром я установил: действие идет без перерыва. В пост-модернистском театре занавес вообще отменен, как отрывка культа личности.

Матрешка уже залезла под рубаху. Но я не желаю так — насильно. И к тому же — на досках. Это не мой стиль.

Я пробовал опереться. Подкатилась вторая матрешка. Они выволокли меня на сцену.

— Вот он! Вот он!

Там уже собралась толпа персонажей. Никогда не думал, что их будет столько. Я вытаскивал их из глубин души, не считая и не скупясь. Но они, исполнив свою роль, не желали уходить со сцены. Они хотели жить и развиваться дальше. Я был слишком беззаботен, творя их. Разве я не принимал ответственность на себя самим актом творения?

Толпу персонажей возглавлял седовласый хлыщ в ковбойке. Я не имел никакого понятия о том, кто это, зачем он здесь? По всей видимости, хлыщ вынырнул помимо моей воли из глубин подсознания: что-то безумно похожее угадывалось в нем. Ба, да это я сам десять лет спустя.

— Слава создателю. Мы хотим жить.

— Мы должны хлопотать о постоянной прописке.

— Понизить цены на билеты и повысить зарплату.

Я пытался вспомнить, есть ли такие реплики в утвержденном варианте или происходит самозарождение текста.

Мадам Абсурдиха, продолжая пребывать в остаточных трусиках, подскочила ко мне с букетом гвоздик.

— Воздадим ему! Воздадим!

Я понял: это был номер, исполняемый на «бис».

Я чмокнул матрешку в разукрашенную щеку, решительно подошел к микрофону:

— Дорогие друзья!

Что тут началось.

Голос из десятого ряда. Твои друзья в Израиле.

— Убирайся отсюда. Эта сцена принадлежит нам, мы здесь хозяева.

— Сегодня мы пришли с плакатами, завтра придем с автоматами.

Они уже орала в мегафон. В зале разгоралась паника, зрители шарахались к выходу. Тут и там начались потасовки.

Я стал совершенно спокоен, ибо теперь точно знал: это запланировано. Однако не у нас, к сожалению. Эту кнопку нажимали в другом месте.

Кнопка на кнопку — чья возьмет? Сила или разум?

В кармане моей куртки вмонтирован пульт дистанционного управления. Я нажал кнопку тревоги. Тотчас из разрисованных матрешек выскочили девицы — в чем мама родила. Помреж Коля врубил музыку.

— Начинаем ритмическую гимнастику. Упражнение первое — бег на месте.

Девочки были прыгучие, что надо. Мегафон захлебнулся в похотливом вопле. Зрители спешили занять свои места.

Вторая кнопка. Из-за кулис вылетела голубиная стая. Афганцы волокли по проходу человека с мегафоном.

Бег на месте продолжался.

Теперь зал был наш. То-то им будет о чем рассказать, когда они разойдутся по своим кухням.

Я уступил место ведущему. В эфир выходит популярная передача «Седьмой этаж».

Сверкая пятками, девочки убежали за кулисы. Персонажи рассаживаются за студийными столиками. Художники накладывают последние мазки, раскрашивая персонажи для цветного эфира: надуйте щеки, подтяните живот, волосики, волосики должны быть на виду.

Помреж Коля выкатывает короб с масками. Дабы добиться наибольшего успеха в гласности и самовыражении, персонажи, участвующие в дискуссии, могут использовать маски, изготовленные по особому заказу на валютной основе. По ходу действия каждый персонаж имеет право выбрать маску по вкусу, однако не более двух раз.

Ведущий. Для начала предоставим слово нашему уважаемому гостю, который так хотел высказаться. Пожалуйста, представьтесь нашим телезрителям.

Писатель (*седая борода окладом, слегка картавит*). Меня представлять не надо, потому что я голос народа. Я хочу высказаться, потому что многие до сих пор не понимают. Мне мама говорила: «Вася, не поддавайся бусурманам. А когда станут срамное показывать — отвернись». А теперь и уши надо затыкать, когда из всех микрофонов такой рок дубасят. Доярка лишь об одном мечтает — как ей в дискотеку удрать на автобусе. А кто молоко давать будет? На днях старика затоптали до смерти в очереди за кефиром; во всем виновата музыка. И либерализация.

— Я Дима Демократиков со сто первого километра, вернее, сто первый избирательный округ. До какого позора мы дошли! Где мы живем? У меня конкретное предложение. Мы должны, мы обязаны, в этом наш долг и наше спасение — мы должны переименовать свою страну. Пусть это будет Федеративная Федерация, сокращенно Фу-Фу. А мы сами тогда станем фуфуканцами и вольемся во всечеловеческое. По-моему, это красиво. Главное, чтобы мы сами поверили в то, что отныне мы фуфуканцы.

Голос из зала. Снова нас переименовали. Мы — за!
По сигналу ведущего персонажи надевают маски. Таблички помогают нам определить амплуа данного персонажа.

Левый нападающий.

Правый полузащитник.

Центрфорвард.

Судья на поле.

Вратарь.

Судья. Предупреждаю: игра начинается по свистку. Игра в одни ворота не допускается.

Мяч. Катайте меня.

Левый нападающий. До каких пор? Пора кончать с тараканами, которые лезут изо всех щелей. Тараканы плодятся на всех этажах, они проникли во все сферы жизни, срослись с номенклатурными паразитами, не буду называть имен, они всем известны.

Вратарь. Не пущать!

Правый полузащитник. Совершенно согласен с предыдущими ораторами. Сейчас стало модным говорить об абсурде. Но я предложил бы прежде всем нам договориться — а что мы имеем в виду под этим термином? Наш он или не наш? Работает ли он на нас? Лично я считаю, что он целиком и полностью наш. Это есть реальный развитой аб-

сурд — и пусть он останется таковым, пусть льет воду на нашу мельницу. Другого абсурда нам не надо. Нам нужен демабсурд.

Боковой судья. Браво. Это именно то, что нам сейчас необходимо. Зреет гол.

Правый полузащитник (*захватывает мяч*). Следующий вопрос. Мы все прекрасно понимаем, в такой богатой стране, как наша, резервы абсурда поистине неисчерпаемы. Поэтому я выдвигаю главный тезис, который мы обязаны учесть при составлении нового пятилетнего плана: **БОЛЬШЕ АБСУРДА!**

Судья. Гол засчитан. Игра начинается с центра.

Вратарь. Это незаконный прием: бить без предупреждения. Мы так не договаривались.

Голос с трибун. Судью на мыло.

Боковой судья. Не волнуйтесь, все идет по графику. Осталось семь минут игрового времени. Нам необходимы новые лозунги, в которых народ еще не успел разочароваться. В противном случае мы окажемся в новой фазе застоя, и результаты матча могут быть аннулированы.

Центрфорвард. Срочно требуется новая теория абсурда.

Правый полузащитник. На солнце тоже имеются пятна, но мы же не требуем на этом основании закрыть солнце и отправить его на свалку истории. Солнце светит и с пятнами. Важно определить — кому оно светит?

Вратарь. Начинает накрапывать. Сейчас мы им врежем.

Левый нападающий (*вырывается вперед*). Минус на минус — вот в чем секрет. Из математики известно: минус на минус дает плюс. Это и есть наша реальность. Если цель реальна, то для достижения ее потребны реальные средства.

Боковой судья. Остановите его. Должен сделать вам замечание, коллега. Реальность это всегда заземление, как на этом плоском поле. А народам нужна идея возвышенная, еще лучше — поднебесная. Смотрите, как взбегают ввысь трибуны. Там — народ. А мы его слуги. Мы бегаем тут с мячом, чтобы им было весело. Я глубоко убежден. Прежде всего идея должна быть грандиозной. Это же наш русский размах — и только наш!

Левый полузащитник. Я ничего не нарушал.

Я лишь вскрыл механизм действия. Каким образом совершается зарождение абсурдистского метода. Абсурд не может служить инструментом для достижения реальной цели. Абсурдные методы пригодны только в том случае, если цель является столь же абсурдной.

Трибуны скандируют. Шай-бу! Шай-бу!

Левый нападающий. Сейчас я тебя обведу. Это и будет искомый минус на минус—гол! Абсурдистская цель—минус номер один—помноженная на абсурдистский метод—минус номер два. И вот вам гол: минус номер один на минус номер два дает плюс. Так возникает реальность абсурда. Мы находимся в эпицентре абсурда, но воспринимаем это как ровную поверхность реального.

Трибуны стонут. Шай-бу! Шай-бу!

Судья. Не засчитано. Существуют некоторые неясности о позиции левого нападающего. Хотелось бы знать, какие именно цели имелись в виду.

Левый нападающий. Дай вдарить. У меня одна цель—ворота! А все остальное—абсурд чистой воды.

Центрфорвард. А какая была цель. Серп и молот на фоне земного шара. С первой минуты новой эры жили этой великой мечтой. Вот-вот она придет и озарит. Не озарила—но разве мы в том виноваты?

Вратарь (*хнычет*). Сколько голов на эту цель угробили. Отдай последнюю рубаху братьям по классу. Вот и хожу с тех пор без штанов.

Центрфорвард. Ну хорошо, это дело прошлого. Но сейчас-то у нас вполне реальная цель—перестройка. Или либерализация. Я что-то запутался.

Левый нападающий. Дарю вам новую липовую мечту. Каждому пролетарию до конца века отдельную квартиру с теплым сортиром. Вот это цель. Колоссально. И чтоб в квартире было окно, из которого можно сигануть.

Боковой судья (*свист*). Снова нарушаете правила. Желтая карточка.

Центрфорвард. А еще лучше—желтый дом. Выдать отдельную квартиру в желтом доме. Квартира номер шесть.

Боковой судья. Внимание. Слушай мою команду. Время игры истекло. Сменить маски.

Персонажи меняют маски, выбирая их из короба по вкусу. На заднем плане совершается смена декораций.

Красная Шапочка. Мировая революция—это наш

идеал. Ни один народ в мире не ставил перед собой такой цели. Мировая революция победит.

Серый волк. Я отдам свою кровь капля за каплей. Крови будет достаточно, я вам гарантирую. Для достижения нашей великой цели мы не остановимся ни перед чем. Везде будут наши люди. Мы станем взрывать страны изнутри, одну за другой, чтобы они вливались в новый мировой порядок. Разве ради этого не стоит отдать свою жизнь?

Красная Шапочка. И миллионы других жизней — как это прекрасно и возвышенно. Как это гуманно. Пусть девяносто процентов русского народа погибнет, лишь бы десять процентов дожили до мировой революции. Так сказал дедушка Володя. Давайте сделаем это как можно скорее.

Несколько в стороне Старик стоит на коленях перед своей Старухой. Тут же крутится Матрешка.

Старик. Явился, матушка.

Старуха. Я тебе не матушка, а дворянка столбовая.

Старик. Слушаю тебя, матушка дворянка.

Старуха. Не хочу быть столбовой дворянкой, а хочу быть владычицей морской. Нет, подожди, старый, не сразу. В два этапа мы это дело провернем. Вот мой тебе указ. Хочу быть Президентом Всего моря.

Старик. Побойся бога, матушка. Референдум нужен.

Старуха. Не желаю иметь твой референдум. Дело хлипкое. Собери съезд — и дело с концом.

Старик. Да какой же съезд, матушка. До свободных выборов еще триста лет.

Старуха. Глуп ты стал, старче. Ты собери съезд придворных, вот и будет тебе Президент. Икорки припаси, бражки, севрюжки. Бал объяви. Я для своих придворных ничего не пожалею.

Старик. Спасибо, матушка, благодетельница наша. Это можно. Ты у меня голова.

Старуха. Иди к своей золотой рыбке и требуй.

Матрешка. Топаем вместе, папаша. У тебя хата есть?

Интермедия номер три

- Здравствуй, Егор,
- Здравствуй, Борис.
- Как ты живешь, Егор?
- Вскрытие покажет.

— Ха-ха, Егор. Очень ты меня насмешил. А ты не боишься, что будет вскрыта большая недостача?

— От растратчика слышу. Ну? Что же ты замолчал? Что ты там делаешь?

— Как что я делаю? Да вот, свободу потерял, теперь ищущу.

— А где потерял?

— Вон там (*показывает на запад*).

— Почему же здесь ее ищешь?

— Так здесь светлее.

— Ты лучше скажи народу: что ты сделал сегодня для нашей свободы?

— Его-ор!

— Ну чего тебе?

— Его-ор! Я тебе честно отвечу. Сегодня для свободы я ничего не сделал.

— А когда ты сделал?

— Вчера сделал, Егор, это ты верно заметил.

— А что ты сделал для свободы вчера?

— Я тебе честно отвечу: вчера перевел в швейцарский банк триста тысяч зелеными.

— Ой, как ты меня напугал. Ведь это опасно. Зачем ты это сделал?

— Чтобы купить потом миллион одноразовых шприцев.

— Ох, мудер. Буквально скажу: объегорил ты Егора.

— Я так думаю, Егор, мне тебя никогда не объегорить. А ты сколько перевел в швейцарский банк?

— Не скажу.

— Ну скажи, Егор.

— Коммерческая тайна. Тебе только скажи, а ты потом на весь белый свет.

— Да чтоб я. Никогда. Скажешь, и мы сразу сотрем память.

— Вот сколько я перевел в швейцарский банк. Считай. На эти деньги можно шесть раз облететь вокруг шарика в салоне первого класса фирмы «Сабена», маршрут идет через Северный полюс, полет беспосадочный. И еще совершить два раза облет Луны с последующей посадкой на мысе Канаверал. Вот сколько я перевел. Теперь ты все знаешь.

— Егор!

— Ну чего тебе?

—Его-ор! Ну зачем тебе шесть раз летать вокруг шарика?

Да еще два раза вокруг Луны? Никак в моей голове не помещается.

— А зачем тебе миллион одноразовых шприцев? Ведь жопа-то у тебя все равно одна.

— Так я для других.

— И у меня так — пусть другие через Северный полюс летают. Где ты?

— Тут я.

Борис стоит с понурым видом перед микрофоном.

— Что ты там делаешь?

— Стою в очереди.

— За каким таким товаром ты стал в очередь? У тебя же все без очереди есть.

— А этого нет.

— Чего этого?

— Я встал в очередь к микрофону. С ночи занимают очередь, пишут на ладонях номер избирательного округа. Вот и жду теперь своей очереди.

— Что же ты ждешь в этой очереди?

— Жду, чтобы меня включили.

— Зачем тебе?

— Включи, тогда скажу.

— Нет, сначала ты скажи, что ты скажешь, тогда включу.

— Не скажу.

— Ну и молчи. Мне-то что.

Борис выбрасывает лозунг: ПРОШУ СЛОВА

Борис переворачивает лозунг. Там написано: НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Егор обходит вокруг Бориса, рассматривая лозунги.

— Что хочешь сказать этим, Борис?

— Вот скажу — тогда увидишь.

— Я уже вижу. Но пока ничего не слышу. Что же молчишь, говори. Я тебя включил.

Борис что-то говорит в микрофон, жарко жестикулируя, но его не слышно. Егор подходит к своему микрофону, говорит с меньшим жаром, но Егора тоже не слышно.

Размахивая руками, оба пылко ораторствуют.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова зал заседания неизвестно чего.

Председатель. Уважаемые товарищи и друзья. После

плодотворного перерыва (*икает*) продолжим нашу не менее плодотворную работу. Прошу присутствующих зарегистрироваться.

На табло загораются цифры: секунды идут с убыванием — от 7 до 0. Количество присутствующих наоборот возрастает — от 0 до 7.

Председатель. Таким образом, кворум имеется. Продолжим обсуждение вопроса (*икает*). Пора определиться, товарищи. Слово предоставляется нашему коллеге дяде Феде. Приготовиться мистеру Б. Г. Абсурду.

Дядя Федя. Я категорически не согласен. Прибыль надо делить по новому принципу. Кто в скольких операциях участвовал, тот столько баллов и получит. Так мы будем шагать в ногу с временем, это и будет наш вклад, извиняюсь за выражение, в реформу. Надо быть окончательно слепым, чтобы не видеть наших успехов. Мы великая держава и никому не позволим разваливать ее на куски и отлупливать от монолита по частям. Это суровая реальность, товарищи. Теперь о средствах информации. Газета «Знамя коммунизма» захвачена левыми экстремистами. Они поместили клеветническую статью, обвиняя в коррупции лучших людей нашего микрорайона. Какую только грязь они не льют на наши бедные головы. Но мы не будем сидеть сложа руки. Предлагаю дать соответствующее поручение нашим активистам. (*Бурные аплодисменты*). Никому не дано разрушить наше единство.

Из зала раздается слабый голос:

— Но ведь у нас гласность...

Председатель. Хотелось бы посмотреть — где она? Как она выглядит? Смелее, смелее, мадам Гласность, пройдите на трибуну, пусть на вас все посмотрят и, так сказать, убедятся. А дядю Федю попросим поговорить с этой Гласностью по душам.

Голос из зала (*решительно*). Дать ей по зубам — и все тут!

Появляется Крошка в костюме Гласности, сами понимаете весьма открыто и доступно, как и подобает в условиях гласности.

Крошка (*с вызовом*). Я вас не боюсь. Я давала этот материал в нашей газете.

Дядя Федя. Чего мне с ней разговаривать? И не подумаю. Это не моя компетенция. Позову-ка своего меньшего брата, пусть он с ней поговорит.

Выходит Эдик, младший брат дяди Федя, молодой культурист с могучей мускулатурой. Эдик останавливается против Крошки, играет животом.

Голоса. По зубам ей, по зубам!

Крошка. Меня нельзя заставить замолчать. Я писала и буду писать все, что думаю.

Эдик. Ты что-то сказала, Крошка? Так это ты давала?.. Подойди ко мне ближе, а то я плохо тебя слышу.

Сгреб Крошку в охапку и впился в ее губы. Крошка затерялась в его объятиях. Они скрываются в недрах трибуны. Слышится восторженный лепет Крошки.

Дядя Федя. Никто и не собирается заставить ее замолчать. Пусть кричит себе на здоровье. Но текст должен быть нашим, жизнеутверждающим. Правильно я говорю, ребята?

Председатель. Итак, с проблемой гласности мы разобрались. Слово предоставляется нашему дорогому гостю мистеру Б. Г. Абсурду.

Мистер Б. Г. Абсурд. Я беру слово во имя здравого смысла. Я — это Абсурд с большой буквы. Я долго и терпеливо слушал все, что тут обо мне говорили. С большим сожалением вынужден констатировать: я абсолютно не понят, более того, искажен. Общая теория абсурда извращена. Уж я-то знаю, о чем говорю. Готов доложить высокому собранию о своих успехах. Только великие цели по плечу нашему народу. А тут идет какая-то мышьяная возня, мы стали крохоборами. Затеяли вселенскую дискуссию о каких-то привилегиях, дачах. Как мы дошли до жизни такой? Несolidно для нашего великого народа. Русский царь жил в Зимнем дворце, тысяча семьсот комнат, и никто не говорил, что у царя существуют незаконные привилегии. Потому что он сам жил и давал жить другим. И правильно сделал советский народ, переклотив свое внимание с великих дворцов на великие стройки коммунизма. Мы добились таких результатов, которые не удавалось получить никакому другому народу. Повернуть вспять реки, осушить море, затопить водохранилищами лучшие земли — вот это я понимаю, это истинно русский размах. Ну в крайнем случае, проложить в тайге железную дорогу в никуда. Это же мечта! Я вас честно предупреждал: не губите мечту. Мечта должна оставаться нереализованной. А реализованная мечта — это талон на мясо.

Конечно, всем было трудно — как вам, так и мне лично.

Ведь все, что мы делали, делалось первый раз в истории человечества. Ну не получилось с первого раза — экая беда, получится со второго. Подумасшь — семьдесят лет. Это же всего-навсего один плевок с точки зрения вечности. Зато как благодарны будут нам потом наши внуки и правнуки за то, что мы показали им, как не надо идти вперед и развиваться... Наши моря пересохли от жажды...

Продолжает говорить, но его больше не слышно. Наконец и оратор понимает, что он говорит в пустоту. Мистер Абсурд и председатель обмениваются знаками. Абсурд пожимает плечами и покидает трибуну.

Мадам Абсурдиха. Я требую слова. А также требую честной международной экспертизы под эгидой ООН. Вы же видели, он так разнервничался.

Голос из зала. Заткнись, подстилка.

Мадам Абсурдиха. Прошу занести в протокол, меня оскорбили перед камерами. Я требую... Простите, здесь какое-то постороннее тело, по-моему, бездыханное.

Председатель. Прошу оказать помощь.

Два санитаря с носилками быстро извлекают Крошку из трибуны и уносят ее. Мадам Н. Абсурдиха тут же исчезает в трибуне.

Председатель. Заседание продолжается. Предупреждаю, это была репетиция, следовательно, запись ее в эфир не пойдет. Наконец-то мы получили возможность работать в условиях плюрализма. Зачитываю принятое решение. Председателю дано исключительное право определять, что это — репетиция или премьеры. Поясню на примере. Идет заседание. Но лица, участвующие в нем, сами не знают: репетиция это или нет? Будет делаться дубль или не будет? Это повысит чувство ответственности. Лишь после объявления перерыва председатель смотрит видеозапись и принимает решение: что это было — репетиция или прямой эфир. В случае признания, что это была репетиция, заседание с тем же пунктом повестки повторяется снова. Допускаются дубли, однако не более трех. Новый демократический метод позволит нам избежать ошибок в изображении. В случае, если заседание признано репетицией, произведенная видеозапись стирается и сдается в спецхран. Как, товарищи, будем голосовать? Надо определиться.

В зал врываются два матроса, перепоясанные пулеметными лентами, с автоматами Калашникова в руках.

Первый матрос. Кто тут Борис?

Голоса из зала (*со всех сторон*). Вот он, вот он, в первом ряду.

Борис. Я Борис. Куда прикажете следовать?

Первый матрос. Товарищ Борис, пригните голову.

Звучит пулеметная очередь.

Председатель (*успеваает крикнуть*). Сменить маски.

Человек-микрофон. Вы только что просмотрели опытно-показательное заседание, составленное по сценарию ведущих экспертов. Предлагается определить: на каком заседании мы с вами присутствовали?

Варианты возможных ответов:

1. Верховный Совет данной страны.
2. Военно-революционный трибунал той же страны.
3. Международный заговор империалистов.
4. Планерка главарей теневой экономики.
5. Консилиум врачей в дурдоме.
6. Конференция по разоружению сухопутных войск, оснащенных ракетами средней дальности.
7. Несанкционированное заседание межрегиональной группы.
8. Президентский совет.

За правильный ответ начисляется 6 баллов.

Появляются люди в белых халатах. Мистер Б. Г. Абсурд полулежит в кресле, облепленный датчиками. Люди в белых халатах расположились вокруг.

Главный врач. Приготовились? Датчики включены? Учтите, от этого эксперимента зависит судьба Федерации.

Первый халат. Все готово.

Главный врач. Скажите, пожалуйста, больной, вы меня слышите?

Мистер Б. Г. Абсурд (*слабым голосом*). Да. Я вас слышу. Будто издалека.

Главный врач. Как вас зовут? Отвечайте. Не бойтесь. Мы желаем вам только добра.

Мистер Б. Г. Абсурд. Я Б. Г. Абсурд, это вам известно.

Главный врач. Что означают инициалы «Б. Г.» — Борис Григорьевич? Да?

Мистер Б. Г. Абсурд. Вы глупцы. Б. Г. означает — Большой Государственный, на меньшее я не согласен. Так записано в моем паспорте.

Главный врач. Скажите, больной, на что вы жалуетесь? У вас не болит по утрам голова?

Мистер Б. Г. Абсурд. У меня ничего не болит. Пусть у вас болит голова, а я здоров. Вам не удастся запрятать меня в психушку. А вам там самое место.

Главный врач. Прибавьте дозу по первым трем параметрам.

Первый халат. Прибавляю восемь процентов.

Второй халат. Доза прибавлена.

Женщина в халате. По-моему, надо прибавлять осторожнее.

Главный халат. Как вы себя чувствуете, больной?

Мистер Б. Г. Абсурд. Зря стараетесь, зря стара... Я в порядке, в поря...

Главный врач. Теперь мы в норме. Остановите прибавку. Как вас зовут, больной?

— Борис Григорьевич Абсуревич.

— Год и место рождения.

— Одна тысяча девятьсот семнадцатый, двадцать пятое октября.

— Место рождения.

— Это случилось на Малой Невке. Мама пошла погулять перед вечером, у нас там рядом была аптека. На Малой Невке стоял какой-то корабль. И вдруг раздался выстрел. От неожиданности мама упала на асфальт и родила меня. Хорошо, что папа находился рядом, он помог маме. Мои родители были примерные христиане, меня тут же окунули в Малую Невку и показали матросам. Как они радовались!

— Прекрасно, Борис Григорьевич. Вот видите, как быстро мы в вами договорились. На что вы жалуетесь?

— Я устал. Очень сильно болит голова. Особенно по утрам, в момент пробуждения. Мне надоело твердить одно и то же.

— А что вы им твердите, если не секрет?

— Больше абсурда. Больше абсурда. Вообще-то мне повезло: у меня были хорошие ученики. Лучшие в мире. Правда, у всех наблюдался прогрессивный паралич. Но это лишь способствовало...

— Как вы ощущаете свой возраст? Как перенесли климактерический период?

— Все шло так хорошо. Мне не требовалось никаких уси-

ний. Я достиг полного автоматизма в работе и мог за ночь сорок раз по разу.

— Действительно, вы добились многого, Борис Григорьевич, возможно, всего. Вы подчинили себе всех и вся! Мы убедительно просим вас поделиться своими методами работы.

— А зачем это вам?

— Сейчас мы разрабатываем общую теорию абсурда с тем, чтобы поставить ее потом на нашей сцене. Премьера уже объявлена. Билеты проданы на два года вперед. А может, это будет путч, мы еще не решили.

— Ничего у вас не получится. Общей теории у меня не существует. Абсурд — это чистая практика.

Главный врач. Прибавьте дозу.

Первый халат. На сколько?

Главный врач. Минимум на два деления.

Второй халат. Если мы еще прибавим дозу, то увеличится степень искажаемости ответов.

Первый халат. Правильный ответ вовсе не обязан быть истинным.

Мадам Н. Абсурдиха (*наклоняется над креслом*). Я здесь, дорогой. Меня прислали в качестве наблюдателя ООН. Что вы с ним сделали? Он еле дышит. И, пожалуйста, не надейтесь, я от своих процентов не откажусь. И номера счетов вы от меня не узнаете.

Второй халат. Процентом чего, мадам?

Мадам Н. Абсурдиха. Моих процентов. Нас еще не развели. И вообще — дело о разводе отложено. У супругов общее хозяйство и совместное имущество. Смотрите, он совсем не дышит. Значит, я его наследница.

Сестра с белой лентой на голове. Он заснул. Не волнуйтесь, мадам, все протекает по графику. Это целебный сон.

Главный врач. Борис Григорьевич, вы меня слышите. Кто вы?

Мистер Б. Г. Абсурд. Я Большой Государственный...

Главный врач. Где вы родились?

Мистер Б. Г. Абсурд. В Витебске. Я был подкидышем. Никогда не знал отца с матерью. Возможно поэтому мне и захотелось отомстить всем живущим. У всех есть папа и мама. Чем я хуже вас? Погодите — вы станете хуже меня. Я это сделаю.

Главный врач. Ответ засчитан. Итак, немного о ваших методах.

Мистер Б. Г. Абсурд. Спросите лучше у бабочки — почему она порхает? С какой целью?

Главный врач. Борис Григорьевич, вы же Большой Государственный... Вы сотворили целую эпоху. Такого Абсурда еще не было в истории человечества. Зачем же теперь вы отрёкаетесь от своих достижений? Может быть, вы хотите написать книгу? Извольте, мы вам поможем. Это будет мировой бестселлер. На этих страницах уже высказывалась мысль о необходимости абсурдистской цели... Мы проведем презентацию, заработаем хороший куш. Зелеными.

Мистер Б. Г. Абсурд. Ни в коем случае. Мои цели абсолютно реальны. Иначе за ними не пошли бы миллиарды людей. А я твердо знаю: люди не дураки, они просто доверчивы.

Главный врач. Значит, вы создасте реальную цель. Но какой она должна быть?

Мистер Б. Г. Абсурд. Прежде всего моя цель должна поражать воображение своим величием. Неважно, что это будет — мировая революция или египетские пирамиды. Если вы сумеете поразить их воображение, они пойдут за вами покорно и согласованно. Пойдут до конца.

Главный врач. Минус на минус дает плюс...

Мистер Б. Г. Абсурд. Я этого никогда не утверждал. Но это так.

Главный врач. Предположим. Два абсурда дают реальность. Но ведь плюс можно получить и другим путем: из сочетания двух плюсов. Есть ли разница между этими двумя реальностями, минусовой и плюсовой?

Мистер Б. Г. Абсурд. Разумеется, моя реальность ущербна. В моей структуре все время ощущается дефицит реальности. Поэтому данную реальность систематически приходится подкармливать.

Главный врач. Вы имеете в виду пропаганду?

Мистер Б. Г. Абсурд. Не единственно ее. Приходится доказывать, что наша ущербная реальность — самая лучшая в мире. А всех, кто сомневается в этом... ну сами знаете, мне не хотелось бы углубляться в детали.

Главный врач. Вы устали, может быть, мы сделаем перерыв, музыкальную паузу?

Мистер Б. Г. Абсурд. Придумайте что-нибудь более

оригинальное. Я, мистер Абсурд, всегда был оригинальным. Я понимаю, вы заботитесь о зрителе. Но я поставил бы вопрос шире. «Все для человека!» — это именно та цель, которая нужна нам сегодня.

Главный врач. Простите, не совсем понял вас. Человек — это звучит гордо. При чем же здесь абсурд?

Мистер Б. Г. Абсурд. Ха-ха. Человек и есть главный абсурд, разве вы не знали? Через посредство человека природа готовит собственное уничтожение.

Главный врач. Но это пока лишь гипотеза.

Мистер Б. Г. Абсурд. Не менее реальная, чем ваш прославленный коммунизм. В масштабах его реальности мы убедились во время его развала. Коммунизм есть главный носитель абсурда. Точно также как сталинизм есть высшая форма абсурдизма — уничтожение собственного народа во имя себя самого. Сталинизм — это величайшая вершина. Так что не волнуйтесь: обломков при обвале будет много. И вообще я заявляю самым категорическим образом: наш советский абсурд самый справедливый в мире. Я горжусь каждым прожитым днем.

Главный врач. Прибавьте дозу. Чуть-чуть.

Первый халат. Исполнено.

Главный врач. Ваши мотивы, мистер Абсурд.

Мистер Б. Г. Абсурд. Потому что наш родной абсурд един для всех нас. И всем нам его поровну. Это и есть наш идеал социальной справедливости.

Главный врач. Прекрасная законченная теория, Борис Григорьевич. Поздравляю вас. Вы создали великий труд.

Мистер Б. Г. Абсурд. Разве я создал эту теорию? Разве я читал в подпольных кружках ваши примитивные прокламации? Разве я выпускал нелегальные газеты? Шепотом читали, при свечах. Все разрушили и построили по-своему, по своей теории — разве это я придумал?

Главный врач. И вы можете назвать виновного. Кто же это? Дядя Володя?

Мистер Б. Г. Абсурд. Увы, не он.

Женщина с лентой на голове (*пылко*). Я знаю: дедушка Карло.

Мистер Б. Г. Абсурд. Увы. Хотя именно он провозгласил диктатуру абсурда.

Главный врач. Кто же в таком случае?

Мистер Б. Г. Абсурд. Николай Коперник, создавший

гелиоцентрическую систему мира. Солнце светит для всех — но из-за неправильного наклона земной оси оно светит неравно. Смена времен года, неравномерность температурного режима, полярный день и полярная ночь — все из-за неправильного наклона земной оси. Так захотел Создатель. Из Белого и Черного родилось Добро и Зло. Абсурд есть черная дыра мирового духа. Я тут ни при чем.

Главный врач. Я понимаю вашу скромность, но...

Мистер Б. Г. Абсурд. Я только мешал карты. Играли всегда другие. Я вам скажу: если цель размещена не там, то и пуля летит не туда. В идеале должно быть достигнуто полное слияние цели и средств. Абсурдистская цель всегда иллюзорна, значит, и не надо стремиться к ее достижению. Достаточно сделать вид, будто вы изо всех сил стремитесь к цели — и все будет в полном порядке. Метод не только не опровержен, он опробирован всей нашей историей.

Главный врач. Борис Григорьевич, вы больны. Это очень непростая болезнь, если не сказать больше. Мы хотим вам помочь, мы очень стараемся. Но и вы должны помочь нам своей чистосердечностью.

Мистер Б. Г. Абсурд. Хорошо, я болен, готов признать это. Но вы-то сами больны или здоровы?

Главный врач. Разумеется, мы все здоровы. Можем предъявить справки.

Мистер Б. Г. Абсурд. А наше общество, в котором мы живем? Ведь это больное общество — не так ли?

Главный врач. Да, в последнее время мы стали признавать это.

Мистер Б. Г. Абсурд. Ха-ха. Больное общество состоит из здоровых людей. Привет вам всем от мистера Абсурда.

Первый халат. Какая наглость!

Главный врач. Успокойтесь, Борис Григорьевич, бы слыхом взволнованы.

Мадам Н. Абсурдиха. Вы только послушайте, снова он заливает. Он обманул нас всех, а вы с ним чикаетесь. Пора призвать его к ответу. Но предупреждаю: моего согласия на развод вы не получите. Я забираю свое заявление обратно. Да, он обманывал меня, он давно уже ничего не может, ему нужны эти шмакодавки. Но все равно я его не отдам. Во имя наших маленьких абсурдят. Я воспитаю их достойными патриотами. Это мой гражданский долг. Я наследница. Пятьдесят процентов абсурда — мои! И плюс проценты на

абсурд. Меньше восьми процентов мы не работаем. Может, я по паспорту и Абсурдиха, но я не такая дура, чтобы отказываться от процентов. Последний раз заявляю — не могу поступиться процентами.

Сестра с повязкой на голове. Успокойтесь, Нина Андреевна, прошу вас, пожалуйста. Я вам сделаю укольчик.

Главный врач. Не усыпайте ее, ни в коем случае. Она нужна нам бодрствующая.

Мадам Н. Абсурдиха (*в истерике*). Тут все мое! Мое! Не отдам!

Мистер Б. Г. Абсурд (*устало*). Успокойся, дорогая. У нас с тобой ничего нет. Ни пенса. Я все пустил на ветер. Ты ведь знаешь мой главный принцип: «Ни себе, ни людям». А были неплохие денежки: миллиарды, квадрильоны. У всех отнял. Всех обчистил. Вы не представляете, какая это сладость — пускать миллиарды на ветер. Трудно было только с первым миллиардом, когда я реквизирувал хлеб у голодных крестьян Поволжья. А дальше само пошло, миллиард за миллиардом — как верстовые столбы. Все народы считают себя ограбленными — ограбить народ это не хитрость. Но вот попробуйте сделать так, чтобы все народы были ограблены и при этом ни один народ не разбогател. Это мог сделать только я — Большой Государственный!

Мадам Абсурдиха. Он же вас дурачит, разве вы не понимаете? Я сама видела его чековые книжки. Где же эти миллиарды? Ведь они были. Куда же они делись?

Мистер Б. Г. Абсурд. Черная дыра, черная дыра...

Главный врач. Отдохните, Борис Григорьевич. Такая нагрузка — вы устали. Мне передают с главного пульта: на очереди музыкальный момент.

Играет музыка. Крошка и Культурист исполняют Большое па-де-де абсурда — это танец рваного рисунка: изломы линий, разрыв движений, прыжки, совершаемые в никуда. Мы лишний раз убеждаемся — абсурд существует во всех жанрах.

Тем временем персонажи перегруппировались, образуя телестудию. Вместо халатов на них пиджаки.

Главный пиджак. А теперь, дорогие товарищи телезрители, переходим к следующему разделу нашей программы: ответы на ваши письма. Эфирное время весьма ограничено,

поэтому давайте в темпе. На каждый ответ — тридцать секунд. Ваше слово.

Первый пиджак. Интересное письмо пришло от Маши Сидоровой из сто первой средней школы. Маша спрашивает: «Куда девался абсурд? И где его можно увидеть в эпоху Больших реформ?» Далее Маша интересуется, может ли абсурд исчерпать себя?

Главный пиджак. Я думаю, на этот вопрос лучше всего ответит мистер Б. Г. Абсурд. Выньте его из кресла, поставьте перед микрофоном. Пусть он ответит перед народом.

Мистер Б. Г. Абсурд (*ритмично качается перед микрофоном*). Абсурд неисчерпаем. Абсурд — это непрерывный творческий процесс, творчество миллионов. Абсурд однопартиен, абсурд тоталитарен. Мало того, что карты крапленные, их все время надо путать.

Второй пиджак. Шахтер Сергей Шувалов из Воркуты предлагает закопать абсурд у себя на шахте и сообщает, что с этой целью он готов отработать безвозмездно три рабочих смены. Он спрашивает: на какой глубине лучше всего хоронить абсурд?

Мистер Б. Г. Абсурд. Вопрос остается непроясненным: намерен ли шахтер из Воркуты хоронить меня в живом виде? Абсурд не только вечен, он еще и бессмертен. Как только меня пытаются хоронить, я тут же воскресаю в новом обличье. А когда меня пытаются разрушить, я перетекаю в хаос.

Главный пиджак. К нам только что поступил телефонный звонок из Касимова. Вопрос задает учитель тригонометрии Точкин. Вопрос такой: насколько были оправданы великие стройки коммунизма?

Мистер Б. Г. Абсурд. Это была великая гениальная программа. Великие стройки коммунизма отодвинули коммунизм в такую даль, что его вообще не стало видно. Строили коммунизм, а получилась братская могила — это я понимаю.

Второй пиджак. Интересный вопрос поступил от Нади Волковой, ученицы второго класса шишкинской средней школы. Надя спрашивает: «Партия кормила народ. Прокормят ли народ демократы?»

Мистер Б. Г. Абсурд. Демократы дают четкий ответ: нельзя больше надеяться на партию. Теперь все будет по-другому. Народ должен кормить себя сам, в том числе и демократов. Так что, дорогая Надя, теперь ты обязана сама

заботиться о своей кормежке. Кормежку надо начинать с себя.

— Возможен ли мирный переход от абсурда к здравому смыслу?

Мистер Б. Г. Абсурд. Да, возможен. Но лишь в одном случае. Если это будет абсурд с человеческим лицом. Чтобы стать реальным, абсурд обязан обрести трехмерность. Для этого требуются абсурдистские люди.

Женщина с лентой на голове. Где же вы их находите?

Мистер Б. Г. Абсурд. Абсурду срочно требуются серые личности. Из них получаются лучшие исполнители, готовые претворить в реальность любую бессмыслицу. Лучшие кадры я всегда находил в дурдоме.

Женщина с лентой на голове. Как? Среди больных?

Мистер Б. Г. Абсурд. Исключительно среди персонала.

Главный пиджак. В одном из предыдущих сеансов мы говорили о том, что абсурд — это паралич реальности. И вот теперь новый вопрос — что такое реальность?

Мистер Б. Г. Абсурд. Реальность — это кратчайшее расстояние между двумя абсурдами.

Второй пиджак. Девочка Катя из Набережных Челнов пишет: «Недавно по радио передавали, что на планете началась эпидемия здравого смысла. Хотелось бы знать, как долго будет продолжаться данная эпидемия и сколько жертв она унесет с собой?»

Мистер Б. Г. Абсурд. Не волнуйся, Катя. Эпидемия здравого смысла скоро кончится. Она пройдет сама собой. Рано меня хороните, господа. Мы будем выдавать здравый смысл по талонам.

Первый пиджак. Сержант Голубев спрашивает: «Какая артиллерия самая сильная в мире?»

Мистер Б. Г. Абсурд. Разумеется, русская.

Женщина с лентой на голове. Почему?

Мистер Б. Г. Абсурд. Один холостой залп — и семьдесят три года разрухи.

Первый пиджак. Любопытное письмо пришло из Ивановки. Журналист Лягушатников задает вопрос: «Можно ли построить коммунизм в отдельно взятой деревне?»

Мистер Б. Г. Абсурд. На прошлой неделе я встречался с митрополитом всей Империи Егорием. Ознакомившись со всеми резолюциями всех партийных съездов, митрополит Егорий молвил: «Не знаю, как насчет победы коммунизма, а вот конец света в отдельно взятой стране, если это страна Фу-Фу,— возможен.

— Прекрасно, Борис Абсуревич. Теперь мы должны возблагодарить вас. Ваше желание. Прошу вас.

Мистер Б. Г. Абсурд (*в забвении*). Хочу быть всефуфуйским академиком, хочу быть всефуфуйским... Полным членом.

Первый пиджак. Считайте, что ваше желание исполнено. Мы откроем во Всефуфуйской академии отделение Абсурда — и вас туда...

Мистер Б. Г. Абсурд. Я готов. Я прочитаю фуфуйскую лекцию. Вот ее тезисы. Под моим руководством советский народ добился небывалых успехов. Ни один народ в мире не смог сделать того, что сделали мы, советские люди. Мы создали мнимую реальность — кому это удалось, кроме нас? Тем самым мы доказали, что можно построить невозможное. Только не говорите никому, это не для протокола. Народ не должен знать об этом — они могут обидеться и выйти на улицу. И еще говорю вам: «Это штука не перестраивается». Ибо главный вывод фуфуйской лекции: ВСЕ АБСУРДНОЕ — РАЗУМНО.

И пожалуйста, только вперед — к абсурду. Ни в коем случае нельзя отступать назад. Отступать просто некуда. За нашей спиной никого нет — кроме нас самих. Глоток воды, я устал.

Второй пиджак. А нового путча вы не боитесь?

Мистер Б. Г. Абсурд. Ха-Ха! Путч — это я.

Первый пиджак. А фу-фу не хочешь?

Главный пиджак. Наше время истекло. Отключите этот липовый эфир. Уф, можно вздохнуть...

Голос. Эфир отключен.

Главный пиджак. (*обращается к мистру Б. Г. Абсурду*). Ну, теперь ты доволен, жидовская морда? Все-таки ты поверил, что это прямой эфир?

Мистер Б. Г. Абсурд. Я с самого начала все знал. Вам нужны мои методы, но не для борьбы со мной.

Главный пиджак. Прибавьте дозу. На четыре деления.

Первый пиджак. Он знает слишком много. Его нельзя выпускать отсюда.

Женщина с лентой на голове. Мы должны сохранить его. Такой мощный интеллект. Он еще пригодится нам в трудную минуту.

Появляются двое с носилками. Уносят Абсурда.

Разодетые матрешки быстро накрывают стол. Председатель произносит тост.

— Друзья, я предлагаю поднять этот тост за успешное окончание нашего грандиозного эксперимента. Не забывайте, однако, что это лишь первый этап. И чем скорее мы перейдем ко второму этапу, тем лучше.

Выпили.

Крякнули.

Закусили.

Женщина с лентой на голове (*бьет соседа по голове*). Куда лезешь, не твое!

Главный пиджак. Спокойно, товарищи, что же вы — одну коленку на двоих поделить не можете? Тут все свои. Предлагаю поднять тост за второй пункт повестки дня. Эксперимент с мистером Абсурдом проведен под руководством академика Друсба. Ему и слово.

Академик Друсба. Наша комиссия дала свое заключение. Мистер Абсурд признан абсолютно вменяемым и дееспособным гражданином, из чего вытекает, что его мозг является государственной собственностью и на этом основании подлежит заморозке. В настоящий момент уже создано совместное предприятие по экспорту абсурда. Будем продавать его малыми дозами, чтобы не сбить мировые цены, как в свое время произошло с нефтью. Наш абсурд нынче в цене, господа фирмачи. А мы у них покупаем здравый смысл. К сожалению, цены на здравый смысл остаются на высоком уровне. Зачастую они просто нам не по карману. Но мы будем продолжать работать в этом направлении.

Главный пиджак. Доложите о ходе заморозки.

Женщина с лентой на голове. Произведена первая в мире заморозка человеческого тела, ибо нам важно сохранить могучий мозг мистера Абсурда для грядущих поколений. Экспериментом предусмотрена возможность разморозки этого мистера через тридцать лет. Первая стадия эксперимента прошла успешно: температура тела мистера Абсурда 18° Цельсия, пульс — три удара в час, дыхание — два раза.

Все фирмачи будут получать ежедневные сводки о состоянии замороженного. Таким образом, заморозив Большой Государственный Абсурд, наша фирма первой в стране вступает в эпоху здравого смысла. От нас самих теперь зависит, как мы используем эти возможности.

Главный пиджак. У кого имеются предложения? Дополнения? Замечания? Тянем по маленькой.

Третий пиджак. Избирательный округ номер сто четыре. Народный депутат от Адыгеи. Мы прослушали очень интересное сообщение. Думаю, что пора внедрять его в реальность. Мои избиратели из Адыгеи вносят предложение. Пора нам установить очередь на заморозку. Членам президиума, разумеется, в первую очередь. Со своей стороны заявляю, что лично я готов подвергнуться данному эксперименту, желательно без жены. Прошу разморозить меня после успешного завершения либерализации, когда будут выпущены новые дензнаки.

Второй пиджак. Предлагаю создать комиссию по замораживанию и размораживанию. В первую очередь надо решить: что это такое — привилегия или не привилегия?

Главный пиджак. Спокойно, товарищи. Какие будут предложения по составу комиссии?

Голос. Благодарю вас, товарищи фирмачи. Запись окончена.

Интермедия номер четыре

— Здравствуй, Егор.

— Здравствуй, Борис.

— Его-о-ор!

— Ну чего тебе?

— Ты слышал, Егор. Списки составили. «Мерседесы» дают. И совсем недорого.

— Один взял «Мерседес», знаешь, что с ним сделали? Из партии долой.

— Из партии? Да ну? Ну тогда я пошел.

— Куда ты пошел, Борис?

— За «Мерседесом». Не хочу быть, Егор в одной партии с тобой. Ведь я-то знаю: ты уже три «Мерседеса» схватил.

— Стой!

— Ну чего тебе?

— А какое право ты имешь из партии без разрешения уходить?

— Так вот и уйду. Отделюсь.

— Стой, тебе говорят. Стрелять буду.

— Ну и стреляй.

— Стой. Я тебя танком достану.

— Доставай, у тебя танков давно нет, на валюту сбыл.
(Подходит к Егору, показывает кулак.) Кончилась твоя сила!

— А в чем твоя сила?

— Моя сила в свободе.

— Ну, ладно, Борис, давай вступать в диалог.

— Ну, давай. (Показывает кулак.)

— Я тебе так скажу, Борис. Не в том сила, выйдешь ты из партии или не выйдешь ты из партии. А в том сила, выйдет партия из тебя или не выйдет.

— Ах, Егор, в этом ты прав. Вот она, проклятая, где сидит. В печенках.

— Вот и договорились. Мы же с тобой близнецы. Я Егор Борисович, ты Борис Егорович. Мы назначены пожизненно. Старый мир разрушили, новый—построили. Теперь снова рушить.

— Зачем же новый мир рушить? Егор, ты в своем уме?

— А что делать, Борис. Ну не получилось с первого раза. Идею надо рушить. Все осмеять, очернить, оболгать, облевать—это же великая цель. Это же он сам придумал.

— Кто он?

— Ну сам знаешь—Он! Только Он! Всех кумиров прошлого свалить в одну яму. А когда всех обосрем, тогда и начнется новый этап. Народ нам снова поверит. Выбрасывай новые лозунги, Борис!

— Выбрасываю, Егор.

Начинается хоровод лозунгов.

АБСУРД — ОТЕЦ ПОРЯДКА

АБСУРД ВСЕМ НАРОДАМ

ВЕРНИТЕ НАМ РУССКОЕ ИГО

ЧЕЙ ЛОЗУНГ ЛУЧШЕ, ТОТ И БУДЕТ ПРЕЗИДЕНТОМ

Звучит браваурная музыка. Егор и Борис дубасят друга друга лозунгами.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Медленно гаснет свет.

Голос. Что там?

Второй голос. Замыкание.

Голос. Включите автономную систему.

На столе загорается свеча, освещающая лица в масках.

Стол накрыт для ужина.

Первая маска. Имеются абсолютно точные сведения, полученные по релейным каналам. Они его заморозили. Вы понимаете, что это значит?

Вторая маска. Это значит, что они в любую минуту могут разморозить его обратно.

Третья маска. За что же мы пьем? За заморозку или за разморозку?

Первая маска. Дорогие друзья! Собратья по оружию. Хотел бы предложить вашему вниманию небольшой тост. Да, мы ассенизаторы эпохи, мы вынуждены копать в дерьме, дабы спасти то немногое, что еще осталось. И я горжусь тем, что такая историческая миссия выпала нам. Поэтому — выпьем за то, чтобы делать наше грязное дело чистыми руками.

Крики одобрения.

Стук в дверь.

Первая маска. Кто там?

Голос за дверью. У вас продается славянский шкаф?

Первая маска. Только по договорным ценам. Пропуск.

Голос за дверью. Перестройка. Отзыв.

Первая маска. Перестройка. Проходи.

Вторая маска. Это Борис. Он собирал голоса, потому подзадержался.

Входит человек в маске. Садится за стол, наливает стакан. Пьет, не закусывая.

— Как там на воле?

— Мерзость запустения.

Первая маска. Ты слышал? Они его заморозили.

Борис. Если это по релейному каналу, то верно. Что дальше?

Вторая маска. Мы должны похитить его и разморозить в тот момент, когда это будет выгодно нам. Диктатуру абсурда мы не отдадим — не имеем права. Видеокассету получим завтра, пришлось крупно заплатить,

Борис. Надеюсь, не валютой?

Вторая маска. Исключительно на основе рыночных отношений, за которые мы боремся. Он мне видеокассету, я ему сдал в аренду стартовую площадку для запуска воздушных шаров.

Борис. Хорошо. Это мы утвердим. А сэкономленную валюту пустим на одноразовые шприцы. Мы должны думать о населении.

Маска с лентой на голове. За вычетом комиссионных. Восемь процентов. Учтите, я не такая дура, чтобы отказываться от процентов.

Первая маска. Обсудим. Поступила шифровка: танки вышли с места дислокации и уже пересекли границы Фу-Фу.

Вторая маска. Куда они идут?

Первая маска. В заданном направлении.

Третья маска. Когда придут?

Первая маска. Точно по графику.

Вторая маска. Значит, мы можем быть спокойными.

Стук в дверь.

Борис. Стой. Кто идет?

Голос за дверью. Скажите, пожалуйста, у вас продаются одноразовые шприцы?

Борис. Только по договорным ценам. Входи.

Входит человек в маске. На его маске нарисован большой черный крест, но он об этом не догадывается.

Человек с крестом. Разрешите доложить. Полномочный курьер для любых поручений от дяди Феди. Прибыл с донесением.

Борис. Выкладывай. Здесь все свои.

Человек с крестом. Разрешите доложить. Тело замороженного мистера Икс три часа назад перепохищено группой левых синих неформалов из Памяти. В данный момент данное тело находится в воздухе на высоте двенадцать тысяч двести сорок метров, курс самолета не установлен.

Борис. Ты кому-нибудь докладывал?

Первая маска. Все пропало. Теперь придется выменивать его на Егора.

Человек с крестом. Простите, пожалуйста. Где я нахожусь? Я кажется пришел не туда.

Борис. Ты пришел именно туда. Но выйти тебе вряд ли удастся.

Человек с крестом. Учтите. Я подстрахован...

Борис. Вот мы сейчас проверим. На дозатор его.

Человек с крестом делает знак. На сцену врываются белые халаты. Друг против друга выстраиваются две пятерки.

Пять белых халатов.

Пять пиджаков.

На них каски с защитными масками. В руках клюшки.

Диктор. И вот финал! Наконец-то мы дождалась этой волнующей минуты. В финал пробилась самые достойные. Левые либералы против правых. Кто победит? Об этом мы скоро узнаем. Свисток. Шайба в игре.

Белые халаты. Не трогайте нашего. Вы все опошлили. Утратили контроль над ситуацией. Довели партию до развала. Ваше время кончилось. Эта сцена принадлежит нам. Уходите по доброй воле, а то мы вас уйдем без разрешения.

Пиджаки. Только попробуйте. Возврата к прошлому нет. Будущее за нами. Мы не против вас, живите на здоровье. Но мы против административно-командной системы. Мы за рыночные отношения. Не мешайте нам. Освободите дорогу. Надо уходить достойно.

Белые халаты. Будущее за нами.

Пиджаки. Будущее за нами! Мы первые сказали.

— Вперед, ребята. Шайба в игре.

— А где судья? Кто нас рассудит?

Голос сверху. Нас рассудит история.

Сверху спускается человек на парашюте. Это мистер Б. Г. Абсурд.

Присутствующие поражены.

— Смотрите, это сам Абсурд. Откуда от взялся?

— Хелло, дорогой. Как ты себя чувствуешь? Ничего не отморозил?

— Мы вас не звали.

— Но вам без меня не обойтись. Я буду судить вас, когда вы начнете драться.

— Сначала скажи нам: на чьей ты стороне? Пора определиться.

— Я на вашей стороне.

— Ишь ты, хорошо устроился. Хочешь сидеть сразу на двух стульях? Не выйдет.

— Да, Да. Это говорю я, Борька Абсурд, который всегда рубит правду-матку. Вы же сами выбрали меня своим тренером. И Борька вас учит: я со всеми, кто борется за власть. Борьба за власть есть высший идеал имени меня. Поэтому я болею за обе команды. Деритесь смелее. А я посмотрю. По-

том команда-победительница устроит военный переворот. Вот тогда уж мы порезвимся с вами, ребята. Все танки пойдут в дело, ни один танк не отстанется безработным. Включаю третий микрофон.

Игра продолжается. Табло неукротимо отсчитывает секунды.

Диктор. Какой захватывающий матч. Играют великие профессионалы, подлинные мастера клюшки. С каким азартом они перемальвают кости друг друга. Еще бы! Впереди такая высокая цель. Победитель сегодняшнего матча станет первым всенародным президентом Фуфундии. Но что это? Ай-ай. Первый халат нарушил правила. Сейчас будет удаление на две минуты. Белые халаты остаются в меньшинстве.

Кто победит? Вечный вопрос, на который нет единого ответа. Ответ каждый раз непредсказуем. Но в любом случае мы можем сказать одно. Победит дружба.

Ну зачем же так? Ай-ай. Товарищи, мы живем в цивилизованном мире. Ну так вмажь ему, только не так открыто...

— Я тебе покажу, мазила.

— Не дерись, ногами, легавый.

Звучит музыка: «В хоккее играют настоящие мужчины». Потасовка на ледяном поле разгорается. Борис Абсурд удобно расположился в кресле наблюдателя. Он дает знак выключить микрофон.

Потасовка достигает апогея. Персонажи кричат, но их не слышно.

Немая сцена.

1990—1992

Лекция, не прочитанная в Сорбонне

ОБЩАЯ СТАДОЛОГИЯ

Благонамеренный
И грустный анекдот:
Какие мерины
Пасут теперь народ?

ЛЕДИ и ДЖЕНТЛЬМЕНЫ. Скопище глупцов, стадо недоумков, олухи в мантиях, я заставлю вас выслушать себя. Можете славословить или казнить, мне безразлично, я исполнил волю, мне предначертанную.

После такого заветного, но тем не менее оставшегося в скобках вступления разрешите перейти к официальному тексту; сегодня я всласть пощекочу ваши вшивые уши.

Значит так, леди и джентльмены, черт вас подери. В этих благородных стенах, говорю я вам, звучали голоса Ньютона, Фарадея, Кука, Уатта, Адама Смита, Гарвея, Дарвина, Эйнштейна. Лучшие умы человечества провозглашали с этой кафедры высочайшие истины, но нельзя бесконечно питаться одним и тем же куском знания. Общая стадология рождается в тот момент, когда она более всего необходима, когда человечество находится на краю пропасти, в чем вы еще раз сможете убедиться через час, когда узнаете о том, что произойдет на Ремстрит*.

Видит бог, не я начал первый. Я понимал, что, подобно космическому пришельцу, не имею права вмешиваться в стадную эволюцию. Я желал взойти на эту трибуну добром. Не получилось. Поэтому вся ответственность за мои действия ляжет на вас, сэр секретарь.

ЭКСПЕРИМЕНТ НАЧАЛСЯ. Слушайте, слушайте, сэр Флок, я к вам обращаюсь. Эксперимент начался полтора часа назад, когда моя единственная внучка Сюзанна вышла из дома. Теперь каждое слово фиксируется на двух пленках. Внешние события будут также записаны, во всяком случае я так полагаю, если моя наука верна.

* Название улицы не является реальным (Прим. ред.)

Три дня назад — фиксирую это исключительно ради объективности для «Протоколов» — мною был послан по почте конверт на ваше имя, сэр Флок. Вы его получили. В письме я нижайше просил вас, как Ученого секретаря Королевского общества, назначить мне время для доклада по курсу Общей стадологии — или у нас не стало свободы слова?

Я приложил к просьбе проспект, из которого явствовало, о чем я хотел бы доложить высокочтимым членам Королевского общества.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что претендую на многое. До нынешнего дня никому не приходило в голову поставить перед собой и разрешить задачу такого огромного охвата. Очевидно, на нашей планете не существовало подобного человека.

Теперь он явился «городу и миру». Этот человек я, сэр Спайтл.

Что же сделали вы, сэр Ученая Каракатица, узнав обо мне? Вам кажется, что вы вправе объявить вне закона все, недоступное вашим скудным мозгам. Увы, сэр, вы решили использовать в своих гнусных целях нашу продажную печать.

Я своевременно узнал об этом. Вчера после завтрака Сюзанна принесла мне «Дейли мейл». Полагаю, что ваши стилистические таланты вполне достойны того, чтобы быть зафиксированными на этих страницах в качестве вещественного доказательства вашего зломыслия.

НАУКА ИЛИ ШАРЛАТАНСТВО? Хотел бы я знать, сами вы сочинили этот заголовок или ваши наемные борзописцы?

Обратимся к тесту:

«Наш корреспондент посетил достопочтимого сэра Флока в его резиденции на Ремстрит. Ученый секретарь Королевского общества рассказал о подготовке к юбилейной сессии, на которой будут прочитаны наиболее выдающиеся доклады за этот год.

Вместе с тем достопочтимый сэр обратил внимание на беззащитность современной науки. Авторитет ученого в наши дни так высок, что многие стремятся воспользоваться им в своекорыстных целях.

Алхимики не перевелись и в наши просвещенные времена, сказал сэр Флок. Примером тому может послужить недавнее письмо, полученное в адрес Ученого секретаря от некоего сэра Спайтла, имя до сих пор неизвестное в ученом мире. Этот неизвестный миру Спайтл утверждает, будто он от-

крыл новую науку стадологию, которая якобы производит полный переворот в наших современных представлениях о человеке и человечестве. Отныне де можно программировать действия человеческих сообществ — именно так озаглавлен один из параграфов присланного проспекта. Я отвечаю: этого не может быть, ибо этого не было. Если бы программирование действий сообществ было возможным, мы не знали бы, что такое революции, нефтяные кризисы, паника на бирже.

Мы уже не говорим о том, продолжал сэр Флок, что новые науки не открываются, как оповещает автор письма. Новые науки возникают на почве преемственности.

Приложенный проспект свидетельствует о том, что автор насмехается над нашей историей, нашими традициями и общественными институтами. Он якобы поет похвалу стаду, но вряд ли мы в ней нуждаемся. У такой похвалки ножки гнилы.

Мы гордимся нашей великой демократией, продолжал Ученый секретарь, у нас полная, ничем не ограниченная свобода слова, но еще ни одному шарлатану не удалось осуществить священный принцип свободы слова в стенах Королевского общества.

Можем посоветовать сэру Спайтлу одно — пусть он идет в Гайд-парк, взбирается на бочку и читает там свои опусы хоть до второго пришествия — ибо наша демократия непоколебима.

Печальный эпизод с сэром Спайтлом напоминает нам всем о нашей ответственности перед наукой, которой мы призваны служить и служим бескорыстно».

ВЫЗОВ ПРИНЯТ. Вот и все, сэр Флок. Крепко же вы нагрелись! Вы отрицаете программирование действий, но именно такая программа была заложена в ваше поведение, когда я посылал вам свой пакет. Мельчайшая доля нового вещества — и вы повели себя в точном соответствии с заложенной программой. Я не знал лишь названия газеты, к услугам которой вы прибегнете.

Сорок лет жизни потратил я на создание своего труда, который вы осмелились назвать шарлатанством. Кроме «Общей стадологии» я написал «Конкретную стадологию» — и все это доверил вам с доброй душой и волей.

Как поступили вы, известно читателям этой жалкой газе-

тенки, я вас запрограммировал методом стадологического анализа.

Как поступлю я, не знает никто. Вы моих действий программировать не в состоянии. Не вы, а я манипулирую вами.

Я принимаю ваш вызов, сэр. Мое намерение прочесть доклад в Королевском обществе ничуть не ослабло.

И он будет прочитан, уверяю вас, сэр Мордворот.

Сообщаю вам, что полный текст «Стадологии» (в 4-х томах) хранится в Швейцарском банке. Вам же я зачитаю «Краткий курс», кроме всего прочего, знакомство с ним не потребует специальной научной подготовки.

Вы молвили, что мое имя вам ни о чем не говорит. Надеюсь, вскоре оно вам кое-что скажет, вы убедитесь в этом на собственной шкуре. Следите за голубым экраном, сэр Рыло.

Для начала советую прочесть небольшую заметку, помещенную во вчерашнем выпуске «Таймса».

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ В ГАЙД-ПАРКЕ. «Диктофон висел прямо на старой липе, зацепившись за сучок и издавая нечленораздельные звуки. Сотни людей со всех сторон Гайд-парка устремились к старой липе, замирая перед диктофоном.

Все остальные ораторы оказались брошенными. Вскоре вокруг липы образовалась огромная толпа в несколько тысяч человек.

Диктофон помолчал некоторое время, потом начал нести околесицу, не имевшую никакого смысла. Толпа внимала покорно и безгласно. Так продолжалось до тех пор, пока не кончилась пленка. Нежелательных эксцессов не наблюдалось.

Диктофон был доставлен в полицию. Никаких мин, подложенных террористами, обнаружено не было. Попытка расшифровать записанную на пленке речь не дала результатов — это была фонетическая абракадабра. Удалось установить, что пленка была куплена на прошлой неделе в супермаркете на Оксфорд-стрит.

Следует заметить, что толпа расходилась от диктофона с явной неохотой.

Редакция будет благодарна всем лицам, которые могли бы дать разъяснения по поводу странного случая, имевшего место в Гайд-парке».

Давайте шагать в ногу со временем, сэр Каракатица. Я от-

вечаю вам с помощью пленки. Даже если со мной случится нечто непредвиденное, мой голос будет записан — и он прозвучит.

До того, как кончится мой доклад, произойдут решающие события, и вы, равно как и весь мир, будете поставлены в известность о них.

Взрыватель взведен. Часовой механизм сработает в назначенную минуту. Мною приняты все меры, чтобы события не вышли из-под контроля. Действующим лицам не будет причинено вреда, хотя всем нам придется изрядно поволноваться.

Что же касается сэра Флока, с ним предстоит особый разговор.

Итак, мы начинаем. Олухи всех стран, слушайте.

ТЕПЕРЬ ЭТУ ШТУКУ НЕ ОСТАНОВИШЬ. 28 марта 1976 года в воскресенье случилось великое событие, не отмеченное, увы, ни в одном календаре — нас стало 4.000.000.000. Не гремели фанфары, не было газетных шапок на всю полосу. Лишь Сюззи прислала в этот день телеграмму из Брайтона:

«Четыре миллиарда гавриков зпт поздравляю тчк».

Стоит ли поздравлять? И как это стало известно?

Об этом событии сообщило гигантское электронное табло, установленное в музее города Чикаго. На табло не переставая скачут цифры, показывая время и численность населения планеты на данную секунду.

Табло трудится исправно. Время течет — его не остановишь. За две секунды пять новых гавриков.

Перед табло всегда толпа. Но вряд ли зеваки способны задуматься о сути того, что совершается у них на глазах.

Еще в 1850 году нас на Земле было всего 1.000.000.000 — вся предыдущая история человечества ушла на накопление первого миллиарда. Но за 130 последующих лет мы возросли вчетверо. К концу XX века — по данным ЮНЕСКО — нас станет 6.500.000.000.

Не пора ли затеять новую бойню, сэр Рыло? Не очень тотальную, этак миллиарда на полтора-два, не больше, это вполне бы расчистило дорогу в будущее, избавило народы от человеческого сорняка и многих назойливых проблем, связанных с продовольственными и жилищными программами.

К счастью, мы с вами еще не людоеды, сэр, во всяком случае, вы-то не считаете себя таковым. Будем надеяться, что

ядерный арсенал останется нетронутым. Пусть наши проблемы пребудут с нами.

Сколько нас будет в 2030 году — через полвека? Конструктор чикагского табло сказал репортерам:

— Если нам удалось запустить эту штуку, теперь ее ничто не остановит. Миллиард за миллиардом — с ускорением.

Пока он говорил, цифры продолжали скакать, на Земле прибавилось еще 40 гавриков.

(Здесь автор должен сделать примечание, ибо он еще не нашел издателя для своего термелиного труда — а время текло неумолимо. И настала суббота 11 июля 1987 года. Привет! В этот день раздался еще один удар вселенского колокола. Нас стало 5.000.000.000. Планета ликовала. На улицах и площадях многих городов мира состоялись факельные шествия, сопровождаемые песнопениями и танцами).

Как видите, стадология торжествует, хотя, в сущности, чему тут радоваться? Дожить бы нам до шестого миллиарда...

Но мы полны оптимизма и потому вправе сделать заключение о нашей науке:

— Если нам удалось открыть эту стадологию, теперь ее ничто не остановит.

Стадо грядеши.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Человек, как вам известно, нарек себя венцом творения. Однако же возникает проблема: является ли таким же венцом творения все человечество в целом?

В самом деле, тут есть над чем подумать.

Человек написал «Гамлета», «Вид Толедо», «Дон Кихота». Человек сказал: «Когито ерго сум», высчитал скорость света, создал Девятую патетическую, открыл пенициллин, изобрел догайграющую пластинку и видеокассету.

А человечество?

Оно разрушило Карфаген и Древний Рим. Разложило костры инквизиции, чтобы сжигать себе подобных. Оно придумало золото, налоговые книжки и коммивояжеров. Человечество открыло атомную бомбу, сотворило тиранов, изобрело концентрационные лагеря.

Такова дистанция между человеком и человечеством.

Где же, в каком звене совершились утраты?

Тут и заключена ошибка прежних исследователей. Они поучали лишь два звена: человек — человечество, не догады-

ваясь о том, что существует некоторое промежуточное образование, которое помогло бы нам разобраться в природе человеческой сущности, следовательно, в самих себе.

Теперь такое недостающее звено открыто мною.

Это стадо — стабулум хомо — человеческое стадо.

Дабы постичь все проблемы, связанные с этим великим открытием, утверждается «Общая стадология».

В отличие от других естественных наук Стадология не занимается сообществами животного мира. Ее предмет более высок. Стадология изучает всего одно стадо, но зато какое! — человеческое. Изучает все аспекты его проявления, функции, виды, формы.

В этом первая великая цель стадологии.

Рождается новая цепочка: человек — стадо — человечество. Введение нового звена позволяет по-новому взглянуть на всю историю человечества и, значит, определить его будущее.

Эти вопросы составляют вторую великую цель стадологии.

И, наконец, человечество. Является ли оно все-таки венцом творения, и если нет, то какие причины мешают ему сделаться таковым? Как, несмотря ни на что, нам прокрасться ко всеобщему счастью — ВСЕОСУ?

Решение этой проблемы есть третья и окончательная великая цель стадологии.

Таким образом, ясно, что стадология, едва возникнув, тут же становится ведущей наукой современности. В истории человечества начался великий стадологический период.

ПРАВО НА ТЕРМИН. Предвижу ваше возражение. Слышится скрипучий академический голос:

— Фи, стадо... Не ожидал, признаться, не ожидал. Это же не научно. Малоэстетично, наконец.

Так я и знал, сейчас вы снова начнете про коров и баранов. Мы же люди — венец мироздания. Наше великое сообщество уже имеет свое название — это народ, или коллектив, или нация, или класс, или, на худой конец, парламент.

Хорошо. Но как вы назовете другие человеческие сообщества?

толпа	армия	симпозиум	отряд	скоп	сенат
гурьба	орда	президиум	легион	гурт	когорта
орава	клика	дружина	совет	косяк	свора
команда	ватага	фаланга	стая	братня	полчище

шатня	сходка	масса	группа	союз	государство
табун	племя	клан	звено	вече	колхоз
шайка	экипаж	бригада	куча	мир	компания

Желаете еще, сэр Кастрированный гусь в мантии? Извольте.

вольница	родня	поколение	отродье	раса	банда
съезд	гульба	ареопаг	свадьба	род	форум
банкет	ячейка	партия	сейм	шваль	забастовка
семья	плenum	династия	академия	нация	чернь
прислуга	люди	сословие	судилище	толчая	заседание

и так далее, и тому подобное.

Как назовете вы 100.000 болельщиков на стадионе Уэмбли и другие 100.000 на пляже в Брайтоне? Игроки в Красном зале Монте-Карло? Пассажиры автобуса, следующего рейсом № 501? Детский сад на лужайке?

Неужто для каждого человеческого сообщества необходим особый термин? Увольте, сэр. При таком разноее невозможен никакой анализ и сама наука.

Прошу вас помнить, сэр Каракатица, что мое стадо, которое я все время имею в виду, это не та вульгарная толпа, не стадо баранов, не синоним толпы — понятием стада я ввожу в нашу реальность качественно новое определение. Скоро вы поймете, сэр.

Что же касается эстетики, уверяю вас, это предрассудок. Люди привыкали не к таким словам, а после возводили их в высшую добродетель — на то они и стадо.

Нам не придется внедрять новый термин насильственно. Он сам проникнет в сознание.

Негоже человеку стыдиться стада. Человек должен гордиться тем, что он стаден. По сути это его единственная гордость, которой он достоин как человек.

Если бы стада не было, его следовало бы выдумать.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ? — Внимание, дети. Продолжаем наш урок. Сегодня у нас очень важная тема, но я надеюсь, мы овладеем ею. Что такое стадо? Запомните три слова: концентрация, неутоленность, среда. Смит, повтори, пожалуйста. Ну-ну... кон... конце... Ну правильно, умник. Теперь взгляните на этот плакат, дети. Такие плакаты висят в каждой школе, в каждом классе. Это формула Спайтла. Давайте, дети, прочтем хором.

— Стадо есть концентрация в однородной среде неутолен-

ной биологической массы, действующей по единой био-химической программе.

Вы слышали, сэр Мордворот? Меня уже в школах учат. Впрочем, я полагаю, начинать все же придется с закрытых колледжей, а уж после для всех.

Я рассчитал: на внедрение стадологии потребуется четверть века. Практически речь идет о XXI веке. Нас с вами не станет. Но стадология будет жить.

Взгляните еще раз на школьный плакат, сэр Рыло. Попробуйте применить мою формулу к любому сообществу человеческих индивидов, и вы сами убедитесь в ее справедливости — от первичной ячейки до всей планеты в целом, от жильцов крупнопанельного дома до всего человечества.

Формула столь важна, что мы обязаны разобрать ее по компонентам. Будем учить ее всем стадом. Как поется в старинном романсе:

Всюду стадо, всюду стадо.

Всюду стадо без конца.

А без стада жизнь плохая,

Не годится никуда.

НЕМНОГО ИСТОРИИ. Всякая уважающая себя наука обязана оглянуться на прошлое и произвести исторический обзор.

Стадо жило, стадо живо. Еще на заре своего зарождения представители рода человеческого объединились в стада, проявив тем самым далеко идущее благоразумие.

Как охотиться — без стада? Охранить пещерный огонь — без стада? Приручить животных — без стада?

Шли тысячелетия. Потребность жить в стаде — стадствовать! — сделалась второй натурой человека, закрепилась в генах, поднявшись до степени инстинкта.

И вот вам результат.

Инстинкт стадности оказался у человека сильнее, чем у прочих видов животного мира. Лишь поэтому человек победил остальной животный мир и сделался царем природы.

Мы шли по ступеням. Первым стадом была полигамная семья, затем родовая община, племя, орда, потом раса, народ, нация, государство и, наконец, в будущем — всеобщее стадо.

Для выработки инстинкта стадности потребовались миллионы лет. Но процесс не остановился — отнюдь. Инстинкт стадности продолжает укрепляться на наших глазах. На по-

мощь природе пришла технология. Развитие средств информации, транспортных сообщений — все работает на инстинкт стадности. В наше время он достиг наивысшего расцвета, что отнюдь не является пределом дальнейшего роста.

Если бы стадного инстинкта не было, человечество давно давно разбежалось бы по пещерам и до сих пор сидело бы там. А мы, между прочим, сидим в небоскребах.

Мы стадо, а не сонмище вырождающихся одиночек — стоило ли в таком случае затевать первую стадную охоту на мамонта?

Или стадо — или ничто!

ОТЕЦ СТАДОЛОГИИ. Долгое время человечество пользовалось стадным инстинктом, не догадываясь о его существовании. Разумеется, это не способствовало прогрессу стадности. Так продолжалось до тех пор, пока не пришел XVI век. Во время плавания на корабле жадный купец Дендено обидел веселого малого по имени Панург. Решив отомстить обидчику, Панург купил у купца одного барана и на глазах изумленных пассажиров бросил барана за борт.

— Вот чудак,— скажет человек, незнакомый со стадологией.

Но стадо овец, как вы знаете из произведения Рабле, устремилось в море вслед за своим вожаком. Дендено пытался задержать баранов — стадо и его унесло за собой.

Тем самым впервые в истории была доказана возможность программирования действий стада, чем неоднократно пользовались все стадные вожаки — последователи Панурга. Термин панургово стадо вошел в обиход речи всех цивилизованных народов.

Самого Панурга мы вправе наречь первым отцом стадологии.

ТРИАДА СПАЙТЛА. На примере Панурга мы видим, что человек оказался выше стада. В том и состоит наша задача — утвердить величие человека.

— Поэтому придется обратиться к нашей триаде: Ч—С—Ч.

Напрягите свои извилины, сэр. Я ведь не требую от вас невозможного. Все весьма просто и доступно.

Ч—С—Ч: человек — стадо — человечество. Эту триаду по имени ее создателя мы будем называть триадой Спайтла. Придется вам ее вызубрить, сэр, если вы хотите сохранить свою способность к выживанию.

В триаде Спайтла существует несколько самостоятельных соотношений. Вот основные:

Человек — стадо,

Стадо — человечество,

Человек — человечество.

Отныне мы ведем разговор на языке стада.

С ЧЕГО ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ. Обратимся к первому звену триады Спайтла: человек — стадо. Стадология есть вершина современной диалектики, поэтому она ставит вопрос ребром:

Человек или Стадо?

Что было вначале: яйцо или курица? Много веков ученые безуспешно бьются над решением данного вопроса. И поделом. Вопросы надо уметь ставить.

Но теперь один из решающих вопросов стадологии поставлен. И поставлен точно: человек или стадо — что вначале?

Стадология утверждает самым категорическим образом: вначале было стадо.

«Как могло возникнуть стадо без человека?» — можете спросить вы. В том и корень, что первое стадо сложилось не из людей. Человек еще не стал человеком, а уже слился в стадо, ибо стадность есть инстинкт всего живого. И только в стаде он мог сделаться хомо сапиенсом — человеком разумным.

Вот и выходит, что истинный венец творения есть стадо, а не человек, как ошибочно проповедовалось до учреждения стадологии. Таким образом, триада Спайтла открывает то самое недостающее звено — «миссинг линк», поисками которого столь бесплодно занималась наука в течение последних веков. А оно под боком: «миссинг линг», повторяю, есть стадо — стабулум хомо.

Отныне человек есть вторичный венец творения, произведенный на свет стадом.

Не человек создал орудия труда — но стадо! Не человек создал речь — но стадо! Не человек сотворил искусственную среду — но стадо! Следовательно, и человеком вначале было стадо.

Ступени дикости, каменный век, бронзовый век, железный век — все, что мы окрестили сейчас доисторической эпохой индивида — есть не что иное как золотой век стадности.

Стадо создало человека. Что же делает он, о неблагодар-

ный. Едва обретя зачатки индивидуальности, человек тут же стремится вырваться из стада. Он словно бы хочет отомстить стаду за собственную стадность.

Но стадо выше человека — и потому может позволить себе даже такую роскошь, как право индивида на индивидуальность.

Античный мир стал первым расцветом индивидуальности. Человек процветал. Но стадо не могло допустить его окончательной победы. Стада варваров поднялись и сокрушили древний мир с его великой индивидуальностью. Стадо победило вновь.

Цель оправдывает стадо.

БЕСКОНЕЧНА ЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ? Не успели мы оглянуться, на дворе эпоха Возрождения. Начинается второй период стадной деградации.

Что за стада бродили тогда по Европе? Окинем взглядом европейские проселки. И нивы не тучны, и стада тощи. Крохотная мануфактура, ватага зевак на площади средневекового городка, стая пилигримов на дороге, сходка молящихся в храме, мрачная шваль перед костром инквизиции. До стадиона Уэмбли и пляжа в Брайтоне еще несколько веков стадной эволюции.

Даже тогдашние военные конфликты концентрировали в себе не больше стадных единиц, чем собирает ныне один футбольный матч между «Манчестер Сити» и «Вулфами».

Мор косил стадо. «Чума на оба ваши стада», — сказал поэт.

Кустарная технология Возрождения не требовала крупной концентрации биологической массы.

Пришла эпоха гениев. Леонардо, Шекспир, Сервантес, Рабле, Эль-Греко, Декарт, Галилей, Коперник.

Но стадо не сдавалось. Оно готовилось к созданию стада стад.

ОДИН НА СТО. Не так давно я услышал разговор между Сюзанной и Долли, который происходил на кухне. Я наказал Сюззи за то, что она не хотела ехать в Брайтон для контрольного опыта. Служанка утешала мою внучку, пытаюсь убедить ее, что я не окончательно заматерелый негодяй. Вот когда я услышал про себя всю правду:

— Не сердись на него, Сюззи, — говорила Долли. — Возможно, ты должна была его послушаться. Наш сэр Анатолий редкий человек. Таких как он один на сто.

— Разве это много?— спрашивала Сюзанна, шмыгая носом.

Я не выдержал, толкнул дверь на кухню.

— Извините, что вмешиваюсь. Но это очень мало.

Долли вскинула голову:

— Кто же вы? Один на тысячу? Или, не дай бог, на миллион?

— Мало, мало,— смеялся я, налицо было первое практическое применение стадологии, но только я знал об этом.

— Сколько же?— заинтересованно спросила Сюзанна.

— Один на четыре миллиарда!— отвечал я.

— Сэр Анатоль, что вы задумали?— Долли нервно засмеялась, теребя полотенце.

— И вы, мисс Долли, одна на четыре миллиарда. Каждый из нас не похож на другого, и потому он один на всех. Так говорит стадология.

— И ваша внучка Сюззи?— удивленно спросила Долли.— Эта двоечница, у которой на уме танцульки и диско.

— Сюзанна тоже одна на четыре миллиарда. Все мы такие.

Если смотреть из кухни, в самом деле получится невероятно много— 4.000.000.000. Но если взглянуть глобально, выйдет всего 4×10^9 . Ничуть не больше.

Вот мы и добрались до первого практического вывода из новой науки. Нетрудно догадаться: коль нас сейчас на Земле четыре миллиарда, то это есть конечная величина человеческих индивидуальностей. Она никак не может быть выше этой цифры.

СКОЛЬКО НАС И СКОЛЬКО ИХ? Иное дело стадо. Обратимся к комбинаторике. Подсчитаем число возможных парных индивидуальностей: он + она. 2.000.000.000 мужчин и 2.000.000.000 женщин могут составить меж собой 4×10^{18} индивидуальных комбинаций— ровно на девять порядков выше, нежели число индивидов. Количественный скачок при первом же шаге переходит в качественный.

А ведь двое еще не стадо.

Возьмем среднее стадо на тысячу голов. Каково же количество комбинаций по 1.000 из 4.000.000.000? Сколько их и сколько нас? Задачу пришлось заложить в компьютер четвертого поколения, который совершает миллиард операций в секунду. Для вычисления этой простейшей стадологической задачи компьютеру потребуется времени в десять триллио-

нов раз больше, чем возраст Земли. Увы, ни одно стадо не проживет столько. И солнце успеет потухнуть.

Поэтому мы вынуждены лишь приблизительно указать получаемое число в виде степени — 10^{6300} .

А нас всего, повторяю, — 4×10^9 .

Перед этими цифрами бессильны любые слова.

Теперь мы вправе провозгласить новую истину, это есть первый закон стадологии:

— Нельзя дважды ступить в одно и то же стадо.

Изменение стада хотя бы на одну стадную единицу влечет за собой новую индивидуальность общего — на входящего во второй раз, текут уже новые стада, ибо стадо это река времени — оно бесконечно.

Каждое стадо стадно по-своему. В том есть и будет высшая индивидуальность.

Отныне наш лозунг: «Вперед, к стаду!»

НОВЫЙ РАСЦВЕТ. Теперь мы можем посмотреть на стадо с другой точки зрения и дать ему новое определение.

— Стадо есть добровольный союз индивидов для наиболее полного выявления индивидуальности.

Сколь бы ни пытался человек подавить разумом свой стадный инстинкт, он не добьется этого, ибо природа не может программировать самоуничтожения. Первыми стадными индивидуалистами были еретики, пытавшиеся подорвать основы стадной морали. Стадо было вынуждено защищаться. Теперь вы понимаете, сэр Каракатица, почему инквизиция вздымала на дыбе еретиков, жгла их на кострах?

— И правильно делало.

Стадо спасало не только себя, но и будущее человечества. Джордано Бруно сгорел на костре, так и не поняв, что в сущности он открыл не что иное, как инстинкт стадности. Галилей оказался более гибким. Отрекаясь от своего открытия, он тем самым присягал на верность стаду.

Лучшие индивидуальности поняли, что надо не восставать против стада, но служить ему. Началась эра расцвета. Индивидуалисты слагали в честь стада поэмы, создавали стадные портреты, симфонии, хоралы.

Так как же называется та эпоха, если применить к ней стадологический подход? То была эпоха Стадного Возрождения — только так!

Как видите, сэр Сморок, стадология каждый раз обнаруживает совершенно новый взгляд на историю.

Современные еретики продолжают существовать, однако теперь мы дадим им новое стадологическое определение — стадные придурки.

Ведь сказано:

— Только в стаде индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в стаде возможна личная свобода.

И мы торжественно повторим:

— Ничто стадное нам не чуждо.

ПОРАЖЕНИЕ, СТАВШЕЕ ПОБЕДОЙ. Стадо — главная производительная сила человечества. Кто отказывается от стада, тот отказывается от блага. Где прежние отшельники, схимники, затворники, анахореты, пустынники? Они растворились в небытии, это неизбежно.

Если бы Рене Декарт жил в нашем веке, он вне всякого сомнения исправил бы свою ошибочную формулировку и с еще большей гордостью произнес бы:

— Я в стаде, следовательно, я существую.

— Им стабулум ерго сум.

Стадо это расцвет индивидуальности, полное освобождение от нее. И каждый может сказать с облегчением:

— Стадо это я.

МОТИВ ПОВЕДЕНИЯ. Мы постепенно приближаемся. Еще несколько параграфов — и начнется такая заваруха, что станет в сто раз интереснее.

Статисты уже заняли исходные позиции. Пока наберитесь терпения и следуйте за моей мыслью.

Доказав бесконечность стадной индивидуальности, мы обязаны перейти к стадной общности.

Вернемся еще раз к панургову стаду. Какая общность руководила баранами? Ответ — мотив поведения. Именно это является решающим фактором в действиях стада. Один баран бросился в море, за ним — остальные.

Таким образом мы можем вывести новое определение. Стадо — концентрация индивидов с общим мотивом поведения.

Возьмем два наших классических стада: 100.000 на стадионе в Уэмбли и другие 100.000 на пляже в Брайтоне. На первый взгляд может показаться, что эти стада идентичны. Но нет, перед нами различные типы стадных образований.

Разные мотивы поведения — и стада разные. Одни истош-

но вопят: «Смита с поля», другие мирно нежатся на солнышке.

Мотивы разные, но поведение одно. Я двадцать лет слушаю по телевизору конкурсы эстрадных певиц. И двадцать лет слышу один и тот же мотив.

Мотив поведения вечен. А стадо-то — стадо на час!

УТОЛЕНИЕ НЕУТОЛЕННОСТИ. Но вот «Вульфы» победили «Манчестер», солнышко закатилось в море. Опустели трибуны. Обезлюдел пляж.

Что же случилось?

Неутоленность концентрирует стадо. Утоление ведет к его кончине.

Но стада тем не менее продолжают существовать, ибо после одного утоления у гавриков тотчас рождается новая неутоленность.

Отсмотрели футбольный матч — захотелось выпить, ша-стаем в кино.

Солнышко закатилось — скорей в танцульку, садимся за бридж, прогулка при луне.

Реализовать новую неутоленность можно лишь стадно. Стаднация была, стаднация есть, стаднация будет вечно.

Нас на Земле 4.000.000.000. Но много ли у нас желаний, потребностей, вкусов? Раз-два, и обчелся. В сущности, человеку надо столь мало, что остается недоумевать, почему он до сих пор не в состоянии получить этой малости и вынужден вести изнуряющую борьбу за утоление неутоленности.

Но если число наших желаний на много порядков ниже общего числа нас самих, то вывод получается вполне определенным. Одна и та же неутоленность рождается враз у миллионов. А это уже кое-что. Миллион неутоленностей враз — а где продукт? На дне всех наших страстей лежит кусок мяса.

Значит, снова сучиваемся в стадо. Выпили, потанцевали, съели, сыграли в бридж. Утоляется потребность — стадо распадается, но само никогда не перестает быть.

Человек смертен. Бессмертна лишь неутоленность его.

ОДНОРОДНАЯ СРЕДА. Формула Спайтла указывает на однородность среды — вы помните?

Голубое небо и военная казарма, чаша стадиона и вечерний интим, чернота шахты и блеск банкетного зала, отвесная скала и гладь автострады, зеленая лужайка и короб-

ка автобуса, очередь за мороженым и отблеск костра — таковы беглые признаки различимости одной среды от другой.

Во всех случаях мы можем выделить две категории — среда естественная и среда искусственная. Собственно, стадо и выжило потому, что сумело создать искусственную среду.

Всякая стадная среда может существовать в сочетаниях с другими. Биологическая, биосферная, социальная, технологическая, духовная, интеллектуальная, чувственная и даже электронная среда, о которой мы еще поговорим. Каждый мотив поведения, каждая неутоленность требует своей среды. Или наоборот: среда определяет мотив поведения, пробуждает неутоленность.

Каждому стаду свое. И вообще — стаду нечего терять кроме своей неутоленности.

ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ. Только я собрался перейти к стадной классификации, кончилась пленка в диктофоне. Пошел за новой кассетой в кабинет. А когда вернулся, на столе лежало письмо в странном голубом конверте.

В гостиную никто не заходил, двери были закрыты. Откуда оно взялось?

Адреса на конверте не было. Марки, естественно, нет. О штемпеле и говорить нечего.

Как истинный исследователь я тотчас понял: письмо свалилось с потолка. И не удивился, прочитав:

«Планета весьма стадниста. Обладатели ее имеют повышенный коэффициент стадности, равный 1,3.

Планета плодоносна. Ее тучные нивы состоят из твердых материалов, которые называются: бетон, стекло, алюминий. На этих нивах растут коробки различных размеров, служащие для размещения обитателей. Совокупность коробок составляет одну стадную единицу — 1 стадия. Для стада существуют специальные загоны — их называют стадионами.

Под стадными нивами занято менее десятой части одного процента общей территории. Следовательно, резервы стадности на данной планете практически неисчерпаемы.

Обитатели, как правило, группируются стаями. Часто выстраиваются в извилистые линии, похожие на хвосты комет, и терпеливо ждут чего-то.

Тучные бетонные нивы связаны между собой узкими лентами нервной системы, с помощью которой совершается стадообмен. Обитатели передвигаются примитивным методом качения в особых стадоходах. Правда, в последнее время по-

явились стадолеты, летательные аппараты, обладающие первой космической скоростью, но они малы и несовершенно.

Любят красоваться перед себе подобными. Одиночка взбирается на возвышение и начинает разевать переднее отверстие, издавая резкие звуки. Потом на возвышение лезет другой. Стадо слушает и беснуется. Удалось установить, что они используют всего 28 фонем. Наше излучение не воспринимают. О нашем существовании не догадываются.

Молодое закрытое стадо. Дозировка — 2 пробирки.

Вывод: планета годна в качестве вспомогательного резерва после полной стерилизации...»

Признаться, на такое письмо я не рассчитывал. Кто его подложил? О двух пробирках знала лишь Сюзанна. Значит, она и решила устроить мне субботний подарок.

Погоди, Сюззи, доберусь до тебя. До выпуска новостей остается 10 минут.

ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ. Наша наука уже окрепла настолько, что вправе заняться самосознанием — с этого начинается всякая классификация.

Начнем хотя бы с принципа парности.

Стадо трудовое и стадо бездельное. Первое трудится для того, чтобы получить возможность и время для безделья, второе бездельничает, чтобы набраться новых сил и приступить к очередному циклу трудового созидания. Поэтому данную пару можно обозначить и по-другому: стадо производящее и стадо потребительское.

А если вам угодно, сэр Сморчок, то это **стадо потогонное**. Здесь в первую очередь следует выделить три блока: **стадо индустриальное**, **стадо сельскохозяйственное**, а также **стадо услужливое**, обитающее в сфере услуг. Услужливые стада усиленно развиваются в цивилизованных странах, сельскохозяйственные, наоборот, сокращаются. Потогонное стадо борется за стабильную стадную неделю, за продажу своего труда по гарантированной стадной стоимости. Все это они записывают в своих стадных конституциях.

Тупое, доложу вам, занятнее. Куда приятнее жить на стадные проценты. Это называется — стадьё.

Стадо бездельное кажется на первый взгляд более нестерым, чем жалкое стояние у станка или конвейерной линии. Стадо туристов, музейное, зрелищное, пляжное, киношное, телефонное, зевающее, танцующее, азартное, автомобильное, поплеывающее, диванное, лыжное, палаточное, рыболовное,

грибное, фланирующее, любовное, жрущее, перекурное, промнадное и прочее, и прочее... Сюда же входят необозримые стада болельщиков, собирателей, коллекционирующих традиционные марки или вставные челюсти — для нас не имеет значения.

Увы, бездельные стада отнюдь не беспредельны. Достаточно побывать в притонах Сингапура или игорных залах Лас-Вегаса, чтобы убедиться: все это одно и то же.

Едва дело доходит до человеческой плоти, наша фантазия вмиг оскудевает.

Вывод безрадостен. Человеческое стадо еще не достигло такого уровня развития, чтобы бездельничать красиво и разнообразно, хотя мы уже давно научились ставить порок выше добродетели, а безделье предпочитать созиданию.

Стада планируемые и стада стихийные. Желательно, чтобы в конце концов все стада сделались планируемыми, однако я понимаю, что требую невозможного.

Ведь чтобы манипулировать стадом, надо предвидеть мотив поведения, а также владеть предметом неутоленности. На сцену является реклама.

Захвати с собой батон.

И скорее к нам в Брайтон.

Но вдруг в Брайтоне пошли затяжные дожди, планируемое стадо тут же распалось. Прогорают владельцы отелей, игорных залов, диско, изнывают от скуки официанты. Стадо кинулось в ту сторону, где светит солнышко, там не управиться с дикарями.

В стране инфляция, нет хлеба. Неутоленное стадо выходит на улицу громить правительственные учреждения, смеет диктатора, с которым мирилось, пока был хлеб.

Партийные стада борются друг с другом за власть — как прогнозировать их поведение? Начинается старая как мир история — стадо на стадо. Где уж тут мечтать о прогрессе?

Но стадология ответит и на эти вопросы, сэр.

Стада открытые и стада закрытые. В открытое стадо может попасть всякий. Входи и пользуйся стадным караваном: ложись на песочек, собирай опята, глазей на Эйфелеву башню.

Но вот перед собой стадо закрытое. На пути вырос шлагбаум, висит кирпич. Дорогу преграждает бобби в униформе. А то и вообще неизвестно: где оно, закрытое стадо? Только что вроде было — и нет его.

Правда, в закрытое стадо можно понасть по пропуску, но какая случается драка за эти приглашения!

А если билеты платные — что тогда? Ведь и за песок на пляже приходится платить звонкой монетой. Поэтому стада с платными билетами относятся к стадам полузакрытого типа: везучий попадет, невезучий — никогда.

Полузакрытые стада пользуются особой популярностью стадной публики. Туда нас ведет неутоленное честолюбие.

Но вот перед нами **подневольное стадо**, скажем, тюрьма или уборка картошки. Снова неутоленность? Какая же? В подневольное стадо нас гонит неутоленность кнута.

Стада стабильные и **стада периодические**. В этой паре стад вводится понятие временного различия жизни стада. Периодические стада существуют за счет постоянных метаморфоз, стабильные развиваются во времени. Предоставляю вам, сэр Пустой Кошелек, самостоятельно найти примеры на стабильные или периодические стада.

ДЕСЯТЬ МЕТРОВ ИКРЫ. Смит сказал:

— Дай мне десять метров икры.

Стенли ответил:

— Тебе какой, крупной или мелкой?

Десять метров икры это двадцать секунд экранного времени. И вот на экране шевелится стадная икра перед собором Святого Петра в Риме — идет коронация нового стадного папы — море тел колышется в ритме мессы.

Дело сделано. Стадо с восторгом смотрит на самое себя.

Перед нами новая пара: **стадо концентрическое** и **стадо рассыпчатое**. Каково предназначение икры — рассыпаться или концентрироваться?

Очередь за мясом, танцулька, пляж, ассамблея, застолье, лекция, сенат, урок в классе, полчище, равнение на середину, концерт, родильный дом — суть концентрические стада, стадная каша. Разница лишь в степени плотности и критической массе.

Икра увековечена на пленке. Стадо давно разбрелось, а тень его продолжает шевелиться на экране.

Концентрические стада, как правило, скоротечны. Стянулись в гурт, сделали свое дело — и разбрелись.

Рассыпчатые стада являют собой пример такого же разнообразия — но где они? Вместе с рассыпчатыми стадами наша стадология поднимается на новую ступень познания.

СТАДНЫЙ ФЕНОМЕН. В комнате горит настольная лампа. Мерцает голубой экран. Человек сидит перед телевизором в полном одиночестве, но, боже мой, что с ним творится! Он подпрыгивает, размахивает руками, нанося воображаемые удары, вскрикивает, хватается за сердце, вопит от радости, глотает валидол и снова кричит. А ведь он один, этот венец творения. Но ему за пять тысяч километров передали электронное изображение — идет футбольный матч за звание чемпиона мира между командами Италии и немцами.

Перед нами все признаки стадного поведения. И хотя наш венец творения находится в полной изоляции от других венцов, он действует однотипно с миллионами других особей, которые так же сидят перед своими телевизорами, вопя и прыгая. И среда у них однородная: крупнопанельная келья. И неутоленность та же — гол! гол!

Разобщение оказывается мнимым. Таково рассыпчатое стадо.

Телевизор создал собственную среду, которую мы назовем электронной. Явилось на свет электронное стадо.

Человек один — но он в стаде! И потому лишен свободы выбора.

Телестадо неощутимо, невидимо, вездесуще. Началась велогонка на гран-при. Опустели улицы городов — разве что по этому признаку и можно обнаружить присутствие телестада.

Телевизор наступает на человечество. Телестадо расползается по планете.

Полет и стыковку двух космических кораблей «Аполлон» и «Союз» наблюдали по телевизору миллиард человек. Четверть человечества хотя бы ненадолго сошлись в единое электронное стадо, наблюдая за тем, как совершается в космосе первая межстадная стыковка. Свадьбу принцессы Анны смотрели полтора миллиарда человек.

Телевизор — величайший стадообразователь XX века. Едва родившись, он враз затмил царствующих кумиров. С помощью телевизора можно управлять поведением стада на расстоянии, чем весьма ловко пользуются составители стадных телепрограмм.

Ни одно земное стадо не размножалось прежде с такой ошеломляющей скоростью. В чем же феномен телестада?

Современный человек устал от традиционного концентрического стада. Весь день он проводит в таком стаде: подземка, улица, офис, кафетерий, стадион, локоть к локтю, за

затылком все время дыхание соседа, чужие спины прижимаются к твоей.

Ах, как хочется хотя бы часок побыть одному!

Но совсем-то одному — и вовсе скучно. Что же я один-то стану делать?

Телевизор отвечает этой потребности, создавая иллюзию освобождения от стадности. А иллюзия и есть определяющая неутоленность нашего бытия.

С рождением телевизора мы вступили в век электронной стадности. Возможно, телевизор приведет нас к всеобщему стаду, во всяком случае, не будем опрометчиво отвергать столь лучезарной возможности.

Недаром сказал поэт:

И с помощью стального Телестара,

Мы граждане родного Телестада.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ. Пространство есть форма существования стада. В зависимости от своего отношения к пространству стада распределяются по периодической таблице стадных элементов. **Стада стоячие и стада лежачие. Стада согбенные. Стада пресмыкающиеся.** Ибо стадология открывает новое социальное явление — поза стада. Давно доказано, что самая удобная поза для выявления стадности — на корточках.

Возникает совершенно новая проблема — управление стадом. На стадопоне Уэмбли мы приготовились встретить стадо с конной полицией. А если стадо рассыпано в пространстве?

Беда случилась в 23.05, когда ее ничто не предвещало. По телевизору шла заключительная серия фильма ужасов Хичкока. Члены стада насладились зрелищем кошмарных убийств. Угасли титры. А спустя три минуты вышла из строя канализационная система страны, случилось наводнение. Началась паника. Вода хлестала из лопнувших труб. Кошмары Хичкока словно сошли с голубого экрана в реальную жизнь.

Что случилось? Так я же говорю: фильм кончился. А смотрели его враз 45.000.000 гавриков. Два часа они терпели. А теперь стало невтерпеж. Гаврики устремились к своим унитазам, враз нажали 45.000.000 кнопок. Давление в канализационных трубах падает до нуля. Авария. Всемирный потоп.

Познай свое стадо!

СТАДО В СТАДЕ. На столе стоит размалеванная русская матрешка. Отверните ей голову. Что там увидите? Все-

го навсего вторую матрешку. Отверните голову второй — что там? А там третья. В третьей матрешке спряталась четвертая, в четвертой пятая и так далее.

Точно также и мы существуем одновременно в нескольких стадах. Все мы человеки и, значит, члены всечеловеческого стада.

А блоки государств? Следовательно, мы, того не ведая, уже в блочном стаде. А нация, профессия, партийность? А географический район, номер паспорта, город, в котором я живу?

Вновь перед нами рассыпчатые стада. Ибо нельзя жить в стаде и быть свободным от стада.

В течение одного дня мы успеваем перебивать во многих стадах. Вся человеческая жизнь, в сущности, есть переливание самих себя из одного стада в другое. Родились — и тут же оказались в младенческом стаде.

Потом стадо детское, стадо школьное, стадо трудовое или безработное — как кому повезет.

Не успел оглянуться, тебя уже выбрасывают на улицу: попал в стадо пенсионное. Но и там мы еще хорохоримся, продолжая блудить по другим стадам, пока окончательно не уgomонимся среди своих одностадцев на кладбищенском стаде.

— Стадо умерло! Да здравствует стадо!

КОНТРОЛЬНЫЙ ОПЫТ. Истинная наука не может существовать без эксперимента. Поставим контрольный опыт. Возьмем два наших стада: стадион Уэмбли и пляж в Брайтоне.

Где расположены эти стада по нашей классификации?

Стадо подобно амебе, оно все время делится.

Всеобщее стадо — на группы и подгруппы.

Группы — на блоки.

Блоки — на семейства.

Семейства — на роды.

Роды — на кланы.

Кланы — на виды.

Виды — на масти.

Классификационная сетка накрывает все существующее стадное множество. Ни одно стадо не останется в стороне.

Расположим оба стада в нашей сетке.

100.000 на пляже в Брайтоне. Группа бездельных и планируемых.

Подгруппа полузакрытых и концентрических. А также периодических.

Блок свободных стад.

Семейство сезонных.

Род морской.

Клан солнечный.

Вид лежачих.

Масть коричневая.

100.000 на стадионе в Уэмбли. Группа и блоки те же.

Семейство циклических.

Род сухопутный.

Клан азартных.

Вид футбольный.

Масть бегающих.

Как видите, стада все больше отдаляются друг от друга, несмотря на все категории сходства, которые существуют в них для поверхностного взгляда.

Сами видите, стадо начинается с масти. А их много. Масть бензиновая, партийная, огнестрельная, крестовая, бубновая, сердечная, липовая, всамделишная, голубая, роковая, твистовая, сиплая, долгоиграющая, валютная и какая вам только пожелается, сэр Кислый Лимон.

Теперь мы знаем — без классификации ни шагу. А то угодишь не в то стадо.

СТАБУЛУМ ХОМО. Ну а 4.000.000.000 гавриков — кто они? Пользуясь нашей первичной классификацией, мы наконец-то в состоянии произвести некоторый анализ всечеловеческого стада.

Стадо производящее? Сначала строит, потом ломает, рушит, взрывает — но все-таки сначала строит, иначе ведь нечего будет рушить. И себя воспроизводит вполне неплохо — каждые две секунды пять гавриков, как вещает табло в Чикаго. Так что будем считать человечество производящим стадо.

Следуем дальше. Планируемое стадо? Вряд ли. В таком случае нам пришлось бы признать существование высшей силы. Нас создал Бог по предварительному плану. А кто тот план утверждал?

Выходит, мы стихийное стадо? Тоже ведь нет. Закономерность человеческой эволюции не подлежит сомнению. Где же истина? Она посредине. Стабулум хомо преодолевает

собственную стихийность и по мере своего развития становится все более планируемым стадом.

От стадотуры — к стадоправвию. Мы за стадный плюрализм.

Открытое стадо или закрытое?

Внимание, настал ответственный момент. Стадология делает вывод — человечество есть закрытое стадо.

Путь преграждает шлагбаум. Вход в человечество по пропускам. Только для людей. И только для белых.

Но стабулум хомо уже начинает уставать от своего одиночества. Человечество пытается вступить в контакт с инопланетными стадами, ищет общий язык со стадом дельфинов.

Свободное или подневольное стадо! О, здесь явная пестрота. Одни стада стонут под тиранами, другие бесятся от избытка свободы.

И все же мы подневольное стадо, так говорит стадология. У нас не спрашивают разрешения — хотим ли мы появиться на этом свете, чтобы влиться в стадо, о котором не имеем ни малейшего представления.

Наше явление и пребывание в стаде является вынужденным, хотя мы в конце концов примиряемся с этим.

Следующая пара: стабильное или периодическое?

Остается уповать, что мы останемся стабильным стадом и период существования стабулум хомо не завершится под всполохи водородных бомб. А ведь самоубийственные кнопки уже готовы. Нажать их ничего не стоит.

Ну что ж, природа все стерпит. Даже на недалеком Сириусе не заметят нашего ядерного всплеска.

А человечество тогда перекоцует в разряд периодических стад. Для следующего стадного периода потребуются новые миллионы лет биологической эволюции. Всего навсего. Планета Земля возьмет экологический тайм-аут, отдохнут реки, материки, океаны.

И наконец, кто мы: концентрическое или рассыпчатое стадо?

Как вам понравится, сэр. Все зависит от точки отсчета. Из перенасыщенной толпы всемирное стадо будет видаться рассыпчатым, из космоса — концентрическим.

И вообще оно пылинка во Вселенной.

Вот сколько возможностей раскрыла перед нами первая попытка классификации — а ведь мы разобрали лишь одно

стадо, всечеловеческое, самое многоликое, где стол накрыт на 4.000.000.000 персон, самое противоречивое, трудолюбивое, жадное, блудливое, самое могущественное и уязвимое. Поэтому для стабулум хомо нам придется ввести новое понятие — пестрые стада.

Случаются и такие. И это еще не самое худшее стадо, сэр.

Стадо есть мера всех вещей.

СТАДНАЯ СЕМИХОДОВКА. Давайте хоть ненадолго проникнем внутрь стадной субстанции.

Стадо живет, стадо умирает, стадо возрождается, как Феникс из пепла. Неизменны лишь фазы развития.

На сегодняшний день стадология открыла семь таких фаз.

Первая фаза — выбор мотивов поведения.

а) Что будем смотреть вечером по телевизору, Чарльз?

б) Кого пригласить в кино?

Вторая фаза — рождение неуголенности.

а) Дай мне программу. Ага, вечером будет сто двадцать вторая серия. Этого нельзя пропустить.

б) Лиз или Кэт? Которая согласится пойти после кино ко мне? Но если Кэт, то лучше на стадион. Сейчас мы выйдем, разведка боем.

Третья фаза — концентрация биомассы.

а) Чарльз, через пять минут начинают, мог бы и отложить газету. И пожалуйста, привези дедушку в кресле, он тоже хочет смотреть сто двадцать вторую серию.

б) Надеюсь, ты меня поняла, Кэт. Ровно в семь у главного входа. Билеты я уже достал.

Четвертая фаза — созревание однородной среды.

а) Чарльз, сколько можно говорить. Включай двенадцатую программу. Где же дедушка?

б) Кэт, наконец-то мы встретились! Я так соскучился по тебе, ты просто не представляешь. Ты мне снилась каждую ночь. Ну что, двинулись на этот чертов матч.

Пятая фаза — нетерпение, созревание неуголенности.

а) Когда же они начнут? Опять эти бесконечные титры, будто нельзя их переставить в конец. Дедушка, пожалуйста, не скрипи креслом. Скажи спасибо, что тебя пригласили.

б) Наконец-то кончился этот чертов матч. Они и играть не умеют. Куда мы теперь, Кэт? Может, двинем к Бобу? Думаю, у него найдется для нас бутылка мартини.

Шестая фаза — утолнение.

а) Что я говорила? Стоило смотреть такую дрянь. И за что им только деньги платят?

б) О, Кэт, ну еще, ну сильнее, о как хорошо, только с одной тобой, всегда с тобой, какая она у тебя хорошая, хочу ее еще и еще.

Седьмая фраза — распад.

а) Чарльз, кати дедушку обратно. И вообще, выключай эту штуку. Хватит. Чтобы я стала теперь смотреть сто двадцать третью серию?! Спать пора.

б) Успокойся, Кэт, разве я тебе говорил, что Боб будет дома. Сейчас слишком поздно, чтобы выяснять отношения. Ты же знаешь, я должен вернуться домой, Агата не любит, когда я прихожу поздно. Между прочим, не понимаю, почему ты хочешь все испортить, ведь было совсем неплохо.

Короче: фаза распада — все по домам.

Накосил мужичок сенца, поставил стожок среди поля, не сказать ли сказку опять с конца?

КУДА ВЕДУТ СТУПЕНИ? От фазы к фазе движется. Со ступени на ступень поднимается. Кто оно?

Опять же стадо.

Фазы создают круговорот стада, ступени ведут к его совершенству.

Современная стадология рассматривает пять ступеней совершенства.

I. Биологическая ступень. Человеческие стада уже прошли через фазы этой ступени, однако фаза биологического утолнения спорадически повторяется, служа механизмом воспроизводства как самого стада, так и его деятельности.

II. Ступень технологическая. О значении современной технологии мы еще поговорим. Пока же скажем: уровень ее развития определяет и уровень стадных образований. По технологическому признаку мы делим стабулум хомо на три категории: стада цивилизованные, стада развивающиеся и слаборазвитые.

III. Ступень ноосферная. Это область нашей планеты, охваченная разумной деятельностью — сфера разума. Вот почему о ноосфере иногда говорят, что она есть наивысшее достижение эволюции материи. Но мы не можем согласиться с данной посылкой, так как нам уже видится следующая ступень стадного совершенства.

IV. Коммуникативная ступень. Информация снова выступает как среда, в которой существуют все человеческие стада. История показывает: те стада, которые получали наиболее однородную информацию, оказывались наиболее стабильными стадами.

Чем больше, тем лучше — этот лозунг отнюдь не для современной информатики, которая становится все более противоречивой, взаимоисключающей. Стадо дезинформаторов свое дело знает.

Вместо того, чтобы объединять стада, современная информация разобщает их, сеет страх и враждебность.

Родилась некоммуникабельность — своеобразная реакция на информационный взрыв. Берегите стадные уши от избытка правды.

А ведь информация лишь малая часть коммуникативности. Как быть со стадным многоязычием, различным толкованием значения слов и стадных структур?

V. Всеобщее стадо. Что это такое, сейчас даже трудно представить. Пусть наши величественные потомки позаботятся об этом сами. Нам же сквозь дымку современного планетарного смога видится соединенная в общее стадо Вселенная.

О стадо, стадо, кто тебя выдумал!

ГДЕ МЫ ТЕПЕРЬ? Вы заметили, смог постепенно рассеивается. Стадология — это луч прожектора среди стадных сумерек. От параграфа к параграфу совершается просветление, и мы уже в состоянии задаться вопросом — а где сейчас находится человеческое стадо, на какой ступени развития?

Долго взбирались — высоко ли забрались?

Биологическую ступень преодолели, начинаем карабкаться на ступень всеобщей технологии.

Но вот беда, технология никак не желает становиться всеобщей. Футы, ярды, метры. Барели и литры. Фунты и килограммы. Узкая и широкая колея железных дорог, разноразличной электрического напряжения, короткие и длинные центнеры, размеры одежды и обуви, правостороннее и левостороннее движение на автострадах. Вот вам и прогресс.

Биологическая эволюция продолжалась миллионы лет. Технология развивается революционными скачками.

Стада меняются, и мы меняемся вместе с ними.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СТАДО? Общая стадология продолжает триумфальное шествие по ступеням познания. Достаточно вспомнить триаду Спайтла: человек — стадо — человечество, — чтобы вывести четкое определение: стадо начинается там, где кончается индивид.

$OH+OH$ — или же $OHA+OHA$ — бесплодные ячейки, тупик эволюции.

$OH+OHA$ — шестеренка зацепилась. Индивиды слились в любовном экстазе, мычат от наслаждения. Так природа создала стадную молекулу, служащую для воспроизводства стада.

Потом их сделалось трое: $OH+OHA+OH$ — или: $OH+OHA+OHA$. Явилось первоначальное стадо.

В китайском языке иероглиф, означающий понятие базар, слагается из трех одинаковых иероглифов, которыми обозначают понятие «женщина». Это может звучать так: «три женщины — это базар».

Без тройцы стадо не строится. И трижды прокричал петух. У стада три пастыря. И вообще — стадо троицу любит.

$OH+OH+OH$ — это же экипаж танка или самолета, шайка, трио, правление банка, совет инквизиции, триумвират, партийная ячейка, медицинский консилиум и, наконец, просто тройка трибунала, творящая свой тайный суд.

$OH+OHA+OH$ — перед нами прославленный французский треугольник, образующий блудное стадо. Или это Эйнкиндер систем, добропорядочно вышагивающая к воскресной мессе. Что там еще? Трое в одной лодке. Трое с одной улицы.

$OHA+OHA+OHA$ — перед нами бюро феминисток, ателье мод, кордебалет, бордель, институт благородных девиц, бригада работниц на стройке и вышеупомянутый китайский базар.

Раз, два, три, четыре — стадо началось, теперь оно будет расти по закону лавины, распадаться, трансформироваться, вливаться в другие стада, утоляясь и рождая в себе новую неутоленность.

СТАДО ИДЕТ ЗА СОЛНЦЕМ. От 3-х до 4.000.000.000 — таков диапазон всемирного стада. Правда, пока «Общая стадология» обдумывалась и писалась, нас прибавилось ровно на 7.000.000. Но стадология вправе оперировать любыми значениями, поэтому оставим прежние цифры.

4.000.000.000 гавриков не выбирали своего дома, но тем не менее сошлись под одним небосводом. Мы дышим одним

воздухом, пьем одну воду, едим тот же хлеб — в этом общность нашей четырехмиллиардной неутоленности и однородности нашей планетарной среды.

И рождается наша неутоленность в одно и то же время. Солнце светит для всех. Оно же диктует мотив поведения. По солнышку встаем, умываемся, работаем, развлекаемся, любим, спим.

Мы и есть Солнечное стадо. Солнцем рождены. Солнцем кормимся.

Биологическое начало цепко держит нас во всемирном стаде, не давая нам распасться и погибнуть под броней изоляционизма.

24 часа — цикл Солнечного стада. 8 часов в сутки мы спим, 16 часов бодрствуем. Тут и считать нечего. Каждое мгновение на Земле спит 1.333.333.333 гавриков — великое стадо спящих, подлежащие в дальнейшем классификации по типам приснившихся сновидений.

А стадо бодрствующих — 2.666.666.666 гавриков. Дебет, кричит — все сошлось. Правда, одного гаврика не хватает — так это я. Страдаю бессонницей много лет.

Планета разделена на 24 часовых пояса. 166.666.666 гавриков в час. Вот сколько нас одновременно встает, чистит зубы, спешит на работу, приходит домой, укладывается спать.

166.666.666 гавриков враз принимают стадную позу — на корточках у своего унитаза.

166.666.666 гавриков враз занимаются любовью. Стон и скрежет зубовой стоит над планетой. Каждую минуту стадом исторгается три тонны спермы, триллионы сперматозоидов... Иначе не выживешь!

Баюшки баю. Что тебе приснится сегодня? Ведь и стаду во сне слаще, чем наяву.

ПРЕМЬЕРА ГОЛУБОГО ЭКРАНА. Из кухни прибежала возбужденная Долли.

— Сэр Анатолий, началось, — сказала она шепотом.

— Вы уверены?

— Вам же говорят. В последний час: необычное происшествие на Ремстрит.

Скоро начнут прибывать гости. Сюзанна уже сидела у телевизора.

— Сюззи, ты была там? — спросил я.

— Ровно час назад, — ответила она.

— Куда ты положила?

— Вон туда, в нижний угол.— Она показала угол на экране телевизора, где стояли мусорные ящики.

— Прекрасно. В таком случае, мы сейчас поглядим, что из этого получилось.

Интересно, что бы вы при этом подумали, сэр Каракатица? На экране телевизора показывали ваш дом. По моим сведениям вы сегодня никуда не должны отлучиться. Значит, сидите перед своим телевизором и смотрите на свои окна.

Как всегда бывает в таких случаях, картина оставалась непроясненной. Репортеры прибыли, когда событие уже совершилось,— теперь они пытались восстановить его по крохам вещественных доказательств.

Одно было несомненным — автомобильная авария случилась как раз на углу Ремстрит, против галантерейной лавки. На мостовую выскочили две собаки, розовый «Ситроен» попытался объехать их и столкнулся с молочным фургоном. В это время на перекресток выехал «Пежо» и налетел на фургон с другой стороны. Четвертая слишком резко затормозила, на нее наскочила пятая.

К счастью, никто не пострадал. Но пробка образовалась изрядная — не скоро ее рассосешь. И всюду бегали собаки.

Об этом и сообщил нам Гарри Пит. Он рассказывал вяло и длинно. Видно, он сам зверски скучал от того, что его послали на это никчемное происшествие.

— Муть,— сказала Сюзанна.— Ничего у тебя не получится, дед.

— Еще ничего не начиналось,— ответил я.

Пит допрашивал хозяина галантерейной лавки.

— Это все ирландские экстремисты,— говорил длинноносый хозяин галантерей.— До каких пор наше тупое правительство будет терпеть их выходки? Одна хорошая нейтронная бомба — и с этой проблемой покончено раз и навсегда. А теперь у меня разогнали покупателей. Я как раз завез партию пуговиц...

Неизвестное лицо позвонило в полицию и заявило, что это лишь цветочки — то ли еще будет! Прибывшие на место происшествия полицейские искали бомбу с часовым механизмом, якобы подложенную в уличную урну. Молочник Чарли рассказал, что час назад он видел размалеванную птаху, ко-

торая сунула в урну что-то такое этакое. У птахи болтался на боку магнитофон «Грюндиг» в черном футляре.

Водители пытались растащить свои машины. Гвалт там стоял порядочный. Лаяли собаки.

Полицейские обшарили урну, указанную молочником Чарли. Бомбы там не оказалось.

Вот так совсем обычно и вроде бы скучно начался первый в истории телевидения стадологический репортаж с места события.

Тут к полицейскому комиссару подошел бобби и сделал заявление чрезвычайной важности.

— Господин комиссар, в урне найдена пробирка с часовым механизмом.

— А содержимое?

— Часовой механизм сработал, пробка открылась. Содержимое испарилось. Оно ничем не пахнет. Разве что такой сладкий запах пота, как в вагоне сабвея.

— Не морочьте мне голову, Джон,— приказал комиссар.— Ищите бомбу!

Я посмотрел на Сюзанну. Кажется, она задремала от этакой скукотищи. «Грюндиг» в черном футляре стоял у ее ног.

— Сейчас мы попытаемся выяснить, что это за пробирка,— пообещал Гарри Пит.— Я уже вызвал специальный отряд химиков. Смотрите продолжение нашего репортажа в начале следующего часа.

Пока господин комиссар ищет бомбу, можно продолжить «Краткий курс». Стадная похлебка начала вариться.

ПАМЯТКА СТАДОВИКА. Стадология — глобальная наука. Она не только выводит законы, но и дает практические рекомендации.

Все мы стадовики — члены стада. От этого не уйти ни одному индивиду. А коль так, наше постоянное пребывание в стаде требует определенных правил поведения.

«Прочти и передай другому стадовику!

Помни, знай, делай.

1) Стадо есть добровольный союз свободных индивидов, признающих устав стада и своевременно платящих членские взносы.

2) Стадо состоит из тебе подобных. Помни об этом и не гнушайся им. Быть в стаде — это твое право и одновременно почетная обязанность.

3) Не лезь вперед. Не высовывайся! За тобой тотчас высунутся другие — и снова ты оказался в стаде.

4) Получил свое — утолился, отойди, дай утолиться другим. Задние тоже хочут.

5) Увидел новую очередь — остановись, узнай, что нынче дают. На всякий случай займи место в хвосте, это всегда может пригодиться, даже если данный товар тебе не нужен. Свой номер в очереди удобнее всего писать химическим карандашом на ладони.

6) Стремись к полному слиянию со стадом. В этом случае ты получишь ровно столько, сколько получают другие.

7) Выполняй все команды своих стадогонов, избранных на основе всеобщего тайного и равного голосования.

8) Каждый индивид получает книжку ЧС — члена стада, которую он обязан предъявить по первому требованию вышестоящих инстанций.

Стадарии всех стран, соединяйтесь!»

И стадо не забудет верных членов. Каждому стадовику, образцово выполнявшему свои обязанности, начисляется стадный стаж, идут надбавки и награды.

Грамота «За стадо».

Медаль «За стадные заслуги».

Орден «Стадного Легиона», а также «Стадного Солнца», в зависимости от прилежания.

Герой Стаднического Труда с вручением золотой Стадной звезды.

50 лет в стаде — орден Стадной Подвязки Третьей степени.

По мере развития стадологии будут разработаны и утверждены в нашем парламенте новые виды поощрения и орденов.

Возлюби стадо свое. А лучше всего пойди в Сохо и сделай наколку на груди: «Не забуду стадо родное!»

Так поступают истинные стадиоты.

ПАСТУХИ И ПАСТЫРИ. Без пастуха не стадо. Он громче всех кричит, размахивает руками, заывает, грозит, осеняет и сулит монету. Другой пастырь, словно надутый петух, сидит в президиуме. Третий улыбается с экрана телевизора. Четвертый продает пиво из бочки, он тоже пастырь.

Пастыри делятся на два блока: пастухи и стадопасы.

Пастухи пастушествуют лишь над одним стадом. Сюда входят дирижеры оркестров, регулировщики движения, продавцы в магазинах, распространители билетов, машинисты поездов, бармены, приемщики одежды в химчистке, бобби со слезоточивыми бомбами, врачи, судьи, пилоты самолетов, брадобреи, десятники, тренеры, банщики, киномеханики, секретари партийных ячеек, кондукторы трамваев, диспетчеры, портные, портье и многие другие.

Пастухи объединяются в блатное стадо, действующее по модели: ты мне, я тебе.

Стадопасы — более высокая категория, основанная по принципу иерархии. Стадопас руководит сразу несколькими стадами — либо непосредственно, либо через пастухов. Иерархия стадопасения вырабатывалась тысячелетиями в течение долгой и мучительной человеческой эволюции. Однако до сих пор стадопасение развивалось эмпирическим путем. С рождением стадологии деятельность стадопасов впервые в истории становится на научные рельсы, что, несомненно, гарантирует новый расцвет и приведет к всеобщему благоденствию стад. Каждое стадо имеет право избирать своего стадопаса прямым и тайным голосованием.

Стадопасов следует разделить на два семейства — стадоводы и стадогоны. Термины говорят за себя сами. Стадоводы ведут стадо за собой. Стадогоны гонят его впереди себя.

Стадогоны, в свою очередь, делятся на три клана: высший, средний и низший. Руководят стадогоны посредством директив и телефонных звонков. Голосуйте за своих стадогонов!

Среднее звено наиболее многочисленное: стадоводчики, стадоуки, стадодиры и стадначи. Они сидят в отдельных кабинетах, им подают закрытые машины. Общаются с миром через секретарш.

И наконец, высший клан — стадоглавы и стадоправы. Это премьер-министры, индустриальные короли, предводители гангстерских корпораций, папа римский, владельцы игорных заведений, президенты телевизионных компаний, организаторы фестивалей.

Все мы ходим под стадопасами. Нельзя жить в стаде и быть свободным от стада.

НАЙДИТЕ ПАСТЫРЯ. Чтобы не уклоняться от истины, стадология постоянно проверяет себя.

На пляже в Брайтоне собрались 100.000 гавриков. Где пастырь?

Владельцы отелей? Вертолетная служба? Или гаврики со спасательной станции, шныряющие на лодках вдоль побережья и подбирающие из воды златокудрых наяд?

Не ищите, сэр. Стадо масти бронзовых находится на самой низкой биологической ступени развития, оно еще не обрело разумного пастыря.

Стадо бронзовых пасется под солнцем. Солнце и есть искомый пастырь.

А 100.000 на стадионе Уэмбли? Выходит, это стадо стоит на более высокой ступени развития? Ведь там главенствует четко выраженный пастырь — судья со свистком.

Не торопитесь. Стадология не любит поспешных выводов. Судья руководит лишь игроками, а не зрителями на трибунах. Куда устремлены 100.000 пар глаз? Конечно же, на футбольный мяч. Здесь средоточие утolenия. От того, в чьи ворота попадет мяч, зависит поведение стада.

Солнце и мяч — два великих пастыря. Первый пастырь вечен, второй совсем молод. Но по значению они разновелики.

Недаром сказано: стадо стаду друг и брат.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СТАДОГОНОВ. Выдается под расписку, хранится в несгораемом шкафу.

«Для служебного пользования
Совершенно секретно
По прочтении сжечь

Помни, знай, храни!

I. Люди — быдло. Это есть основополагающая истина, из которой следует все остальное.

II. Стадность — такой человеческий инстинкт, на котором легче всего сделать карьеру. Каждое стадо имеет право на свои священные обязанности. Прочих прав ему не надо.

Примечание: Стадология есть зарождающаяся наука, однако мы имеем все основания полагать, что в самом недалеком будущем научимся определять коэффициент стадности каждого индивида, а также процентовку стадолюбия.

III. Для регламентации стада необходим распорядок дня. По звонку встали, по звонку закурили. И хвалу тебе пусть воздадут по звонку — звонче будет.

IV. Четко обозначай вход и выход. Надписи типа «выхода нет» действуют на стадо гнетущим образом. Выход необхо-

дим даже в том случае, если его на самом деле нет. Вход и выход должны быть привлекательно оформлены.

V. Все стада доверчивы. Не бойся соврать своему стаду. Чем грандиознее твоя ложь, тем больше веры. Если нечего дать стаду сегодня, составь программу на двадцать лет. Они будут визжать от восторга. А ты их высший манипулятор.

VI. Хвали свое стадо. Тверди ему с утра до вечера, что оно лучшее стадо в мире. Будешь переизбран на новый срок.

VII. Стадо — это учет. Поэтому каждый ЧС (член стада) должен быть пронумерован и записан в особые картотеки. Считать стадо надо по головам. Если по ногам, пойдет двойная бухгалтерия. Стадные книжки и карточки должны стать неотъемлемой частью нашей жизни. Введение этой меры поднимет стадо на новую ступень развития.

Примечание: К этим же мерам относятся все пропуска, визы, абонементы, талоны, бирки, жетоны, табельные доски, купоны, сертификаты, удостоверения личности, номера телефонов и почтовые индексы, номера автострад, товарные ярлыки, марки заводов-изготовителей и фирм, свидетельства о рождении, название улицы, чековая книжка, история болезни и прочие достижения современной систематики.

Недостаток существующего процесса в том, что он протекает стихийно и в каждом стаде на свой лад. Стадоглавы никак не договорятся меж собой.

А зачем?

VIII. Умело создавай и регулируй трудности. Умей отвлекать стадо от общественных проблем. Помни: отвлекающая сила необходима стаду как воздух.

Неутоленное стадо самое опасное — и в первую очередь для тебя самого. Если стадо не утолить, грянет буря.

Примечание: Деньги лучше всего хранить в Швейцарском банке. Самолет должен стоять наготове на взлетной полосе».

Полстада за коня.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УТОЛЕНИЯ. Ах, ты снова захотел есть, видеть, слышать? На тебе, жри собака. Потребляй зрелища — на тебе стриптиз, сука. Ублажай свои ослиные уши — на тебе песню, зараза. Мы тебя насытим, но не до пупа и не самым первым сортом, чтобы ты не присытился и не устал от пресыщения. На тебе колбасу, жри, собака, мы тебя насытим ровно настолько, чтобы завтра утром ты снова почувствовал неутоленность и снова полез бы в это

стадо, а мы снова подбросим тебе немножко, чтобы ты ни на минуту не лишался аппетита, и опять будешь доволен до следующей кормежки, а мы тут как тут, подбросим тебе очередную сладкую кость: модный мотивчик, сексбому на экране, кусок мяса, порцию каких нам захочется новостей, все равно проглотишь, скотина. Сейчас же перестань щипать траву.

Нá, кусай свой кусок. Жри, что дают.

А ты, собака, прочь от кормушки, не лезь без спроса, уголяйся, да знай меру. У тебя есть проверенные пастыри, которые лучше тебя знают, что тебе хочется, и будут вести себя от одной неутоленности до другой, а не послушаешь, вылезешь вперед, заработаешь кнут, подлюга.

Жри, собака, все время думай о том, что тебе дадут через час, вечером, завтра, терзайся вечной неутоленностью — и тогда ты будешь счастлив, ублодок.

Жри, скот.

СТАДНАЯ МОРАЛЬ. В сущности, у человека нет морального выбора. Наша мораль — одна на всех. В наиболее доступной и затвердевшей форме эта мораль выражена в десяти библейских заповедях.

Зато в каждом стаде — своя мораль. И каждая объявляется высшим достижением современной нравственности. Мораль же чужого стада с презрением отвергается. Все это свидетельствует о небывалом превосходстве стадной морали над моралью индивида.

Стадо да не судимо будет. Стадо дружно начало хапать, брать взятки, казнокрадствовать — тут и судить некого. Каждый хапает то, что ближе лежит. После начинается товарообмен. В результате утолены все. Стадо не пахнет.

Нравственный предел в стаде отодвигается в необозримые дали совести. Стадо не занимается самоанализом, не копается в себе. Оно старается не думать.

Решением спорных проблем стадной морали занимаются специальные стадвокаты, берущие за свою работу гонорар — как сеном, так и валютой.

В здоровом стаде здоровый дух.

СТАДНАЯ ИДЕЯ. Кто производит на свет С-идею? Писатели, художники, артисты, борзописцы всех мастей — в каждом стаде свои барды. В соответствии со стадологической классификацией мы вправе обозначить их специальным зва-

ишем стадозвонов, подразделив, в свою очередь, на стадолев, стадописов и стадопевов.

Стадозвон восхваляет свое стадо. Стадозвон поет алилуйщину стадогонам, лепит канонические образы стадоглавов, создает стадные мюзиклы, цирковые номера и прочие стадо-идеологические трюки.

Если у стадозвона обнаруживаются особые способности к восхвалению, он становится стадным лауреатом. Лучшим из лучших присваивается высшее звание — Заслуженный Стадоблуд.

— Чем примитивнее идея, тем лучше она пережевывается стадом! — так гласит второй закон стадологии.

За примером ходить недалеко. Какое стадо самое стойкое? Обернитесь на свой дом — это национальное стадо. Достаточно объявить: мы французы — великая нация! И стадо сплотилось вокруг этой примитивной идеи. Национальные стада наиболее долговечны, они существуют тысячелетиями. Свергаются короли, грядут революции, однако национальные стада не меняются в своем национальном признаке и по-прежнему французы — великая нация.

В чем секрет? Откуда такая стойкость? А в том дело, что национальные стада поднялись на коммуникативную ступень развития. Поэтому идея национализма есть высшая форма стадности. Она оберегается с помощью границ, противотанковых рвов, железных занавесей и оборонительных ракет типа «земля-стадо».

Увы, до сих пор в каждом национальном стаде существуют очернители, критикующие родное стадо по каждому ничтожному поводу. Очернители клеветают на стадо. Они есть стадоклевы. А строят из себя стадомучеников.

Стадо не любит стадоклевов. Оно борется против них всеми доступными способами. Тут стадная мораль едина.

— Стадоклева из стада вон!

И он получает по заслугам за антистадную пропаганду.

Остается добавить в память стадовника два пункта, связанных с этим узлом проблем.

а) Не черни родное стадо. Это не поможет ни тебе, ни твоему стаду.

б) Черни стадо чужое. Станешь стадозвоном.

Вместе с тем отметим, что стадоклевы весьма полезны для стадогонов, ибо на них можно свалить все трудности, переживаемые в настоящий момент стадом.

В отличие от стадоклевов и стадомучеников, влачанщих жалкое существование, стадозвоны имеют хорошую жизнь. Их сочинения издаются миллионными тиражами, их пластинки крутятся по всей планете. Именами великих стадозвонов называют улицы, корабли, города.

Вывод радостный — на наших глазах рождается новое стадное искусство. Вот опять стадозвоны собрались в Монте-Карло на межстадный конгресс, вторую неделю обсуждают великую проблему:

Чье стадо звонче!

СТАДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ. Современная технология сделалась активнейшим стадообразователем. При том она сама стадируется на наших глазах. Все меньше на земном шаре районов, где сохраняются стада с кустарным производством.

Степень однородности технологической среды много выше, нежели однородность морали, идей, лозунгов. Даже непримиримые враги стреляют друг в друга из одинакового оружия.

Конвейерные линии, потоки, электронные машины, железные роботы — идет жестокая борьба за наивысшую производительность стада.

Современная технология стадирует мир. Десятки тысяч стадовиков собираются под одной крышей. Мир не знал подобной концентрации трудовых сил. Стадно-промышленные комплексы опутывают планету.

Кто не трудится, тот не в стаде.

Искусство перешло на поток и создается по единой технологии. Стадначи и стадодиры помогают стадозвонам освободиться от последних остатков индивидуальности, чтобы выбраться на единственно правильный путь массового стадозвонства.

Быстрее, выше, больше, дешевле, стаднее — вот девизы современной технологии.

И все равно технология отстает. Неутоленность стада растет быстрее. Они хотят потреблять, гады.

Но технология и тут нашла единственный выход:

— Стаду — стадный продукт!

СТАДНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ. Остается лишь удивляться тому, с какой легкостью примирилось с подобным лозунгом Солнечное стадо. Блюдя национальную идею, мы с такой же легкостью сбрасываем с себя национальные одежды. На всех континентах стадовики сидят в одинаковых небоскребах, но-

сят однородную одежду, ездят в серийных бензомоторных машинах. Это называется борьбой за жизненный уровень стада.

И такие разительные перемены в сфере потребления случились, по сути, на протяжении жизни одного поколения. Разве не удивительно?! Любой бы, верно, удивился. Но только не стадолог.

Технология напала на инстинкт стадности — вот где собака зарыта! И напала стихийно, ибо стадологии как науки не было в те времена.

Кто же этот человек, открывший столь дальновидный закон? Его имя известно всем стадам и записано в истории технологии золотыми буквами.

Это Генри Форд, создатель первого конвейера, запущенного в 1912 году, основатель теории стадовидного продукта.

— Каждый член стада может получить автомобиль любого цвета при условии, что он будет черным.

И стадо вмиг осознало: черный цвет наилучший.

Вот почему мы с гордостью заносим это великое имя на бессмертные страницы нашего «Краткого курса».

Генри Форд — второй отец стадологии.

Солнечное стадо навечно стало на путь конвейеризации. Теперь его от конвейера никаким кнутом не отгонишь.

Ибо:

— В стаде все должно быть прекрасно: и душа, и одежда, и мысли.

СТАДНАЯ МЫСЛЬ. Стадо само мыслить не в состоянии, оно требует этого от других. На свет является стадодум, сосредоточенный господин в белой манишке.

Глубокомыслен. Бородат. Знает много уклончивых слов, с помощью которых умеет не сказать ничего.

Мысль должна быть доступной, дешевой. Она входит в стадное сознание без каких-либо усилий, легко переваривается и столь же безболезненно покидает тело через анальное отверстие.

Такой и должна быть истинно стадная мысль.

Современная мысль лишена индивидуальности ее творца. Стадодумы старательно перелистывают прошлогодние подшивки газет, чтобы найти там мысли завтрашнего дня.

Мысль сделалась анонимной. Производством ее занимаются специальные институты, рекламные фирмы. Особо доверенные стадомыслы пишут речи для своих президентов.

Близится время подлинного расцвета стадной мысли. Главное для стадной мысли — яркая обертка.

Доказано: стадная мысль обязана приносить прибыль. В противном случае она не котируется и либо списывается в макулатуру, либо отправляется за решетку.

Мысль уже не усваивается стадом. Она внедряется в стадо. Яркая упаковка мысли куда важнее для потребителя, чем содержимое. Так совершается стадное облучение словом.

Стадная мысль есть высшая справедливость. В достадологический период ее называли голосом стада.

Стадение — свет, нестадение — тьма.

СТАДНЫЙ ИДЕАЛ. Стадо-герой, где оно? Или мы вправе мечтать о нем лишь в неведомом будущем?

Такое стадо есть. Оно уже существует. И не раз подтверждало геройское звание.

Однообразно колышатся ряды мужской плоти. Руки взметываются враз, чеканный шаг, стеклянные взгляды. Четкость, единомыслие. Все в одинаковой форме, словно это единый живой организм.

Армия есть идеальное стадо. Стадология моментально докажет это.

Мотив поведения? Един для всех. Неутоленность? Армия жаждет уничтожить врага — тем она и утоляется. Даже однородность казармы или поля сражения — и те одни на всех.

Однородность одежды, команд, приемов ее исполнения — все это создает идеальную систему, какой мы не найдем ни в одном другом стаде.

В армии строжайшая иерархия, отработанная веками стадной эволюции. Каждый знает свое место — и доволен им.

Армия — стабильное стадо. Если бы все Солнечное стадо можно было устроить по этому образцу. Но мы понимаем, что мечтаем о невозможном. Для этого пришлось бы всю планету превратить в казарму. На данном этапе мирового стадолизма это, увы, невозможно.

Внимание, контрольная проверка. Армия в сетке стадологической классификации.

Увы, наш стадный идеал относится к группе бездельных стад. Семейство подневольных. Клан разрушительных стад. Масть огнедышащая.

Выходит, наши построения ложны. Стадный идеал является в то же время и наиболее низменным стадом?

Однако стадология еще ни разу ни в чем не ошиблась. В том и фокус, что армия служит созиданию. Да, да, сэр Сморчок, армия создает победу. Правда, для этого придется сметать с лица земли все, что стоит на пути: города, народы, цивилизации.

Но разве сладостная победа не стоит того?! Убиты миллионы, но победителей не судят. Победителей встречают салютами, браваурными тушами, награждают орденами и трофеями. Имена победителей навеки вписывают в историю стадологии.

Современная армия достигла такой степени идеальности, что в состоянии десять раз уничтожить все сущее на планете. Четыре миллиарда гавриков обратятся в нули. Готовы ли мы к этому, сэр?

Бездельное стадо производит всеобщую смерть.

Винтовка рождает стадо.

СТАДНАЯ ПАТОЛОГИЯ. Стадо на стадо. Или стадо стаду друг и брат? Альтернатива оказывается мнимой. Стада развиваются по своим законам. У них случаются болезни роста. Или же стадо заболевает само — это естественно для всякого здорового организма.

Стадофобия — застарелая болезнь. Ею издавна страдали стадные придурки, стремящиеся выделиться из стада. В последние годы появилась новая разновидность стадоклевов — борцы за стадные права, они также явно больны стадофобией. Поэтому совершенно справедливо поступают те стадоглавы, которые отправляют этих стадозащитников на принудительное лечение в психиатрические лечебницы, прозванные в народе стадными домами.

Стадозащитники пытаются доказать, будто их стадо лишено прав. На деле же они стремятся разобщить стадо, ослабить его. Но стадо лучше знает свои права. Стадология утверждает третий закон:

— Всякое стадо счастливо теми правами, которые оно имеет.

Стадология не отвергает стадофобии. Она ее изучает — но лишь для того, чтобы лечить. Ради чего тогда диктатура стада?

Демонстранты надвигаются на цепь полицейских. Кто первым бросит камень? Ясно: перед нами типичный случай

стадофобии. Дубинки пошли в ход. Как и миллионы лет назад — пещера на пещеру.

Эпидемии стадофобии, случается, заражают самое идеальное стадо — армию. Теоретики военного искусства возводят стадофобию в стадную доблесть и всячески развивают ее. Осуждая стадофобию на словах, они вместе с тем доказывают, что якобы есть стадофобия справедливая и несправедливая. Мы все только за справедливую стадофобию.

Ядерное оружие родилось из страха. Поэтому крайне важно сохранять равновесие стадофобии. Это и станет той однородной средой, которая позволит нам выжить.

Стадофобный организм существует в состоянии постоянного напряжения. Значит, вместо межстадной напряженности стад с различными стадными системами нам необходима разрядка, позволяющая ослабить течение болезни. Но это отнюдь не значит, что мы проповедуем затухание межстадной борьбы.

Мы боремся за сокращение всех видов стадофобии. Наиболее мудрые стадоглавы начинают осознавать это, они уже садятся за стол переговоров.

А как нам освободиться от стадологического централизма? Или умрем вместе с ним?

Не менее опасная болезнь — стадомания. Будучи не в силах осознать себя, либо находясь под влиянием стадоклево-очернителей, стадо преодолевает критическую точку концентрации биомассы и либо гибнет, либо выпадает из-под контроля, совершая такие действия, которые никто не может предвидеть, а тем более желать.

Ясно одно: стадология должна изучить эти болезни, чтобы поставить их себе на службу. Мы будем в состоянии вызывать стадоманию и стадофобию искусственным путем. Тогда со всеми революциями будет покончено раз и навсегда.

Скоро мы увидим по телевидению репортаж с Ремстрит. Это будет первая в мире демонстрация, вызванная искусственным путем. Осталось совсем недолго — потерпите. Я сам сгораю от нетерпения.

В заключение этого раздела следует добавить, что носителями стадомании и стадофобии являются стадоеды, стадодеи и стадоломы — то есть стадозащитники, стадоклево-очернители, генералы всех мастей и рангов.

Стадоправ — прав, стадоед — нет.

СТАДНЫЕ КУМИРЫ. В противовес нежелательному становлению больных стадообразований, стадные кумиры способствуют развитию здорового стадного тела.

Вне всякого сомнения, они относятся к клану стадоводов, ибо идут впереди стада, послушно следующего за ними.

Семейство королевское: король кожаной перчатки, джазовый король, королева гимнастики, нефтяной король, Шведский король, шахматная королева...

Вид — скоропортящийся.

Масть — долгоиграющая.

Наиболее долгоиграющие кумиры держатся десятилетиями. Память о них передается следующим поколениям.

Крупнейшим стадным кумиром, великим стадоводом был Чарли Чаплин. Он собирал вокруг себя миллионы поклонников. При этом учтите: Чарли действовал за много лет до изобретения телевизора. Чарли создал миф о маленьком стадном человечке. Поэтому мы вправе считать Чарли Чаплина третьим отцом стадологии.

Стадный кумир поклоняется своему стаду. Таких кумиров мы называем стадолизами.

Стадолизы поют, играют, красуются на экранах, раздеваются, любят друг друга на глазах всего стада, плетут интриги, покупаются и продаются, снова поют и красуются.

Стадолиза избирает стадо. Лишь оно вправе назначить его на эту высшую стадную должность. Но избрав однажды своего кумира, стадо становится его рабом — носит те же усы или груди, поет те же песни, повторяет те же остроты. Стадолизы награждаются золотыми дисками, оscarами и львами.

Стадолиз красив, молод. У него могучий торс. У нее — длинные ноги, грудь пятый номер. Стадолиз умеет создавать интим, красиво говорит, владеет хорошими манерами. Талант совсем не обязателен, это дело десятое.

Если что и требуется стадолизу, то это особый стадный нюх. Тогда стадолиз сумеет выразить именно то, о чем стадо мечтало неосознанно.

Стадолиз утоляет подсознательные потребности стада. За это его и чтят. Но горе стадолизу, если он вдруг лишится способности улавливать стадный нюх. Стадо любит безумно и забывает безжалостно. Странно, почему до сих пор никто из стадолизмов не спел песни: «Это сладкое стадное рабство».

Хорошо в том стаде, где нас нет.
Мы за стадо с человеческим лицом!

ИЗЛЕЧЕНИЕ СТАДОМ. ТРИ МОНОЛОГА. Ать-два, на зарядку становись! Только стадо может зарядить нас той энергией, которая необходима стадовику. Заряжайся, ать-два.

Как, вы еще не узнали меня? Я тот самый Ван, который просился в келью. Теперь я знаю, что был тяжело болен стадофобией, но наши мудрые стадоправы вылечили меня от недуга. Ать-два. Десять тысяч лет жизни мудрейшему стадоправу.

Я попал на излечение в деревню, в трудовое стадо. Мы жили в землянках, вставали вместе с солнцем и до самого заката трудились в поле под открытым небом. Мы убирали картошку, чтобы этой картошкой можно было кормить свиней. Я познал радость стадного труда. Каждое движение совершается по команде, и тебе не приходится ни о чем думать. Я так устал от прежних мыслей, но теперь они покинули меня и не терзают больше. Я крепко спал и ловко собирал картошку. Я был счастлив оттого, что мне доверили ее собирать. Нет выше счастья, как все время, двадцать четыре часа в сутки находиться рядом с подобными тебе. В перерыве между собираем картошки мы пели и учили изречения нашего великого стадо-кормчего. Ать-два.

— Играла музыка, и мы были на зеленом поле стадиона. Нас было так много-много, что голова кружилась от счастья. Я была рядом со своими подругами, и мы выкладывали своими телами на траве разноцветные лозунги. Перед этим мы двадцать дней репетировали главный лозунг и почти не спали, нам давали кока-колу и бутерброды, а рядом со мной все время мои подруги — Кира, Фира, Мирра, и я, мы так старались, чтобы все получалось в такт музыки, наш стадогон учил нас улыбаться, обещая, что награда придет потом, и я поняла великую мудрость: улыбка должна идти впереди радости. И вот пришел этот прекрасный праздник — день открытия Стадодиады; мы выбежали на поле и начали изображать из себя лозунги. Наша шеренга оказалась крайней, мы ставили точку в конце лозунга. Поле было большим, лозунг во все поле. Поэтому мы все четверо — Кира, Фира, Мирра и я — составляли точку. Я была четвертью точки — какое счастье быть в точке хотя бы четвертью, это и было

моей наградой, а мама потом рассказывала, что она все это видела по телевизору, но лозунга она так и не прочитала, потому что смотрела только на точку, где я была четвертью, да, я была на Стадиаде и тем горжусь, я четверть точки!

— Уважаемые господа стадодумы, я хотел бы зачитать вам трактат о высшем стадном идеале. Как известно, всякое стадо, существующее в природе, состоит из стадовиков. Следовательно, идеальным вправе считаться то стадо, которое имеет в своем активе наиболее стадовидных членов. И мне удалось открыть такое стадо. Каковы типичные признаки идеального стадовика? Стадовик может существовать только в среде себе подобных. Он полностью лишен инициативы. Легко повинуется самым нелепым командам. Разучился работать, так как все время думает о перекуре и при первой же возможности сбегает в курилку. Плюет на результаты своего труда, лишь бы платили заработную плату. Таким образом, в данном стаде выполнены все цели, которые были поставлены историей. Результаты этого выдающегося эксперимента мы как можно скорее обязаны распространить на все стада нашей планеты. Совершается великий процесс излечения стадом. Это будет Стадо мира.

Ать-два, расцветай моя картошка. Пусть улыбка бежит впереди радости. Пусть расцветают сто стад.

НЕТ ПРОБЛЕМ. Разумеется, никакое стадо не может существовать без проблем. В каждом стаде они свои. Но все эти проблемы легко и безболезненно разрешаются самим же стадом.

Лишь стаду по плечу то, что кажется неразрешимым индивиду.

Вот наиболее типовые проблемы стада:

— Сообразим на троих! — И они мигом скрылись в подъезде.

— Нет ли лишнего билетика? — И билетик найдется, уверяю вас, сэр.

— Давай закурим! — Огонек зажигалки тут же вспыхивает у вашего носа.

— Судью на мыло! — жадно горланим мы вместе со всеми, и к нам приходит освобождение от проблемы.

— Что дают? Что дают? — И что-нибудь всенепременно дадут, так не бывает, чтобы ничего не давали. Хоть пуговицу от штанов, но получите.

— Кто последний, я за вами. — Подставляй ладонь, что-бы записать свой номер в очереди.

— Шай-бу, шай-бу! Bravo! Бис! Удар, еще удар!..

Влившись в стадо, вы оставили свои проблемы за его пределами. Вы освободились от проблем, если не навечно, то уж на время пребывания в стаде. Вот почему индивид стремится в стадо: сообразить на троих, занять место в очереди.

Стадо не только утоляет. Стадо освобождает.

ПОХВАЛА СТАДУ. Все стада сотворены равными и свободными. Стадо есть истинный венец творения. Миллионы лет терпеливой эволюции дали свой результат. Природа трудилась не зря.

Стадология раскрывает новые горизонты перед всем сущим стадом. Стадо есть пуповина, соединяющая нас с бытием. Вне стада нет и не может быть объективной реальности. Если прежде над созданием стада трудилась слепая природа, то ныне в процесс стадотворчества включается человек.

Для этого нам нужна свобода стада. Не стадо избирает человека, но человек избирает стадо. Я слишком хорошо знаю стадо — и потому я избираю одиночество собственной мысли.

Одно лишь право на стадо — и придет царство свободы.

Все стада равны. И каждый равен в своем стаде. Вот величайшая истина, которая открывается миру с рождением стадологии.

Каждый получает ровно столько, на сколько он неутолен. Таким образом, только в стаде осуществляется высшая мечта человечества — каждому по его неутоленности. И значит, только стадология прокладывает путь ко всеобщему счастью.

Все существующие прежде социальные системы обещали человеку счастье и вечное блаженство — но где, когда? Или после смерти, или после окончания века.

Стадология не обещает этого желанного счастья в некоем светлом будущем. Она объявляет — счастье уже достигнуто нами.

Люди достигли своего счастья, но еще не знают об этом. Стадология открывает глаза на это величайшее событие человеческой истории.

Ты уже счастлив!

Если хочешь познать истину, шагай в стадо. В стаде ты

утолишься — и познаешь новую неутоленность. Разве ты не чувствуешь? Стадо сделало тебя счастливым.

Только не пресыщайся. Бойся пресыщения. Пресыщенные стада либо самодовольны, либо мертвы.

Таким образом, если хочешь быть счастливым — признай стадологию. Если же не признаешь ее, будешь, как и прежде, блуждать в потемках.

Стадология открыла тебе глаза на счастье — разве ты не чувствуешь этого?

Стадология охватывает все аспекты человеческого счастья. Поэтому она отпочковывает от себя новую науку, которая занимается правами стада, и в первую очередь, правом на неутоленность.

Эта наука — стадизм. Отныне всем ясно, что стадизм становится наукой наук, открывающей глаза на счастье.

Все прочие науки объявляются антистадными и с завтрашнего дня закрываются.

Да, стадология только что родилась. Собственно, она рождается здесь, буквально на наших глазах. Пока что истинных стадологов считанные единицы. Нас мало, долог и труден наш путь, но лобода придет, победа близка, ибо за нами стоит стадо.

Между прочим, в стаде голодных тоже все равны.

Стадология всесильна, ибо она верна.

СЕАНС СТАДОАНАЛИЗА. В гостиную снова вошла Долли.

— К вам богатый джентльмен, сэр, — сообщила она. — Он дал мне три фунта, чтобы я пропустила его к вам.

— Боюсь, Долли, что мне он предложит три миллиона. Пусть войдет.

Я поспешил сунуть диктофон в ящик стола, но пленка продолжала крутиться. Мой эксперимент требовал, чтобы было записано все.

В гостиной возник невыразительный индивид. У всех у них вот такая внешность, лишенная примет. Я постарался определить его стадную принадлежность, хотя взгляду было не за что зацепиться. Итак: семейство бодливых, вид — тонкошерстных, род — тихая сапа, масть — совершенно секретная.

Все ясно: передо мной стоял стаднач средней руки. Но чей? Как определить его принадлежность к блоку стад?

Разумеется, он будет увиливать изю всех сил. Но от моей науки не скроешься.

— Разрешите представиться, сэр Спайтл,— сказал стада-нач.— Мистер Джонс, крупный скотопромышленник из Брайтона, вот моя визитная карточка. Капитал фирмы — тридцать миллионов.

Мы с ним состадились, но еще не сделались единым ста-дом. Мы вырабатываем общий мотив поведения. Он хочет дать мне деньги, я хочу их получить.

— Боюсь, что вы попали не по адресу, мистер Джонс,— отвечал я, продолжая сеанс стадоанализа.

— Простите, но разве это не про вас было напечатано?— Он вытащил из кармана номер «Дейли Мейл».— Меня весь-ма заинтересовала эта заметка.

Мотив поведения был замаскирован. Я решил пойти ему навстречу:

— Вы ученый? И как раз в этой области?

Он клянул, однако не до конца.

— Боюсь, что да,— ответил он с некоторым колеба-нием.— Жизнь меня всему научила.

— Итак, я слушаю вас, мистер Джонс,— сказал я, давая ему понять, что могу в любой момент вышвырнуть его.

Но стадач оказался не прост.

— Я предпочел бы, сэр,— сказал он нагло, словно был на своей бойне,— чтобы вы на некоторое время выключили свой диктофон. Хотя должен сказать честно, я с интересом вы-слушал ваш доклад, который вы готовите для Королевского общества, сэр. Особенно здорово вы про этого Флока — как вы его! Кастрированный гусь в мантии — это великолепно. Это выдающееся открытие, сэр, в данной области, разуме-ется.

— Так вы слушали то, что я даже еще не прочитал,— воскликнул я в некотором удивлении, во всяком случае, по-пытался показать это, чтобы вывести его на следующий ход.

И он попался — как легко попадают все они на самые простейшие трюки: удивление, страх, лесть.

— Совершенно согласен с вами, сэр Спайтл,— сказал он.— И не надо его читать.

Вот он и выложил свой мотив: они хотят заставить меня замолчать.

Собственно, я с самого начала знал, что он придет.

И именно за этим. Им кажется, что все покупается и продается — даже стадология.

— Черт подери,— разозлился я на самого себя и, кажется, вполне искренне.— Этого я не предусмотрел. Следовало воспользоваться более традиционным способом, взять в руки вечное перо...

Он был явно болтлив. Видимо, у него имелись самые широкие полномочия. К тому же он излишне самоуверен.

— Мы все равно расшифровали бы вас по скрипу пера, сэръ. Правда, для этого потребовалось бы дополнительное время.

— Значит, вы расшифровали мой будущий доклад в Королевском обществе? — продолжал недоумевать я.— Ну что ж, я не делаю из него тайны. Стадология наука для всех.— Я открыл ящик письменного стола, вытащил диктофон и положил его на стол. Второй диктофон оставался в ящичке, и пленки там было достаточно.

— Какую альтернативу вы можете предложить? — спросил я в лоб.— Что на другой стороне весов?

— Организация скотопромышленников, которую я представляю,— быстро начал он,— весьма заинтересована в дальнейшем процветании стадологии. Наша великая цель — разводить новые стада на тучных нивах. Мы готовы вести конкретные исследования, хоть завтра, под вашим руководством, разумеется. И без оглашения в печати. Финансирование — по мере потребностей. Для начала мы могли бы выделить три миллиона.

— Где чек?

— Не волнуйтесь, сэръ, чек находится в бумажнике.— Он дотронулся ладонью до заднего кармана штанов, взбухшего от заложенной там пушки.

Я решил подразнить гусей, еще больше разжечь его нетерпимость.

— Простите, мистер Джонс, вы имеете какое-либо представление о том круге проблем, которыми занимается в отличие от общей конкретная стадология? Все-таки три миллиона не так уж мало.

— Готов вас выслушать, сэръ. Знаю одно: о стаде следует говорить только хорошее.

В КАЧЕСТВЕ ПЕРВОГО ШАГА. Итак, леди и джентльмены, олухи в мантиях, мы продолжаем.

Стадология вступает на неисследованный континент знаний. Она призвана восполнить все белые пятна современной науки, поэтому стадологические открытия будут продолжаться в течение многих десятилетий.

Общая стадология отпочковывает от себя новые области знания.

Мы уже говорили о стадизме как наиболее передовом учении современности. Стадизм это учение, включающее в себя множество наук. Прежде всего это **стадистика**, которая ведет нас к заветной цели и обеспечивает выбор наиболее правильного курса.

Затем начинается **стадоправие** — наука о стадных правах. В первую очередь, это право каждого на стадность, на свободу перехода из одного стада в другое.

Стадолитика (внешняя и внутренняя) развивает контакты между стадами, борется за разрядку межстадной напряженности, крепит оборону своего стада и одновременно борется за всеобщее, полное и окончательное разоружение стад.

Стадоведение изучает поведение стад. Структуру мотивации и методы ее программирования. Стадные раздражители. Теорию стадной борьбы и ее постепенную конвергенцию. Стадовластие. Внутреннюю динамику стад. Степень наиболее оптимальных концентраций и другие вопросы.

Полагаю, что в самом ближайшем будущем мы должны открыть Всемирный музей стадоведения.

Стадография занимается изучением планетарного стада и его составных, исследует зоны повышенной стадности. **Стадономика** изучает производящее стадо, законы накопления стадного капитала. Устанавливается единая мировая валюта — стадолира.

Стадолюбие — круг проблем этой науки широк и благороден. Деление стад и их сложение. Стадная рождаемость, деление стад по половым и возрастным признакам, вопросы стадной производительности, учет и перепись стада. Стадолюбые будут знать о стаде все.

Болезнями стада займется **стадометрия** — в первую очередь, всеми видами стадофобии, стадомании, стадофрении. Ученые-стадомедики распознают стадные недуги. Мы научимся измерять стадограмму, поймем принцип действия стадного кристаллизатора. Я уж не говорю о стаднине и

стадуксене — эти лекарства должны стать доступными каждому стаду.

Стадогура поднимет на новую ступень стадное искусство. Отныне мы будем воспевать только стадо. Ведущим творческим течением станет стадословие.

И наконец, **стадогония** займется изучением космических стад, чтобы воссоединить их с земными. Грядет стадолизация!

— Это все? — спросил пришелец с явным нетерпением, он жаждал утоления.

— Далеко нет, мистер Джонс. Необходимо создать при Королевском обществе специальное отделение стадологии, куда мы хоть завтра могли бы принять первых десять действительных членов.

Вперед, к стадизму!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФАЗА УТОЛЕНИЯ. Мистер Джонс продолжал смотреть на меня, обдумывая очередной ход.

— Вы начертали замечательную программу, сэр.— Он сделал вид, что задумался, хотя у него все было решено.— Имеются ли еще какие-либо пункты из вашей программы, или она исчерпана?

— Мне необходим ВНИИКС — Всемирный научно-исследовательский институт конкретной стадологии — для изучения такого феномена, как стадность..

— Именно с ВНИИКСа мы и могли бы начать,— подхватил он.— И со стадника. На этих джентльменов из Королевского общества мало надежды — пока-то они раскачаются, эти олухи в мантиях. А мы хоть завтра. Я бы убрал всего-навсего одну букровку.

— Надеюсь, это не буква «В»?

— Именно она. Мы живем в многослойном стаде. Я вообще пылинка, для меня понятие «всемирный» просто недоступно. Из каких источников вы получите ассигнования для этого Всемирного института?

— У меня все продумано. Каждое национальное стадо выделит из своего бюджета крохотную толику — тысячную долю процента. И мы получим стадологический фонд.

— Следовательно, этот институт будет находиться при ООН? — допытывался Джонс.

— Вы еще недостаточно владеете стадологической терминологией,— возразил я с улыбкой.— ООН придется пере-

именовать в ООС — организацию объединенных стад. И вообще, наша Земля переименовывается. Отныне она будет называться Стадодром. Как сказал поэт:

Мы живы, пока мы дома.
Мы все с одного Стадодрома.

— И вы хотите стать директором этого Стадодрома, сэр? Или председателем?

— Увольте, мистер Джонс, я всего-навсего теоретик.

— Какую же роль вы отводите в вашей программе себе лично?

— Более чем скромную: старшего стадивариуса. Кроме того, я хотел бы издавать «Стадный вестник» и вести постоянную рубрику на стадовидении — «Лицом к стаду». Кроме того, наш парламент должен утвердить День стадологии, ну хотя бы 15 сентября, нынешний день.

— Сложное дело вы задумали, сэр Спайтл. А что вы можете сказать относительно этого? — Он вытащил из кармана пустую пробирку и показал ее мне. — С помощью стаднина возникает стадиация, не так ли?

— Откуда вы ее взяли?

— Кто-то подложил эту штучку на углу Рэмстрит. К сожалению, она была уже пустая, сработал часовой механизм. Что там было, сэр Спайтл? Это ведь тоже конкретная стадология?

— Если вы не возражаете, мистер Джонс, к вашему сведению, это практическая стадология.

— Сэр Спайтл, — вкрадчиво начал он. — Я понимаю, вы человек с размахом, мыслите глобально. Если вас не устраивают три миллиона...

— Должен вас огорчить, мистер Джонс, я не занимаюсь практической стадологией.

— Кто же наполнил эту пробирку?

— Уверяю вас, там был исключительно воздух.

Впервые с момента нашей встречи в нем мелькнуло нечто человеческое — он был удивлен.

— В самом деле, ни малейшего запаха, — сказал он, нюхая открытую пробирку.

НЕУТОЛЕННАЯ УТОЛЕННОСТЬ. Фаза утоления завершилась, теперь он был из другого стада. Я с интересом наблюдал, что произойдет дальше. Стадологический эксперимент протекал на моих глазах.

Абсолютного утоления нет и не может быть. Любое утоление — всего-навсего промежуточная фаза. В процессе неутоленности A_1 тут же рождается очередная неутоленность A_2 , жаждущая утолиться и произвести на свет неутоленность A_3 .

Неутоленность и есть та путеводная нить, которая ведет нас из стада в стадо. Мы жаждем утоления и не в силах его обрести. Вечная неутоленность опережает нас.

Абсолютное утоление — это смерть организма.

Я продолжал наблюдать за ним. Он похлопал рукой по заднему карману, где лежал пистолет, однако это было ему уже неинтересно. Хотел достать сигарету, но раздумал, а вместо этого протянул мне чек.

Он еще не ведал того, чего он хочет. Ведь стаднин проникает в организм не мгновенно.

— Извините, сэр Спайтл, — начал он довольно спокойным голосом, но тут же не выдержал и перескочил на скороговорку. — Кажется, там что-то дают, я должен глянуть. Что дают? Что дают?..

Он устремился к двери, убыстряя шаги. Скатился по лестнице — и был таков.

Чем стадо успокоится?

СТАДО БОДЛИВЫХ. Я подошел к окну и самым подробным образом осмотрел сад. Прячась за старой липой, против дома маячила еще одна фигура из той же секретной масти, род тихая сапа.

Третий пришелец притаился за углом на той стороне улицы. В руках у него был бинокль.

До выпуска последних новостей оставалось около пяти минут. Что творится сейчас на углу Ремстрит? По моим подсчетам подходило время концентрации.

Ну что ж, подождем. Хотя кто знает, сколько времени у меня в запасе? Я должен торопиться. Они уже набежали со всех сторон, чтобы отнять у меня мою стадологию и действовать тихой сапой. А я ведь еще не все сказал.

Видимо, стадология кое-что стоит, если с первого раза мне всучили чек на три миллиона. Сбор пожертвований продолжается.

Вознагради свое стадо!

ЕЩЕ РАЗ О СОЛНЕЧНОМ СТАДЕ. Живет на планете Стадодром Солнечное стадо. Скорость его воспроизводства: пять гавриков каждые две секунды.

4.000.000.000 — много это или мало? Плохо это или хорошо?

Как мне вознаградить вас всех?

Ну хоть на секунду взглянуть на лицо каждого. Боже, как много нас. Встали под взгляд нескончаемой чередой. Как всех обозреть? На каждое лицо — одна секунда. Глянул — спешу взглядом дальше. Боже, боже, когда это кончится?

Не хватит всей моей жизни. Если на каждое лицо по секунде, то на всех потребуется 130 лет, но увы, за это время нас станет уже 40.000.000.000 — мои 130 лет обернутся вечностью. Вы будете нарождаться быстрее, чем я видеть вас.

А что если выстроить всех в затылок друг другу — по метру на гаврика. О-ля-ля, этак мы растянемся в шеренгу на 4.000.000 километров, 11 расстояний до Луны.

Вышел на улицу, погрузился в стадо, спустился в савей, сел в стадовоз, сельди в бочке, пришел на площадь, ни встать, ни сесть, квадратная миля стадной икры, поднялся наверх, кишат как муравьи, на 22-м этаже гудит улей, ни присесть, ни прислониться, пляшут, топчат, какофонят, жрут и воняют.

От них не скроешься ни на берегу моря, ни в поле, ни в лесу, ни в скиту. О дайте же мне право на одиночество!

Стадо рычит, лепечет, воркует, свистит, голосит, улюлюкает, разоряется в 4.000.000.000 глоток — о дайте же мне право на тишину, ничего другого от вас не желаю.

Сейчас я вас всех зашифрую. Пусть Серж будет С, Теофил станет Т, Артур — А, Дитрих — Д, Оскар — О. Пять человек сложились в СТАДО.

Сколько слов потребуется на всех?

Внимание. Каждый делается крохотной буквой, и все мы ложимся в одну книгу. Боже мой, смотрите, смотрите, голова закружилась.

Книга толщиной в 100 метров. Какому стадописцу под силу написать такое.

Но мы не желаем становиться буквами. Каждый хочет быть вселенной, созвездием, пупом стада.

Зачем нас столько? А это лишь начало. Земля едва вступила в стадниковый период, и нам плодиться нескончаемо.

Стадо грядет. Контроль над стадностью нас не спасет. Неоходимы меры на уровне разума.

Солнечное стадо существует на биологической ступени

развития. Человечество лишь сумма разрозненных стад, никак не желающих соединиться в Созвездие Свободных Стадных Республик или в Стадо Штатных Ассоциаций — каждое стадо тянет воз в свою сторону.

Много нас, ой много! Каждую минуту поглощаем тысячи тонн еды — а кто ее возвращает? Потребляем сотни тысяч кубометров воды — а кто ее очищает? Сколько кислорода высасываем из атмосферы! 8.000.000.000 подошв ежесекундно трутся об асфальт. Каждый хочет иметь свою крышу, свою музыку, свой унитаз. Гадим свой же Стадодром.

Оглянитесь! Кругом одни объедки.

Солнечное стадо отчужденно и бодливо пасется под солнцем. Человечество — стадо без пастыря. Не человечество, а глупечество.

Даже тот, кто придумал вас, не может стать вашим пастырем. А как я жажду. Хочу узнать вас всех. Услышать ваш смех. Увидеть ваши улыбки. Всего четыре миллиарда улыбок — неужто это так много? Нашей планеты хватило бы вдесятеро. Ведь улыбка не занимает места в пространстве. Но нет, я не увижу вас. Мы разобщены, разбрелись по своим загонам.

Пусть так. Но коль я вас выдумал, то обязан любить вас всех: белых и бурых, пегих и вороных, молодых и старых.

Вам всем посвящаю мой труд. Будьте живы! Будьте добры и любимы!

Все мы стадники и стадницы!

ВТОРОЙ ПРИШЕЛЕЦ. Вот и он! Лезет в окно в надежде остаться незамеченным.

— Простите, мистер, вы уверены, что вам нужно ко мне?

Он и не думал таиться:

— Сэр Спайтл, у меня для вас любопытная новость, — начал он прямо от окна. — Общую стадологию выдвинули на Нобелевскую премию.

— По-моему, вас это не слишком радует, — обиделся я.

— Фи. Каких-то двести тысяч. Мы могли бы заплатить в двадцать раз больше. Разрешите представиться, сэр Спайтл. — Он стоял передо мной и широко улыбался.

— Я знаю вас. Вы скотопромышленник Джонс из Брайтона.

— Как вы догадались, сэр? Только это не Брайтон, а Ричмонд.

— Сколько?

— Пять.

— За что? За высшее стадо?

— Если стадо действительно высшее, то и все шесть.

— Высшее стадо это то, у которого ракеты? Как вы полагаете, мистер Джонс?

— Высшее стадо то, которое платит, — парировал он. — Вот вам чек в Швейцарский банк.

— Одну минуту, мистер Джонс, сейчас мы посмотрим новости. Может быть, за минуту цена поднимется вдвое. — Я включил телевизор.

КОНКРЕТНАЯ СТАДОЛОГИЯ. Бог мой, что там творилось! В этот предвечерний час Ремстрит сделалась центром Вселенной. Со всех сторон люди перли и лезли к галантерейной лавке на углу, которая была избрана центром стадологического эксперимента. Жалкая цепочка полицейских была смята. Сейчас бобби разматывали шланги для водометов. Так начинаются путчи и народные восстания.

Диктор Гарри Пит задышался от избытка любопытства.

— Давно я не видел такого столпотворения. Чего хотят эти люди? Зачем они пришли сюда? Набросились на старую лавку, скупили все пуговицы, и у всех на устах один вопрос: что дают? что дают? К сожалению, я не имею связи с редакцией новостей. Возможно, в мире что-то случилось. Ага, принесли вечерние газеты. Сейчас я покажу вам заголовки. Черт возьми, и тут о пуговицах.

— Пуговицы и нефтяной кризис.

— Больше пуговиц народу.

— Цены на пуговицы продолжают подниматься.

— Работники пуговичной промышленности требуют повышения заработной платы.

— В последний час: пуговицы из космоса.

Итак, мне ясно. В нашей стране, благодаря тупой политике правительства, возник пуговичный кризис. Возможно, он перекинется на другие континенты. Лично я полагаю: необходимо назначить новые выборы в парламент.

Внимание, появилась связь с главной редакцией. Включаем супермаркет на Оксфорд-стрит. Здесь творится что-то невообразимое. Толпа разнесла витрины и хватает пуговицы по любой цене. Завтра добрая старая Англия рискует остаться без пуговиц — что будет с нашими штанами? Куда смотрит полиция?

Вместо того, чтобы хватать зачищников, они сами начи-

нают хватать пуговицы. По-моему, все это напоминает какую-то эпидемию. Недаром говорил наш великий классик: «Вот ваше стадо! Бодливым стадом и многоголовым я был захвачен».

Внимание, теперь мы снова на Ремстрит. Как видите, положение осложнилось еще больше. Они лезут и лезут. Никогда не думал, что в этой малолюдной части города может быть столько народа. Лезут прямо через ограду старого дома, а ведь это частное владение. Что сделалось с моими добропорядочными соотечественниками, я их не узнаю. Теперь я точно знаю — именно так начинаются революции.

На балкон дома вышел хозяин. Смотрите, это же досточтимый сэръ Флок, Ученый секретарь Королевского общества, сделавший несколько дней назад заявление о научном шарлатанстве. Уж сей ученый муж должен знать, что тут происходит. Попробую к нему пробраться.

— Сэръ Флок, кругом нас толпы страждущих. У них уже появились транспаранты:

СЛАВА СПАЙТЛУ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СПАЙТЛ!

Простите, сэръ Флок, вам что-нибудь говорит это нмя? Мне оно неизвестно.

— Проходимец, каких мало. — Это ответ сэра Флока.

— Что вы можете сказать по поводу происходящего, досточтимый сэръ?

— Если это не мистификация, то наверняка величайшее событие нашего века. Этот Спайтл хочет во что бы то ни стало захватить себе должность старшего стадивариуса. Как бы не так! Ведь всем известно, что старший стадивариус это я. Эй вы, стадо, прочь от моего дома.

Ай-ай! Досточтимый сэръ начинает палить из ружья. Все смешалось на Ремстрит. Он что-то сказал о стадивариусе — что это такое? Совершенно верно, дорогие телезрители, я хотел выразить вам свое полное одобрение. Быть в стаде — это прекрасно. Я всегда приветствовал Всестадный союз. Простите, у меня, кажется, оторвалась пуговица. Я должен срочно... Что дают, что дают...

— Браво, дед, bravo! — Сюзанна захлопала в ладоши перед телевизором. — Смотри, дед, он все палит и палит. Это будет коронный номер.

— Ну как, мистер Джонс, — спросил я, поворачиваясь к

пришельцу. — Что вы об этом думаете? Не пора ли их утихомирить?

— Вы это можете? — с восторгом спросил он.

— Стадология может все.

НАЧАЛАСЬ ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ. Гарри Пит сбежал. Изображение померкло. Мистер Джонс-второй смотрел на все это вытаращенными глазами.

На столе зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Спайгл слушает.

— Алло, это Недожеванный обедок? Я тебе покажу, как хватать чужие должности.

— Кто это? Я вас не понимаю.

— Говорит Каракатица. Запомни: десять миллионов, ни фунта меньше. Они все созрели. Сейчас я попробую их успокоить. Чем загадочнее, тем дороже.

— Понял вас, сэр Каракатица. Будет исполнено. Они уже у меня.

И положил трубку.

Мистер Джонс повернулся ко мне с угрожающим видом.

— Что все это значит? — спросил он. — Я требую объяснений.

— Мне звонили из Центра, — отвечал я. — Я получил инструкции.

Это его, по всей видимости, успокоило. Он собирался начать второй раунд переговоров.

— Руки вверх! Всем оставаться на своих местах!

Третий пришелец выскочил из камина и стоял там, выставив вперед автомат, вмонтированный в радиостанцию. Сам маленький, юркий, на щеке пятнышко сажи.

— Диктофоны на стол! — приказал он, наводя на меня зрачок автомата.

— Не мешало бы прежде представиться, — сказал я. — Кто вы такой?

— Мистер Джонс из Шеффилда. Скотопромышленник.

— Bravo! — воскликнула Сюзанна, хлопая в ладоши. — Мистер Джонс-третий. Следуйте в порядке очереди.

— Я впереди вас, — важно подтвердил Джонс-второй.

— Как бы не так, — огрызнулся Коротышка. — Я с самого утра торчу здесь, в этой чертовой дыре. Вот видите, у меня на руке номерок.

Он протянул раскрытую ладонь. Там, в самом деле, было написано химическим карандашом — 1.

— Хорошо, — сказал я, пытаюсь их урезонить. — Диктофонов два. Выкладывайте чеки и забирайте их. Тексты идентичны.

— Сэр Спайтл, — начал Коротышка. — Кажется, вы не совсем понимаете, в чем тут дело. Если стаднин будет у обеих сторон, то за него никто и шиллинга не даст. В мире начнется новая гонка стадогонии.

— Наоборот, мистеры Джонсы, сохранится равновесие стадности, и это будет порукой...

Я не успел окончить. Джонс-второй наскочил на Джонс-третьего, выбирая из его рук автомат и забирая диктофон. Между ними завязалась борьба, они покатались по полу.

Второй диктофон стоял на столе. Я нажал кнопку.

— Кудакумы икугос купокуда! Кувекуди кутекусе кубякуспо кукойкуно. Кунекувол кунуйкутеться, кувсекубукудет кухоркуокушоку. Куды кушикуте куглубкуже, кузакукройкуте куглакуза, куспикуте, куспикуте кувам кудакуют купокукой и кублакугокудать...

По мере того, как фиктофон вкрадчиво нашептывал эту абракадабру, придуманную Сюззи во время школьных каникул еще в начальной школе, налетчики становились все более умиротворенными. Практическая стадология совершала первый эксперимент в реальных условиях, да еще в каких, под дулами автоматов. Эффект был потрясающий.

Коротышка сел на диван, расслабил ремень на поясе, вытаскивая пистолет из заднего кармана и разряжая его. Джонс-второй блаженно куковал в углу, пытаюсь повторить слова, нашептываемые диктофоном. Даже Сюззи расчувствовалась, глядя на идиллию, ведь это был ее голос.

Но тут случилось непредвиденное.

— Куспикуте... — молвил последний раз диктофон и замолк с отвратительным всхлипом. Действие звукового стаднина прекратилось. Джонс-третий вскочил на ноги, выхватывая пистолет. Последнее, что я слышал, была длинная очередь из автомата, прошившая воздух над моей головой.

Сколь хрупок наш мир. Великая стадология могла погибнуть из-за того, что лопнула паршивая пружина в никчемном приборе.

ВЫСШЕЕ СТАДО. Очнулся от боли в правом боку. Они еще стреляют. Захватили диктофоны и теперь делят добычу.

Кажется, они меня зацепили — и довольно основательно. Перед глазами круги. Сюзанны не видно.

Но чего бы мне ни стоило, я обязан спасти стадологию, а прежде того завершить ее.

Работает третий диктофон, и микрофон вмонтирован в мой перстень. Буду говорить одними губами, они не услышат.

Чтобы завершить стадологию, я должен вернуться к триаде Спайтла, а также рассказать о Высшем стаде.

С чего начать? Триада Спайтла: Ч — С — Ч, — человек — стадо — человечество. Первое соотношение Человек — стадо. Мы доказали, что вначале было стадо. Но вот второе соотношение: стадо — человечество. Что возникло вначале: стадо или человечество? А может, человечество вообще еще не стало стадом?..

Трудно говорить. Не хватает воздуха. Буду закругляться. Высшее стадо есть венец творения. Ух, дайте передохнуть. Глоток воды, всего один глоток, и я открою вам величайший секрет стадологии.

Они продолжают палить. Я слышу сирену — прибыла полиция. Теперь они начали отстреливаться.

Вы догадались? Высшее стадо — это человек. Он подходит под все, что было нами доказано: концентрация биомассы, однородность среды, общность мотивации. Он и стадо, и венец стада. Индивидуальность человека неизмеримо выше. Четыре миллиарда человеческих индивидуальностей. Но ведь это только сейчас, на данный момент, среди живущих. Наша индивидуальность никогда не повторяется в последующих поколениях.

Человек бесконечен и безбрежен, он есть сама Вселенная.

Одну минуту. Наберу больше воздуха в грудь. Триада Спайтла переворачивается, теперь она есть Ч — С — Ч₁, — человечество — стадо — человек. Это значит: человечество есть начало, человек же конечная цель. Я за стадо — но с человеческим лицом.

Человек есть вершина. Он победит зло...

Если бы при этом еще не ломались пружинки.

Человек обладает идеей бессмертия — и потому бессмертен сам. Ибо он утоляется мыслью, ибо только мысль есть высшая форма утоления... Многостадие мысли...

А те все стреляют. В глазах туман. И если мне не удастся завершить «Краткий курс», то виноват не я, а это бодливое стадо.

ВETERАНОВ ДОПРАШИВАЮТ ВНЕ ОЧЕРЕДИ

ПРАВДА, ОДНА ПРАВДА — И ТОЛЬКО ПРАВДА

Я шел в суд без всякой надежды на успех. Процесс явно затягивался: заседания то и дело переносились, допросы свидетелей продолжались часами, а сами свидетели обеих сторон нервничали в предбаннике, томились на лестничных площадках.

Не успел я подняться на третий этаж, на меня тут же налетела активистка «Апреля», назовем ее АА.

— Где же ты? Тебя везде ищут!..

— Я — тут! — только и ответил я.

Секретарь суда установила мою личность: не отлучайтесь, вас сейчас вызовут.

И вот я стою в центре зала. Народный заседатель поправляет микрофон, создавая для меня режим наибольшего благоприятствования.

Надо сказать, я первый раз нахожусь на допросе. Однако особого волнения не испытываю. Больше того, у меня в запасе приготовлено несколько «бомб» — погодите, я вам такое скажу...

Неслышно и неспешно перематывается пленка в кассете. Чуткие микрофоны улавливают каждый звук в зале, трансформируя его в электромагнитные колебания. Ни один звук, возникший в этих стенах, не пропадет, не растает бесследно. Речь становится фонограммой. После этого кассеты магнитофона перематываются на большие бобины, за работу принимаются стенографистки. Слушая в наушники фонограмму, они переводят ее на бумагу.

Так звук становится словом.

* Отчет дается по полной стенограмме. Автор решил не вносить стиливой правки в документы, ставшие историей.

Все будет записано, вплоть до горестного вздоха, до вскрика отчаяния.

Совет «Апреля» принял решение — зафиксировать ход процесса на стенограмме. Непросто было организовать такую работу. Да и обошлась она недешево. Зато теперь стенограмма судебного процесса надежно хранится в негоряемом шкафу — 3.200 страниц машинописного текста.

И это тоже говорит о том же — каким многотрудным и долгим был этот процесс.

Председательствующий Муратов. побыстрее, пожалуйста, проходите в зал. Попросим свидетеля Злобина подойти к нам. Я попрошу, пожалуйста, к микрофону. Сейчас мы сделаем несколько, чтобы вам было удобнее, повыше. Одну секундочку, сейчас. Фамилия, имя, отчество, где вы работаете, место жительства. Пожалуйста.

Свидетель Злобин. Анатолий Павлович Злобин-Кутявин. Член Союза писателей с тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Там же я и работаю. Во всяком случае, так пишу в анкетах.

Председ. Проживаете?

Злобин. Астраханский переулок, дом пять, квартира восемьдесят шесть.

Председ. Судебная коллегия предупреждает вас об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний. О том, что вы предупреждены, пожалуйста, напротив своей фамилии на той же строчке распишитесь.

Подписка

Об ответственности за отказ по даче показаний и за дачу заведомо ложных показаний по статьям 181 и 182 УК РСФСР предупрежден.

Свидетель — подпись.

Расскажите, что вам известно по настоящему делу. Пожалуйста, слушаем вас. Что произошло?

Злобин. Восемнадцатого января этого года в Центральном Доме литераторов должно было состояться очень радостное событие. Премьера первого альманаха, который был выпущен нашим движением, премьера альманаха «Апрель». Об этом были извещены заранее все члены Союза пи-

сателей, висели афиши. В шестнадцать часов началась продажа выпусков альманаха. Более тысячи экземпляров мы завезли. И очень оживленно шла продажа. Писатели — авторы альманаха — давали свои автографы. В общем, должен был состояться творческий вечер движения под названием «Открытый микрофон «Апреля». Кстати сказать, мы не первый раз проводили «Открытый микрофон «Апреля», и все было гладко, и, более того, так сказать, все эти вечера проходили в хорошей творческой атмосфере, с хорошим настроением. И были подлинными литературными праздниками. Хотя, например, трудно сказать, что это был праздник, когда мы проводили вечер памяти академика Сахарова, кстати сказать, первый после его смерти.

И вот восемнадцатого января должен был состояться очередная «Открытый микрофон «Апреля». К сожалению, это не получилось, потому что вечер был сорван группой хулиганов, которая неизвестным образом просочилась в зал и устроила там свой дебош. Какие еще есть вопросы?

Председ. Пожалуйста, товарищ прокурор ваши вопросы.

Прокурор Колесникова. Скажите, пожалуйста, вы начали с того, что сказали: везде были афиши развешены. Вы лично видели, где были афиши?

Злобин. Видите ли, Центральный Дом литераторов — вообще это закрытый клуб. В него входят только по членским карточкам Союза писателей. Афиши висели в двух местах — в фойе с улицы Герцена и в фойе, то есть с выхода на улицу Воровского. С двух сторон висели афиши.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот вы говорили в фойе, с двух улиц, если входить. Это внутри здания или можно было с улицы проходящим гражданам посторонним прочитать и знать, что будет заседание «Апреля»?

Злобин. Только внутри здания висели.

Прокурор. Только внутри здания можно было увидеть содержание этих афиш? Да?

Злобин. Да.

Прокурор. Скажите пожалуйста, на какое время назначалось собрание?

Злобин. Ну я уже сказал, что там было много мероприятий с шестнадцати часов. В афише было сказано, что продажа альманаха начнется в семнадцать, а в семнадцать тридцать встреча с авторами альманаха, и в восемнадцать

тридцать по-моему, если я не ошибаюсь, начиналась собственно премьеры этой книги в большом зале.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, к которому часу вы подошли?

Злобин. Я отвечал за этот вечер. Я подошел часа в четыре.

Прокурор. С какой улицы вы подходили? Ведь там несколько улиц сразу?

Злобин. С улицы Герцена.

Прокурор. С улицы Герцена. Скажите, пожалуйста, что-нибудь необычное заметили? Может быть, скопление людей, может быть, машины, может быть, что-то другое вокруг здания Центрального Дома литераторов?

Злобин. Когда я подходил к Центральному Дому литераторов, то ничего необычного не заметил, потому что было еще сравнительно рано и до вечера оставалось два с лишним часа. Но уже так часов с пяти наблюдался некоторый ажиотаж. Но это в общем не произвело на нас, так сказать, тревожного впечатления, потому что очень часто в Центральном Доме литераторов бывает ажиотаж по поводу всяких там кинопремьер, по поводу книг, которые имеют большой успех. Иногда в Центральный Дом литераторов заранее вызываются наряды милиции, чтобы как-то оградить подходы. Даже ставится иногда решетка. Но в этот день ничего такого не было. Даже если наблюдался некоторый ажиотаж, то он был в общем-то в норме.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот с шестнадцати часов, как вы пришли, и до открытия собрания, где вы находились — в зале или в фойе? Там были, или где?

Злобин. Трудно сказать. Я все время перемещался по Центральному Дому литераторов, потому что я отвечал за этот вечер и среди председательствующих на нем была моя фамилия указана в афише. Я ходил за сцену, проверял, как там, я стоял у контролера, потому что мы пригласили многих представителей прессы, я лично пригласил некоторых своих знакомых и помогал им пройти, потому что все-таки там стояли контролеры, которые не всех пускали. Но если я говорю, что этот человек может пройти, его пропускали.

Прокурор. Значит, вы сами лично видели, что вход был по пропускам?

Злобин. Ну, видите ли, это нельзя сказать: по пропускам, понимаете. Скорее это были пригласительные билеты.

Прокурор. То есть, если человек не имел ни пропуска, ни пригласительного билета, пройти он просто не мог, да?

Злобин. В принципе пройти не мог. Он должен был как-то просочиться.

Прокурор. А каким образом это можно было сделать?

Злобин. Видите ли, я, например, когда был гораздо помоложе, мог просочиться даже в Большой театр, понимаете? Не имея никакого билета. Это уж, так сказать, дело техники.

Прокурор. Значит, объяснить, каким образом могли попасть посторонние люди, вы не можете?

Злобин. Нет, я могу. Как Солженицын просочился на похороны Твардовского. У нас есть подземный ход с улицы Воровского, из большого Союза писателей есть подземный ход, по которому можно пройти. И с особняка на улице Воровского попадают в клуб писателей, в столовую, в буфет. По нему очень легко можно пройти. В Центральный Дом литераторов, по-моему, четыре или пять дверей ведут, через любую из этих дверей можно попасть.

Прокурор. Понятно. То есть контролеры не у каждой двери, да?

Злобин. Не понял?

Прокурор. Контролеры, пропускающие в зал, не у каждой двери?

Злобин. Два контролера, две женщины. Они стояли на улице Герцена и проверяли пригласительные билеты, и, значит, у нас еще есть клубные карточки «Апреля», по этим карточкам тоже пускали на этот вечер, потому что это уже члены нашего движения, и они могли пройти.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот когда собрание должно было начинаться, вы в это время, это в восемнадцать тридцать, да, вы сказали?

Злобин. По-моему, в восемнадцать тридцать, да.

Прокурор. В это время вы где были, в зале?

Злобин. Я говорю, что я все время перемещался. Но вот уже после шести часов поступили тревожные сведения: поскольку я отвечал за проведение этого вечера, ко мне вольно или невольно сходилась вся эта информация, и стали поступать сведения, что в зале много посторонних людей, в частности, моя жена, которая в панике прибежала выпить чашечку кофе и сказала, что кто-то шел по залу и говорил, что «жидами пахнет, жидями пахнет». И мы почувствовали какую-то напряженность, тревожную атмосферу в зале. Тог-

да я обратился к членам Совета «Апреля», мы вышли целиком всем Советом на сцену с тем, чтобы открыть этот вечер. И действительно, мы вышли на сцену, шесть или семь человек. Мне казалось, что будет разница, если выйдет один человек, или мы выйдем, так сказать, группой.

Но с другой стороны, поскольку никогда за все пятьдесят лет существования Союза писателей и существования Центрального Дома литераторов ничего подобного не происходило и не могло произойти, как нам казалось, несмотря на все эти полученные тревожные сигналы, мы все-таки были спокойны и уверены, что вечер пройдет так, как и было нами задумано.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, в числе вот этих шести-семи человек, которые поднялись на сцену, были и вы?

Злобин. Я был тоже, да.

Прокурор. Кто подошел первый к микрофону? Можете сейчас вспомнить? И что было сказано, обращение вот это к залу?

Злобин. Я попросил Игоря Ильича Дуэля открыть вечер. И он это сделал. Причем заранее раздались какие-то из зала выкрики, значит, и Игорь Ильич сказал, что все, кто хочет выступить, могут выступить потом, но давайте, так он сказал, придерживаясь общепринятого порядка, и слово было предоставлено Костюковскому.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, если помните, что сказал, обращаясь к залу, Костюковский?

Злобин. Я повторил то, что он сказал, спустя месяца полтора, в том же зале, в тот же микрофон, когда мы все-таки провели премьеру нашего альманаха «Апрель». Я сказал: сейчас я скажу два слова, и мы сразу узнаем, на каком мы свете. Я сказал: «Дорогие друзья...» И зал никак не реагировал. Потому что тогда, 18 января, на слова «Дорогие друзья», сказанные Костюковским, зал реагировал довольно бурно, и одна из реакций заключалась в том, что кто-то крикнул, что твои друзья живут в Израиле.

Прокурор. Кто это крикнул, вы можете сказать? Вы знаете? Или просто из зала?

Злобин. Мне трудно, хотя я и в очках, но зрение у меня ослабленное, я с искусственным хрусталиком живу, потом вы, очевидно, заметили, что у меня и слух плохой, я контужен на фронте. И даже вот иногда вас переспрашиваю. Так что я тут не могу ручаться за зрительную или слуховую

достоверность, но память, тем не менее, у меня хорошая, я еще не жаловался.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот после этих слов: «Твои друзья в Израиле», — еще кто-нибудь в микрофон говорил со сцены?

Злобин. Мне трудно ответить на этот вопрос. Тут уже дальнейшие события как-то смешались, во всяком случае, в моей памяти. Я помню, что выходила Наталья Иванова к микрофону. Она из зала вышла.

Прокурор. Можете сейчас вспомнить хотя бы примерно, что было сказано Натальей Ивановой в микрофон, обращение к залу?

Злобин. Наталья Иванова обращалась к залу с увещаниями вести себя прилично.

Прокурор. Вы слышали ее слова?

Злобин. Она просила апрелевцев выйти из зала.

Странное дело: во мне созрел протест. Мне казалось, что прокурор Колесникова явно недоброжелательна ко мне. Задает тенденциозные вопросы, переспрашивает, сомневается в правомочности моих действий в тот вечер — за что она так со мной?

Зачем она меня гнетет? Ну скажите, какое имеет значение: сказала Наталья Иванова про фашистов или не сказала?

Тем не менее внешне все обстояло пристойно. Я отвечал вполне законопослушно, вопросы следуют один за другим, звуковая дорожка стелется вослед.

То и дело возникает желание подправить стенограмму. Но я твердо решил — никакой правки, кроме самой малости, когда при переходе звука в слово совершаются фонетические утраты. Ведь фонограмма не фиксирует знаков препинания: достаточно поставить в нужном месте точку, отбить запятую, и слова заиграют по-новому. Убрал (не везде!) слова-паразиты: «ну вот, значит, тут»...

Пусть все останется так, как оно прозвучало в зале. И сейчас я пишу не примечания к стенограмме. Что я говорил — зафиксировано четко в стенограмме. А вот что я чувствовал и думал в это время, стоя в центре зала, как бы на подиуме, под перекрестным огнем вопросов, идущих со всех сторон...

А еще я скажу о том, о чем по той или иной причине не сказал в тот день в зале.

Прокурор. Вот дословно, вы сейчас говорите, вспомнить не можете, а по смыслу, произносила ли она такие слова: фашисты, русские фашисты в зале?

Злобин. Я этого не помню.

Прокурор. Вы этого не помните. Скажите, пожалуйста, вот после того, как появилась на сцене Наталья Иванова, собрание начали, или оно не было начато?

Злобин. Нет, собрание в сущности не было начато, то есть произнес десять-двадцать слов Игорь Дуэль, кстати говоря, есть же фонограмма этих слов, зачем же сейчас заниматься, когда существует фонограмма?

Прокурор. Идет гласный процесс, в соответствии с законом, все протоколируется, все слышим, все видим в зале, публично.

Злобин. Я понимаю. Где-то изнасиловали женщину, десять человек участвовали, потом начинается выяснение, кто держал правую ногу, кто держал левую, и так далее. И вывод: конкретного виновника нет.

Прокурор. В обязательном порядке мы выясняем.

Злобин. Понимаю, но это очень схоластично.

Председ. Одну минуточку, прокурор и свидетель, мы предлагаем вам конкретнее задавать вопросы, а вам, свидетель, если будет задан вопрос, и он не отведен, на него отвечать, не следует вступать в какие-либо рассуждения. Пожалуйста.

Увы, я дал подписку говорить правду — и только правду. Я свободен — но только в пределах свободы ответа.

А если я сам хочу задать вопрос?..

Прокурор. Вот после того, как Дуэль сказал несколько слов в микрофон, что было дальше? Вы продолжали оставаться на сцене, или вы в зале потом были? Где? Что вы видели дальше?

Злобин. Я могу дать только общую картину не в ее последовательности. Первым, я повторяю, несколько фраз сказал Игорь Дуэль, потом выступил Костюковский, которого тут же перебили. Наталья Иванова попробовала образумить зал, и на этом все. Собственно говоря, наш торжест-

венный вечер закончился, потому что дальше началась абсолютная вакханалия. Крики из зала. Выброшены были лозунги, больше всего меня поразило, каким образом в зале появился мегафон. Это было очень странно.

МЫ ИХ НЕ ЗВАЛИ

Прокурор. Скажите, пожалуйста, в какой момент выкрики начались в мегафон: до того, как выступила Наталья Иванова, или после ее выступления, или в момент, когда она начала обращаться к залу в микрофон?

Злобин. Видите ли, если бы Наталья Иванова выступала на спокойном фоне, ее выступление не имело бы никакого смысла. На тихом, спокойном фоне вдруг из зала выбегает наша известная критикесса Наталья Иванова и начинает оскорблять присутствующих. В том-то и дело, что шум был до этого, и ее выступление было очень логичным и естественным. За мегафон я не ручаюсь, возможно, мегафон возник позже, когда уже пошел шум и крик. Потребовался мегафон, чтобы перекричать этот шум.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, а кто держал в руках мегафон? Вы помните человека?

Злобин. Я помню этого человека, он сидел так ряду в восемнадцатом, с правой стороны, если со сцены смотреть — семнадцатый-восемнадцатый ряд. С правой стороны у входа.

Прокурор. На скамье подсудимых — это одно и то же лицо?

Злобин. Да, это тот человек.

Прокурор. Сейчас подсудимый. Осташвили его фамилия. Скажите, пожалуйста, вот Осташвили в мегафон какие слова говорил? Вы помните? Хотя бы по смыслу.

Злобин. Я не могу ручаться за достоверность, потому что все вокруг смешалось, вы понимаете, и пошла какофония. Мы пытались со сцены урезонить, пытались каким-то образом призвать людей к порядку, но это было уже бессмысленно.

Прокурор. Значит, я правильно поняла, ни одного слова, даже примерно, что говорил Осташвили в мегафон, вы воспроизвести не можете?

Злобин. В том заявлении, которое мы подавали прокурору города, эти слова были указаны, написаны, они при-

существуют в деле, я сейчас просто не хочу исказить стенограмму, чтобы это было недостоверно. Мы также подали в заявлении и те вырезки из печатных органов, которые по горячим следам писали об этом событии. Там как раз все это очень точно и дословно, давайте посмотрим.

Прокурор. Я задаю вам вопрос — только то, что вы сами видели, слышали, помните.

Злобин. Прошло уже восемь месяцев, и мне уже трудно вспомнить, хотя вот эти слова, да, конечно, помню: «Сегодня мы пришли с плакатами, а завтра придем с автоматами», «Убирайтесь вон в Израиль!» Против Александра Яковлева был плакат. Это я, конечно, помню, но поскольку я пятьдесят лет работаю со словом и очень ценю вес слова, поэтому мне не хотелось бы быть неточным.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот эти слова: «Сегодня пришли с плакатами, завтра придем с автоматами» и «Убирайтесь в Израиль!» — кто произносил: Осташвили в мегафон или кто-то из зала? Как вы помните?

Злобин. Ведь если человек держит в руках мегафон, то естественно, что он в него что-то произносит, понимаете? Ведь берут в руки не для того, чтобы молчать. И, конечно, поток наиболее активной брани излучался именно из этого мегафона. Но я повторяю, что я не беру на себя смелость точно формулировать эти слова, мне даже неприятно это делать.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, видели ли вы в зале, чтобы происходили драки?

Злобин. Потасовки были, кого-то отталкивали, волокли сквозь ряды. Кто-то размахивал руками. Больше всего меня поразила фигура милиционера, который стоял рядом с Осташвили и как бы охранял его. Причем это на фотографиях, которые имеются в деле, запечатлено. Когда я указал следователю Слинько на эти фотографии, он сказал мне: это же неподвижное изображение, это же значит, милиционер вот в следующую секунду схватит его, но этой следующей секунды не произошло. И таким образом четко зафиксирована поза Осташвили и поза милиционера, охраняющего этот мегафон.

Прокурор. Вот вы говорите: видели потасовки, можете сейчас сказать, между кем эти потасовки происходили?

Злобин. Ну, чтобы вам было понятно — между ихними и нашими.

Прокурор. Ну, я там не присутствовала, поэтому не знаю, где ихние, где ваши, если можете, объясните.

Злобин. Я еще раз повторяю, у меня ослабленное зрение, ослабленный слух, я не хочу быть источником неточной информации. Я говорю только те слова, которые справедливы на сто процентов. Если у меня только семьдесят процентов, а тридцать процентов сомнения, я предпочитаю такие слова не произносить.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вот на сцене вы находились до того момента, пока они освободили полностью зал от всех присутствующих, или вы раньше ушли со сцены?

Злобин. Я все время находился на сцене, хотя в этот момент уже никакого порядка не было. На сцене группа членов Совета «Апрель». Мы пытались успокоить зал. Но это было уже бесполезно, потому что они возбуждались от собственного крика. Потому что они поняли, что этот крик был безнаказанным и что вот тот редкий случай, когда можно делать все, что хочешь.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, видели ли вы, что кто-нибудь к Осташвили пытался подойти, вот из числа присутствующих, может быть, кто-то из писателей, которых вы знаете?

Злобин. Я этого не видел. Все-таки это далеко.

Мы существуем в регламенте. Прошло 8 месяцев после погрома, устроенного Осташвили и его дружками, которые вскоре предадут и его самого. И прошло 46 лет с той далекой осени в городе Тарту, где в 1944 году держала бой наша дивизия.

Зал бесновался и гудел, как испорченный улей. Стоя на сцене, я вдруг ощутил всей спиной холод позади себя. За спиной не было ничего, кроме холода.

17 сентября 1944 года. Немцы пошли в атаку, чтобы отбить у нас Тарту. Немецкие цепи шли открыто — в три ряда. Их было очень много, и шли они резво. Фигурки быстро приближались, я наблюдал за ними в бинокль. Каких-нибудь 800 метров. Еще три-четыре минуты, и они дойдут до меня. Они уже начинали постреливать и кричать, возбуждаясь от собственного крика. Но я-то знал, как трудно бывает на войне пройти и двести, и сто, и даже десять метров. Я раз-

глядывал их в бинокль, спокойно и деловито рассчитывая расстояние до цели.

И не было холода за моей спиной. Потому что за моей спиной была родина. Она стояла там крепко и вечно.

И вот я на сцене в своем родном клубе. Зал беснуется и гогочет. И нет державы за моей спиной. За спиной моей холод. А держава стоит за спиной тех, которые беснуются там внизу, в рядах. Оттого они так уверены в себе. Оттого они такие бесноватые.

Вот где собака зарыта. Впрочем, какое дело суду до моих эмоций.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, кто-нибудь вам потом жаловался, рассказывал, что его там побили, обидели, оскорбили, или такого разговора не было?

Злобин. Точно зафиксирован эпизод с писателем Анатолием Курчаткиным. Когда зал был очищен, мы собрались в комнате за сценой. Анатолий Курчаткин прибежал возбужденный и не только возбужденный, скорее потрясенный. У него разбили очки и было поражено лицо. И вот этот человек был явно пострадавшим. Потом отказался и взял свое заявление обратно. Я его понимаю.

Прокурор. Вот этот момент вы сами лично видели, когда находились за кулисами?

Злобин. Да. Курчаткин пришел за сцену, да, это я видел: и очки и царапины на лице.

Прокурор. Он не рассказывал, кто это сделал?

Злобин. Откуда он знает, кто это сделал?

Прокурор. Значит, он не мог объяснить, кто это сделал?

Злобин. Это люди, которые устроили дебош. Они пришли к нам в Дом литераторов в первый раз. Мы их никогда раньше не видели и не знали, было бы лучше, если бы это незнакомство продолжалось и дальше.

Прокурор. Скажите, пожалуйста, вы можете сказать, если можете, то, пожалуйста, кто выводил человека с мегафоном, Осташвили, из зала.

Злобин. Его никто не выводил.

Прокурор. Сам он ушел?

Злобин. Я не видел, но рассказывали, что его отпустили и даже посадили в машину. Но выводить его никто не выводил. Милиционеры потом оправдывались, что их было

мало и поэтому они не предпринимали никаких шагов, но когда Евтушенко по телефону сказал, что он позвонит Бакаину, то наряд милиции прибыл. Но это было уже через час после того, как все началось.

Прокурор. У меня нет больше вопросов.

Председ. Пожалуйста, ваши вопросы.

Общественный обвинитель Макаров: У меня нет вопросов.

Председ. У вас, товарищ адвокат?

Сапегина. Анатолий Павлович, вы сказали: до 18 ряда от сцены довольно далеко. На ваш взгляд, если в метрах выразить, то какое это расстояние, ну примерно?

Злобин. Ну мне трудно сказать, это конец зала, у нас в зале всего девятнадцать рядов. Значит, это был предпоследний или, быть может, семнадцатый ряд, метров пятнадцать.

Сапегина. Метров пятнадцать, да? Со сцены вообще хорошо было видно это место? Вот где стоял Осташвили, меня интересует человек с мегафоном, хорошо было видно это место?

Злобин. Ну я еще раз говорю, у меня...

Сапегина. Понятно, тогда все. Спасибо, у меня нет больше вопросов.

Злобин. Человека с мегафоном я видел явственно, потому что в первую очередь это был мегафон, он бросался в глаза, больше чем сам человек.

Сапегина. А вот скажите, вы не обратили внимание, как он держал этот мегафон, в какую сторону? В какой руке, может быть? Не можете?

Злобин. Я могу совершенно определенно сказать, что мегафон совершенно определенно находился в рабочем положении.

Сапегина. В рабочем положении. То есть, что он работал, это понятно, а как он его держал, вы не можете сказать?

Злобин. Я же не знаю, может быть, он левша, может быть, правша, я говорю, мегафон находился в рабочем положении, это абсолютно точно.

Сапегина. Спасибо.

Судья. Объявляется перерыв на 15—20 минут.

Ну, думаю, наконец-то я передохну. Не тут-то было. Едва присел на скамейку, подбегает наша активистка АА. Кидается на меня с упреком:

— Как тебе не стыдно. Ты совсем не то говоришь.

Вот те на! Я-то считал, что надо говорить правду — и что у правды есть единственный способ выражения. Я же подписку дал!

И вдруг оказывается — говорю совсем не то: про Наталью Иванову не помню, запутался с дверьми — это же крайне важно, меняется вся версия.

Наука имеет много гитик — была такая детская игра.

Правда имеет много версий — это уже игра для нас, для взрослых. Ах, с каким упоением мы играем в эти игры!

Перестаньте угнетать меня своими мышинными вопросами.

После перерыва. Вопросы со всех сторон.

Председательствующий. Защитник Побезинский.

Побезинский. Ваша национальность?

Председ... Отводится вопрос. Следующий.

Побезинский. Во время конфликта в ЦДЛ ваша национальная честь и достоинство были задеты?

Злобин. Да.

Побезинский. Вы можете уточнить: какой национальности ваша честь и достоинство были задеты?

Председ... Отводится вопрос. Следующий.

Злобин. Я не понял ваш вопрос.

Судья. Отведен вопрос. Свидетель, когда судебная коллегия отводит вопрос, вам на него не следует отвечать. Пожалуйста, следующий вопрос.

Побезинский. Во время конфликта в ЦДЛ у вас лично к какому народу появилась национальная вражда?

Злобин. Я вообще считаю, что вражда к любому народу — это есть противоестественное состояние человека, поэтому ни к какому народу вражды у меня не появилось.

Судья. Пожалуйста, следующий вопрос.

Побезинский. Во время конфликта в ЦДЛ было ли унижено ваше личное достоинство?

Злобин. Было унижено мое человеческое достоинство.

Побезинский. Человеческое, да?

Злобин. Если вам этого мало...

Побезинский. Какими у вас во время конфликта личными действиями выразилось переживаемое вами унижение вот этого личного достоинства? Человеческого.

Председ... Судебная коллегия отводит этот вопрос.

Побезинский. Как не относящийся к делу, да?

Председ. Более подробно можете конкретизировать, более понятно, пожалуйста.

Побезинский. Тогда я хочу уточнить, какие с вашей стороны были действия, которые возникли в результате того, что вы переживали в этот момент личное унижение вашего достоинства? Как-то вы проявили то, что вы в данный момент были унижены? Словами, разговорами со своими товарищами, которые были на сцене, или еще что-то?

Злобин. Для этого были обращения со сцены.

Побезинский. Вы лично обращались?

Злобин. Я лично обращался тоже.

Побезинский. Какими словами?

Злобин. Призывом к спокойствию.

(Вот видите, как быстро все кончилось. Наша взаимная симпатия иссякла, не успев возникнуть.)

Побезинский. К спокойствию, то есть вы попросили...

Председ. Секундочку...

Побезинский. Во время конфликта в ЦДЛ вы контролировали свои действия?

Председ. Отводится вопрос.

Побезинский. Были ли вы возбуждены во время конфликта?

Злобин. Нет, я фронтовик.

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос, мы услышали ваш ответ.

Побезинский. В момент конфликта вы слышали со сцены или же в зале звучавшие оскорбления в адрес русского народа?

Злобин. Нет, не слышал.

Побезинский. Являетесь вы членом какой-либо еврейской культурной или общественной организации?

Председ. Отводится вопрос, следующий.

Побезинский. В обвинительном заключении написано, что в зале ЦДЛ были представители сионистской организации «Иргун Циони». Кого-нибудь вы знаете из этих представителей?

Злобин. Нет.

Побезинский. А какие-либо другие представители, других еврейских культурных организаций, общественных были?

Злобин. Не знаю.

Побезинский. Вы можете дать свою оценку количеству людей, которые группировались вокруг Осташвили?

Злобин. Я думаю, от шестидесяти до восьмидесяти человек, и я хочу сказать, что, конечно, они пришли в зал организованно. Потому что я много раз лично организовывал наши собрания — «Микрофон «Апреля» и другие, — я знаю, как трудно собрать людей. К примеру, чтобы провести этот вечер, мы две недели висели на телефонах, писали письма, приглашения. И вдруг каким-то неведомым путем в зале появились от шестидесяти до восьмидесяти погромщиков, конечно, среди них была организация более четкая.

Председ. Свидетель, вам был задан вопрос. Именно вокруг Осташвили?

Побезинский. Да, именно! Во время конфликта. Уточняя.

Злобин. В зале, я имею в виду в зале.

Побезинский. А в момент конфликта — вокруг Осташвили, вокруг человека с мегафоном? Сколько приблизительно человек находилось?

Злобин. Человек двенадцать-пятнадцать.

Побезинский. Вы не можете ответить на следующий вопрос: как они были одеты?

Злобин. Не могу.

Побезинский. Не можете. Тогда я хочу задать следующий вопрос. Когда вы ходили по ЦДЛ до начала собрания, вы видели каких-нибудь людей, которые бы были одеты в какую-нибудь форму?

Злобин. Я по фойе мало ходил, потому что находился или в комнате за сценой, в комнате президиума, или на сцене за закрытым занавесом, или у входа в ЦДЛ, где мы собирались группой и пропускали членов «Апреля». А в зал я непосредственно до начала не заходил.

Побезинский. Вот у входа, гражданин свидетель, вот у входа, я как раз хочу спросить, в вестибюле, вот на лестнице во время того перехода как чтобы пройти через служебный вход на сцену, вы здесь где-нибудь видели людей, одетых в форму?

Злобин. Я видел молодых людей, но нам сказали, что в этот же день в Центральном Доме литераторов проводится вечер детской книги, и молодые читатели пришли на этот вечер. Людей, одетых в форму, я не видел.

Побезинский. Вы показали сейчас в судебном засе-

дании, что вот к этому вечеру были две афиши, и одна висела с улицы Герцена, другая — с улицы Воровского. Я хочу спросить вас, гражданин свидетель, вот вход с улицы Воровского, как нам давали показания другие свидетели, вроде бы в валютный ресторан? Так понимаю, да? Основное значение этого входа — валютный ресторан?

Злобин. У нас в Центральном Доме литераторов нет валютного ресторана, у вас неправильные сведения. Есть просто ресторан для писателей, и в ресторан можно войти как с улицы Герцена, так и с улицы Воровского. Потому что это сквозной проход через дом.

Побезинский. Это сквозной проход, я хочу выяснить: это сквозной проход с улицы Воровского прямо в здание ЦДЛ на улице Герцена?

Злобин. На улице Воровского находится старое здание ЦДЛ, построенное в начале прошлого века, а с улицы Герцена находится новое здание ЦДЛ, построенное в шестидесятые годы. Здания соединены проходом. Проход является сквозным, поэтому я и говорю, что легко можно пройти в ЦДЛ, минуя контроль.

Побезинский. Гражданин свидетель, а как вы думаете? Посетители этого ресторана могли видеть эту афишу на улице Воровского? На этом входе.

Председ. Отводится вопрос.

Побезинский. В другой форме: вы видели кого-нибудь из людей, которые останавливались около этой афиши на входе около улицы Воровского?

Злобин. Я не видел этих людей.

Побезинский. Сами вы останавливались около этой афиши? Вы ее видели?

Злобин. Я не видел этих людей, потому что я сам не читал.

Побезинский. То есть вы только знаете об этой афише, а не читали?

Злобин. Можно сказать и так, если не считать того, что именно мы давали распоряжение повесить такое объявление и сами его составляли.

Побезинский. Вы давали распоряжение. Вы лично давали распоряжение повесить объявление, или кто-то еще?

Злобин. Ну наш совет «Апреля». В том числе и я. Да.

Побезинский. Вот в обвинительном заключении сказано, что люди, которые находились в этом большом зале,

испытывали вспышки национальной неприязни к присутствующим. Вы лично испытали эту вспышку?

Злобин. Я уже отвечал на этот вопрос.

Судья. Он отвечал.

Побезинский. Нет, вопрос у меня звучал совершенно по-другому.

Судья. Пожалуйста.

Побезинский. Я спрашиваю, ощутил ли гражданин свидетель вспышку национальной неприязни к кому-либо из присутствующих?

Злобин. Мне шестьдесят семь лет, я не помню случая, чтобы я когда-нибудь в жизни ощущал какую-либо вспышку национальной неприязни к какому-либо другому существу, населяющему нашу землю.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ СВИДЕТЕЛЬ

Защитник. Но вот вы упомянули здесь, что вы фронтовик. Были на фронте, возможно, убивали немцев. Разве вы не испытывали по отношению к ним чувства национальной неприязни?

Злобин. Да, я был на фронте, убивал врагов. Но не немцев я убивал, а фашистов.

Диалог остался непроизнесенным — и слава богу. Формально я был прав.

А на самом деле?

Февраль 1945 года. Восточная Пруссия. Мы наступаем, приближаемся к Эльбингу. В штаб полка доставили пленного немца — белобрысого замухрышку 19 лет. Мы вполне миролюбиво снимали допрос. Немец сначала трясся от страха, потом успокоился. И вдруг из соседней комнаты вышел майор Казанин. Стремительно подошел к немцу и ударил его рукоятью пистолета в лицо. Немец вскрикнул и упал.

Вот что выяснилось. Два часа назад этот немец был кукушкой. Сидел на дереве и стрелял из снайперской винтовки. Смертельно ранил нашего любимого командира батареи капитана Пушко. Комбата Пушко увезли в медсанбат, он без сознания.

Ситуация по-фронтовому проста. Майор Казанин отдал

приказ, я взял трех автоматчиков. Мы повели немца на расстрел.

Погоду я опускаю, как несущественную. Детали пейзажа нам потребуются. Это была унылая равнина с болотными кочками, покрытыми хилым снежком. От нас зависело, как далеко мы уйдем, но углубляться в эту топкую хмарь никому не хотелось.

Показались жидкие кустики, и я собрался дать команду «стой», чтобы сделать все по-хорошему.

Немец покорно шагал впереди. Он уже понял, что его ждет.

Однако жидкие кустики, торчащие впереди, и его взбодрили. Он внезапно пригнулся и пустился наутек, не оглядываясь.

Я дал солдатам знак, чтобы они не стреляли, и поднял свой пистолет «ТТ». Две первых пули пролетели мимо, а третья уложила немца наповал — на этот хилый грязный снежок, на этом гнилом болоте. Но это была его родная земля и он лежал на ней, раскинув руки, ткнувшись носом в родную землю.

Мы убедились, что он мертв, и пошли назад, к теплomu сараю, где располагался штаб. Там уже стоял грузовик с трофейным шнапсом...

Нет, я не переживал, не испытывал чувства раскаяния — ни тогда, ни после. Но вот возникает вопрос, на который я до сих пор не знаю ответа: кого я убил — фашиста или немца?

«Смерть немецким оккупантам!» — с этим лозунгом мы воевали. Все было предельно ясно. Под Пултуском мы вошли в прорыв, а перед этим полтора часа крошили немецкий передний край своей артиллерией. Я прошел мимо развороченного блиндажа с трупами немцев — и равнодушно отвернулся. Возможно, и моя мина угодила в этот блиндаж, кто знает.

А тот белобрысый немец — какой из него фашист? Его задурили, обработали, дали в руки винтовку — иди стреляй. Но ведь и меня точно так же задурили и обработали. Раскрепощение сознания будет долгим и тяжким.

Я не ухожу от ответа. Просто он очень сложен, этот ответ. В сущности, мы только теперь начинаем задавать себе такие вопросы.

Но правильно ли я сделал, что промолчал? За это получаю благодарность — но от кого?

Злобин. Евтушенко опоздал на этот вечер, он числился в списке председательствующих. Но он опоздал и предупредил, что задерживается и поэтому прибыл уже тогда, когда зал был очищен и погром был в общем-то закончен.

Побезинский. То есть Евтушенко появился в этой комнате за сценой уже когда зал был очищен, я так вас правильно понял?

Злобин. Да, но тем не менее он принял активное участие. Он сразу позвонил в милицию и вскоре приехал наряд.

Побезинский. Гражданин свидетель, вы можете пояснить, зал кем был очищен, если потом появился Евтушенко, потом только позвонил, потом только прибыл наряд. Вы сказали, что до появления Евтушенко зал был очищен? Кто присутствовал в это время?

Злобин. Мы обратились к присутствующим, потому что погромщики ни в коем случае не собирались покидать этот зал, и тогда мы обратились к присутствующим членам Союза писателей и членам «Апреля» с просьбой оставить зал. Ну и погромщики остались сами с собой. Очевидно, вступать в погром между собой не входило в их намерения, и, когда они остались одни, они поневоле вынуждены были уйти.

Побезинский. То есть их никто не выводил, то есть они сами пошли за писателями, которые покинули зал. И они тоже покинули зал. Вы это видели со сцены?

Злобин. Тут я затрудняюсь, потому что я уже мог не видеть зал, мог находиться в комнате президиума, где мы горячо обсуждали совершившееся событие. Все-таки наряд, по-моему, прибыл и их начали выводить.

Побезинский. Значит, вы находились в комнате президиума, да?

Председ. Мы правильно вас поняли?

Злобин. Да.

Председ. Пожалуйста.

Побезинский. Гражданин свидетель, я хотел задать вопросы теперь вот о чем. Ваше собрание все-таки состоялось? Каким образом?

Злобин. В фойе есть лесенка, которая ведет именно в комнату президиума и за сцену. Присутствующие проходили по этой лесенке и через сцену и уже потом спускались в зал.

Побезинский. А двери в зал были закрыты в это время?

Злобин. Двери в зал были закрыты, потому что все-таки люди хотели собраться...

Председ. Мы поняли ваш ответ.

Побезинский. Примерно сколько людей, вы можете оценить, осталось на эту вторую часть?

Злобин. Гораздо меньше, чем было вначале, — человек пятьдесят.

Побезинский. Виталий Коротич, главный редактор «Огонька». Он обращался к присутствующим с какими-нибудь воззваниями, пожеланиями, просьбами?

Злобин. Ну чем занимается писатель? Писатель пишет. Мы написали декларацию о недопустимости разжигания национальной розни, против расизма.

Председ. Вам задан конкретный вопрос.

Побезинский. Именно: Виталий Коротич с какими-нибудь предложениями обращался к присутствующим?

Злобин. Я помню, что он выступал.

Побезинский. Выступал, но что конкретно, вы не помните?

Злобин. Нет.

Побезинский. Кто сидел на сцене, ну как бы в президиуме, хотя нам объясняли, что во второй части президиума не было, просто за этим журнальным столиком, на сцене, кто во второй части сидел?

Злобин. Сидели те же люди, которые вышли и вначале, которые собирались вести этот вечер. Костюковский, Дуэль, Соколов, Евтушенко, Гайдар.

Побезинский. Как голосовали за декларацию против расизма, которая принималась в этой второй части?

Злобин. Ее зачитали просто и решили принять.

Побезинский. Кто зачитал ее, не помните?

Злобин. По-моему, Евтушенко.

Побезинский. Когда вы ушли из ЦДЛ?

Злобин. После десяти часов вечера.

Побезинский. После вас кто-то оставался?

Злобин. Нет, все разошлись.

Побезинский. После десяти где-то, да?

Злобин. Да.

Побезинский. Но уже было, я просто хочу уточ-

нить, после десяти это имеется в виду пол-одинадцатого или там ближе к одинадцати?

Председ. Ответил свидетель: после десяти. Пожалуйста.

Побезинский. Все у меня вопросы.

Председ. Пожалуйста.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, свидетель, вы, как человек, отвечающий за данное собрание восемнадцатого января, помните ли вы, кто составил текст этих двух объявлений?

Злобин. Этот текст составил я. На Совете он был зачитан, и принят, и передан художникам.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, что в тексте афиши или объявления содержалось по поводу входа?

Злобин. Думаю, что ничего не содержалось. Это у нас порядок обычный, и мы никакой иной регламентации на этот вечер не вносили.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, свидетель, формула «Открытый микрофон» — вот в эти два слова, понятия, вкладывается какой-то иной смысл, кроме «Открытый микрофон», то есть доступный для всех? Я так понимаю.

Злобин. Надо учитывать, что открытый микрофон находится не на Манежной площади, а в Центральном Доме литераторов, куда вход регламентируется обычным порядком в течение многих лет.

Голубцов. Понятно, а если в этой афише стоят слова «Вход свободный» в сочетании с «Открытым микрофоном»? Тогда как?

Злобин. Таких слов не могло быть.

Голубцов. Вы так считаете? Хорошо. Спасибо. Будьте добры, вспомните, пожалуйста, все-таки, какие конкретные вопросы ставились на этот вечер? Я не буду называть «повестка дня» — это возмутило одного из членов «Апреля», поэтому так.

Злобин. Ну повестка дня, она есть, я уже об этом говорил: продажа альманаха «Апрель»...

Голубцов. Простите, а сразу уточню. Это что, входит в канву собрания — продажа «Апреля»? Или...

Злобин. Я уже говорил, что в шестнадцать, как стояло в афише, начинается продажа альманаха «Апрель».

Голубцов. Нет, я прошу прощения.

Председ. Вы уточните.

Голубцов. Какие вопросы должны были рассматриваться, — я не имею в виду продажу — то есть, что конкретно должно рассматриваться?

Злобин. Я повторяю: продажа альманаха «Апрель», встреча с авторами и обсуждение.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, какое количество экземпляров альманаха «Апрель» Игорь Ильич Дуэль спустил, как он сказал, пользуясь своими навыками грузчика, туда вниз, в фойе?

Председ. Отводится вопрос. Пожалуйста, по существу дела. Следующий.

Голубцов. Скажите, вы не припомните, как шла продажа этого сборника «Апрель»? И где?

Злобин. Альманах «Апрель», продажа шла с большим интересом, очень оживленно.

Голубцов. Где продавался альманах?

Злобин. У входа. У стола, где девочки продавали альманах, толпилась очередь в двадцать-тридцать человек.

Голубцов. Спасибо. Скажите, пожалуйста, вы подтверждаете все показания, которые вы дали в свободном рассказе, что тысяча экземпляров альманаха «Апрель» была в тот день?

Злобин. Мы привезли тысячу, но я не знаю, сколько мы выставили на стол, потому что мы несколько пачек убрали.

Голубцов. Спасибо. Скажите, пожалуйста, вы интересовались, как ответственный устроитель вечера, о том, кто будет, ну каким-то образом будет обеспечивать порядок на собрании, конкретно, кто из членов правления «Апреля» отвечал за порядок, вы — за организацию, может быть, вы — и за порядок?

Злобин. Как правило, мы не назначаем людей, отвечающих за порядок, потому что до сих пор не было такой нужды, мы все-таки считаем, что находимся в приличном месте.

Голубцов. Прощу прощения, свидетель, но я вынужден напомнить вам ваши же слова о том, что...

Председ. Защитник Голубцов, ваш вопрос. Мы вынуждены сделать вам замечание. Мы вам делаем замечание: не нужно напоминать.

Голубцов. Пожалуйста. В чем заключается ваше замечание, уважаемый судья?

Председ. Не следует напоминать что-либо свидетелю, задавайте вопросы.

Допрос продолжался второй час; неужто я не вынесу из этого зала ничего, кроме своих ответов? Нет-нет, да и гляну вокруг.

Постепенно совсем успокоился. Вот и защитник Голубцов получил от председательствующего щелчок по носу. Этот Голубцов вообще нахрапистый парень, у него все вопросы с подвохом. Получил замечание, ничуть не смутился — тертый калач. Чувствуется, работа у него сделанная.

А вот председательствующий Муратов нравился мне все больше. Он сидит в центре — по бокам народные заседатели. Но сразу чувствуется: в этой тройке он ведущий, хотя сам Муратов ничем этого не подчеркивает. Ни одна мелочь от него не ускользает.

У нас еще будет в книге особая глава о составе суда, сейчас я хочу рассказать лишь о своих первых впечатлениях.

Слева от меня сидит Андрей Макаров, наш общественный обвинитель. Сидит свободно, почти небрежно. То листает блокнот, то принимается за газеты. Жаль, что он меня ни о чем не спросил...

Голубцов. Так вот, я не могу не напомнить его же слов, чтобы задать вопрос. Я должен напомнить свидетелю его же собственные слова, чтобы задать вопрос, что милиция присутствовала на ваших собраниях, обеспечивала порядок. Понимаете? Вот в связи с этим я хочу задать вопрос.

Председ. Мы понимаем, в связи с чем. Мы поэтому внимательно слушаем вас, ваш вопрос.

Голубцов. Спасибо. Скажите, пожалуйста, присутствовали ли наряды милиции на других мероприятиях?

Злобин. Я уже об этом говорил, вы правильно сказали.

Голубцов. Были, да? Милиция.

Злобин. В Центральном Доме литераторов довольно часто, например, во время кинофестиваля специально вызываются наряды. Но на этот вечер наряды милиции не были запланированы.

Голубцов. Понятно. И вот теперь я хочу задать вам такой вопрос: ведь кто-то эти наряды милиции, когда нужно, вызывает, правильно, из числа каких-нибудь организаторов мероприятий?

Злобин. У Центрального Дома литераторов есть ди-

ректор, как вы можете догадаться, это является его компетенцией.

Голубцов. Хорошо. Скажите, пожалуйста, что-либо вам известно о роли Соколова вот по допуску или недопуску лиц на вечер в ЦДЛ на вечер 18 января?

Злобин. Мне ничего не известно, он действовал вместе с нами.

Голубцов. Вы сами лично кого-то пропускали? Из числа своих знакомых?

Злобин. Да, которых я приглашал.

Голубцов. Сколько примерно человек?

Злобин. Примерно человек шесть пришли, мои знакомые.

Голубцов. Что вы можете сказать, или, может быть, вы были свидетелем того непосредственно, что ваши коллеги-писатели, соратники по «Апрелю» пропускали тоже своих знакомых на вахте?

Злобин. Это не исключается.

Голубцов. Нет, я просто спрашиваю: может быть, вы видели это?

Злобин. Возможно, так и было, кто-то приглашал своих знакомых. Мы стояли группой.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, что вы можете припомнить с момента образования «Апреля» как движения «Писатели за перестройку» до восемнадцатого января? Сколько было проведено мероприятий, я не знаю, как их назвать. Ну собраний, ассамблей, ну вот, мероприятий?

Злобин. Ну наше движение зародилось десятого марта тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, когда было проведено первое собрание. Писатели — в поддержку перестройки. Был избран Совет.

Председ. Одну секундочку, свидетель, вам задан вопрос: примерно сколько проведено мероприятий? Вы отвечаете, когда было первое и что был избран Совет. Мы обращаем ваше внимание и просим отвечать только на заданный вопрос. Пожалуйста.

Злобин. Я думаю, что таких общих собраний было три или четыре.

Председ. Примерно три или четыре?

Злобин. Да.

Голубцов. До восемнадцатого января, да?

Злобин. Да.

Голубцов. Спасибо. Скажите, пожалуйста, был ли принят устав, положение или какие-то другие документы, определяющие цели и задачи вашей организации, членство, порядок работы и т. д.

Злобин. Да, все это было принято, и кстати, манифест «Апреля» был опубликован в том самом первом выпуске альманаха «Апрель», который мы продавали.

Голубцов. Простите, что было принято, не скажете ли название документа?

Злобин. Манифест. Он так и назывался. Писатели — в поддержку перестройки.

Голубцов. Может быть, вы не поняли вопрос, я имею в виду тот документ, который определяет цели и задачи.

Злобин. Так вот он и есть.

Голубцов. Так он назывался?

26 ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ

Было немало споров — как должен называться этот документ, возвестивший о начале нового движения. Неужто так трудно дать название документу? Важна суть. Тем не менее слово «манифест» смущало многих. Сколько уже было таких манифестов, бесследно канувших в лету. Меня смущало также и то, что был уже Коммунистический манифест, но тогда, в начале 1989 года, рассуждать на такие темы было еще не принято.

Но было ясно — с чего-то надо начать. Встретились как-то в Центральном Доме литераторов пять человек, присели в уголочке на диван — не уверен, что я фиксирую точную историческую версию, возможно, это уже литературная версия, ибо как раз в это время в Центральном Доме литераторов появились новые супермодные диваны — сколь удобно было там посиживать и строить литературные козни.

Во всяком случае, достоверно одно — предварительных разговоров было вполне достаточно.

В самом деле — пора начинать. Однажды ко мне заехал Игорь Дуэль. И говорит:

— Давайте напишем манифест.

— Может быть, все-таки лучше — просто обращение?

— Согласен. Пусть будет обращение.

Пожалуй, самое интересное в том, что мы сели за стол

и тут же, за 30 минут, написали то, что хотели. Идеи наши были выношены, не раз обсуждались в кругу друзей — да и сложности особой в наших идеях не было.

Вот оно:

ОБРАЩЕНИЕ

Перестройка в нашей стране вступает в решающую фазу. Ее судьба сейчас во многом зависит от того, будут ли ее поддерживать делом все здоровые творческие силы нашего общества. Консолидация этих творческих сил становится одним из важнейших велений времени.

Инициативная группа писателей, основываясь на Конституции СССР, создает независимый общественный комитет «Писатели — в поддержку перестройки».

Задачи нашего комитета:

1. Демократизация и максимальная активизация литературного процесса. Содействие быстрейшему изданию новых книг, сборников, журналов.

2. Усиление влияния писательского общественного мнения во всех областях жизни. Проведение творческих дискуссий на самые приоритетные темы современности. Организация круглых столов с привлечением научной общественности и зарубежных мастеров культуры.

3. Усиление контроля писательской общественности при всех случаях нарушения норм демократии и гласности.

Членом комитета «Писатели — в поддержку перестройки» может стать каждый литератор, желающий оказать посильную помощь нашей стране в это трудное для нее время.

Более четко и развернуто наша программа будет сформулирована на организационном собрании, которое состоится в ближайшее время.

Вся работа комитета «Писатели — в поддержку перестройки» ведется на общественных началах.

О. Волков, А. Гельман, В. Дудинцев, А. Злобин, Н. Ильина, Ф. Искандер, Вл. Корнилов, Ю. Мориц, Б. Окуджава, А. Приставкин, М. Рошин, Г. Семенов, А. Стреляный, А. Стругацкий (всего двадцать шесть подписей).

Подписи собирали более месяца. Обращение-то существовало в одном экземпляре, ибо все подписи должны быть на одном листе. Созванивались, ездили по домам, встречались в клубе. Наконец посчитали — 26 подписей.

Можно заканчивать подписную кампанию.

Выходим в свет.

Вместе с Анатолием Приставкиным едем в редакцию «Огонька». Виталий Коротич был на месте. Тут же прочитал Обращение, поправил два слова — и подписал в набор.

Спустя неделю Обращение появилось в «Огоньке» — 1989, № 7.

Сейчас я сказал бы: мы написали вполне верноподданное Обращение — да у нас и в мыслях не было ничего крамольного. Но тогда случился эффект разорвавшейся бомбы: как же так? Какая-то группа объявила себя независимой — кто же будет ими руководить?

Телефон не умолкал ни на минуту. У нас появились сотни сторонников.

Появились и противники. Особенно неистовствовал листок под названием «Московский литератор». Боже, сколько брани они на нас выплеснули!.. Потом собрались на свой пленум российские писатели.

Хотел было написать: «Но это особый рассказ...» Но нет — не особый. Теперь-то четко прослеживается: именно тогда зародилась идея прямой атаки на «Апрель», вылившаяся в конце концов в акцию погрома.

Недаром адвокаты так дотошничают: кто, где, когда? А сколько вас? Есть ли списки?

Вряд ли такие вопросы можно считать наводящими.

ВОПРОСНИК СОСТАВЛЕН ЗАРАНЕЕ

Голубцов. Не подскажите, когда он был принят?

Злобин. Я думаю, на первом собрании десятого марта. Тогда мы собрались, было учреждено наше движение, тогда и был принят, проголосовали, хотя альманах не выходил долго и опубликован он был только в январе. Манифест был принят раньше — в «Литературной газете» и в «Огоньке» он был опубликован.

Голубцов. Скажите, вы как непосредственный созда-

тель этой ассоциации, что вы можете сказать, каким образом вы издали печатный орган?

Председ. Ваш вопрос мы не расслышали.

Голубцов. Ну каким образом им удалось издать печатное издание?

Председ. Отводится вопрос.

Голубцов. Ну это относится к статусу общественной организации.

Председ. Отведен данный вопрос. Следующий.

Голубцов. Скажите, пожалуйста, хотя бы в двух словах, цели и задачи вашей ассоциации?

Злобин. Не понял.

Председ. Вкратце — цели и задачи «Апреля».

Злобин. Сейчас наши цели и задачи кажутся тривиальными, а тогда, полтора года назад, это звучало достаточно свежо. «Писатели — в поддержку перестройки» объединились и создали свое движение, основой которого была независимость. Мы не хотели зависеть ни от организационных структур Союза писателей СССР, ни от организационных структур Московской организации. Это было не политическое движение, а литературное, и поэтому возникла задача создать в первую очередь независимые печатные органы — альманах «Апрель», «Апрельскую трибуну» и газету «Апрель-информ», что мы и пытались сделать.

Голубцов. Я вас понял. Скажите, пожалуйста, помните ли вам одной из целей этой организации — антифашизм?

Председ. Вопрос еще раз?

Голубцов. Одной из задач ассоциации — антифашизм, ну то есть борьба с фашизмом.

Председ. Если вы помните, ответьте.

Злобин. Я думаю, что эта, как одна из задач нашего движения, существовала всегда с самого начала.

Голубцов. Это подразумевалось или упомянуто в манифесте, кроме перестройки, так сказать, борьбы за демократию и антифашизм?

Злобин. Я не помню, надо посмотреть текст.

Голубцов. Спасибо, спасибо, мне важно, что вы не помните. А вот общеполитические задачи?

Председ. Отводится вопрос. Свидетель отвечал уже на ваш предыдущий вопрос.

Голубцов. Тогда я более точно: можно ли назвать ваше движение демократическим? Или же это движение писа-

телей-демократов? Ну вот, простите, таким заезженным термином.

Злобин. Да, действительно, термин заезженный, который сейчас практически ничего не означает. Я бы все-таки сказал, что главный наш тезис — это независимость.

Голубцов. Независимость. Правильно ли я вас, извините, понял, независимость от СП и независимость иметь свое издательство, то есть иметь право или возможность издаваться?

Злобин. Да.

Голубцов. Понял, спасибо. Скажите, пожалуйста, какое количество членов «Апреля» было на тот момент, когда вы обзванивали их, рассылали письма. И были ли у вас списки, на основании которых вы обзванивали и рассылали письма.

Злобин. Я думаю, пятьсот человек.

Голубцов. Пятьсот. Знаете ли вы писателя Коккина, два «к»: Коккин, член СП?

Злобин. Не знаю.

Голубцов. Он писатель, член «Апреля».

Злобин. Нет, не знаю.

Голубцов. На предварительном следствии вы сказали в отношении обстановки, я, так сказать, дословно не помню, но во всяком случае помню: в зале было относительно тихо, даже раздались жидкие аплодисменты. Подтверждаете вы свои эти слова?

Председ. Одну секундочку, защитник, вы просите свидетеля подтвердить свои показания, которые он давал в ходе следствия. Вы их повторяете и уточняете, что вы сами не помните, вы предлагаете свидетелю повторить то, что вы сами не поняли.

Голубцов. Нет-нет, нет. Вы ошибаетесь, извините.

Председ. Пожалуйста, тогда уточните.

Голубцов. Я просто прошу.

Председ. Я прочитаю, том пять: «Мы вышли примерно в 19.05 на сцену, в этот момент в зале было спокойно, даже раздались жиденькие аплодисменты. Дуэль открыл вечер».

Голубцов. Достаточно.

Председ. Вы подтверждаете оглашенное показание?

Злобин. Я и здесь то же самое говорил.

Председ. Пожалуйста, ваш вопрос.

Голубцов. Если подтверждаете, то нет вопроса. Ска-

жите пожалуйста, помните ли вы такой факт, что кроме вашей жены, она вот сказала, что в зале она слышала такие слова, к вам подходил писатель Рекемчук и высказывал какие-то опасения.

Злобин. Нет, не помню.

Голубцов. Не помните, ну в связи с этим я прошу опять-таки напомнить свидетелю те показания, которые он тоже давал.

Председ. Пожалуйста.

Голубцов. Это со слов: «Рекемчук и кто-то еще, не помню».

Председ. Одну минуточку. «...собрались в комнате президиума за сценой, уже в этой комнате я почувствовал, что в зале сложилась напряженная обстановка, так как Рекемчук и кто-то еще, не помню, сказал, что в зале находятся люди из «Памяти». Вы подтверждаете свои показания, которые мы огласили?»

Злобин. Это отнюдь не значит, что Рекемчук сказал это мне. Он сказал это за столом, сказал всем нам.

Председ. У-гу. Вы подтверждаете, что он это сказал, но не знаете, сказал ли это он вам конкретно. Пожалуйста.

Голубцов. Вот в связи с этим у меня такой вопрос. Припоминаете в какой форме: небрежно сказал, походя или настойчиво вас предупреждал, говорил, настаивал на каких-то мерах, все-таки вот припомните, пожалуйста.

Злобин. Ни небрежности, ни озабоченности не было. Такие слова можно произносить только с тревогой.

Голубцов. Просто он эти слова с тревогой произнес. Ну хорошо, а степень тревоги, не подскажете?

Злобин. У вас есть такой измеритель?

Голубцов. Нет, ну тут Рекемчук был...

Председ. Отводится вопрос относительно тревоги.

Голубцов. Ну, во всяком случае, сами слова Рекемчука никак не обеспокоили?

Злобин. Я уже говорил: в самом начале все были обеспокоены той ситуацией, которая сложилась.

Голубцов. Спасибо. Понятно. Скажите, пожалуйста, в зале, хотя бы из тех рядов, что примыкают непосредственно к сцене, вы не слышали взаимные оскорбления?

Злобин. Нет, не слышал.

Голубцов. А оскорбления, конкретно идущие не из ме-

гафона, я это подчеркиваю, а конкретно, вот откуда-то из ближайших рядов.

Председ. Свидетель только что ответил, что не слышал в зале оскорблений.

Голубцов. Скажите, не видели ли вы эпизод, ну потаковки, стычки, драки двух женщин прямо около сцены?

Председ. Свидетель отвечал относительно происходящего рядом со сценой и то, что он видел.

Голубцов. Я не слышал, прошу прощения.

Председ. Ответьте еще раз.

Злобин. Нет, я этого не видел.

Голубцов. Спасибо. Вот слово «погром», которое неоднократно вами употреблялось: погромщики, погром. Как вы полагаете, что оно означает? То есть с каким смыслом вы его употребляете сегодня в зале судебного заседания?

Злобин. Ну, по-моему, мы с вами русские люди, и не только говорим на одном и том же языке, но и мыслим на одном и том же языке. Слово «погром» достаточно четкое, ясное и определенное. Это когда человек приходит и начинает буйнить. Погром может быть не только на почве национальной розни, но и на семейной почве и по пьянке. Само слово «погром» — человек приходит и начинает громить, чинить разоренье...

Голубцов. То есть применять некую физическую силу.

Злобин. Давайте раскроем словарь Даля, если вам неясно.

СЛОВО ПРОСИТ ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Не уверен, что мой собеседник раскрывал когда-либо эту книгу — «Толковый словарь живаго великорусскаго языка», иначе бы он не стал дотошничать по столь очевидному поводу. Я же работаю со словом профессионально, редкий день проходит, чтобы я не раскрыл «Толковый словарь» Владимира Даля, а то и два-три раза на дню.

Вот и теперь, придя из зала суда, тут же раскрыл третий том словаря.

Итак, Владимир Даль, том III, стр. 159.

Погремел гром и затих. Нет, издали погремливает еще! Едем, а бубенчики погремявают, все как-то веселее...

Погромыкивать цепями, **погремявать**, **побрякивать**. **По-**

громлять, погромить ополчение, землю, разгромить, разбить влуп и опустошить, разорить.

ПогроMLEнье ср. род, **Погром** м. и **Погромка** ж. поражение, разбитие, избиение, разорение, опустошение...

Вот и получается, что мы с моим собеседником оба русские, а говорим как бы на разных языках.

Собственно, весь ход судебного разбирательства свидетельствует о нашей русской двуязычности: и тот январский погром (ну конечно же — погром!) в доме писателей, и выкрики за моей спиной во время допросов, и плакаты у здания суда, и прочие митинги и манифестации «Памяти», хоть и малочисленные, но неизменно крикливые. Не беда, что нарушены грамматические или лексические нормативы русского языка — зато громко. С ПОГРОМОМ.

Тем временем допрос продолжается. Председательствующий обращается к Голубцову:

— Свидетель ответил на ваш вопрос. Пожалуйста.

Голубцов. Прошу прощения, тогда уточните, что такое громить? Физическое это действие? Я вас так понимаю?

Председ. Судебная коллегия отводит вопрос.

Голубцов. Хорошо, правильно ли я вас понял, что в ходе погрома погромщики применяют физическое насилие или только оскорбляют кого-то.

Злобин. Оскорбления эти перемежались и физическими насилиями, о чем свидетельствует и пример с писателем Курчаткиным.

Председ. Ваш ответ понятен. Вы сказали четко и понятно.

Голубцов. Вы не помните такого момента, что в зале, когда вот этот конфликт все более и более усиливался, во всяком случае разгорался, такое возьмем слово, закрывали двери по команде со сцены? Я не имею в виду вами непосредственно, но организаторами вечера.

Злобин. Я это не помню.

Голубцов. Не помните? Не припоминаете того, свидетель, что Дуэль, как ведущий вечера, в момент обращения к собравшимся употребил какое-либо бранное слово или оскорбительное выражение?

Злобин. Он не употреблял таких слов.

Голубцов. Дуэль Игорь Ильич.

Злобин. Не употреблял.

Голубцов. Спасибо. То же самое относится к кому-либо, то есть это не обязательно члены «Апреля» или руководство «Апреля», а может быть, человек, который случайно зашел на сцену, воспользовался микрофоном, так сказать, и бранился в зале и кого-то там обзывал. Вы такого момента не помните?

Злобин. Такой момент был. Кто-то из погромщиков выскочил на сцену и начал читать стихи.

Голубцов. Нет, я прошу прощения, уважаемый свидетель. Вы писатель и знаете, что читать стихи — это не значит браниться. Я ведь спрашиваю про брань.

Злобин. Бранился и читал стихи. Да. Именно так.

Голубцов: Да я не спрашиваю про стихи.

Злобин. Стихи могут быть и бранные.

Голубцов. Вы говорите, что он бранные стихи читал?

Злобин. Я не вникал в смысл этих стихов. Но вы же задали другой вопрос, кто подходил к микрофону? Я отвечаю.

Голубцов. Понятно, вам запомнилось.

Злобин. Да, он прорвался на сцену, но подошел Соколов и отнял у него микрофон, и он остался без микрофона.

Отчетливо помню эту сцену. Соколов подошел и отнял микрофон у хулигана. Тот с готовностью отдал свой микрофон, хотя до этого держался за него обеими руками. Оба действовали слаженно, словно сговорились заранее: ты подойдешь и отнимешь микрофон, а я тебе его отдам...

Меня пронзила резкая мысль: погромщикам дали команду не вступать в физический контакт с хозяевами. Это еще не погром, это только репетиция...

Я хотел рассказать об этом эпизоде, врезавшемся в мою память — но и на этот раз промолчал.

Видимо, я действовал с интуитивным расчетом — надо же что-то оставить для будущей книги.

Голубцов. А не припоминаете, как этого человека, ну, проводили со сцены.

Злобин. Не помню. Аплодисментов не было.

Голубцов. Спасибо. Скажите, пожалуйста, вот народный депутат Юрий Афанасьев присутствовал на этом вечере?

Злобин. Не могу сказать.

Голубцов. А кого-либо из народных депутатов вы помните?

Злобин. Была Старовойтова, был Коротич. Евтушенко, больше никого не было.

Голубцов. Спасибо. Вопросов пока не имею.

Председ. Пожалуйста.

Осташвили. Скажите, свидетель, значит, вы непосредственно участвовали в написании или отдавании команды в написании афиши на этот вечер. Вот вы председатель. Кроме вас еще несколько председателей «Апреля» или вы один?

Председ. Мы не поняли ваш вопрос.

Осташвили. Вот сколько председательствующих «Апреля», один там у них председатель?

Председатель. А. Ну, пожалуйста, ответьте.

Злобин. У нас четыре сопредседателя. Анатолий Приставкин, Анатолий Злобин, Юрий Черниченко и Анатолий Стреляный.

Осташвили. Спасибо. На предшествующих — ну там два-три собрания «Апреля» — кто-нибудь из этих сопредседательствующих вел вечер, да? Вот на предшествующих этому злосчастному вечеру?

Злобин. Ну кто-то председательствовал...

Председ. Данный вопрос не имеет значения.

Осташвили. Нет, огромное, огромное.

Председ. Ну, ответьте, пожалуйста.

Осташвили. Ну вы не помните, кто вел, ну так приблизительно?

Злобин. Вечер памяти Сахарова вел Яков Костюковский. Собрание вел Игорь Дуэль. Осеннее было собрание. Первое вел Вадим Соколов.

Осташвили. Ну понятно, а вот как вы считаете, чем было вызвано, что именно в этот вечер на афише было акцентировано внимание на то, что там будет Евтушенко?

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

В стенограмме в этом месте ремарка: «конец пленки». Это означает, что звук тут же фиксируется вторым магнитофоном. Два оператора все время наготове — кончилась пленка, иссякла батарея, случилась поломка — но звук не смеет прерваться. Пауза дана лишь для того, чтобы сделать вдох,

не прерывая плавного течения процесса... процесса.. процес-са словоговения, процесса защиты справедливости, процес-са перетекания действительности в историю, процесса нака-ления страстей...

Словом, судебного процесса, продолжающегося на треть-ем этаже.

Злобин. Я думаю, это ничем не было вызвано, потому что Евтушенко тоже был к тому времени одним из сопред-седателей «Апреля» и фамилия его не выделялась шрифтом. Это была обычная афиша, не надо делать вид, что...

Осташвили. Хорошо, это можно, хотя у нас фото... Нет, нет, вот именно. Я не буду так завуалированно, как вот мои защитники, потому что я человек простой, рабочий. Я скажу так вам, по-рабочему: не было ли, на ваш взгляд, Евтушенко, вы упомянули его фамилию, никаких больше фамилий не было на этом лозунге, на этой афише как при-манка для наживки, что вот кого-то привлечь из политизи-рованных, что ли...

Председ. Свидетель ответил уже, ответил вам.

Осташвили. А мне не отвечал. Вот Евтушенко вклю-чили и акцентировали внимание не для того, чтобы при-влечь, ведь он очень одиозный, будем так в хорошем смысле слова, одиозная фигура на политической арене.

Злобин. Я не согласен с вами, что фигура Евтушенко является одиозной.

Осташвили. Известной...

Злобин. И нам нет нужды употреблять эту фамилию или какую-то другую в качестве приманки, потому что мы не испытывали недостатка посетителей на наших вечерах. Всегда люди приходили.

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос.

Осташвили. Тогда ответьте на следующий вопрос, что масса потребовалась людей на этот вечер — писателей, об-званивать и так далее, чтобы... насколько я понял, карточки подняли человек двести, не больше.

Председ. Вопрос ваш?

Осташвили. Вопрос. Какое, да, первое ваше утверж-дение, простите, и второе ваше утверждение правильно, что пришлось обзванивать, привлекать людей, зал-то на шесть-сот—семьсот, или второе, что теперь отбою нет от людей.

Злобин. Одно утверждение не противоречит другому,

потому что в любом случае должны знать, что такой вечер должен состояться, и просто нужно людей известить.

Председ. Понятно. Следующий вопрос.

Осташвили. Тогда опять же, чтобы к этому больше не возвращаться. К вам, как к председателю, согласны ли вы со мной, что есть таких три-четыре имени на нашем политическом горизонте, как Евтушенко, Коротич или такого же плана, которые всегда полный зал соберут обязательно?

Председ. Отводится вопрос.

Осташвили. Отводится.

Председ. По существу, пожалуйста.

Осташвили. Ну тогда уточним следующее ваше сообщение. Вот к вам подошла жена, приблизительно за полчаса до начала собрания. Так. Насколько я понимаю, вот я лично появился минут за пять, еще не был зал вообще заполнен, то есть в зале еще не было никого, а были в фойе, наверно, люди так за полчаса. И вдруг она вам говорит, что слышу, как какой-то человек шел и говорил: «Жидами пахнет, жидами пахнет...» Вы сами знаете, у нас много ходит сумасшедших людей по Москве. Вы не попросили ее показать этого человека, чтобы потом он не помешал вечеру. Почему вы проигнорировали ее сообщение как председатель, отвечающий... Следующий вопрос: почему вы не приняли каких-либо конкретных или действенных мер...

Злобин. Очевидно, это было не за полчаса, а минут за десять, я уже сейчас не помню точно, просто было много других обязанностей.

Осташвили. Так. Тогда следующий вопрос. Опять я просто буду, как говорится, напрямиком в лоб, и больше вопрос, как говорится, для уточнения позиций. Скажите, вот это вы проигнорировали, что появился сумасшедший, или как там, шовинист, проигнорировали, что в фойе...

Председ. Вопрос ваш отводится.

Осташвили. Вопрос следующий: почему на ряд таких вот тревожных сообщений ни вы, ни остальные сопредседательствующие...

Прокурор. Можно на пять минут перерыв? Перерыв на пять минут.

Председ. По просьбе прокурора объявляется перерыв на пять минут.

Осташвили. Ну я потом...

Председательствующий (после перерыва): Пожалуйста.

Осташвили. Так вот, я предыдущий вопрос, чтобы больше к нему не возвращаться. И то в форме вопроса. Не кажется ли вам странно, свидетель, что на все тревожные сигналы о том, что в зале появились люди, ну те, которые... ну нежелательные или погромщики... Не были приняты никакие меры со стороны руководства «Апреля» для отсечения от основного зала этих нежелательных людей или хотя бы, вот как сейчас, выводят из зала, чтобы остальным неповадно было. Для вывода из зала парочку-троечку этих погромщиков? Никаких мер не было принято?

Злобин. Я просто не представляю, какие меры мы могли принять, потому что это совершенно не наша функция... Оставалось мало времени до начала. Было много всяких других обязанностей.

Осташвили. Ну поставить...

Злобин. Это не мое дело — идти в зал и разговаривать с кем-то.

Осташвили. Понятно.

Злобин. Потом мы совершенно не могли предположить, что...

Осташвили. Спасибо.

Злобин. Это просто надо было обладать какой-то нечеловеческой фантазией...

Председ. Понятен ваш ответ. Спасибо.

Злобин. Пожалуйста.

Осташвили. Благодарю вас. Вот не вспомните ли вы, свидетель, Осташвили — он все время стоял или присаживался, когда раздавались эти реплики? Вот поза его — стоял он или, может быть, еще и сидя произносил эти реплики? Я опять же прямо без завуалирования, я не ловлю вас. Вы понимаете? Когда человек стоит...

Председ. Ваш вопрос слушаем.

Осташвили. Ну вы не можете сказать ответ?

Злобин. По-моему, это продолжалось в течение довольно длительного периода времени. Весь этот шабаш продолжался минут двадцать. Можно было и сидеть, можно было и встать, позы могли меняться.

Осташвили. Так вот тут у нас, я так понимаю, расхождения. Не будь в обиду гражданину судье сказано, когда мы говорим: передавал ли кому-то мегафон, они не разъ-

ясняют техническое устройство мегафона. Как вы считаете, по вашему представлению — мегафон, вот то, что держал, как им пользоваться? Этим аппаратиком вот в одной руке, или там надо только при помощи двух рук, или еще где-то нажимать...

Председ. Вам что-либо известно?

Осташвили. Да, об устройстве?

Злобин. Я ни разу в жизни не пользовался мегафоном.

Председ. Ясно.

Осташвили. Спасибо.

Злобин. Не знаю, как с ним обращаться.

Осташвили. Спасибо. Опять прямой вопрос: не показалось ли вам хоть в один момент, когда сидел Осташвили, что он мог, держа, направляя мегафон, передать что-то другому человеку, то есть не его голос. Вам не показалось, что в мегафон говорил не его голос, вот этот момент?

Злобин. Нет. Насчет этого я ничего не могу сказать.

Осташвили. Ну еще понятно. Сейчас трудно, скажите, пожалуйста, свидетель, а вот такой вопрос, чисто бытовой. Вот скажите, когда Курчаткин потом пришел и рассказал членам «Апреля», что с ним произошло, кстати, не помните, на какой стороне ссадина была?

Злобин. Не помню.

Осташвили. Ну ладно, да, что он сказал, что у него ссадина была, никто, в том числе вы, не посоветовали пройти судебно-медицинскую экспертизу сразу же? Ну для того, чтобы подать на этих погромщиков в суд или... Вы совет давали ему, совет?

Злобин. Наши товарищи, которые пострадали, ходили в милицию. Ведь там составлялся протокол...

Осташвили. Вы давали совет?

Злобин. Я не ходил лично, но другие ходили, и это должно быть в деле.

Осташвили. Советы вы давали какне-нибудь? Вы лично какне-нибудь советы давали в связи вот. Или кто-то давал при вас такие советы, подходил и давал: сходи, мол...

Злобин. Нет, не слышал.

Осташвили: Нет, не слышали. Скажите, вот вам это легко ответить на вопрос, так как вы только что сказали такую фразу: «Мы с вами русские люди». Вот если обратиться со словами «фашист» к русскому человеку, оскорб-

ляет это русского человека, эта приставка, словосочетание «фашист», или не оскорбляет?

Председ. Общий вопрос.

Осташвили. Да, общий. Да, по существу.

Злобин. Я могу ответить.

Осташвили. По существу.

Злобин. Если вы назовете меня фашистом, я не оскорблюсь, я просто пожму плечами. Я не пойму, о чем вы говорите...

Осташвили. Достаточно.

Злобин. Да, а если это был настоящий фашист, то он, естественно, обиделся бы...

Председ. Следующий вопрос.

Осташвили. Ладно, все, снимем вопрос, то есть, к вам фашист не прилипает. А вот скажите, пожалуйста, а вот назвать, сказать такое словосочетание вы считаете оскорбительным? Первое слово еврей, а потом профессия, например, еврейский писатель, подайте там что-нибудь, или еврейский музыкант, шахтер еврейский, металлург, словосочетание оскорбительно... По существу...

Злобин. Я считаю это малоинтеллигентным и неумным...

Осташвили: Ну как неумно, а вот оскорбить прямо, как, знаете, бывает, как пощечина... знаете вот.

Злобин. Очевидно, есть люди, которые могут оскорбиться.

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос ваш.

Осташвили. Вопрос на этом окончу.

Председ. Пожалуйста, свидетель ответил.

Осташвили. Да. А вот русское сочетание с профессией тоже: русский писатель...

Председ. Отводится вопрос, следующий.

Осташвили. Отводится.

Злобин. Я хочу...

Председ. Свидетель, вопрос отведен. Отведен вопрос.

Осташвили. Я извиняюсь... разные понятия об оскорблении.

Председ. Пожалуйста.

Осташвили. Что для меня...

Председ. Пожалуйста, ваш вопрос.

Осташвили. Скажите, пожалуйста, не видели ли вы, что вот я лично, стоящий с мегафоном, кого-либо трогал рукой, руководил, давал команды по производству каких-либо

действий, то есть поняли ли вы из моего поведения, что руководитель тут, собственно говоря, Остапвили?

Злобин. У меня создалось очень четкое и определенное ощущение того, что все действия этих людей были четко отрепетированы, то есть они совершались; прямых команд я не слышал, но тем не менее все совершалось очень слаженно. Например, в один и тот же момент вдруг оказались в разных частях зала выброшены и развернуты лозунги, чего нельзя было сделать без какой-то команды или предварительной репетиции. Поэтому элемент предварительной репетиции ощущался всеми нами.

Остапвили. Но то, что я отреп...

Председ. Одну минуточку, подождите. Мы поняли ваш ответ, и тем не менее вы ответьте, вы слышали, что непосредственно подсудимый...

Злобин. Во всяком случае, это тоже мое чисто субъективное ощущение, что там, где находился подсудимый, там находится средоточие всего действия.

Остапвили. Ну конечно.

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос.

Остапвили. Да, значит мне ваш ответ, я понял ваш ответ, то есть там, где я...

Председ. Пожалуйста, ваш вопрос.

Остапвили. Скажите, пожалуйста, вот я только не помню: Побезинский задавал специально, скажем так... специально молодежь, причастная к «Апрелю», для охраны или, как вот сказано, для порядка, приглашалась на этот вечер?

Злобин. На этот вечер — нет. После этого мы организовали такую молодую группу, так же как Центральный Дом литераторов заключил контракт с милицией, и наряды милиции все время присутствуют на всех мероприятиях.

Остапвили. Скажите, пожалуйста, вы сказали, что одна из их функций, а одна из задач «Апреля» — это борьба с наступающим фашизмом, так? Как-то я понял так. Ну и скажите, вот как из этого вечера ясно, что фашисты, конечно, потерпели поражение.

Председ. Вопрос ваш. Сформулируйте.

Остапвили. Да, вопрос в этом: не специально ли это все было инсценировано «Апрелем» с начала до конца, чтобы нанести удар по правым, по фашистам? С вытекающими отсюда вытекающими политическими целями, выборы, Политбюро и т. д. Ну я, естественно, с партией, КГБ, милицией...

Злобин. Такое предположение мне кажется абсолютно слепым, потому что нет никакого мотива разумного, почему бы «Апрель» должен был поступить именно таким образом, наоборот. Мне кажется, что следы погрома ведут в другие места, в частности, как я говорил во время следствия, они ведут на Лубянку.

Осташвили. На Лубянку. Скажите, пожалуйста, свидетель, вы же знаете, как человек грамотный, и все здесь в зале знают древнеримскую поговорку: «Кому это выгодно». Я просто латынь не знаю.

Председ. Ваш вопрос. Вопрос ваш.

Осташвили. Ну ладно: кому это выгодно... Оставим...

Председ. Вопрос ваш. Успокойтесь. Вопрос ваш.

Осташвили. Я спокоен. Сегодня. Когда спокойно все идет...

Председ. Пожалуйста, пожалуйста, вопрос.

Осташвили. Сосредоточиться... Одно слово «Лубянка» в такую дрожь меня привело...

А жаль... Осташвили не желал отдавать инициативы. Во время процесса он научился позировать, давать интервью, принимать букеты. И хоть косноязычно говорил, зато с апломбом. Ишь ты, от одного упоминания о Лубянке пришел в дрожь, такой слабонервный!

Я ждал другой реакции. Свидетель делает важное заявление о том, что он знает, куда ведут следы погрома.

Следы ведут на Лубянку — не более, не менее. Я и следователю Слинько точно также сказал во время следствия. Следователь хорошо запомнил мои слова и потому внес в обвинительное заключение специальный абзац о том, что заявление свидетеля З. о следах, ведущих на Лубянку, следствием не нашло подтверждения. И потому мое заявление следствием отводится.

Следы ведут в другую сторону. Но куда именно — неизвестно.

Ах, какие мы все умные, смелые, честные, принципиальные! Тем более, в эпоху гласности, когда все эти добродетели возведены в квадрат.

Хотел бы я знать, каким способом следователь Слинько опроверг мою версию? Сходил на Лубянку и спросил там — не ведут ли следы? Или он априори знал, что следы ведут

не туда? Или наоборот, узнал, что следы ведут именно туда, и постарался замести этот след? Тут множество версий.

Во всяком случае, следователь Слинько не представил ни одного хотя бы мало-мальского доказательства, чтобы опровергнуть мою версию. Он просто отверг ее, изъял из дела, ибо такая версия казалась ему нежелательной или неблагоприятной, а то и просто вредной — или то, и другое. и третье вместе взятые.

А ведь я представил следователю Слинько свои доказательства, но, судя по всему, он пропустил их мимо ушей.

Мы не только смелые. Кроме того, мы прекрасно знаем, когда можно быть смелым. Ах, с каким удовольствием мы играем в эти игры.

Я-то думал: объявлю я им про Лубянку, все враз забегают, заохают, спохватятся. Ведь это же ого-го! Лубянка устроила погром среди писателей, это же не фунт прованского масла.

Но вот я произнес свои слова о том, куда ведут следы. — и тишина! Мир не вздрогнул. Три защитника сидят против меня — ни один глазом не моргнул. Председательствующий промолчал, народные заседатели смотрели как-то искоса, один в блокнот, второй в потолок. А прокурор-то? Ведь он блюститель закона, блюститель чести. Он, то есть она, прокурор Колесникова должна была тут же вскочить с места и призвать Лубянку к ответу.

Лишь один общественный обвинитель Андрей Макаров глянул на меня с некоторым интересом и тут же снова углубился в свою газету.

Зато, как видите, подсудимый Осташвили был напуган не на шутку, аж запинаться начал.

Отчего такая неадекватная реакция?

А вот в чем дело. Все присутствующие в этом зале четко знали, куда ведут следы погрома. Все знали, что следы ведут на Лубянку. И никого я своим заявлением не удивил.

Я же говорю: мы с радостью играем в эти игры...

Следователь Слинько спросил меня во время допроса, когда шло следствие:

— Вы утверждаете, что следы погрома, совершенного в Центральном Доме литератора, ведут на Лубянку? Каковы ваши конкретные доказательства?

Свидетель отвечает:

— Мое доказательство одно. И оно неоспоримо. В тече-

ние 73-х лет нашей истории все наиболее грязные, трагические и кровавые дела шли с Лубянки. Именно здесь фабриковались политические процессы, замыслились политические покушения, спускались разрядки на аресты и расстрелы. Так было все наши годы, как только слово «Лубянка» возникло в его теперешнем значении. А что изменилось теперь? Лубянка ни в чем не покаялась, ни от чего не отреклась. Она по-прежнему не контролируется народом, хотя и пытается заигрывать с публикой.

— Это не доказательство, — прервал следователь.

— Погром состоялся, это факт. Если погром состоялся, и Лубянка о нем ничего не знала, это может означать лишь одно — Лубянка утратила контроль над событиями. Ведь случилось событие, получившее самый широкий отклик во всем мире. Как можно допустить, что такое событие произошло без санкции властей — лубянских властей, настаивая на том? Значит, они знали о погроме и готовили его.

— Это общие слова. А где факты? — Следователь улыбался, теперь он знал все, чем я располагаю.

Тогда я выложил свой последний довод:

— Вам требуются факты? А интуицию художника вы не считаете фактом?

— Нет, не считаю. — Он откровенно потешался надо мной.

— А я считаю, что интуиция художника выше факта и выше правды. К сожалению, это такой факт, который становится явным лишь через десятилетия. Вы молоды, и вы еще узнаете о моей правоте. Я же не доживу. Но я знаю это теперь.

На том мы и расстались, пожав друг другу руки. Вы представляете, с каким нетерпением я ждал суда, чтобы сделать свое заявление. Но надо было, чтобы меня хоть кто-то спросил об этом — ведь я имею только право ответа.

И вот напугавшийся до дрожи Осташвили испортил мою песню.

Я смотрю на него. Не так-то он прост, как прикидывается. Он уже готовится к новому подвоху.

ВОЗНИКАЕТ НОВАЯ ВЕРСИЯ

Осташвили (перестает дрожать). Еще такое слово. Обилие народных депутатов, я не буду их перечислять, съе-

мочной аппаратуры, зарубежных корреспондентов и все точная фиксация всеми этими первой части вечера, и отсутствие любой записывающей аппаратуры, даже протокола на второй основной и ударной части, где был принят важнейший политический документ. Не кажется ли вам странным, что на этом скандале с фашистами и то, как вы сами выразились, группа там, группа там — работало все, а вот на второй части, где уже вечер пошел, и так понятно, что для вечера они и были собраны, эти силы, они отсутствовали, я имею в виду: съемочная аппаратура, звукозаписывающая аппаратура, протоколы и так далее.

Председ. Ваш вопрос понятен. Пожалуйста, что вам, что вы можете ответить.

Злобин. Звукозаписывающая аппаратура и телевизионная аппаратура присутствует на этом вечере. Нет ничего удивительного. Потому что на все вечера, которые проводил «Апрель», приходило очень большое количество представителей прессы и радио и телевидения. Поэтому практически все, что мы проводили, записывалось, в частности, вечер памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, или наши другие открытые микрофоны.

Осташвили. Понятно.

Злобин. Так что ничего удивительного в этом нет. Ну а дальше, я считаю, просто многие были растеряны, напуганы.

Осташвили. Ну, состояние шока.

Председ. Так, подсудимый!

Осташвили. Понял. Все понятно. Тогда такой вопрос сейчас, минутку. Скажите, пожалуйста, свидетель, вот когда декларация принималась, как вы поняли, лично ваше впечатление, что текст этой декларации был заранее подготовлен, или это был экспромт сразу по горячим следам после случившегося скандала?

Злобин. Это было экспромтом, который был написан в комнате президиума.

Осташвили. Кто писал?

Злобин. Чуть ли не карандашом — Евтушенко.

Осташвили. Евтушенко, да. Ну такой традиционный вопрос: люди, выпившие, из ресторана могли прийти в зал для любопытства?

Председ. Отводите вопрос. Следующий.

Осташвили. Тут вы несколько раз употребили словс-

«погром», потом «шабаш». Выяснялся вопрос, вот по вашим словам, вечер прекратился следующим образом. Как бы само собой затухающая волна. Сначала вышли писатели из зала, ну потом...

Председ. Мы слышали показания.

Осташвили. Но вот именно вопрос: скажите, если бы... это очень важный вопрос. Если бы сразу после того, как вечер был отменен, и после того, как еще микрофон, мегафон не включался ни никаких этих ударов по голове и... взрывчаток...

Председ. Вопрос?

Осташвили. Вот если бы сразу писатели ушли после тройного призыва Соколова, то не было бы всего того, что послужило причиной для написания декларации, почему, на ваш взгляд, вот вопрос, писатели не покинули зал сразу же после того, как было объявлено о закрытии (даже не открытии) вечера, и о том «покиньте, покиньте...»

Председ. Свидетель отвечал...

Злобин. ...значит, четко. Вечер был сорван, и никакого продолжения вечера не последовало. Он не открывался, он был сорван, не открываясь, да потому что третьим пунктом повестки дня, я забыл об этом сказать, была информация о предстоящем всесоюзном учредительном съезде движения «Апрель», и об этом в этот вечер так ничего и не говорилось. Но сам факт погрома и всего того, что случилось в зале ЦДЛ, это же чрезвычайная ситуация. Чрезвычайное происшествие. Они потребовали экстренных мер. Почему люди не разошлись? Никто не знал, будет продолжение, не будет продолжения. Просто люди были настолько возбуждены, и буфет еще работал. Там можно было чашечку кофе выпить. И все в фойе очень жарко обсуждали перипетии этого погрома. Поэтому, когда мы по радио через местный радиопункт объявили, что просим пройти по лестнице для того, чтобы зачитать резолюцию, это возникло спонтанно. Если бы не было погрома, не было бы и продолжения этого, которое, кстати говоря, не записывалось, да.

Председ. Пожалуйста.

Осташвили. Скажите, пожалуйста, лично вы отдавали распоряжения или были в курсе того, что кто-то из ваших товарищей сопредседателей отдавал распоряжения следующего характера. Я их перечисляю сразу: закрыть двери

в зал, еще до выхода из зала народа? Было такое распоряжение?

Злобин. Такого распоряжения не было.

Осташвили. Не было...

Злобин. Нет смысла в этом.

Осташвили. Да. Было ли распоряжение о гашении хотя бы части света, верхнего света.

Злобин. Это было, мы хотели...

Осташвили. Какие вы преследовали цели?

Злобин. Ну, я думаю, чтобы люди успокоились. Мы призывали людей выйти из зала, а не закрыть двери.

Осташвили. Да, они не выходили.

Злобин. Мы не могли призывать людей выйти из зала, если двери были закрыты. Наоборот, двери были раскрыты, призывали выйти людей из зала.

Председ. Ваш вопрос, пожалуйста.

Осташвили. Ну из... как вам сформулировать? Не кажется ли вам: в тексте есть слово-ловушка, произнесенное со сцены. Что если предположить: и двери были закрыты, и часть света была погашена, и фашисты в зале, что это не только ловушка, это что-то... не поддается ничему. Если при условии, что это на самом деле и Осташвили не врет.

Председ. Ваш вопрос...

Осташвили. Не кажется ли вам, что это при условии закрывания части...

Председ. Отводится вопрос, пожалуйста, следующий.

Осташвили. Могло быть так. Еще один вопрос: не отдавали ли вы, ну кто-нибудь отдавал распоряжения? Просили ли работников милиции у входа или выхода, скорее всего выхода из зала, переписывать выходящих, ну естественно, погром. Давать распоряжение на проверку документов, на фиксацию фамилий, ну то есть вот на этом были распоряжения или просьба к милиции?

Злобин. Никаких таких распоряжений я не отдавал, по-моему, их вообще не было.

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос.

Осташвили. То есть, вы не отдавали? Да, сейчас, сейчас... скажите, свидетель, ваше чисто личное вот мнение. Если б то, ну, что называете вы погромом произошло бы вот не в Союзе писателей, не в ЦДЛ, до вас другой свидетель говорил, что печать у нас большое значение имеет, ну вот не в ЦДЛ, в другом помещении, на ЗИЛе или в АЗЛК,

те самые действия, которые вы характеризуете погромом, получили бы они такое же освещение в печати, в мировой прессе и т. д.?

Председ. Отводится вопрос. Следующий.

Осташвили. Отводится. Скажите, свидетель, после этого погрома предъявила ли вам, я имею в виду руководство «Апреля», администрация этого зала какой-нибудь счет на материальные убытки: что-то порвано там... что-то было предъявлено на какие-нибудь материальные...

Злобин. Какой-либо материальный ущерб?

Осташвили. Ущерб — я никак слова не найду.

Злобин. Нет, материального ущерба не было предъявлено, там только одно кресло немножко...

Председ. Пожалуйста, следующий вопрос.

Осташвили. У меня больше вопросов нет.

Председ. Передайте микрофон. Спасибо. Пожалуйста.

Побезинский. Я хочу продолжить вопрос Осташвили, который был задан перед перерывом, и в общем он не получил ответа. Вот было очень много предупреждений от различных людей руководству «Апреля». Вернее, даже к руководству этого вечера. И руководство никаких мер не приняло. Вот ваша оценка действиям руководства?

Злобин. Я не представляю, я уже говорил об этом. Я не представляю, какие меры могло принять руководство, потому что мы не могли предвидеть. У нас...

Побезинский. Ну обратиться к руководству ЦДЛ, например.

Злобин. Нет, я вам отвечу. Мы подумали, что это какие-то единичные факты. У нас в Центральном Доме литераторов довольно часто бывают какие-то молодые писатели, могут хватить лишку, ну, скажем, эксцессы со стороны нетрезвых литераторов. Только так мы и подумали, что кто-то хватит стакан вина. Какие тут меры можно принимать...

Побезинский. Нет, но вам точно было сказано, что «Память» присутствует в зале, не стакан вина кто-то хватил, а «Память».

Злобин. Что вы имеете в виду? Насчет «Памяти»? Вы имеете эпизод с супругой?

Побезинский. Да, да, да, нет... Это Рекемчук уже говорил, да, да, конечно. В совещательной комнате...

Злобин. До начала вечера остается десять минут. У нас есть сигнал.

Побезинский. Да.

Злобин. Что мы можем сделать? Милиции нет, мы же не можем очищать зал, понимаете?

Побезинский. Подождите, пожалуйста. Я хотел узнать. Телефон в этой комнате президнума был?

Злобин. Телефон там есть, да, правда, за стеной. И по этому телефону мы потом уже вызывали наряд милиции, кстати говоря, они реагировали очень неохотно. О действиях милиции здесь уже говорилось. Они в общем-то...

Побезинский. А вот простите, гражданин свидетель, вот в момент, когда Рекемчук с тревогой сказал о «Памяти», вы находились вот в этой комнате президиума. Кто-нибудь в этот момент из членов Совета или те, кто был ответствен за организацию этого вечера, вслух сказал о том, что уже вызвана милиция?

Злобин. Нет.

Побезинский. Никто?

Злобин. Я думаю, что если было два-три милиционера, то это был обычный дежурный наряд, который...

Побезинский. Нет, нет. Я вас спрашиваю — никто в этот момент?..

Злобин. Я еще раз повторяю, что никто из присутствовавших членов совета не мог ожидать той вакханалии, которая разыграется. Мы думали, что это все нам казалось, что это преувеличенные сведения...

Побезинский. И последний вопрос: как вы оцениваете юридическую достоверность декларации против расизма, за которую проголосовало, по вашим словам, сто пятьдесят человек, а уже на то время пятьсот человек было членов «Апреля»?

Председ. Отводится вопрос относительно юридической стороны данного документа и отношения к этому свидетеля.

Побезинский. У меня нет больше вопросов.

Голубцов. Все-таки, свидетель, вы не ответили на вторую часть моего вопроса, которая касалась вот того, были, значит, оповещены люди. Вы сказали: да, были оповещены. Ну вот я хочу уточнить вот пятьсот человек членов «Апреля». У кого-то они есть как в списке, или у кого-то в голове. Все эти пятьсот телефонов и адресов, как вот, я не пойму.

Злобин. Списки есть.

Голубцов. Списки есть?

Злобин. Да, и мало того, все эти пятьсот человек внес-

ли членские взносы, так что это все зафиксировано бухгалтерским документом, по десять рублей мы собирали...

Голубцов. Понятно, вот теперь мне понятно. Спасибо. Значит, уже были на восемнадцатое января пятьсот членов «Апреля», которые внесли членские взносы?

Злобин. Ну я, может быть, сейчас точно не знаю, может быть, четыреста пятьдесят...

Голубцов. Понял, и вот из этих четырехсот пятидесяти или пятисот членов «Апреля» действительно присутствовало, как вы сказали, сто пятьдесят членов на второй половине?

Председ. Мы слышали...

Злобин. Зал вмещает четыреста восемьдесят человек.

Председ. Свидетель уже отвечал на данный вопрос.

Голубцов. Я понимаю... Извините, тогда такой вопрос: а вообще кворум проверялся, прежде чем проводить голосование?

Злобин. Я считаю, что для такой резолюции кворум не обязателен. Декларацию могут принять и десять человек.

Голубцов. Спасибо, меня удовлетворяет ваш ответ.

Председ. Пожалуйста, ваш вопрос.

Голубцов. А теперь, пожалуйста, ответьте. Вот вы все время да действительно употребляете погромы, как вам кажется, все это правомерно. А вот не можете ли объяснить этот факт, что в результате этого погрома, когда у вас трое потерпевших, и все трое русской национальности. Как вот вы это расцениваете? В обвинительном заключении прямо написано: межнациональная рознь и унижение достоинства евреев... процитирую, разрешите?

Председ. Пожалуйста.

Голубцов. Лист обвинительного заключения двадцать третий. В период с восемнадцати сорока до девятнадцати тридцати часов с целью возбуждения национальной вражды и унижения достоинств евреев использование мегафона дало поддержку.

Председ. Вы имели в виду национальность трех, как вы выразились, потерпевших?

Голубцов. Да, а вот в результате этого погрома, который, очевидно, был направлен...

Председ. Но здесь в заключении не сказано. Ваш вопрос.

Голубцов. Так вот, я и хочу узнать, почему оказалось именно так, что все трое русские.

Председ. Отводится вопрос.

Голубцов. Спасибо. Вопросов не имею.

Председ. Еще будут вопросы? Спасибо. Присаживайтесь, свидетель. Объявляется перерыв до понедельника в десять часов. Одну секундочку, свидетель. Еще одно ходатайство подсудимого. Пожалуйста, мы вас слушаем.

Осташвили. Ходатайство. Это я в устном виде, а в письменном в понедельник. Ну могу сейчас в письменном.

Председ. Ну, может, мы тогда в понедельник.

Осташвили. Нет, я передам сейчас, в устном. Вам в письменном передам. Я ходатайствую перед судом, так как я обвиняюсь в вопросах, в которых как рабочий без образования не очень компетентен и даже не понимаю, в чем меня обвиняют. Прошу привлечь к судебному процессу, экс... в качестве эксперта по иудаизму, сионизму, русско-еврейскому вопросу ученого, кандидата наук Емельянова Валерия Николаевича, имеющего все бумаги об окончании соответствующих учебных заведений, научные труды по этому вопросу, и он окажет и мне и суду в качестве эксперта разъяснения по спорным вопросам — именно в еврейско-русском — на всем протяжении, и иудаизме, в массонстве и так далее. Я вас прошу.

Председ. Мы обсудим вашу просьбу, обязательно. Ваше мнение, товарищ адвокат?

Адвокат. На усмотрение суда.

Председ. Ваше мнение, защитник Побезинский?

Побезинский. Я согласен с мнением своего подзащитного.

Председ. Ваше мнение, пожалуйста.

Голубцов. Да, и поддерживаю, и считаю, что знания в определенной отрасли науки, которая, значит, касается именно еврейско-русского вопроса, как сказал мой подзащитный, вот, а также истории иудаизма, как религиозно-политического движения или течения, я точно затрудняюсь это определить, потому что я не являюсь специалистом, вот. Я думаю, это поможет суду в защите интересов моего подзащитного, так как ему предъявлено специфическое обвинение: «разжигание межнациональной розни».

Председ. Ваше мнение понятно нам.

Общественный обвинитель. Пожалуйста.

Макаров. Поскольку целью судебного разбирательства не является разъяснение защитнику Голубцову вопросов

пуданзма, а для того чтобы назначить экспертизу в ходе судебного разбирательства, законом устанавливаются твердые конкретные условия и в данном случае никаких оснований для назначения экспертизы нет, о чем, кстати, и не просит сам подсудимый. Он просит пригласить эксперта, но эксперт на судебное заседание приглашается для проведения экспертизы. Поэтому, товарищи судьи, если же речь идет о приглашении специалиста, об этом вообще вопрос не ставится.

Таким образом, я считаю, что данное ходатайство ничем не обосновано. И я полагаю, что оно подлежит отклонению.

Председ. Ваше заключение, товарищ прокурор.

Прокурор. Товарищи судьи, я прошу данное ходатайство отклонить, поскольку оно не основано на законе.

Председ. Судебная коллегия, совещаясь на месте, определила отклонить заявленное ходатайство о вызове в судебное заседание данного лица.

ДО И ПОСЛЕ ПОГРОМА

И еще один документ, случайно сохранившийся в старых бумагах,— листки из блокнота, исписанные нетвердым почерком. Привожу их без каких-либо купюр.

17 января 1990 года. Литература есть погоня за ускользающим словом, в лучшем случае — образом. Слова все время ускользают, гибнут от удушья, не в силах пробиться сквозь мычание, слова царапают мысль, застревают в деснах, они то черви, то угли, то черная грязь. А хвоста-то нет — не ухватишь. И жизнь это борьба с собственным словом, неизменно беспощадная, чаще всего бесплодная. Я сам и есть могильщик нерожденных слов. Хорошо еще, когда слова скользят по поверхности вод, не оставляя видимого следа. А если это смерч или удар молнии. Собственно, я живу в ожидании такого удара, но это приходит редко. Наиболее частый вариант — липучка. Слово липнет и не уходит. И не поймешь: то ли это блажь, то ли благо.

Снова надо суетиться. Завтра собрание «Апреля», и мне говорить вступительное слово. Что же я скажу?

«Апрель» не собирается превращаться в политическую партию, становиться в оппозицию и так далее. Если хотите,

наши цели аполитичны, ибо наша первая задача: освободиться от диктата идеологии. Самое главное наше слово — независимость. И мы подтвердили: «Апрель» — это независимое движение. «Апрель» — это собрание творческих индивидуальностей. Многие не верили в наши идеалы, но мы доказали, что они осуществимы. Таковы были наши резолюции, девизом которых было другое наше слово — совесть. Мы выступили в защиту Гавела, Солженицына, мы первыми, еще в марте 89 года, поставили вопрос о премии имени Сахарова.

«Апрель» — молодое движение, ему нет и года, всего 10 месяцев. И успели мы немало. Есть у нас и слабости. Мы слабы организационно, это надо учесть на будущее.

Мы не только принимали резолюции. Вышел альманах «Апрель», где полностью реализованы наши принципы. «Весть» выходила 4 года, «Зеркало» — 2 года. Мы выходили 10 месяцев, считая с момента замысла. Но главное даже не в этом. Мы создали новый тип издания, основанный на принципе независимости. Произведение печатается в авторской редакции — вы скажете, что это уже было. Но на альманахе стоит знак копирайт: «движение «Апрель» — такого, насколько я знаю, еще не было. Мы сами будем продавать свои авторские права, уже продали в ФРГ, и скоро это выйdet на немецком языке.

Будем и дальше завоевывать независимость. «Апрельская трибуна», библиотека «Апреля» — таковы наши планы. Создание всесоюзной федерации даст нам возможность консолидировать свои силы. Совесть остается нашей задачей. Пусть они грешат, а мы будем каяться. Что останется в московской писательской организации? У них есть свой дом, машины, секретари, закрытые буфеты. А писатели, я уверен, Ал. Михайлову и не нужны. Зачем ему писатели? Они такие сложные, привередливые — без них спокойнее. Были бы машины и секретари. Так пусть они заседают в своих роскошных кабинетах. А апрелевцы сидят за своими письменными столами. Это и есть наиболее подходящее занятие для писателя. Мы хотим отделить литературу от государства, и мы сделаем это. Если бы можно было не произносить этих речей. Спасибо за внимание.

18, 19 января. Не заработал ничего, кроме головной боли. Заготовленная впрок речь не пригодилась. Открытый микрофон «Апреля» сорвали молодчики из «Памяти», про-

ходящие сейчас стажировку в Баку. Мне срочно приходится менять жанр. На этот раз он будет первичным, с какого началась литература. Итак, эпистолярный.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Председателю Комитета Государственной безопасности СССР тов. Крючкову Н. А.

Уважаемый товарищ председатель!

Обращаюсь к Вам по чрезвычайному поводу. Меня крайне тревожит обстановка, сложившаяся в Вашем ведомстве, которое Вы с таким трудом вдохновляете личным примером. Я уже не говорю о Ваших успехах в районе города Баку, где совершаются акты невиданного вандализма, и по свершении сотен погромов Вам до сих пор не удалось установить ни одного погромщика. Опишу Вам другой случай, куда более мелкий, но тем не менее весьма примечательный. Я высоко ценю Ваше государственное время, направленное на благо перестройки...

Фу, как коряво пишется, надо бы отложить до тех пор, пока не приду в себя, но ждать не имею права и потому постараюсь быть предельно кратким.

В последние месяцы только и читаешь о том, как наши доблестные чекисты, работающие вдалеке от родины, один за другим терпят провалы. Их либо арестовывают, либо высылают за пределы данной страны — это же наши народные миллионы летят на ветер. И вот вчера, находясь в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, я вдруг понял, в чем же причина этих провалов. Это профессиональная некомпетентность, вот в чем корень.

Что же случилось вчера? А вот что, уважаемый товарищ председатель. В ЦДЛ готовился очередной вечер, посвященный выходу в свет альманаха «Апрель» № 1. Обычный в сущности, вечер, и я не решился бы заострять на нем Ваше внимание, если бы не случилось нечто иное. Не успели мы открыть наш мирный литературный вечер — начался шаш, какого еще не видели и не слышали стены ЦДЛ. Это был

парад некомпетентности, и я в тревоге за судьбы нашей перестройки. Как можно выпускать на сцену таких бездарных статистов. Они же на одно лицо, в одинаковых сапогах. А как примитивен словесный текст, которым они пользовались. Неужели нельзя было привлечь к этой операции профессиональных мастеров слова. Да если бы Вы пригласили наших прославленных лауреатов, мы написали бы Вам такие лозунги, что мир вздрогнул бы — и перестройка спасена. А в данном бездарном и некомпетентном исполнении...

На этом запись обрывается. Письмо хранителю государственной безопасности осталось неотправленным. У автора не выдержала рука, листки из блокнота переключевали в пачку черновиков.

И все-таки, и все-таки... Ничто не проходит бесследно. Наша память оказывается более долговечной, чем мы сами.

Председательствующий Муратов. Объявляется перерыв до понедельника в десять часов утра.

1990 г.

P. S. Осташвили был осужден на два года. К сожалению, в лагере он погиб. Официальная версия гибели сводится к самоубийству...

1993 г.

Анатолина

Неоконченная поэма

1.

Часы бьют двадцать,
 Года под тридцать.
 Куда деваться?
 Сходить постричься?
 Иль книги сдвинуть,
 Направить лампу.
 И провести ночь
 С двухстопным ямбом.
 Я телом колосс,
 Душой тюфяк.
 Плохая школа
 Любовь твоя.
 Нет, не мечта ты,
 Не выдуманный мною бред.
 Простая дата
 В ноябре.
 Холодность диких щек,
 Губ цел овал.
 А я ведь их еще
 Не целовал.
 Вкус губ отведан,
 Сонеты кипами.
 И мне ответ дан
 Бровей изгибами.

2.

Мы шли по Горького,
 Витрины вежливы.
 Скажите, сколько вам
 Поклонов свещали?
 Здесь все исхожено,
 Прошли Столешников.

Помилуй, Боже, нас,
 Веселых грешников.
 Ночь над весельями
 Висела голая:
 Над гранд-отелями
 И коктейль-холлами.
 Остроты плоский шик
 В фокстротном грохоте,
 В нетрезвой роскоши
 И потной похоти.
 Крик мод и вальса
 В оплывшем зале.
 И одевались
 И выползали
 Из бара пары
 Приблудной ночью.
 Давай мне бабу,
 Мне все равно чью.
 Шофер левша.
 Скользит резина.
 Нетвердый шаг,
 А мать ждет сына.
 Не потакая,
 Но без упреков.
 Судьба такая.
 Моих пороков.

3.

Синее утро
 Вокруг Сокольников.
 А мы как будто бы
 Двое школьников.
 Звонит лыжня,
 Прыжок с трамплина.

Ты мне нужна,
Моя Полина.
В охапку сгреб
Живое тело.

И хлоп в сугроб:
Сама хотела.
Нас по волнам
Метель швыряла...

1947

Огаденская быль

1.

Над пустыней Огаден
Настает последний день.
Наши танки в Сомали
Все дороги сломали.
Порешили сомалийцы
Богу своему молиться:
Помоги нам, черный бог,
Не оставь нас без дорог.
Отвечают эфиопы:
Мы загоним негров в жопу.
Мы дойдем до Могадишу,
Если вы не закричите.
С нами brave кубинцы,
Распрекрасные убийцы,
Император Мэриам
Принесет свободу вам.
Сомалийские повстанцы
Собрались с утра на танцы,
Жарят пленных эфиопов,
Вытирают пальцем жопы:
Не бойся русских мигров,
Их собьем на землю мигром.
И родную Могадишу
Мы врагам не отдадим.
Нам не страшен Мэриам,
Пусть облизет жопу он,
Шлет Москва оружие вам,
Нам поможет Вашингтон.
Над пустыней Огаден
Занимался новый день...

2.

Солнце красное заходит,
Солнце красное восходит,
День и ночь — сутки прочь,

День и ночь — сон глубокий,
Только пыль из-под сапог.
День прошел, прошла неделя.
Что случилось в Огадене?
Вот как было все на деле.

Вашингтон строчит морзянку,
Будит Леню спозаранку:
Что вам нужно в Огадене?
А в ответ ему гуденье:
То молотят наши танки
Черно-белые останки.

Сбавил Джими на полтона,
Ноту бьет из Вашингтона:
Что же нужно вам в пустыне?
Океан и небо синие.
Два банана, три рожка,
Нам пустыня не нужна.
Требуем мы мира
Всем пустыням мира.

День и ночь — сон глубокий,
Только пыль из-под сапог.
Москва бдит, Москва верит.
Телекс шлет Адис Абеба:
Нам побольше танков треба.
Слезно просит Могадиша:
Вы ракеты нам пришлиша.

Отвалили им добра,
И пошла у них игра.
Наши русские ракетки
Лупят русские танкетки.
Чудеса в решете,
Там бананы, да не те.

Всколыхнулся Большой Рог:
Едет, едет к нам Пророк,
Красный он и белый,
Небывало смелый.

Белый генерал Петров
Наломает черных дров.

И прекрасной Огадене
Было красное виденье:
Придут русские бояны,
Собирать в песках бананы.
Где же, где же наш Петров?
Жрет бананы, будь здоров.
Чудеса в решете.
Там бананы, да не те.
Возвещает наш Пророк:
Всех согну в бараний рог.

День и ночь —
Сутки прочь.
Над пустыней Огаден
Занимался третий день.

3.

Не слышать в пустыне труб.
Но лежит в пустыне труп.
Он лежит и хлад и сер
С биркой «Мэйд ин СССР».

Малеева
1977

ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ БЕЗ РАЗБЕГА...

1. КТО ЕСТЬ КТО

В коридоре Литературного института услышал фразу:

— Наш руководитель семинара был приятелем Трифонова.

Молодые студенты, четко проглядывающиеся в квадрате окна, жадно перекуривали паузу между лекциями по языкознанию. Я прошел мимо, разговор за моей спиной продолжался:

— И нам повезло. Мы своего спросили. Так что не гордись: наш руководитель тоже приятель Трифонова.

На другой день я читал вводную лекцию для студентов заочного отделения, она называлась: «Вступление в слово». После лекции, как водится, пошли вопросы. Тут Лена Чернова и говорит:

— Вы учились в Литературном институте в одно время с Юрием Трифоновым? Вы его знали?

Я уже собирался с разбега ответить, что мы с Трифоновым были приятелями, но вспомнил разговор у окна и осекся. Сейчас пошла мода на приятелей Трифонова. Не хотелось мне становиться в один ряд. Я пробормотал в ответ нечто нейтральное: учились вместе, знали друг друга.

Иной раз мне кажется, что я могу пройти здесь с закрытыми глазами. Однако нет нужды их закрывать: я вижу старый сквер во дворе, а за старым сквером еще более старинный особняк с лепными колоннами по фасаду.

Тополиный сквер такой же, как и тогда, сорок лет назад. Деревья разрослись, гуще стал кустарник, дорожки утоптыны до плотности асфальта.

Вроде бы такой же — да не совсем. Глянь-ка: с деревьев гирляндами свисают собрания сочинений, сборники, антологии, тома избранного, а то и просто фиговые листки. Ни

одной веточки нет бесплодной. Под кустами стыдливо припрятались в золотых корешках кучи макулатуры — без этого в нашем деле тоже не бывает. В дальнем углу у чугунной ограды пожарные люки — это бездонные колодцы наших невоплощенных замыслов. Разумнее всего туда не заглядывать.

Географические координаты этого обильного литературного сквера тайны не составляют: Москва, Тверской бульвар, 25.

Под этими тополями мы и встретились в первую осень после долгой многострадальной войны. Деревья облетели, до собрания сочинений было далеко.

Никого не знали, но сходились быстро. И почти сразу обозначились симпатии и антипатии. Как ни странно, они почти не изменялись в течение десятилетий.

Литературный институт имени А. М. Горького был тогда заметно меньше, чем сейчас. На пяти его курсах учились сто студентов, или чуть больше. И учили нас хорошо. Лекции читали университетские профессора — парад имен: Радциг, Шамбинаго, Асмус, Слонимский, Барабукин, Реформатский. Когда началась кампания против «безродных космополитов», среди них оказались и многие наши учителя. Наиболее фанатичные студенты клеймили их на собраниях.

Неторопливо сентябрьское солнышко. Звонок на большую перемену. Сто студентов высыпают под гущи сквера. Самые стремительные прорываются к Тверскому бульвару, там за углом уже открылся бар № 4. А сквер гудит. Тут и бойкая рифма, и гениальный залив поэмы, и торжествующий взлет руки, и многозначительная сосредоточенность поджатых губ.

Кто есть кто? Как угадать? Вглядимся пристальнее в эти молодые лица сентября сорок пятого года. Смотрите, это же почти весь цвет современной русской литературы, блеск медалей, золотых звезд, депутатских знаков — все это на фоне дома Герцена. Нет, никто не канул в безвестности, все вошли в литературу, неважно, кто через парадный подъезд, а кто и с черного хода. Каждый входил в меру своих сил и возможностей.

Много времени протекло, очень много — почти полвека. Иной раз подумать страшно: в какую бездну все это ухнуло? Что осталось на поверхности бытия, если не обернулось могильными надгробиями?

Но большая перемена еще не закончилась. Мы все красивые, молодые — и абсолютно безвестные, в том числе и са-

ним себе. Ни на одном лбу не написано, кем станет его носитель спустя десятилетия.

И старые тополя смотрят на нас свысока. Что с того, что не висят гирлянды сочинений, ни единой книжечки не просматривается на тех деревьях. Разве редкая газетная вырезка жалобно трепыхается на ветру, жиденькая брошюра, взлетев в недостижимую высь, сверкает меж ветвей. И длинная гранка, перечеркнутая жирным красным карандашом, — на сколько десятилетий приговорена она к молчанию высшими силами?

Но мы ничуть не горюем, гуляя под теми деревьями, ибо твердо знаем — все впереди.

Кто есть кто? Есть мы сами: я, ты, он — это главное всех прочих начал.

2. ЭПОХАЛ, НЕТЛЕНКА, ПОТОГОНКА...

Юрий Трифонов ходил в коричневой форменной куртке, то ли транспортного происхождения, то ли заводского. На ногах внушительные ботинки с черными шнурками. Ходил он косолапо и твердо, я ни разу не видел его бегущим, во всяком случае, это разошлось бы с будущим обликом, который, как известно, слагается из настоящего.

Он ни разу не выступал на многочисленных институтских собраниях, и это тоже имело свой резон, ибо мы только-только взяли старт и первые километры бежали молча. А дистанция-то марафонская. Впрочем, недолго ждали, очень скоро появились дежурные говоруны по всем сиюминутным поводам.

Юрий Трифонов улыбался редко. Улыбка чаще кажется виноватой, нежели радостной. Тогда немногие знали о его омраченном детстве, об отце, которого «не стало», о жизни в другой семье.

Он редко говорил об этом. Да и зачем? кому? Окончилась небывалая война, пришел мир, а время было не менее опасное. Впереди у нас было все, в том числе и новые жертвы.

Мрачный какой-то тип — улыбается редко, говорит медленно, ходит косолапо. Если вы так подумали, значит, я ошибся, и мой портрет недостоверен. Я вам так скажу —

парень как парень: и рост имеется, и комплекция, и взгляд твердый. Просто он не каждого до себя допускает. Поначалу он и мне показался высокомерным, я же говорю: портрет смазан временем и памятью, он не простой, он многомерный.

Что мы писали тогда, будучи студентами, когда можно писать просто так, от души, не заботясь о последствиях и не думая о конечной цели — о публикации.

Преобладали поэты. Они главенствовали на всех переменках, с оглушающим пафосом демонстрируя свою продукцию — только что со сковороды. На лекции написал, в большую перемену прокричал, пропел. А мир почему-то не вздрогнул.

К пятому курсу многое определилось. Семинар поэзии был поставщиком кадров для будущих критиков, переводчиков, литературоведов. Прозаики обладали большей степенью устойчивости. Во всяком случае, Юрий Трифонов никогда не писал стихов.

Первое, что мы писали, это был эпохал — такое литературное произведение, роман или поэма, которое откроет новую эпохальную главу в истории русской словесности.

Второе — нетленка, это несколько меньше эпохала, но тем не менее тоже хорошо, ибо данное сочинение является нетленным, то есть не подверженным тлетворному влиянию времени. Выше нетленки мог быть только эпохал, ниже — все остальное.

Третье. Уже тогда мы смутно начинали понимать, что не все на свете есть эпохал или нетленка. Кроме них существует также и потогонка — и на довольно веских основаниях, ибо за потогонку охотнее всего платят гонорары. Эпохал и нетленка это для души, в крайнем случае для любимой девушки. А потогонка — для всех прочих, в том числе и детишкам на молочишко. А если рядом с баром номер четыре на том же Тверском бульваре открылась шашлычная, то это будет означать полный расцвет потогонки на ближайшие годы.

Сейчас на месте этих прекрасных заведений бьет из бетонной чаши жизнерадостный фонтан, сооруженный по приказу тов. М. Сулова, который каждый день проезжал мимо бара к себе домой на Малую Бронную, и эти заведения портили ему впечатление от поездки. Так появился фонтан, включавшийся каждый раз, когда товарищ Сулов следовал

мимо в длинной черной машине, прозванной в народе крокодилом.

Из данного примера ясно, что такое потогонка и какая судьба ее ожидает. Так оно и вышло. Под руководством М. Суслова наша литература создавала сплошь эпохалы.

И наконец, четвертое — было придумано Юрием Трифоновым несколько позже, но тем не менее в литинститутские годы. Этот год творческих занятий получил такое определение — бредовуха. Сейчас уже не вспомнить, кто из нас послужил прообразом этого выразительного знака. Претендентов хватало во все времена.

— Вчера написал пять страниц эпохала.

— Выдал за ночь сто двадцать строк потогонки, перевод с аварского.

— А этот опять пошел строчить свою бредовуху.

Как говорится, все понятно, все на русском языке.

Лидеры наметились с первых курсов. Однако с течением времени они менялись. То один, то другой вырывались вперед, и в этом нет ничего удивительного — в искусстве места хватает всем.

Этот процесс не закончился и в наши дни — не так ли? Пока писатель жив, у него всегда остается шанс выйти в лидеры. Только могильная плита ставит все на место. Бег с препятствиями, последняя прямая. Дистанция закончена. Финиш.

Разумеется, в каждом из нас эпохал существовал, но каким-то странным образом отделившись от действительности. Он существовал как вещь в себе, как непознанное явление. Эпохал сам по себе, а мы сами по себе. Эпохала достичь не дано, можно лишь стремиться к нему. Не погаси в себе эпохал.

Отношения между студентами складывались произвольно. Каждый верил в меру своей удачи. Завистников не было. Все мы равны перед будущим.

В Литературном институте первых послевоснных лет учились молодые люди, съехавшиеся со всей страны. Но были и коренные москвичи. Это накладывало свой отпечаток на наши взаимоотношения.

Институтское общежитие располагалось тут же, в подвале дома Герцена, где сейчас гардероб и библиотека. До революции это было помещение для дворни, сейчас там

жили молодые дарования, надежда отечественной словесности. На каждого отдельная койка и тумбочка. Утром встал, помылся, выпил стакан воды, поднялся на два марша по лестнице — и ты в аудитории. Очень удобно.

А мы съезжались на лекции из разных уголков Москвы. Я, к примеру, ехал от Красных ворот, Юрий Трифонов с Нижней Масловки. Иногда мы сходились на Пушкинской площади, дальше шли пешком.

Студенты-москвичи как бы держались друг друга и старались не очень вникать в загадочную, а порой и скандальную жизнь общежития. Там стреляли пятерку до стипендии, делили (или прятали) полученные из дома посылки. Случались и амурные дела. Хоть и в полуподвале, а все на виду.

Но однажды в конце 1948 года случилось событие, которое взбудоражило всех. Мы с Трифоновым едва вошли во двор, к нам подбежал Володя О.

— Эмку Манделя арестовали,— взволнованно сообщил он.

— Когда? — спросил Трифонов, словно он знал об этом.

— Сегодня ночью. Прямо в общежитии. Нашли рукописи и машинописные копии. Его увезли. Ребята всю ночь не спали.

Наум Мандель (впоследствии он стал Н. Коржавиным) ходил у нас в лохматых гениях. Писал он только нетленку. Не было тогда в институте ни одного студента, который не знал бы его стихов.

Можно строчки нанизывать
Посложней и попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.
Мы не будем увенчаны,
И в кибитках за нами
Настоящие женщины
Не поедут снегами.

Это были длинные стихи, почти поэма. Но ведь он же не делал из этих стихов тайны, читал их во всех коридорах. А теперь говорят — там был призыв. Есть там призыв? Или же не было там призыва? Вот теперь там и разберутся — есть призыв или нет? Не нашего ума дело.

Как я теперь понимаю, арест молодого поэта, которому

тогда исполнилось 23 года, был превентивной мерой, направленной не только против Наума Коржавина (хотя против него, разумеется, прежде всего), но и против всех нас, так сказать наглядная агитация к постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград», опубликованному незадолго до этого. Вот смотрите, и с вами может случиться такое, если вы вздумаете сочинять призывы.

На другой день Трифонов сказал мне:

— Его ведь вызывали.

Я понял, о ком он говорит, но все-таки спросил для страховки:

— Туда?

— Да. На Лубянку. Месяц назад.

— Откуда ты знаешь? — Я удивился, но задал вопрос безбоязненно. Конечно же, Трифонов не услышит того гаденького намека, который мог бы звучать в таком вопросе.

И в самом деле.

— Он сам мне рассказывал, — спокойно отвечал Трифонов. — Советовался, что ему делать.

— И что же ты?

— Сказал ему: замри.

Наум Коржавин был реабилитирован в 1955 году, вернулся из Караганды в Москву, восстановлен в Литературном институте и все-таки закончил его, стал членом Союза писателей.

Выходили его книжки. Коржавин истинный поэт, у него есть свой читатель, хотя успех его у читателя трудно было назвать широким. Но вот в середине семидесятых годов новый поворот судьбы — он уехал в Америку, живет в Бостоне.

Юрий Трифонов не одобрил отъезда Коржавина, однако и повлиять на это решение не мог: слишком сложно все закрывается в жизни.

— Хочу уехать как можно дальше от Караганды, — говорил Коржавин на проводах. — Знаю, от себя не уедешь. Но я там был и не хочу туда снова. «Кто однажды отведал тюремной похлебки...» Конечно, там слаще не будет, но там будет спокойнее, хотя покой для поэта смерть.

— Все знает, — сказал кто-то из гостей.

— В том и есть, состоит наше заветное: все понимаю, а сказать ничего не могу.

— Пиши, — сказал Трифонов.

— Как только приеду, сразу...

— Ты вообще пиши. Эпохал.

— Согласен на нетленку.

Мы вышли вместе, долго шли ночной Москвой.

— Больше всего это похоже на похороны,— сказал Трифонов, как бы подводя итоги.

— Как ты сказал ему тогда? Замри?

— Но мы же меняемся. Растем. Мы мыслим.

— А самому себе ты мог бы сказать: замри?

— Никогда.

Публикация повести «Студенты» в «Новом мире» вызвала оглушительную реакцию в Литературном институте. Это же про нас. Про наши споры, проработки, подсижки. Ведь и в нашем институте выявили космополитов не только среди профессуры, но и среди студентов. Нас тоже прорабатывали.

Помню, я прочитал «Студентов» на одном дыхании. Самой поразительной мне показалась вещь в сущности нелитературная: абсолютная узнаваемость персонажей. Такие чувства испытывал не я один. Мой однокурсник Ш. как бы подвел черту под разговорами на эту тему:

— Здорово написал. Как на фотографии. Все ребята один к одному.

Что же касается авторской позиции — какие тут могут быть упреки? Кто решится защищать этих безродных отщепенцев? А если ты напишешь в их защиту — кто тебя напечатает? И вообще, тут не может быть двух мнений. Есть передовица в «Правде». Это и есть мое мнение.

С этой стороны претензий к Трифонову не было. Даже я, будучи некоторым образом причастным к безродной кучке, каким-то непостижимым образом проходил сквозь эту дилемму, ничуть не касаясь ее. Если ты объявлен космополитом, то не надо упорствовать, надо каяться и тут же, без промедления, исправляться. Так велит передовица. Именно об этом пишет Трифонов. И как пишет. Это вам уже не передовица. Это же самая настоящая нетленка.

Гораздо больше волновал меня другой вопрос, он-то и казался самым злободневным — почему Трифонов не сказал мне о готовящейся публикации в журнале?

Как говорится, вопрос поставлен.

— Ты же знаешь, там все висело, требовали сокращения.

Теперь-то жизнь научила: таись до последнего момента. А тогда я чувствовал себя задетым и получил в качестве компенсации журнал с дарственной надписью: «Старик! Старт взят. Желаю удачи».

В 1951 году Юрий Трифонов получил за повесть «Студенты» Сталинскую премию третьей степени по литературе. Я был тогда в отъезде и, прочитав сообщение в газете, хотел было дать телеграмму. Оказалось, не знаю адреса, хотя бывал на Масловке не раз.

К тому времени мы закончили Литературный институт и встречались реже. Изменилось и место встречи — теперь это был особняк на улице Воровского, где размещался клуб писателей.

Но разве можно забыть родной Литинститут? Ты слышал, завтра в институте встреча с Ильей Эренбургом? Интересно, при чем тут Юрий Трифонов? А при том, что встреча закончилась вопросами-ответами. Я и спросил об этом: как Эренбург относится к повести Юрия Трифонова «Студенты»?

Записка долго шла по рядам, легла на стол. Эренбург развернул бумажку и тут же прочитал ее вслух.

Вопрос ставился в очередь, ответ получился внеочередным.

— Автор весьма талантлив, но я хотел бы надеяться, что он когда-нибудь пожалеет о том, что написал эту книгу.

Это звучало почти загадочно. Что делать: вещие слова почти всегда принимаются с опозданием.

Я внимательно оглядывал переполненный зал: Юрия Трифонова среди собравшихся не было.

Спустя неделю мы встретились в клубе писателей, сели на бегу за столик в надежде выпить по стакану пива. Я все время ждал, что Трифонов спросит, был ли я на встрече с Эренбургом? Но он так и не спросил. Трифонов всегда умел быть застегнутым на все пуговицы. Я тоже промолчал: если бы не я писал ту записку...

Выпили пивка и разбежались по своим литературным дорожкам. У Трифонова тогда, как синоним успеха, появилась машина, помнится, «Победа». «А то подвезу», — снисходительно говорил он.

Спустя много лет, прочитав «Дом на набережной», я понял, что Юрий Трифонов знал обо всем.

3. ПИСАТЬ ИЛИ СЛУЖИТЬ?

С окончанием Литературного института начинается профессиональная литература. Первым пунктом в повестке дня стоит вопрос:

— Как писать? Какую стратегическую линию взять?

Юрий Трифонов уверенно заявил:

— Я за роман. Пусть это дольше. Зато роман всегда себя оправдает. Роман и на потом может остаться, его можно переиздать через пять лет. А эти рассказы, очерки — они распыляют, это нерентабельно.

Владимир Тендряков не менее пылко выдвигал свою теорию:

— Надо писать небольшие повести. Четыре листа, а то и три. Над романом я буду горбатиться пять лет, а меня возьмут да и прокатят. Это же трагедия, жизнь насмарку. А если это повесть на четыре листа, другая музыка. Отказ — и нет никакой трагедии, писал всего полгода, у меня еще две повести в загашнике. Одна не пошла, пойдет вторая. Одну обругали, зато вторую похвалили. Вероятность разочарования резко падает, я остаюсь в строю.

Трифонову он возражал так:

— Роман это дворянская теория. Если у тебя имеется в резерве Ясная Поляна, можешь садиться за роман. Имеешь две тысячи душ — сиди и пописывай. Все русские романы написаны помещиками. А мы на дачах не сидим.

Это был уже прямой намек на Юрину дачу в Серебряном Бору, тем более что и разговор наш происходил на тамошнем пляже на берегу Москвы-реки. Юрий Трифонов был среди нас единственный, кто мог сказать про себя: поеду на дачу, приехал с дачи... Хотя эта дача в Серебряном Бору была чисто условным понятием, она была перенаселена и, разумеется, принадлежала не Юрию Трифонову, а его родственникам. Тендряков же тогда жил в институтском общежитии, и для него все, что было больше одной комнаты, именовалось дворцом. Это уж потом, через много лет пошли писательские дачи в Красной Пахре.

Второй пункт повестки дня был близок к первому, но гораздо сложнее:

— Идти служить или идти писать?

Окончили мы институт, получили дипломы — что дальше?

Кто мы? В дипломе сказано — литературный работник. Что это такое? Хорошо Юрию Трифонову — он лауреат, автор нашумевшей книги. А как быть нам, рядовым «литрабам»? Служить или писать?

В начале пятидесятых годов такая проблема была не столь очевидной, как сейчас, но тем не менее она существовала и в те отшумевшие времена. Разумеется, каждый решал для себя сам. Но совет и поддержка товарища оказывались далеко не лишними.

Договорились встретиться у метро «Сокол». Там сели на двадцатый троллейбус и доехали до круга. Тогда это была далекая окраина. Шагаем по жаркому шоссе.

А говорим все о том же.

— Слышал про Юру Б.? — это он спросил.

— Нет. А что с ним?

— Отличился. Пошел служить в «Литгазету». Завотделом критики.

— Он же не критик.

— У него повесть не взяли. Жить-то надо.

— А ты пошел бы?

— Мне предлагали. Для меня вопрос решен: только писать. Пусть будет трудно. Надо выстоять. Почему они идут служить? Только потому, что не могут писать. Они бесплодны. Это неудачники от литературы.

На шоссе было жарко. Так ведь и проблема наша не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Как мы, грубо говоря, рассуждали тогда, в свои тридцать лет? Мы же творцы. Сжигаемы одним огнем — создать эпохал. Мы свободные художники и потому должны жить литературным трудом, на гонорар. К тому же мы состоим в творческом союзе. Мы не литературные чиновники, повторяю: творцы — этим все сказано. Если же идти служить, сидеть на службе «от» и «до» — когда писать?

А тут я один. Парю как птица за письменным столом. Нет надо мной начальников. Художник должен быть свободным, вся история литературы подтверждает это.

Если человек понял, что он не создан для эпохала, — что прикажете ему делать? Он пойдет служить. Будет жить на оклад.

Но мы-то знаем про себя, на что способны. Только на эпохал. Плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом, ну в крайнем случае генералом.

Два месяца спустя, разговор по телефону:

— Слышал новость? Володя Н. пошел служить в «Молодую гвардию». Мыкался со сборником стихов, не получается. Нашел прибежище. А тебе ничего не предлагали?

— Пока держусь.

Да, они неудачники, это точно. Мы твердили это как заклинание, как молитву, настоянную на бессонных ночах за письменным столом.

Мы выстоим.

Не знаю: многие ли выстояли? Может быть, Юрий Трифонов был один на всех нас.

Но как же он выстоял, если он лежит, погруженный в цветы, а я стою у него в изголовье в почетном карауле, и глаза застилает пелена тумана. Как же так, Юрий? Ты был самым стойким среди нас, и все равно не выстоял. Так ведь и смерть принял стойко. Зачем же так?

Потом я перечитал все его книги. На этот вопрос ответа нет. Юрий Трифонов не был готов к собственной смерти. Впрочем, как и все мы.

Но пока на жарком шоссе мы только начали ставить свои вопросы, нисколько не ведая о том, каким окажется ответ. И дача уже показалась за невысоким прохудившимся забором.

Вопросы ставились.

И вопросы оставались.

Прошло четверть века. Мы снова заговорили на эту тему. Разговор протекал в обстановке наибольшего благоприятствования: кафе на набережной в Ялте. Столик с видом на море и пирс с кораблями.

Можно и так написать для краткости — валютный пейзаж. Только вот разговор (теперь и он отошел в далекое прошлое) оказался вполне отечественным, русским — опять о судьбах той же литературы.

Одна из московских повестей Юрия Трифонова называется «Предварительные итоги». Я полагаю, случайности могут быть в жизни, в творчестве их не бывает.

Так вот: Юрий Трифонов как бы подводил предварительные итоги, и кто мог знать, что они уже окончательные и потому обжалованию не подлежат. Это была одна из последних наших встреч.

И вот меня не оставляет мучительная мысль. А может, он все-таки догадывался? Нет, наверняка нет. Верно, это сейчас так кажется, будто догадывался, словно мы разби-

расм не саму жизнь, а один из вариантов судьбы. Ни о чем мы не догадывались в тот вечер на фоне валютного пейзажа на заморские корабли у пирса. Трифонов строил планы поездок, рассказывал о недавней встрече с Марком Шагалом.

И вдруг сказал:

— Помнишь нашу старую молитву: «служить или писать»? Мы-то считали их неудачниками. А между тем неудачниками оказались мы сами.

Я сразу понял, что он имел в виду, но тем не менее посчитал, что должен смягчить удар, обращенный на меня же.

— Слушай, — сказал я ему с упреком. — Тебе-то вообще грех жаловаться.

Ну скажите, как мог я не знать, что Юрий Трифонов больше всех нас имеет право на жалобу, на плач по своей литературной судьбе. Я пытался второпях поправиться, говоря:

— У тебя же свой читатель. И ты говоришь ему то, что хочешь сказать. Пусть нет официозного, внешнего успеха, зато есть успех внутренний, это выше.

— Успеха вообще не должно быть, — с жаром подхватил он. — Речь не о нашей судьбе, твоей или моей. Мы проиграли им больше — нашу литературу.

— Но мы старались не проиграть. Это зависело не от наших возможностей.

— Какой вид спорта самый трудный? — неожиданно спросил он без всякого перехода. — Как ты думаешь?

— Стометровка, — ответил я наобум.

— Прыжки в высоту, — уверенно сказал он. — Бег — естественное состояние человека. И прыжки в длину. И метание копья. Все естественно вытекает из потребностей жизни. А прыжки в высоту — это против природы. Против тяготения. Потому-то при прыжке в высоту все время хочется снизить планку. Именно это они и делали.

— Кто они?

— Те самые. Которые были неудачниками четверть века назад.

Писатели любят говорить о плохом устройстве своего литературного дела. Но разве мы не сами его организовали? Да и то сказать — все мы клали по кирпичику, однако же не все ведали, что же такое у нас получается. Как известно, в Союзе писателей есть птицы певчие и есть птицы ловчие — об этом еще Александр Твардовский говорил. Таким обра-

зом, литература представляет полный диапазон крылатой фауны. Птицы певчие поют в силу своей природы, ибо не могут не петь. А птицы ловчие стоят на страже и чутко слушают пение певчих птиц. То ли поют? А главное, ловчие тут же сигнализируют в инстанции, если какая-то несчастная птаха увлеклась своим прекрасным голосом и сама не заметила, как отдалилась от заданного щебетанья и поет уже явно не то.

Птицы ловчие всегда на страже. Без этого им не прожить на свете.

Птицы ловчие и размножаются лучше. У них есть одно неопенимое преимущество: они не тратят времени на бесполезное пение. Птица ловчая все время в работе.

А эта птаха знай себе распевает, выводит одно колено за другим — и горя ей нет.

Птицы певчие заметно шли на убыль.

Нет, я ничуть не жалуясь. Мы пришли в литературу сразу после войны, и вход в нее был тогда свободен, более того, справедлив — по таланту. Юрий Трифонов получил Сталинскую премию в 26 лет. Разве может сейчас произойти такое? Мы и в Союз писателей вступали до 30 лет. Сейчас до сорока ходят в молодых.

А нам-то все казалось, будто нас зажимают, не дают хода.

Разрабатывались различные литературные тесты. Один из них придумал Трифонов:

— В редакцию толстого литературного журнала пришел молодой человек двадцати четырех лет от роду и говорит: «Я написал большой роман о войне в четырех книгах». — «Очень приятно, — говорит редактор. — Война это именно то, что нам сейчас нужно. У вас что — битва за Берлин?» — «У меня первая мировая и гражданская, — отвечает молодой автор. — История казацкого рода». — «Сожалею, но эта тематика для нас не актуальна. А как вас зовут?» — «Михаил Шолохов», — ответил автор и ушел ни с чем.

Я не только посмеялся, но и утешился от вчерашнего отказа в толстом журнале. Куда уж нам, если даже «Тихий Дон» завернули.

Но «Тихий Дон» не заворачивали. Его редактировали. В станице Вешенской сидел редактор, назначенный из Москвы, и вместе с автором создавал новую редакцию романа.

Такую же экзекуцию проделал Александр Фадеев над новой редакцией «Молодой гвардии».

Примерно тогда родилось крылатое выражение: что такое столб? Ответ: хорошо отредактированная сосна.

Вот в какие прекрасные годы мы вступали в литературу. А ведь, повторяю, на дворе были пятидесятые годы, тогда мы и слыхом не слыхивали о серой литературе. Такого понятия вообще не существовало. Все это из позднейших наших приобретений.

Эпоха воодушевляла нас: 1956 год, XX съезд, целина, Братск. И та же эпоха выкручивала руки. Не каждому было дано выдержать тот искус, который предстояло пережить нам в течение ближайших двадцати лет.

Я пишу отнюдь не историю советской литературы времен застоя. Это всего лишь воспоминания о моем товарище по литературному цеху, которого я хорошо знал все эти годы и, как теперь можно признаться, любил такой любовью, о которой и сам едва ли догадывался, пока Юрий Трифонов был жив. Мы осознаем значение ухода лишь тогда, когда он делается необратимым. Наши литературные судьбы складывались по-разному, но было в них и нечто общее — внешняя среда, на которой мы произрастали. Проще сказать, мы варились в одном литературном котле. Какой из кого бульон получился — это уже другой разговор.

Литературные перекрестки многолики, чаще всего они вообще вне распорядка дня.

Встретились в Алма-Ате, первый год освоения целины.

— Ну как?

— Много земли уносит ветром. Это черные бури. Считают и отчитываются по валу.

— А люди?

— Видим одно, пишем другое. Новый вид потогонки — проходимчик.

Колонный зал Дома Союзов. Хоронили Александра Фадеева, покончившего в 1956 году свои счета с жизнью. По поручению партийного комитета я всю ночь провел в Колонном зале, дежуря у гроба. Трифонов знал об этом, потому что первым делом спросил.

— Всю ночь стоял у гроба. Что выстоял?

— Я сидел.

— И что же высидел?

— Наблюдал за теми, которые стояли.

— Где письмо Фадеева, не слышал?

Фадеева хоронили торжественно, с уклоном в помпезность. Людской поток вливался в Колонный зал. Траурный митинг на Красной площади. И вместе с тем была явная недоговоренность во всем этом действии, организованном на показ. А официальное извещение о смерти было вообще оскорбительным: покончил де с собой в состоянии депрессии на почве алкоголизма. Увы, мы и сегодня не знаем всей правды о причинах самоубийства Александра Фадеева. Предсмертное его письмо, адресованное в Центральный Комитет, до сих пор не распечатано для широкой публики.

Оставалось гадать на кофейной гуще.

— Это совесть, — сказал Юрий Трифонов, когда мы возвращались с Красной площади. — Рано или поздно она просыпается. Тема освобождения всегда неразрывно связана с темой возмездия и покаяния. Не скоро у нас теперь будут такие пышные писательские похороны.

Спустя несколько месяцев в журнале «Новый мир» был напечатан роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Роман явился на хорошо подготовленную почву. Успех был ошеломительным. Тем, кто не был ему свидетелем, сейчас даже трудно представить себе, что такой успех вообще возможен. Про роман Дудинцева говорили, что он написан «другим шрифтом» — столь чудодейственным оказалось прикосновение к правде, рассказ о горестной судьбе незадачливого изобретателя Лопаткина. За последние 30 лет я не могу припомнить второго столь же бурного литературного успеха. У современной серой прозы, естественно, и успехи серые.

Осенью 1956 года в Дубовом зале клуба писателей состоялось обсуждение романа «Не хлебом единым». Зал был переполнен, выступали сплошь маститые: Паустовский, Бзыменский, Михалков. Мы, молодые, притулились в дальнем углу — и слова не просили. Успех был полным, восторги — единокорными.

Впрочем, тогда и самому Дудинцеву было всего 38 лет. Молодой, ершистый, острословный и даже слегка растерянный, он сидел за круглым столом в окружении мэтров. Казалось, он сам не понимал причин обрушившейся на него славы.

Мы сидели с Трифоновым в одном ряду, через два стула. У нас действовал свой клуб.

— Все, ребята, выпустили джина из бутылки, — говорил Трифонов. — Теперь его не загонишь обратно.

— Посмотрим, — сказал тот, который сидел между нами. — Как выпустили, так и загоним.

В нашем отечестве легче всего быть мрачным пророком. Прошло совсем немного времени, и все закружилось в обратном направлении — это и нетипично, и не актуально, и вообще — очернительство и злопыхательство. Должен заметить, разнос был почти равновелик первоначальному успеху. Роман, написанный «другим шрифтом», властям был не нужен. На всю литературу полагается один всеобщий шрифт: предельно четкий по форме и послушный по содержанию.

Встретил Трифонов в издательстве на 11-м этаже. Он шел по коридору с двумя толстыми папками — принес на сдачу сборник рассказов, два экземпляра. Обменялись новостями.

— Что-то Дудинцева не видать. Где он?

— Как где? Пишет новый роман. Кажется, про картошку.

Я удивился: разве можно писать под аккомпанемент всеобщей хулы?

— Что же нам еще делать? — почти спокойно отвечал Трифонов. — Мы и не умеем ничего другого. Не идти же служить.

Компания проработок ширилась. Глоток свободы 56-го года дорого стоил. Прорабатывали рассказ Яшина «Рычаги», заставляли каяться Казакевича, напечатавшего этот рассказ в альманахе «Литературная Москва», обрушились на Померанцева за его статью «Об искренности в литературе». Прошел всего год, принялись хором за Бориса Пастернака, напечатавшего свой роман «Доктор Живаго» в Италии. Потом случилось самое постыдное — исключение Пастернака из Союза писателей на общем собрании в Москве.

Вечером Трифонов позвонил мне:

— Ты был?

— Духа не хватило. А ты?

— Я тоже не был. А что было, знаешь?

— Говорят, единогласно. И заставляли выступать самых близких к нему людей.

— А ну их... — он выругался. — У них одна цель: планку понизить.

В эти переломные годы каждый из нас окончательно выбирал свой путь — еще не поздно было пойти на службу...

Юрий Трифонов начал тогда увлекаться спортом, часто публиковал очерки в «Комсомольской правде», ездил на международные соревнования. Очерки эти были прекрасны, до сих пор помню эссе об олимпийском чемпионе конькобежце Гришине — о том, как должен уходить настоящий чемпион. Но в то же время невольно думалось: не пустился ли Юрий Трифонов в отход? Именно в эти годы возник новый термин — отходная литература.

— Ты какой вид спорта предпочитаешь?

— Я болельщик.

— Не о том спрашиваю. Вот если взять наше дело, наше писание. С каким видом спорта это можно сравнить?

— Тогда это марафонский бег на дистанцию длиной в одну жизнь.

— А у меня стипль-чез. Нет, не так. — Он подумал и продолжал. — Вот как это называется — прыжки в высоту без разбега со связанными руками.

4. ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Юрий Трифонов стал надолго исчезать из Москвы. Говорили, что его видели в Средней Азии чуть ли не верхом на верблюде, что он там потерял?

И вот у меня на животе лежит толстенный «кирпич», а сам я с этим «кирпичом» расположился на старом диване.

Как известно, в литературной среде «кирпичом» называют толстый роман. У меня в руках было 500 страниц машинописного текста, я устал их держать на животе и перешел на облегченный метод: брал в руки небольшую стопу и держал их перед глазами на весу, складывая прочитанные страницы прямо на пол.

Роман назывался «Утоление жажды». К утру он был прочитан.

«Утоление жажды» было встречено более чем положительно, о нем писали много и почти восторженно. Однако вехой роман не стал. С высоты пережитого видно, что Трифонов перебежал дорогу самому себе. Если бы он не написал московских повестей, «Утоление жажды» стояло бы много выше на полке читательских симпатий. Но в то же время отчетливо просматривается: «Утоление жажды» — это первый подступ к московским повестям.

А еще «Утоление жажды» удивило меня отдаленностью

материала и фона. Я спросил его: зачем так далеко ездить за материалом, аж в Среднюю Азию? Разве в Москве нельзя найти экскаваторщика-хапугу?

Трифонов ответил четко: надо подкопить силенок. И я его понял, так как сам тоже мотался по стране, — то на целину, то в Братск, на Вилюю. Вдали от Москвы жизнь казалась более цельной, это было видно невооруженным глазом.

Юрий Трифонов копил силенки для московских повестей, еще не зная, в каком конкретном виде они явятся к нему. Московские повести явились не от хорошей жизни. Они возникли из личных драм, хотя прямые заимствования там не проглядываются даже при самом пристальном изучении. Это не заимствование судьбы или портретного сходства. Это запись собственной сердечной боли. Пусть я никого не угадаю в лоб, но я точно знаю — это его жизнь.

Читал ранних «Студентов» и поражался: как похоже. Читаю московские повести и снова поражаюсь: ничего похожего. А ведь дело не во внешней похожести. Дело в судьбе, помноженной на сердечную боль.

Начиналось десятилетие, которое сделало Юрия Трифонов — Трифоновым. Сейчас кажется странным, что московские повести и первая из них «Обмен», были встречены официальной критикой более чем настороженно. С другой стороны, ничего странного здесь нет. Ведь это были уже годы выхода к застою, когда завершалось становление серой литературы. Планки были умело сбиты. Те «неудачники», которые десять-пятнадцать лет назад пошли служить, выходили теперь на гребень серой волны.

Юрий Трифонов так и не узнал, не услышал слово — «застой». Тогда мы говорили меж собой — «стагнация», так казалось благозвучнее. А может, мы скрывали за туманным ученым словом свою растерянность перед эпохой. Но художник вовсе не обязан привносить в мир терминологические истины. Я же говорю: была бы сердечная боль... Ну еще, разумеется, немножко порядочности, и еще минимум таланта, и еще 122 параметра по честности, доброте, способности к самоотдаче.

Это теперь мы, с опозданием на четверть века, задались эпохальным вопросом — как возник застой? Истинный же художник ощутил застой до его возникновения.

И то ведь правда — общество никак не ставило перед собой такой высокой цели — давайте войдем в застойное со-

стояние, там так хорошо. И перед писателями не ставилось столь высокой задачи — вперед, к серой литературе.

А тем не менее все получилось именно так, словно обществу действовало по заданной программе. Никто туда не призывал, тем не менее пришли к намеченной цели.

Загадка XX века — не правда ли? Но поскольку сам застой по своей социальной природе есть явление довольно примитивное, ответ не должен быть сложным. Застой стал естественным состоянием той структуры, которая тогда действовала — да и сейчас еще действует. Основы этой структуры были заложены Сталиным, сейчас она получила обозначение как административно-бюрократическая система. Доклад Хрущева на XX съезде партии о культе личности и его последствиях затронул лишь самого Сталина, оставив в неприкосновенности все остальное. В докладе было четко сказано, что культ личности находится вне природы социализма и не влиял на развитие нашего строя.

Как хотелось, чтобы было именно так. Получилось по-другому. Административно-бюрократическая структура, созданная Сталиным, не была затронута даже словом в докладе Хрущева. Она осталась — и сделала свое черное дело.

Не имею смелости принять на свое перо историю всего застоя: тут ведь и экономика, и просвещение, и наука, и правосудие, и еще, и еще. Но вот застой в литературе протекал на моих глазах, тут я мог бы внести свою лепту, ведь я состою при этой литературе свыше сорока лет, а свидетельство очевидца никогда не оказывается лишним. Тем более, что я в какой-то степени являюсь и хранителем памяти моих литературных товарищей — и в состоянии передать их свидетельства дальше по цепочке поколений.

Итак, о серой литературе. Когда и как она возникла под нашими ясными небесами? Сколько словесных копьев было сломано на эту тему в наших спорах, в том числе и с Юрием Трифоновым. Сколько речей на собраниях было произнесено, сколько призывов распечатано, а она, серая, хоть бы хны, существует — и не в зуб ногой.

Рене Декарт сказал:

— Когито ерго сум. Мыслю, следовательно, существую. Прошло почти 400 лет, выражение явно устарело. Теперь правильнее будет сказать:

— Сервио ерго сум. Служу, следовательно, существую.

Так что же все-таки делать с серой литературой? А ни-

чего не надо с ней делать. Серая литература существовала во все века и, надо думать, существование ее не завершится в нашем веке.

У меня на книжной полке стоят старые журналы. Раскрываю наугад. «Вестник Европы» за 1905 год. А вот «Отечественные записки» за 1872 год. Читаю оглавление. Ни одного знакомого имени, где-то в дальнем уголке притулился рассказ Григоровича.

И это понятно. Литературный поток неохватен. Нетленные вещи составляют тысячную долю процента. Все остальное смывается временем.

Серая литература существовала всегда, однако не всегда она называлась серой. Это та самая литература, которая идет в массовом потоке во всех журналах, альманахах, та самая потогонка, без которой невозможно существование нетленки. Но существуя, серая литература всегда занимала подобающее ей место, не имея ни сил, ни повода вытеснить настоящую литературу, тем более классику. Литературный процесс развивался многослойно, по разным этажам. У массовой литературы тоже имелись свои фавориты, свои стремительно меняющиеся кумиры — и это никому не мешало. И вот произошло смещение понятий. Серая литература всплыла наверх, решив, что она и есть самая главная литература. Серая литература пыталась стать нетленной — вот тогда-то и стала видна ее серость. Однако это ничуть не смущало обладателей серого пера, ибо они владели литературными креслами и все больше становились распорядителями литературного потока.

Ну а если планка снижается, серая литература вылезает в свет, то хорошая литература, естественно, должна задвигаться, перед ней вырастает заслон. И этот заслон не сам возникает, он создается в результате намеренных действий.

Ах, сколь сладок плач по собственной судьбе. Особенно когда тебя слушает твой товарищ, готовый понять и поддаться. Поплакался — и сразу легче стало. Снял вину с себя и переложил ее на внешний мир.

А ведь Юрий Трифонов не умел жаловаться. Если это и были жалобы, то чисто информативного свойства: в одном журнале не берут, в другом журнале тянут и водят за нос. И если Юрий Трифонов жаловался, значит, крепко допекло.

Сохранилось телевизионное интервью Трифонова. Его снимали дома, в квартире на Песчаной улице, пятый этаж

без лифта, холодная вода подается нерегулярно, три комнаты, кухня 5,5 метров, отопление работает с трудом. Юрий Трифонов сидит на стуле на фоне книг, прижатый к стене. Я понимаю, как это получилось, режиссер того не хотел. Но кабинет тесный, полки по всем стенам. И книгам на полках тоже тесно, они буквально втиснуты в эти полки.

Бог с ними, книгами, они выдержат. Но ведь сам Трифонов прижат к стене, почти распластан, распят. Мне всякий раз становится больно, когда я вспоминаю эти кадры.

Так он и жил, будучи прижатым к стене. Так и писал.

В таком положении он выстоял — однако же ценой собственной жизни.

Как же так? Никто не хотел серой литературы, но тем не менее она поднялась наверх. И те писатели, которые ее народили, возможно, тоже этого не хотели.

Просто они пошли служить по литературному ведомству. Все остальное случилось само собой.

Где служит советский писатель? В толстом или тонком журнале, в издательстве, членом редакционной коллегии или редсовета.

А еще слаще, если тебе удастся поступить на службу в творческий союз республиканского или, тем паче, общедержавного значения. В творческом союзе ты станешь секретарем, не только дорвался до пирога, но и сам этот пирог делишь на равновеликие части, одну часть товарищу, две части себе.

Бережно храню в личном архиве старый листок перекидного календаря, ненароком спасенного мной для истории. 17 октября 197... года. Убористым почерком записан расписание дня:

10.00 — Инструктаж в Большом сером доме. Тема — что можно и что нельзя.

16.00 — Редколлегия журнала — план публикаций на 197... год.

17.30 — Творческая конференция по книге «Возрождение». Речь — 10 минут. Взять у референта.

19.00 — Юбилей писателя НН. Дубовый зал.

Насыщенная программа, ничего не скажешь. Еще вчера они не были знакомы меж собой, еще только присматривались друг к другу — но ведь встречаются каждый день на инструктажах, совещаниях, редсоветах, секретариатах, комиссиях. Как тут не перезнакомиться. Тут и обед в закры-

том буфете, где можно перекинуться тремя фразами с нужным лицом и за полсекунды решить вопрос, на который в обычных условиях ушло бы полгода.

Боже мой, беда-то какая. Перетрутился наш секретарь, заболел, слег в больницу. Но и тут в больничном коридоре окажется полезный человек, с которым всегда будет приятно поговорить на литературные темы. Больница-то специальная, и в то же время как бы своя — для избранных.

Литературное ведомство многолико, просторно. И всюду служат наши люди. Не успели новые друзья оглянуться, уже и жены наши перезнакомились, то ли в спецателье, в спецмагазине.

Пришла разнарядка в загранкомандировку — надо пропагандировать нашу родную литературу. Ничего страшного, мы и в загранку вместе полетим, я тебя не подведу, ты меня. Товарищ проверенный на всех уровнях.

А этот чужак сидит в полном одиночестве за письменным столом, водит пером по бумаге, обуреваемый вечными вопросами: как жить? кто виноват? И никто ему не звонит, никуда его не приглашают, никому чужак не нужен.

Писатель-одиночка врывается в нашу суперплановую систему как чужеродное тело. Он написал нечто. Но ведь он нигде не запланирован. А наши литературные планы написаны на много лет вперед. И в этих планах четко размечено — кто есть кто. В каком кресле сидишь, в таком плане и стоишь.

Кто же позволит планы ломать вторгшемуся?

Когда-то, во времена оно, среди писателей был в ходу вопрос:

— Что сейчас пишешь?

Теперь спрашивают по-другому:

— Для кого пишешь?

— Товарищи, минуту внимания. Вопрос последний, но тем не менее важный. Нам удалось пробить новую серию. Решение состоялось. На повестке дня один вопрос: кого печатать в новой серии? Я думаю, начнем с присутствующих...

Недаром кто-то сказал в те годы:

— Литература начинается с самого себя.

Планка снижалась постепенно, практически незаметно для глаза — как уровень Аральского моря. А четверть века прошло — тут мы и ахнули.

Где же море?

Серую литературу стали выдавать за эталон, тут и смешались литературные миры. Серую литературу навязывали силой — с помощью системы премий, тиражей, изданий. А какие были корешки, какие переплеты!

Где море литературное?

В свое время, почти сразу после войны, у нас была в ходу теория бесконфликтности, согласно которой в нашей действительности и, следовательно, в литературе, может быть конфликт только между хорошим и отличным. У серой литературы открытых теоретиков не было, зато в развитии ее практически были сняты все ограничения, как художественные, так и нравственные. Вершиной серой литературы стали «Воспоминания» Л. Брежнева, сработанные чужими липкими руками, не имеющими ни малейшего отношения к русской литературе. Эта стыдная история была умело растянута во времени на несколько лет: публикация «Воспоминаний» малыми порциями, теоретические семинары, переводы (показные) на все языки мира, творческие конференции по всем городам и весям нашей державы. И как апофеоз — вручение Л. Брежневу Ленинской премии и почетного писательского билета.

Ленинскую премию вручал Брежневу наш литературный патриарх Г. Марков, многие годы руководивший нашим литературным делом, основанным, как известно, в 1934 году Максимом Горьким.

Спрашивается: мог бы М. Горький вручать литературную премию руководителю государства? А ведь и времени прошло всего ничего. Сменилось одно человеческое поколение.

Где же море?

Сознаю, разговор мой получается беглым. Тут бы поговорить вдумчиво, не торопясь, с использованием цитат и документов. Но мне пора возвращаться к моему герою, Юрию Трифонову, так как я не считал себя вправе переключать на его плечи наши общие заботы, хотя и он успел застать вспышку новой писательской звезды на нашем литературном небосклоне, и отношение его к явлению Брежнева было, как вы догадываетесь, однозначным.

Книги Брежнева печатались миллионными тиражами. Потом работали в три смены дробильные машины, пуская все это под нож, в макулатуру. Гонорары автору выплачивались фантастические, таких и в природе не существовало. Гонорар в макулатуру не шел.

С кого спрос? Сколько лет потребуется нам для того, чтобы очиститься от этой скверны, забыть ее.

А ведь мы были современниками — и пережили этот средневековый мрак.

Звонок по телефону. Говорит Юрий Трифонов:

— Сегодня в клуб не ходи.

— А что там?

— Обсуждают «Малую землю».

— Спасибо.

— Я за спасибо не работаю.

— Тогда свежий анекдот. Космонавт докладывает в Центр управления полетом: «Вижу в иллюминаторе две Земли, Большую и Малую. Что это? Малая земля закрыла Большую. Большой земли совсем не видать. Вас понял. Совершаю посадку на Малую землю».

— Тройка с минусом, — отрезал он.

— Чем богаты...

— Ты мне вот что скажи. Есть очернители — так? И есть охранители — да? Всех очернителей к ногтю — тоже верно. Ни одного очернителя не осталось безнаказанным — так? А теперь скажи мне — был ли когда-либо в какой-либо стране наказан хоть один охранитель? Пальчики оближешь, не найдешь такого.

И снова я вижу его распластанным на стене, снова слышу хрипловатый голос:

— Что делать? Это же прыжки в высоту без разбега со связанными руками. Вторая попытка считается использованной.

5. ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Он писал только в ученических тетрадях по две копейки штука, и только в клеточку. Это казалось почти смешным, во всяком случае неожиданным.

— Но зато «нетленка», — с улыбкой сказал он, показывая мне начало «Обмена».

Судьба литературных произведений сугубо индивидуальна, но можно все же установить несколько типовых моделей. Иные произведения имеют оглушительный успех в первый же день своего появления в свет. Проходит несколько лет — и о них никто не помнит.

Другие книги не теряют своего первоначального значения, занимая достойное место в читательском сознании. Пусть официальная критика о них вспоминает не часто, но все равно они есть, они написаны и стали составной частью культуры.

Третья модель. Книга выходит в свет вроде бы незаметно, без барабанного боя подготовительной рекламы, и сначала даже не совсем ясно, хорошая ли это книга. Пойдет она или не пойдет? Я полагаю, нужно лет десять, чтобы по-настоящему сложилась репутация книги, чтобы она разошлась по белу свету, проникла в самую действительность — и сама стала ее частицей.

У «Обмена» случилась как раз такая судьба. Первоначальный хор осуждения был едва ли не единодушным. Полный набор дежурных эпитетов — это бытовщина, заземленность, взгляд сквозь замочную скважину, это щелевидение. Нет, нет и нет, на самом деле мы не такие.

Куда он нас зовет? Почему он не дает нам идеала? Юрий Трифонов в самом деле никого никуда не звал. Он просто взгляделся в действительность — и расщепил ее. Взгляд Трифонова был чуть зорче общепринятого — и потому показался едва ли не чуждым.

Вещь, которую понял Ю. Трифонов, в сущности элементарна. Он понял, что распад человеческих отношений начинается с быта. А быт, если хотите, начинается с дефицита.

Никто не хотел, чтобы серая литература заполонила свет — даже цели такой не ставилось. А серая литература тем не менее явилась и стала эталоном. Никто не хотел, чтобы семья распалась, наоборот, все стремились сделать как можно лучше, а потом оглянулись, а кругом сплошь обломки.

Никто не хотел, чтобы возник застой. Цели были прямо противоположны — вперед и выше!

Что произошло с нашим обществом в конце шестидесятых годов? Да ничего страшного не случилось. Мы решили стать обществом потребления. Только и всего. Чтобы все у нас было как у людей.

Теперь, по прошествии двух десятилетий, отчетливо видно, что это была попытка с негодными средствами. Мы решили перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Создали потребительский интерес в условиях почти абсолютного дефицита того, что собирались потреблять.

Куда как просто. Сначала создай товарную массу, а потом потребляй ее. Но для этого требовалось время, а нам так не терпелось, чтобы все было как у людей.

А коль своих товаров нет, невелика беда — мы их купим. И впрямь, в магазинах этого заграничного барахла стало навалом. А мы им продадим за три тряпки то, чего у нас навалом, скажем, нефть.

Путь был в самом деле ускоренный, но, как бы это помягче сказать, не совсем высокоморальный, что ли. Нетрудовой это был путь, иждивенческий — мягче не скажешь.

Это лишь через 20 лет будет объявлено — импортная чума. А тогда мы, или наши жены, бегали по магазинам и радовались.

Падение общественных нравов начинается с быта, с каких-то жалких тряпок, в том числе. Трудно было представить справедливость данного тезиса. Не стыжусь признаться. Я прочел «Обмен» в журнале — и не понял. Как же так? Мы живописали сталеваров, экскаваторщиков, хлеборобов. А тут на тебе, какие-то явно нетипичные интеллигенты. Мелковато. Хотя написано с блеском, этого у Юры не отнимешь.

Официальная критика была шокирована. Московские повести отталкивали своим нелицеприятием. И уж — самый страшный грех — они никак не были похожи на серую литературу, более того, противостояли ей. Отсюда один шаг до обвинения в искажении, ведь были и такие выпады, зачем скрывать.

Трифонов был прижат к стене. Из удачливого писателя, баловня судьбы он становился критикабельным. Но еще больше было неофициального торможения, о котором как бы никто не знал и не видал.

Трифонова начали поприжимать. Его втискивали в стену, а он, естественно, упирался. Но упираться он мог только в стену.

Чтобы исследовать ход индивидуальной судьбы, надо прежде всего установить течение всеобщности, соотнести индивидуальное и народное.

Так вот, начнем с вопроса, который уже много лет готов сорваться с языка: с какой целью Сталин создал в 1934 году Союз писателей? Ответ звучал не единожды: объединить творческие силы, создать многонациональный отряд и так далее. Но разве не было других причин, которые не провозглашались с высоких трибун? Главным инструментом борьбы

за власть для Сталина была сила, выраженная в форме террора. Террор же можно проводить в условиях единства. А единство, в свою очередь, означало для Сталина одномыслие. Вот почему были распущены все существующие тогда творческие организации и группы и вместо них создан Союз писателей, основанный на едином уставе. В сущности это был союз одномыслов, поющих хвалу Сталину или тем, кто придет после него.

Так Сталин начал коллективизацию советской литературы, коллективизацию духа. Кузнецы всеобщего счастья с небывалым энтузиазмом ковали собственные цепи. Тем, кто делал это звонче всех, цепи давались золотые. Тем же, кто был несогласен, — всамделишные. Да здравствует реализм.

Во многом этому всеобщему энтузиазму способствовала фигура Горького. Однако вскоре выяснилось, что Горький мешал Сталину, что он не пойдет на поводу у Вождя и Учителя, когда начнется террор. Причины болезни и смерти Горького до сих пор не определены, тем не менее версия о его насильственной смерти ничем не опровергнута.

Получив послушный союз одномыслов и устранив Горького, Сталин понял, что у него развязаны руки. Так и получил Союз писателей ту функцию, ради которой был задуман. Это была карательная функция. 600 писателей были репрессированы, половина из них погибла в сталинских стенах. В 1937 году мне исполнилось 14 лет, в нашей семье никто не был репрессирован, я не смею считать себя свидетелем репрессий. Но в 1956 году, когда писатели возвращались из лагерей, я уже несколько лет состоял в Союзе, тут я прямой свидетель.

Вроде совсем недавно Союзу писателей стукнуло 50 лет: отмечали пышно, многословно. Список награжденных растянулся на много страниц.

Сорок лет из этих пятидесяти прошли на наших глазах: Юрий Трифонов вступил в этот Союз одним из первых среди нас, студентов Литературного института. Как мы ему завидовали — и стремились попасть туда же, в святая святых, как казалось тогда из учебной аудитории.

А ведь все совершалось в открытую. После войны карательная функция Союза писателей ничуть не ослабла. Стоит вспомнить знаменитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», гонения против Зощенко и Ахматовой. Сле-

дом развернулась столь же яростная кампания против космополитов, многие из них были арестованы и погибли.

После смерти Сталина изменились карательные методы, но не менялась сама функция. Одномыслие оставалось непререкаемым законом бытия. Каждый, кто пробовал выступить со своей мыслью, немедленно подвергался усиленной идеологической обработке. Сколько таких проработок случилось на нашем веку — список не только стыдный, но и долгий. В 1965 году в Москве судили двух писателей, Синявского и Даниеля, за то, что они писали не по меркам одномыслия. В Ленинграде судили поэта Иосифа Бродского — за то, что тот ничего не делал и был только поэтом.

С таким этическим багажом мы вступали в годы застоя.

Тут я почувствовал свою полную растерянность: я же о серьезных вещах пишу, как можно полагаться только на свою память: вдруг я кого-то пропущу или, наоборот, помяну не того.

Пошел в отдел кадров родного Союза с простым вопросом:

— Сколько человек были исключены из Союза писателей за последние 25 лет?

Оказалось — вопрос совсем не простой. И получить такую справку невозможно. Только с разрешения руководства. Сами понимаете, к руководству я идти не решился. Так и остался с протянутой рукой.

Сел считать с товарищами. Юрию-то Трифонову уже не позвонишь за стол с ним не сядешь, он мгновенно откликнулся бы на такую просьбу. Но есть еще живые писатели — память наша еще не ослабла.

Мы посчитали. За 25 лет, с 1964 года, было исключено из Союза писателей не менее ста человек. Ведь не только в Москве под водительством наиболее ретивого секретаря Ф. Кузнецова их исключали — в Москве-то всего 55 человек. Исключали и в Рязани, и в Киеве, и в Тбилиси, и в Ленинграде.

А. Солженицын

В. Некрасов

В. Корнилов

С. Липкин

Л. Чуковская

А. Галич

И. Лиснянская

С. Бабеньшева

С. Попов

В. Ерофеев

Л. Копелев

Р. Орлова

и многие другие. Если я ошибаюсь в общей цифре, пусть меня поправят те, кто не хотел мне ее сообщить.

Однако карательные функции не обязательно должны

быть лобовыми — под дых. В Союзе оставляют — но не печатают. В течение 10—15 лет у писателя не вышло ни одной книги — как расценить такую карательную меру? Зато у серой литературы тиражи миллионные. За 10 лет можно издать сто книжек.

Но что же на другой чаше весов? Неужто все так беспросветно и печально?

А на другой чаше весов тоже всего немало — помпезные съезды, многочасовые отчетные доклады, притянутая за уши теория соцреализма, многошумные декады национальных литератур, выездные секретариаты, круглые столы, теоретические симпозиумы, в результате которых не явилось на свет ни одной книги, зато шумовых эффектов не меньше, чем от современного рок-ансамбля. И впридачу лакировочный сборник для отчета, знаю, сам выпускал таковые.

Не было ни одного года, чтобы Союз писателей не перевыполнил плана по сдаче макулатуры.

А как же все-таки литература советская? Ведь она есть — не так ли? Все правильно — есть у нас литература и русская, и иноязычная. Но вот лишь один парадокс, на который, насколько мне известно, ни один исследователь до сих пор не обращал внимания.

Союз писателей сам по себе, а русская советская литература сама по себе.

Действительно, парадокс.

В средней школе по русской литературе проходят 16 классиков, это почти за два века, начиная с Фонвизина и кончая Максимом Горьким. Возьмем равновеликий ряд нашего века: Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Михаил Зощенко, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Василий Гроссман, Владимир Высоцкий. Что за чудо! Все были отторгнуты от Союза писателей или вовсе в нем не состояли. Остается лишь удивляться той точности попадания, с которой работали люди, отвечающие за одномыслие нашей литературы.

Не спору, есть прекрасные писатели, сумевшие остаться прекрасными и при этом сохранить на руках членский билет СП СССР. Пока меня не опередили, сам назову имя, которое просится первым.

Михаил Шолохов. Ну еще бы! Великий Шолохов, увенчанный всеми возможными литературными и государственными лаврами.

Все сходится. Конфликт Михаила Шолохова с Союзом писателей общеизвестен, хотя говорить о нем вслух не принято. Михаилу Шолохову было позволено выступать с критикой положения дел в нашем литературном цехе. Его речи широко перепечатывались — тем дело и ограничивалось.

Последние 30 лет своей жизни Шолохов вообще молчал как художник, не написав, в сущности, ни строки. Кто наказал его немотой? На этот вопрос до сих пор нет ответа.

Могучие вершины великих сияют как маяки. Они служат ориентиром не только для читателя, но и писателям. Нет в данной литературе высшего эталона — начинается расцвет серого слова.

И все же вершины существовали всегда, в самые застойные годы. Но вот беда, были плотно прикрыты искусственной облачностью. Ныне мы радуемся тому, что эти великие книги возвращены нам: «Котлован», «Чевенгур», «Доктор Живаго», «Жизнь и судьба».

А я, признаться, не радуюсь. Меня охватывает горькое чувство, когда я думаю о том, сколько серых романов о войне просто не появилось бы на свет, если бы «Жизнь и судьба» Гроссмана была бы напечатана тогда, когда была написана, — в 1961 году.

Искусственная облачность рассеяна, и все увидели, что русская литература никогда не теряла своего достоинства. Который год идет этот процесс очищения нашей литературы, журналы месяц за месяцев осуществляют новые публикации, а конца и края не видать. Вот какой великий заряд таился в запасниках русской литературы.

В этом потоке и произведения Юрия Трифонова, не опубликованные при его жизни. Трифонова не травили, не прорабатывали. Его просто замалчивали, и это была сознательная политика.

Сошлись, как обычно, в Дубовом зале. «Хорошо, что я тебя встретил, нужно посоветоваться». И Трифонов рассказал историю, почти удивительную, точнее, подтверждающую, в какое удивительное время мы живем. Вчера он, Трифонов, был в издательстве. И вдруг ему показали там план изданий на будущий год. И фамилия Трифонова была вычеркнута из плана жирным красным карандашом. Юрий Трифонов видел это собственными глазами.

Что делать? Первое побуждение: надо срочно писать, жаловаться — почему? на каком основании? Но тут же начи-

наются трезвые мысли: кому писать? на кого жаловаться? Жаловаться на красный карандаш синему карандашу? Но какой карандаш главнее? И потом: если я пожалуюсь, тут же возникнет вопрос — откуда я узнал про красный карандаш? И мой редактор, совершивший доброе дело, будет наказан. Я же сам на него наступчу.

Вот какая хитрая система. Произведена на свет подлость. А пожаловаться не на кого — и некому. Значит, вот: сиди и помалкивай.

На такой, отнюдь не торжественной ноте и завершился наш обед в Дубовом зале.

Книги Трифонова в переводах выходили в свет раньше, чем дома на языке оригинала. Кого-то устраивала такая ситуация, ибо уже нарождался слушок:

— Вот видите, на кого он работает. Кто им интересуется.

А западный читатель интересовался Трифоновым лишь потому, что из его книг больше узнавал о нашей действительности, нежели из литературного официоза. Художественная правда оказывалась выше пропагандистской.

После московских повестей Трифонов пошел дальше, хотя, в сущности, обратился назад, к истории. Связь времени и места — одна из ведущих его тем, я уже не говорю о полифоничности романа, или романа самосознания, как он однажды сказал сам. Впрочем, я не занимаюсь анализом его творчества, я просто вспоминаю Юрия Трифонова, но все же на романе самосознания следует остановиться. Это очень точно сказано. Писатель создает роман, открывая перед читателем новые миры, образы, концепции. Но это еще не все, ибо, совершая свои открытия для читателя, писатель и сам себя познает во время работы, для самого себя открывает нечто такое, чего сам не знал раньше.

6. ВИД ИЗ ОКНА НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

Жизнь, конечно, была непростая, можно сказать: тяжелая. Очевидно, сейчас мы знаем о той своей жизни больше, чем знали тогда, когда этой жизнью жили. А тогда случались и радости: не все же так плохо кругом, как кажется или как вещают о том радиоголоса. Вот, к примеру, с середины семидесятых годов московским писателям стали да-

вать продовольственные заказы — чем не радость? Появилось новое место встречи. Каждую среду от 14 до 18 часов можно было встретиться в столе заказов гастронома № 40. Что нового? Как дела с урожаем? Ты слышал, товарищ Гришин сказал, что писатели своим самоотверженным трудом на благо партии заслужили право на получение заказов. Говорят, будут давать заказы два раза в неделю.

Хорошая новость, почти сладостная. А есть ли в заказе пастила?..

Так вот и жили. Писали новые книги, влюблялись. Появилось новое словечко — «пережениться». Трифонов хотел написать роман о семейных парах. Его опередил Апдайк.

Стоим в очереди за югославской колбасой.

— Что такое социалистический реализм? — спрашивает он. И сам же отвечает: — Это воспевание начальства в доступной для него форме.

Переместились за стол, разложили полученные пакеты.

— Слушай. Сколько приходится мучиться с названиями. А я придумал универсальную модель. Любое название делается гениальным, если к нему прибавить всего два слова: «в постели».

Начинается увлекательная игра:

— Война и мир в постели.

— Предварительные итоги в постели.

— Капитал в постели.

— Обмен в постели.

— Шаг назад два шага вперед в постели.

— Время и место в постели.

— Откуда ты знаешь про «Время и место»? Я ведь никому еще не говорил об этом романе. Для самого себя еще не решил: как назвать. Больше того, эта вещь еще не написана. Откуда ты про нее знаешь?

— Юрий, я знаю многое из того, о чем ты не имеешь понятия.

Какой хороший был день: солнечный, теплый. Мы везли тебя через всю Москву, потому что тебя не стало. И яма была глубокая, черная, Юрий Любимов неожиданно вышел из-за камня и сказал речь. Я не помню — я плакал. А потом Трифонова назовут одним из предвестников перестройки. И это тоже правда.

— Как же я могу предвещать то, о чем не имею ни малейшего понятия?

— Для этого надо совсем немного — иметь чистое сердце и любить правду.

— Не только любить, но и страдать за нее.

— Естественно. Это вытекает из самой природы любви.

— А как ты думаешь, это сложно или нет — страдать за правду?

— Организм самопроизвольно переходит на автоматический режим самозащиты: мы страдаем не целиком, а отдельными местами.

— Конечно: пострадал чуток, порадовался, еще пострадал... Как мило.

Где я? Только что был на Песчаной улице на пятом этаже. Смотрел из окна на внутренний двор, засыпанный пепельным снегом, беседовал с собратом по перу на всякие вечные темы — и на тебе. Снова один: у себя дома, за письменным столом, в другом времени и другом месте. И книги Юрия Трифонова вразброс по столу.

Так ведь там не все зафиксировано, в этих его книгах.

— Социалистический реализм? Хм-м. А что же тогда Сервантес делал? Писал методом феодального реализма? А «Мертвые души» написаны методом крепостного реализма.

— Не забывай. Это Горький придумал наш метод. Он и есть родоначальник.

— А где два его предсмертных письма, в которых он пишет, что искусство не может рождаться на принципах одномыслия? Почему эти письма до сих пор от нас спрятаны?

А это вы слышали? Три этапа развития нашего российского интеллектуализма.

— Первый этап — кто виноват?

— Второй этап — что делать?

— Третий этап — какой счет?

Юрий Трифонов упорно отнекивался от авторства этого афоризма, получившего широкоое хождение в шестидесятые годы. Но я до сих пор уверен, что это его сочинение.

Я точно знаю: юмор был средством нашего выживания. Без этого не прожить в позиции — прыжки в высоту без разбега со связанными руками.

В Ялте в столовой Дома творчества мы сидели за одним столом. Каждое утро за завтраком совершался обмен продуктами жизнедеятельности.

— Вчера вечером открыл новую закономерность — период полураспада личности писателя.

— Кажется, я недавно слышал что-то похожее.

— Откуда ты мог слышать, если я только нынче это открыл. Причем во сне.

— Выходит, сон в руку? Ну-ну...

— У каждого свой период полураспада. Период полураспада химического элемента свинец, как известно, составляет 1700 лет. Зато период полураспада личности писателя, севшего в кресло, составляет два с половиной года.

— Значит, пять лет — и прощай личность?

— Увы, процесс практически вечен. Прошло два с половиной года — осталось пятьдесят процентов. Еще через два с половиной года: пятьдесят процентов от этих пятидесяти. И так далее.

Потом дошла очередь до академика Сахарова, которого выслали в ссылку в город Горький, лишив звания трижды Героя Социалистического Труда. Акция была явно противоправной, тут уж было не до шуток. Многие недоумевали, в том числе и я. Однако некоторые московские писатели действовали более активно, подписав письма в защиту академика Сахарова. Тут же явилось новое словечко — «подписант». Но не только у живого языка такая быстрая реакция. Еще скорее собрался кворум секретарей московского отделения Союза писателей под председательством критика Ф. Ф. Кузнецова. Подписантов мигом исключили из Союза писателей. Вот их имена: Л. Чуковская, С. Бабенышева, В. Корнилов, Л. Копелев, Р. Орлова.

Признаюсь: а ведь ко мне обращались с просьбой, чтобы я подписал письмо в защиту Сахарова. А я не решился — не хватило духа.

Позвонил Трифонову, чтобы предупредить его, и услышал:

— Помнишь поговорку? Что такое порядочный человек в наше время? Это такой человек, который неохотно идет на подлости.

— Так ты подписал?

— По-моему, я тебе уже ответил.

Трифонов был грузным, к концу жизни раздобыл еще больше. И лицо под стать облику — крупное, с тяжелыми складками. Как я сейчас вижу, — издалека — это лицо напоминало римского сенатора времен поздней империи и одновременно русского боярина XVII века, когда лица наших предков открылись, по указу Петра, от бород. Этим я хочу сказать, что в нем были сугубо русские черты в сочетании

с европейскими. Лицо почти всегда сосредоточено и мало-подвижно, при взгляде на него становится ясно, что это еще не самое лицо, а лишь внешняя его оболочка, под которой скрыта истинная суть.

И шутил он также, почти не меняя сосредоточенности.

— Ты слышал? Наш паралич — самый прогрессивный в мире.

И никогда не смеялся над собственными остротами — это признак профессионализма.

Запоздало корю себя: мало мы встречались. Встреч было меньше, чем поводов для них. А одно время наметилось некоторое отдаление, было и такое — моя вина. Я ведь не сразу разобрался в московских повестях. Ничего прямо не говорил ему, но хватило и того, что промолчал. Недаром сказано: все мы легко ранимы, но чувствуем лишь собственные раны.

Что тут поделаешь? Мы прозревали долго и рабелепно. Юрий Трифонов прозрел не первым, но раньше многих.

У нас была прекрасная деревенская проза. Возмечтав о прозе городской, мы не заметили, что она уже явилась в повестях Трифонова. Но кому-то показалось, что городская проза должна быть не такой. Деревенская наша проза была, напротив, антибытовой, уходя своими корнями в духовную сердцевину народа. Значит, и городская проза должна создаваться по этой модели.

Трифонова пытались закрыть. Но это было не так-то просто сделать. Признание оказалось незапланированным, оно пришло снизу, от читателя. Заземленность (был в ходу и такой ярлык) оказалась творческим взлетом Трифонова. Он писал о каждом и для каждого. Он приходил к читателю не через голову, а через сердце. Пусть в московских повестях нет ярких запоминающихся образов, которые могли бы стать нарицательными, там есть нечто другое — оттиск эпохи. Есть широкоформатная картина со своим цветом, своим ароматом. Все это создано в одном материале — в слове. Значит, есть интонация, возможно, именно она и хватает за душу.

Увы, я и сейчас не очень-то понимаю, как все это сделано. Мое объяснение ближе к результату, нежели к процессу. Но твердо знаю: создать такую картину под силу лишь большому художнику.

Юрий Трифонов понимал, что он сделал. Кроме того — и знал, как это делается. Я плохо верю, когда процесс творче-

ства объясняется лишь одной интуицией. В конце концов интуиция тоже ведь откуда-то берется.

Прыжки в высоту без разбега... Нынче мы понимаем причины этого. Двадцать лет понижали литературную планку. И ведь добились своего. Ставились рекорды — один ниже другого.

Серой литературой руководили серые люди, это закономерно. Нет, не худшие уничтожали лучших. Но сильные уничтожали слабых. Противостоять сильным можно было лишь ценой собственной жизни.

Русская литература одна из величайших литератур мира. Размыть критерии, понизить планку, имея за плечами русскую классику, не так-то просто. Но за дело взялись большие мастаки. В Союзе писателей дилетанту делать нечего. Так у нас и нет простаков, уверяю вас.

Потребность в классике удовлетворяется у нас на 30 процентов. Мы-то горевали, качая головой, а ведь это была политика. Если русская классика столь высока, если она мешает снижать планку, будем выпускать ее как можно меньше. Вот и нехватка бумаги пошла на пользу.

Помните, в 1950 году, получая диплом, мы решали проблему: идти служить или идти писать? И получилось у нас, я полагаю, поровну, во всяком случае, на примере двух выпусков Литературного института, 1950-го и 1951-го годов. Половина пошла служить, половина пошла писать.

Зато нынешние молодые даже не ставят перед собой подобного вопроса. Они четко усвоили: службу, следовательно, существу.

За секретарскую литературу я спокоен: она недолговечна. Секретарская литература умрет в тот же день и час, как только автор покинет кресло. Примеры уже есть — и множатся.

Литературная планка стремительно поднимается. Третий год толстые и тонкие журналы взхлеб публикуют литературные шедевры, которые долгие годы томилась под спудом. Серая литература, как может, сопротивляется этому потоку, но, кроме злобного писка, ничего не слышать.

А бороться с великими книгами можно только с помощью еще более великих книг. Серая книга безвредна по отношению к великой, тогда как великая книга тут же засвечивает серую.

Уверен, что этот поток не ослабнет и в ближайшие годы. Вот какие резервы, оказывается, таились в русской литературе. Ее закрома оказались неисчерпаемыми. Литература вырвалась из-под глыб. Свое достойное место занял тут и роман Трифонова «Время и место», который не был напечатан при жизни.

Впрочем, это лишь одна сторона литературного процесса, для которого как воздух нужна современная литература, рождающаяся только что, в клокочущем потоке жизни.

Где молодые? Они же пошли служить. Они уже узнали и оценили наш опыт — и не хотят повторять его.

На наших глазах нарождается очередной заколдованный круг. Конечно же, я не делаю ни малейшей попытки противопоставления: пошел писать, значит станешь Юрием Трифоновым. Пошел служить, будешь гнать серую потогонку. Были у нас и служивые классики, тот же Фадеев, А. Твардовский.

— У нас церковь отделена от государства, а литература присоединена, — эти слова Твардовского часто любил повторять Трифонов.

Административно-командная система проникла в литературу. Что хотели, то и получили. Сейчас даже в официальных отчетах (съезды партии, Пленумы ЦК) должность писателя стоит впереди его имени.

Ни в одной развитой литературе мира не существует такого положения. Попробуйте сказать:

— Слово предоставляется первому секретарю правления Союза писателей СССР товарищу Пастернаку.

Я же говорю, абсурдизм нынче в моде. Но вот я слышу в программе новостей «Время»:

— На пленуме выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР товарищ Карпов.

И представьте, звучит вполне благозвучно. Никому не режет слух.

Вот это и есть то самое страшное, что случилось с нашей литературой.

Казалось бы, совсем просто — надо только отсоединить литературу от государства. Ведь уже не осталось никаких недомолвок: все отсоединенные от литературы писатели и составляют костяк русской классики XX века, от Андрея Платонова до Виктора Некрасова, новых имен я вам не назову.

Может, все-таки стоит попробовать? Или мы не заработали права на добровольное отсоединение, не сопряженное с карой? Пусть будут разные творческие группы вокруг разных журналов, кооперативные издательства. Мы без наших литературных секретарей проживем, уверяю вас. Только вот один вопрос: проживут ли наши секретари без писателей?

Впрочем, я отвлекся от проблемы молодых. Как-то мы ужинали в Дубовом зале. За столом оказались три человека: Юрий Трифонов, Михаил Светлов и я. Через стол от нас сидели шумной компанией служивые люди. Были среди них и неплохие писатели. Но они все служили. Разумеется, их застолье проходило в рабочее время — а как иначе?

Поскольку компания вела себя шумно, наше внимание то и дело притягивалось туда.

— Шумим, братцы, шумим, — заметил Михаил Аркадьевич Светлов.

— Не стоит обращать внимания, — сказал Юрий Трифонов. — Они же не существуют.

— Вы правы, Юрий, — сказал Светлов и начал жевать губы, что означало у него высшую степень сосредоточенности. — Да, они не существуют. Но какая борьба за несуществование!

Мы присутствовали при рождении очередного светловского «мо». Служивые поэты остались за кадром и ничего не услышали, ибо это было про них, но не для них.

И еще одна случайная встреча с Трифоновым, это надо же — в Будапеште. Там на площади Вёрёшмарти стоит стеклянным кубиком веселое здание, где платят гонорар всем иностранным авторам.

Вот мы и встретились на восьмом этаже у окошечка кассы. Оказалось, что и живем в одной гостинице, почти друг над другом.

Итак, мы были при деньгах, случай почти музейный для советского русского за границей, и тут же приняли решение кутнуть.

— Куда пойдем?

— Куда-нибудь повыше. С горы видней.

Расположились в ресторане «Старый парламент». Первый вопрос известен наперед:

— Что написал?

Ответ был почти удивительным:

— Написал «Антистудентов», ты не поверишь. Но назва-

ние другое, я еще не решил. Возможно, «Дом на набережной». Или что-то в этом роде.

— Действительно, это несколько неожиданно. И как?

— Было трудно, — коротко ответил он. — Давай сначала решим, что будем есть и пить.

Я прочел «Дом на набережной» два года спустя и понял, о чем говорил Трифонов. Случай в литературе редкостный, если не уникальный: по прошествии четверти века писатель возвращается к старой теме, переосмысливая ее и как бы поправляя себя самого. Этот случай достаточно исследован нашей критикой. Добавлю от себя: надо обладать высоким мужеством, чтобы написать такую книгу как «Дом на набережной». Юрий Трифонов всегда умел находить нетрадиционные решения. Сбылось пророчество Ильи Эренбурга, и Трифонов смело пошел навстречу ему, предвидя возможные криволки и недоумения критиков.

Зато сам остался при чистой совести, а мы получили прекрасную повесть: «Дом на набережной».

Мы заказали обед в «Старом парламенте». Шиковать так шиковать — решили есть и пить только русское: икру, селедку, осетрину, грибочки, селянку, сами понимаете, под водочку.

Второй вопрос также вполне традиционный.

— Где был? Откуда приехал?

Оказалось, что Трифонов только что прилетел из Сицилии и в связи с этим сделал официальное заявление:

— Учти, я теперь крупный специалист по мафии.

Я выразил сомнение: стоит ли разбираться? Банда всегда есть банда.

— Не скажи, — возразил он. — У мафии имеются и свои положительные стороны. Мафия рождается в обществе как антипод формальных отношений. Мафия возникает на основе семейственности, поэтому многие говорят о доброй мафии. Сицилианская мафия — это тепло и уют домашнего очага, а не холод и скука офиса. И принцип отношений, которые строятся в мафии, предельно прост, понятен каждому члену: ты мне, я тебе.

— Как у нас, — невольно воскликнул я.

— При чем тут мы — они? Мафия выше политики. Ведь существует и честная мафия, действующая на основе законов и не нарушающая их. Честная мафия не ворует, они оказывают услуги друг другу. Это мафия услуг, она везде.

Под это дело можно и собрание сочинений издать, при условии, однако, если ты за это дело сможешь устроить покупку автомобиля. Мафия услуг имеет вывеску: «Что твоя душа пожелает». Ты ведь не отрицаешь: есть на свете честная банда, только вот найти ее не просто...

Престранный разговор, не правда ли? Двое русских сидят в будапештском ресторане у окна с видом на Дунай и ведут под селедочку разговор о сицилийской мафии.

С другой стороны — ничего странного. О чем же еще говорить двум русским: только на вечные темы. Мы решаем только глобальные проблемы — такова наша русская неизбежность.

Диалог превращается в монолог. Спустя несколько лет, уже после смерти Трифонова, я прочитал в «Новом мире» рассказ «Смерть в Сицилии». Стало понятно, почему Трифонов завел разговор на эту тему: он пробовал на мне свой замысел.

Я читаю:

«Но в Сицилии меня интересует другое — мафия. И это как раз то, что нельзя ни узнать, ни увидеть. Тут не любят говорить о мафии... Мауро, задыхаясь, посмеивается.

— Почему вы ищете ее здесь? Да она повсюду. И в науке, и в литературе. И в составе жюри. И вы сами мафия! — Он ткнул в меня пальцем и подмигнул.

— Нет, — говорю я. — Я не мафия.

— Нет? Ну ладно. Тогда не вы, а я. — Он ткнул пальцем в себя. — Я мафия.

...Он издевается. Но вдруг говорит серьезно:

— Знаете, что такое мафия? Она как эти горы. Вы сейчас их не видите, они скрыты темнотой, но вы знаете, что они есть. Они окружают город».

По этому отрывку наглядно можно проследить, как первоначальный замысел, существующий на уровне устного черновика, отливается в законченную форму. Разговор с Мауро происходит в ресторане. Возможно, Трифонов, принимаясь за эту сцену, помнил о «Старом парламенте». Впрочем, это уже побочная деталь.

И третий вечный вопрос:

— Как с книгой? — я спрашивал о рукописи, которую Трифонов еще два года назад сдал в издательство.

— Спроси что-нибудь полегче. Раньше была только серая литература. Теперь и того хлеще: нас огоспланили. Неужто

это непонятно? Искусство не планируется. Оно всегда вне плана. А теперь — если ты в план не попал, жди следующей пятилетки. Справедливость, конечно, победит, но доживем ли мы до того часа.

Увы, наше поведение слишком расточительно. Мы ведем себя так, словно мы бессмертны. Мало жалеем друг друга, спешим пройти мимо, потому что опаздываем на совещание.

А потом косые лучи солнца бьют сквозь витражи. Юрий Трифонов, погруженный в цветы, лежит головой к окну — и все это совершается в том же Дубовом зале, пригодном на все случаи жизни и смерти, и я стою в карауле, нарочно встал у изголовья, чтобы быть ближе к нему, и не отрываю глаз от его лица, смотрю на него, себя не жалея, стою опустошенный, уставший от боли и отчаяния, ибо прикоснулся к вечности.

Дубовый зал переполнен скорбью. Наша печаль выплескивается на московские улицы. Ах, как ярко и больно светит сентябрьское солнце — и все время почему-то слепит глаза.

Мы выстоим!

Заклинание молодости обратилось в молитву, которая вряд ли была услышана.

Юрий Валентинович Трифонов умер в возрасте 52 лет. Я не знаю истории болезни, диагноза, поэтому мое заключение абстрактно: Трифонов выстоял, но ему пришлось заплатить за это собственной жизнью. Он сам распорядился так.

Карали без промаха.

Били только по лучшим. Ни одного серого не прикончили. Это же какой вкус надо иметь! Какую глубину понимания!

Где бы мне найти честную мафию? Я бы вступил в нее.

Ах, Юрий Валентинович, как же я виноват перед тобой. Не сберег тебя, не упредил, не прикрыл своим телом. Недоговорили мы, недоспорили. И селедочка осталась недоеденной в «Старом парламенте».

И главного вопроса не успел задать:

— Юрий, скажи. Как нам жить дальше?

ЗНАМЯ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Давно собираюсь написать об этом человеке. Он занял место не только в моих помыслах, но и в сердце моем. Он обещал напечатать мою новую повесть — а это означает, что я получу много денег и смогу тогда забыть про него.

Но пока он не напечатал меня, он только обещал — он владеет мной. Он и в эту дыру заманил меня повышенным гонораром. Я в который раз уступил, но, видно, протест уже зрел в глубинах моего существа, хотя я сам о том еще не догадывался.

Я был готов к этим страницам. А то, что в это утро я остался совсем один в трехкомнатной квартире на пятом этаже с видом на детский сад — так это дело случая.

Внимание! Вы слышите голос за стеной? Это говорит мой славный шеф.

— Меня вызвали в ЦК и говорят: надо взять шефство. «Над кем?» — спрашиваю. — «Вот вы и выбирайте. Над кем захотите. По своему выбору. Но чтобы ваши подшефные были согласны признать вас своим шефом.» Тут Ананьев объявил, что он берет литературное шефство над землями Нечерноземья — модно. Так он же провалится — разве можно Нечерноземье спасти? Я его встретил на Секретариате, ты же провалишься, говорю. Он смеется: «До провала далеко, пока я снимаю сливки». Нет, от сельского хозяйства сливки не получишь, это гибель, самоубийство. Долго думал и в конце концов надумал — возьму «Атоммаш». Правда, у меня еще БАМ в кандидатах ходил. Но БАМ это опасная штука: растянуто на три тысячи километров, тайга, бытовых условий никаких. Хорошего писателя в тайгу не заманишь. И вообще, БАМ это диверсия генштаба. И я выбрал «Атоммаш». Это же новостройка, самая передовая в мире техно-

логия, покупаем за валюту. Тут без промаха. Слетали к ним, подписали договор о содружестве.

Слава «Атоммашу» — мы будем вас славить. А вы нас только встречайте и провожайте. Итак, банкетами мы обеспечены на много лет вперед.

Голос затихает, снова я один в трехкомнатном жилище на пятом этаже. Проводил литературную братию, сожравшую и выпившую пол-«Атоммаша». Раки — один. Икра — два. Уха — три. Язык — четыре. Водка — безлимитно. Отчет подготовил. Отчет утвердил. Подпись. Печать.

И дата — 27 мая 1979 года, воскресенье. Так записано в старой тетрадке для дневника.

Я плачу слезами облегчения. Улетел мой шеф Вадим Кожевников, славное семидесятилетие которого только что отметила наша славная страна. Что написал он за эти славные 70 лет? При наличии Золотой звезды на лацкане пиджака это не имеет никакого значения, зато в народе известен «Щит и меч», славному народу больше ничего не надо от писателя.

Вчера мы выступали в клубе, и наш великий Гертруда получил записку на эту тему. Долго рассказывал славным слушателям, как и что. Все остались удовлетворены, а больше всех я сам, ибо мой шеф обласкал меня взглядом и сказал, что сразу сдаст меня в набор, как только я напишу про это дело. Вот почему я с волнением провожаю его у подъезда, долго и печально взмахиваю рукой. Достойно ли мое перо прикоснуться к этой великой и неисчерпаемой теме?

Шеф улетел, но дух его витает над кухонным столом, где я вывожу свои робкие строки о нем, ведь это он поселил меня здесь, на пятом этаже с видом на детский сад, и самосветящийся лозунг указывает мне будущее.

АТОММАШ СЛУЖИТ МИРУ

А я служу шефу. Мы же из одной банды, правда он главарь, а я лишь член рядовой. Старые тетрадки не дадут мне соврать. Тут и там мелькает на страницах его славное имя: конспекты его речей, его афоризмы, реплики, тосты.

Вот он, великий и многоликий.

Гертруда — герой труда.

Шеф — главарь, пахан, вообще начальник.

Вадик — так звала его мама.

Кож — литературная кличка.

И все это он один, Вадим Михайлович Кожевников, 1909 года рождения — так сообщает энциклопедия.

Мой шеф — великая личность. Он установил всесоюзный, а может быть, мировой рекорд пребывания на посту главного редактора. Он занял это славное место еще в 1948 году, едва отшумели страсти по поводу постановления ЦК.

Не имеет значения, что написал мой шеф. Имеет значение только то, что он ни сразу в жизни не ошибся. 31 год он у власти, один из старейших наших диктаторов, дай бог ему бодрости и здоровья. И совершенно справедливо шеф гордится тем, что за все это великое и бурное время в журнале «Знамя» не было ни одной выдирки.

Все прочие редакции ошибались, выдирались и каялись, а мой шеф ни разу не выдирался, это уже вселенский рекорд, уверяю вас.

Почему такое стало возможным? Только потому, что шеф — великий руководитель. Некоторое время тому назад в журнале «Знамя» была напечатана моя повесть о генеральном директоре, своеобразное пособие по руководству, написанное на том уровне, который в те годы был возможен. И вот вышел в свет номер журнала. Раздается телефонный звонок. Говорит шеф.

— Я прочитал вашу документальную повесть. По-моему, это очень актуально. Мы с вами не промахнулись.

— Так я же год назад сдал рукопись в редакцию, — удивился я. — Разве вы тогда не читали?

— Зачем? Я читаю номер только тогда, когда он выйдет, — отвечал шеф. — Я доверяю своим сотрудикам.

Вот когда я окончательно понял, почему у него не было ни одной выдирки. Он доверял своим. И не ошибался.

Другой раз мы встретились в коридоре Союза писателей, теперь уже бывшего, хотя данные коридоры живы и поныне. Он остановил меня движением руки.

— Актуально. Весьма. Передаю вам благодарность, — он указал пальцем в потолок. — Мы хорошо потрудились. Актуально. Я полагаю, такой труд должен быть отмечен.

И что же вы думали? Через некоторое время я получил литературную премию имени другого великого писателя — имени Федина — за лучшее произведение о рабочем классе. И сам товарищ Марков вручал мне премию из рук в руки при полном стечении народа в Большом зале.

Нет, я не стыжусь ни той старой повести, ни литературной премии, за нее полученной. Денежное выражение этой премии пригодилось на будущее. Я тут же начал другую повесть, которую писал в стол, о чем мой шеф не догадывался, а если догадывался, то не показывал вида.

Наверное, тут самое место пуститься в объяснение того печального обстоятельства, почему я не стыжусь своих старых работ, написанных не в стол, а для печати. Я бы так и сделал, если бы писал воспоминания о самом себе. Но я пишу воспоминания не о себе, а о другом человеке — Владимире Михайловиче Кожевникове, замечательном советском писателе, без имени которого не обходилась ни одна литературная обойма тех лет.

Мой шеф также не стыдился того, что он писал, ни, тем более, того, что он печатал в своем журнале.

Еще раз повторяю: ни одной выдирки за сорок почти лет. Это означает, что мой шеф давал 100 процентов качества, или, еще вернее, 0 процентов брака.

Сколько бессмертных произведений напечатано за эти годы в журнале! Так сразу и не вспомнишь ни одного, но они были, они есть, они хранятся на полках.

И не единой выдирки. Все было напечатано!

Такой же достойный мастер мой шеф и в устном жанре. Он любит говорить, он умеет говорить. И может говорить на любую тему. И на трибуне мой шеф также не ошибался ни разу — у него не было ни одной устной выдирки.

Кто-то сказал, что молчание — золото. Это ошибка. Слово тоже может быть золотым. И мой шеф в любую минуту готов подтвердить это.

Вот позвонили ему из Большого дома. Высокий начальник высказал неодобрение по поводу публикации на страницах журнала повести «Серая мышь» Виля Липатова. Другой бы вмиг признал свою ошибку. Но шеф тотчас нашелся:

— Следовательно, вы не признаете постановление ЦК о борьбе с алкоголизмом?

— Я говорю с вами о литературном произведении и его художественном качестве, — последовало из Большого дома.

— А я говорю с вами о постановлении ЦК, которое вы не признаете. — И тут же сделал десять звонков по окружности и диаметрам: Н. Н. не признает постановления ЦК о борьбе с алкоголизмом.

Другой эпизод. Василий Гроссман принес в редакцию

«Знамени» свой новый роман «За правое дело», том второй, впоследствии известный под названием «Жизнь и судьба».

В редакции прочитали роман, и мой шеф принял отважное решение. Том второй и рецензия на него тотчас были переправлены в Большой дом, оттуда еще дальше. А сам Гроссман еженедельно оповещался: читаем, читаем, есть замечания, но есть и надежда... Пока однажды ночью у Гроссмана не был произведен обыск — была изъята даже копировальная бумага. Роман на долгие годы был заточен в бетонные казематы.

Ни единой ошибки — ни устной, ни письменной. Как-то мы стояли на берегу Дона, где варилась очередная уха в честь нашего шефа. И я задал своему шефу вопрос, который давно собирался задать. Я спросил его, как он относится к Владимиру Набокову?

Шеф тут же встал в позу и произнес пламенную речь:

— Владимир Набоков весьма посредственный писатель, раздутый американским империализмом. Это была акция ЦРУ, предпринятая против нашей страны. Они решили доказать недоказуемое: будто большевики погубили русскую литературу, а вместе с нею и великий русский язык. Советские писатели не сумели сохранить русский язык, а вот писатели-эмигранты не только уберегли русский язык от разрушения, но и развили его. Они и есть подлинные хранители русского языка. Вот почему они превозносят Набокова. Но мы им своего русского языка не отдадим. Настоящий русский язык здесь, на нашей территории. А Набоков не знает структуры русского языка. Он не охраняет русский язык, он его разрушает. Какой же это русский писатель, если он похож на переводного. Это же не русский язык, а перевод с английского или уж не знаю, с какого там.

— Но он же очень разный, — пробовал робко возразить я.

— Вот «Лолита» у него ничего, — милостиво согласился он. — «Лолита» у него получилась, можно читать — хотя и переводная.

— Но стихи он писал только на русском...

— Нет и нет! На английском языке у него лучше получалось. Поэтому мы не можем считать его русским писателем. Американцы его раздули, пусть они и считают его своим. Русский писатель обязан жить в России. И русская литература может произрастать только на советской почве.

У него была странная речь, к которой надо было привы-

кать. Слова лились сплошным потоком, но при этом как бы возникали некоторые завихрения и клубилась пыль вокруг этих слов. В этой речи словно бы возникали рытвины и провалы, на самом же деле это есть глубокая продуманная ассоциативность с неизменным присутствием указаний ЦК, хотя напрямую они никогда не фигурировали. Не сразу вы проникаетесь глубинами подобного метода, оттого, верно, и возникает ощущение словесной пыли, но стоит вам познать глубинные пласты, и речь шефа становится доступной со всей ее глубиной и мудростью, со всеми ее подтекстами и умолчаниями. Имена великих мира сего мелькают в речи шефа интимно и благородно: он знает всех и все знают его.

Мой шеф обязан быть центром всеобщего внимания, каковым он и является. Вам кажется, будто он внимательно слушает вас. Но он лишь ловит паузу в вашей речи: чу, взмахнул рукой, пролез в узкую щелку, поймал, перехватил — теперь его не остановить до второго пришествия.

В чем же причина подобного красноречия, замешанного на словесной пыли? Я думаю — причина одна.

Он всегда верил в то, о чем говорил. И если даже убеждения его могли в зависимости от условий перемениться, сама степень убежденности оставалась на столь же высоком уровне. Он всегда был открыт и прям. И всегда говорил в глаза.

В те годы мы начали обсуждать проект новой Конституции, уже не помню которой по счету. Раздался телефонный звонок. Мой шеф активно включился в обсуждение нового проекта и просил меня написать о своих впечатлениях.

— Всего две-три страницы. Но только завтра. Мы вам заплатим по высшей ставке.

Я согласился, ибо имел свои соображения по поводу некоторых статей Конституции, где говорилось о правах граждан. Я считал, что основополагающим правом гражданина является право на жизнь, и предлагал включить это право отдельной статьей в новый текст Конституции.

Отнес свои отклики в редакцию и стал ждать, когда меня напечатают.

Не тут-то было.

Шеф остался недоволен, разговаривал со мной строго:

— Мы не можем включить ваше предложение в наши отклики. Что значит — право на жизнь? Наша жизнь принадлежит народу и партии. Мы не можем отказаться от этого

принципа. Служба в армии есть почетная обязанность гражданина. Обязанность — но не право. Жизнь советского человека может принадлежать в нашей стране только государству — но не нам самим. Это не право — это обязанность.

— Но это же крепостное право.

— Это наше право — право государства. Мы вручаем государству наши жизни, зато и государство принимает на себя обязанность по охране своих граждан. Это наш взаимный и добровольный союз.

Вот как далеко смотрел вперед мой шеф. На дворе уже 93-й год, конец века — а право человека на жизнь до сих пор не записано в Российской Конституции.

Потому я промолчал.

Ему же принадлежит и другое, не менее знаменитое изречение:

— Кто такой порядочный человек в наше время? Это тот, кто неохотно идет на подлость.

Вне всякого сомнения, он был порядочным человеком.

Не удалось мне протащить на страницы журнала свою ложную идею. Отклик был напечатан — и все в нем было написано правильно.

Недаром ему приписывали одно из самых знаменитых изречений того времени:

— Что такое собственная мысль? Это кратчайшее расстояние между двумя цитатами.

И вообще Кожевников мог превратить в телеграфный столб любую сосну. Он и самого себя обкатывал до гладкости телеграфного столба.

А вот и основополагающий афоризм, так сказать, фундамент мышления:

— Мой главный читатель — отдел идеологии ЦК.

Точнее не скажешь.

Я готовил к изданию цикл современных сказок. Сказки по тем временам были достаточно острые, и редактор решил подстраховаться:

— Надо написать предисловие. Но чтобы это был писатель с именем. Лауреат, Герой Труда, секретарь Союза писателей.

Вадим Кожевников как нельзя полнее отвечал этим требованиям. А мне очень хотелось издать свои сказки. И я пошел к шефу, прося его написать предисловие. К моему удивлению, он тут же согласился.

— Только сделаем так. Вы лучше меня знаете, что там должно быть. Вы и напишете данное предисловие. А я подмахну.

Я пробовал робко возражать, но шеф был непреклонен. Он так и заявил:

— Если вы хотите чего-то добиться в литературе, надо уметь играть в эти игры. Важно лишь знать, в какую игру ты играешь, и соблюдать ее правила.

Предисловие было написано и подписано. Шеф исправил в нем лишь одно слово: вместо «патриотические» написал «советские».

Книжка современных сказок вышла в свет. Спасибо моему шефу.

Не всякий раз наши отношения завершались столь оптимистично. Поскольку я входил в писательскую бригаду, шефствующую над «Атоммашем» со мной был заключен договор, и я даже получил денежный аванс, который пришлось отработывать. Я написал про «Атоммаш» очерк, вернее даже цикл очерков под общим названием «Волгодонские монологи», избрав художественный метод, наиболее приближенный к реальности, — и потому довольно резко описывал атоммашевские порядки.

Через некоторое время я получил из редакции ответ — мои очерки квалифицировались как очернительские и отвергались, ведь это было лишь начало восьмидесятых годов.

Собственно, с таким прицелом я и писал, рассчитывая на то, что, поскольку я выполнил условия заключенного договора и представил рукопись в редакцию, ко мне не будет претензии и редакции придется списать выданный аванс. Но нет, они потребовали возвращения аванса. Назревала тяжба.

Мой шеф встретил меня в коридоре и укоризненно покачал головой:

— Мы же шефы. Мы должны быть щедрыми по отношению к своим подопечным. Мы можем только восхвалять их.

Это было правдой. Журнал «Знамя» печатал об «Атоммаше» только положительные материалы.

— Не надо с нами судиться, — продолжал шеф.

— Но я же выполнил условия договора, — возразил я.

— Ладно, мы что-нибудь придумаем, — сказал он.

И правда, скоро меня позвали в редакцию и сделали предложение, основанное на компромиссе: убытки делятся пополам, половина списывается, а вторую половину аванса с ме-

ня не требуют, но дают мне возможность ее отработать — дадут мне что-нибудь на редактуру, и я полностью рассчитаюсь с редакцией.

Поистине мудрость моего шефа не знает границ.

Тем не менее ошибка все же была совершена. Восхваляли мы «Атоммаш», восхваляли — а он взял, да и провалился. Причем в буквальном смысле.

Все предусмотрел Вадим Кожевников, все рассчитал правильно, вычислил все преимущества «Атоммаша» перед БАМом или Тюменью. А вот этого и он не смог предвидеть.

Как известно, «Атоммаш» стоит на берегу Цимлянского моря, а там грунты песчаные, еще в конце сороковых годов, когда были затеяны великие стройки коммунизма и началось сооружение Цимлянской ГЭС, все журналисты писали тогда с гордостью, что впервые в мире Цимлянская ГЭС возводится на песке. И возвели-таки. Гидростанция до сих пор стоит и работает, давая энергию целому краю.

Теперь на этих же песчаных грунтах должен был встать завод самой передовой технологии, производящий атомные реакторы — «Атоммаш».

В проекте все было правильно: усиленные фундаменты, поскольку заводские корпуса возводятся на песке. Но тут был объявлен режим экономии, и высшее начальство решило — срезать!

А на чем экономить? Не станем же мы экономить на закрытых буфетах или загородных дачах — это же подумать смешно. Мы будем экономить на фундаментах.

Так и порешили: сделали фундаменты облегченными. И заводские корпуса дали осадку, самую малую, на миллиметры, доли миллиметра. Но атомный реактор требует абсолютной точности. Скажем, там в цехе стоит карусельный станок с диаметром расточного колеса 8 метров — это же супер-гигант, изготовленный в Италии. Перекос на долю миллиметра — и все насмарку.

История вполне типичная для застойного времени. Одно мне было обидно — за Вадима Михайловича. Как же он так просчитался.

Журнал так и не признал свой ошибки. Шефство благополучно спустило на тормозах. Публикации прервались. Однако же я затаил некоторое злорадство и при первой же встрече укорил своего шефа.

— Вот,— говорю,— требовали от меня, чтобы я вернул

вам аванс, какую-то жалкую тысячу рублей. А напечатали бы мои критические очерки, глядишь, сэкономили бы стране четыре миллиарда.

Он посмотрел на меня с печалью:

— Неужели вы думаете, что ваши очерки способны переменить нашу действительность. Мы тем и сильны, что несокрушаемы.

Он снова был прав.

Он был прекрасный семьянин — все для дома, все для семьи. Я не раз видел, как редакционная «Волга» отваливала от особняка на Тверском бульваре, груженная всяческой снедью. Он дал детям прекрасное образование и не мешал им делать то, что они хотели делать. Одна дочь пошла по отцовской линии в писатели и успешно печаталась в родственных толстых журналах. Другая дочь стала музыкантом. Хоть и далековато от литературы, не велика беда: билеты на концерты дочери принудительно распространялись среди сотрудников редакции и авторов журнала.

Он похоронил жену, которая долго и мучительно умирала от рака. Не желая того, он сделался одним из самых завидных женихов Москвы, но до конца своих дней сохранил верность Виктории Юрьевне.

Мой шеф печатал мои проходимые сочинения, не читая меня. Я отвечал взаимностью — и вовсе не стремился читать его произведения — а был он довольно плодовит. И все же он заставил всех нас прочитать его. Это был «Щит и меч», весьма популярный в те годы. В этой книге было много частей и томов, потом вышел многосерийный фильм — было о чем посудачить. Писателей-прогрессистов больше всего волновал вопрос — какой гонорар получен за сей многотомовый роман? По самым скромным подсчетам цифры получались астрономические.

В те годы мы увлекались самиздатом. Не раз приходилось ехать на другой конец Москвы, чтобы получить на одну ночь машинописный экземпляр «Ракового корпуса» или «1984» Оруэлла.

Тем не менее я прочитал «Щит и меч». Мало того, смотрел все серии одноименного фильма. Прошло много лет, и что-то случилось с моей памятью: ничего не могу вспомнить из того многотомного романа, ни одной сцены, ни единой реплики. Вспоминаются два пейзажа — поле с березками, и лицо актера. И это все.

Я вовсе не собираюсь проводить литературный анализ романа «Щит и меч». Ясно, что роман был исполнением социального заказа и писался ради утверждения мифа о совковой действительности, в данном случае — о лубяньском ее варианте.

Все мы были тогда мифотворцами, одни более удачливыми, другие — менее. Одни получали свои великие гонорары, тома собраний сочинений, другие довольствовались более скромными подношениями.

Повторяю: литературный анализ — не моя задача. Я пытался хотя бы пунктирно нарисовать портрет моего шефа, с которым не раз сталкивался на литературных перекрестках той безвозвратной эпохи. Не имеет никакого значения, что Вадим Кожевников не сумел выразить себя в русской литературе, не создал художественных образов, психологических типов или хотя бы беглых характеров. Не стал он и великим русским стилистом. Не в том дело. Зато Кожевников выразил эпоху самим собой, будучи сам законченным художественным образом, о котором я и старался поведать читателю.

Этот образ был рожден нашей действительностью, и новой литературе еще предстоит освоить его. Моя попытка робка и неприятна.

Вадим Михайлович Кожевников умер в одночасье. Его похоронили со всеми почестями, положенными писателю такого ранга. И последний афоризм родился уже после его кончины:

— Только смерть могла вырвать «Знамя» из рук Кожевникова.

Теперь там новый редактор — и новые песни. А жизнь продолжается — и сама подбрасывает неожиданные повороты сюжета. Зашел как-то в кабинет литфондовского начальника и вижу на столе выписку из постановления:

а) Выделить на памятник Героя Социалистического Труда, лауреата, депутата и так далее В. М. Кожевникова — 8 (восемь) тысяч рублей.

б) Выделить на обустройство могилы писателя Ю. В. Трифонова 400 (четыреста) рублей.

С подлинным верно. Подпись. Печать.

Старая Русса-58

1 марта 1958 года. Наконец-то собираюсь в Старую Руссу — поездка, о которой я мечтал много лет.

Поезд страшно неудобный. Приходит глубокой ночью. Я обеспокоенно звоню в Старую Руссу — может, там и гостиницы-то нет. Радостный женский голос сообщает мне, что гостиница есть, приезжайте товарищ Злобин, мы забронируем номер. Будет сделано, товарищ Злобин.

Гостеприимная старорусская земля, ты укрывала меня в себе. Разве думал я о гостинице пятнадцать лет назад? Был бы крохотный бугорок, в котором можно закопаться, — и солдат счастлив.

Я приехал в город, который разрушал. Мы стреляли в церковь, где сидел немецкий наблюдатель, и однажды колокольня свалилась, мы были страшно рады. Когда в Москве давали салют в честь побед наших войск на других фронтах, мы тоже устраивали салюты и били по Старой Руссе, а потом смотрели, как горит город, и радовались.

Автобус едет в город. Освещенная витрина с восковыми фигурами. Аккуратные двухэтажные дома. Я приехал в Старую Руссу.

Шофер останавливает автобус. Широкая пустынная площадь. Остов разбитого здания, от которого ко мне доносится запах войны. Справа чернеет разрушенная церковь — это ее мы били из пушек.

Устраиваюсь в хорошем номере и с трудом засыпаю. Утром брожу по городу и разочаровываюсь — совсем не то, что было вчера. Город как город — я в нем один и очень одинок. Зашел в горком, в редакцию, разговор неторопливый, вялый. «Много подрываются на минах, — говорит редактор, — то трактор, то комбайн, то ребяташки в лесу».

Церковь Святого Георгия — охраняется законом. Бабка идет молиться.

— А эта церковь и не была разрушена. Это ведь Георгий Победоносец, ее не могли разрушить — сам Георгий уберег. Перед входом в церковь долго трут подошвы и входят; кладут земные поклоны.

В коридоре гостиницы хлопанье дверей, шаги. Ночью был слышен храп за стеной. В магазине полки густо заставлены консервными банками и пирамидами из плиток шоколада. Масла, сахара, колбасы — нет. В столовой кормят весьма посредственно. Вечером делать нечего — в городе нет ни одного кинотеатра.

2 марта — воскресенье. Некоторых деревень и вовсе не стало — не восстанавливали.

— Как так?

— А так, никто не вернулся в них, кому же восстанавливать?

Ни один человек не вернулся! А ведь кто-то жив! Подумать только — деревня исчезла с лица земли.

Женщины стоят и ведут свои разговоры — ушли, после них на снегу черная шелуха семечек.

Девушки здесь живут тем, что бегают на почту и ждут каких-то неведомых писем неведомо откуда.

На площади перед горкомом весь день играет и говорит радио. Это водится по всей России.

3 марта. Два дня все таяло, и я со страхом спрашивал — как лед, крепкий? А сегодня подморозило, окно замерзло, и я впервые в жизни радуюсь холоду — значит лед будет крепкий.

Еду с редактором в Зехино, в Медведово. Боже мой! Какая мрачная поездка! Деревушки стоят убогие, сиротские, а многих и вовсе нет, только название на карте. Домики покосились, не видно ни садов, ни огородов — стоят одинокие избышки — ни улицы, ни палисадников. Будто вчера прошла здесь война и будто не было никаких четырнадцати лет после того, как она прошла здесь. Бредут женщины в телогрейках, укутанные платками, и деревни — одна сиротливее другой. Почему не строятся здесь, отчего так убого вокруг — и что надо сделать для того, чтобы переменить все это? Какие постановления и какие решения помогут здесь? Редактор едет проводить собрание, чтобы колхозники продавали молоко:

«Ленинград сидит без молока. Мы тоже, но нам вроде не надо, нам бы заготовить молоко, и уже хорошо».

Во время войны мы привыкли к такому разрушенному пейзажу, но вот я захотел вспомнить войну, и она предстала передо мной — и даже новая школа в Севриково выглядит нелепо среди покосившихся изб, лишь подчеркивая их убожество.

С трудом узнал высотку, которую атаковали танки и откуда стреляла немецкая «собака» и подбивала наши танки один за другим. Окружающий пейзаж переменился сильнее, чем разбитые деревни: по обе стороны шоссе вырос молодой лесок — как раз там, где шли танки. Этот лесок закрыл горизонт, откуда сыпались немецкие ракеты. Побыл там несколько минут, а расстроился на много дней. Какой смысл в том, когда человек возвращается к прошлому? Возвращение к прошлому возвращает печаль, хотя тогда этой печали не было вовсе. Печально само возвращение. Никогда не следует возвращаться к прошлому.

Трактор застопорился у моста. Небольшой подъем, дорога заледенела. Трактор буксует, гусеницы крошат лед — тяжелые сани с бревнами не дают трактору хода. Трактор ползает по дороге, сползает на обочину. Мальчишки шарахаются от него, как от разъяренной лошади. Вот так же раньше лошадь не могла вывезти воз. Хлестнуть кнутом? Тракторист вылезает из кабины и обходит вокруг саней, почесывая затылок, — ну совсем как возчик.

Ох, как рассердила меня сегодняшняя поездка. Разве имею я право заниматься искусством, видя вокруг такую скудость, такую нищету. И что надо сделать, чтобы не видеть ее? Не смотреть — и не будешь видеть. А что надо сделать, чтобы не было этой скудости?

Подмораживает все сильнее. Парни катаются на велосипеде. В валенках.

4 марта. На дороге латышские могилы, латыши сюда приезжают каждый год. А русских могил нет, никто не приезжает. Это не в духе русского народа. Даже не народа, а государства.

Редактор рассказывает (у него точно такое же чувство): «Как побываю в колхозе, два-три дня не могу успокоиться. Как там живут люди? Поросята, куры — все в избе. В бане не моются месяцами. На трудовень получают 10 копеек. Базар в городе гол. А какие базары были перед войной! Старорус-

ские поросята славились на сотни верст вокруг. А сейчас? Скольцо раз выступала газета, везде воруют — и никаких последствий. Никто не хочет принимать мер, да еще оказывается, что редактор — клеветник. В колхозах ничему не верят, ничем их не убедишь. Агитировал за молоко, чтобы от каждой коровы продать шестьсот литров.

— Я бы и тысячу литров мог бы продать, да не продам.

— Почему?

— А мне на будущий год дадут их как налог. И ничем их не убедишь.

А кукуруза — посеют сто-сто шестьдесят гектаров (под нажимом, разумеется), ничего не взошло, словно там ничего и не было. Тогда райком сам стал сажать кукурузу — взяли опытный участок в три гектара, ухаживали за ним десятки человек, все лето. С ружьями сидели, галок стреляли, пололи десятки раз — вырастили кукурузу длиной в два с половиной метра, показали, что можем. А колхозники смеются: кому она нужна, такая кукуруза? Всем колхозом вырастим пять гектаров и пойдем по миру. Есть колхозы, где центнер хлеба обходится в тысячу рублей — десять рублей килограмм, — и все равно его продолжают сажать. Как переменить все это?»

5 марта. В деревне нет устоявшегося уклада жизни — каждый год новые постановления, новые расценки, новые правила, новые налоги или отмена их — все меняется так скоротечно, что люди просто не в состоянии осмыслить эти изменения, не в состоянии понять, что они им несут — плохое или хорошее. Нет уклада, значит, разрушаются устоявшиеся привычки, нет планов на будущее. Отсутствие уклада жизни приводит в конце концов к равнодушию.

На улице — дикая метель, страшно высунуть нос на улицу. Хорошо, что не поехал на Ильмень, взялся за рассказ. Сижу в номере с насморком. Топлю печку.

6 марта. Решено — еду в Устрику. На маршрутном ЗИМе.

Широкая дорога ведет машину вперед. Спидометр — семьдесят километров. Еще в редакции мне пояснили, что надо сойти на Солобской горе — и там три километра. Где-то влево от шоссе — железная дорога, которую разобрали немцы. Иногда мне кажется, что я ее вижу слева. В машину подсаживаются две девочки с сумками — едут из школы домой. Шофер их уже знает. Едем дальше. Все деревни на местах,

ко главный ориентир по карте — мостики через ручьи: они, тем более, на месте. Наконец, останавливаемся у будки — вот она, моя земля, которую я смотрел годами на карте. Плоская, белая равнина, на которой разбросаны черные пятна деревьев. Слева — железная дорога, которой нет, справа через сузроб — дорога на Солобено и потом на Устрику. Санная дорога. Желтые пятна конской мочи, клочья сена, следы ползьев. Деревня Солобено — совсем неплохая; домики тесно прижались друг к другу, людей на улице мало.

На горизонте господствуют две церкви — одна в Бурегах, другая в Борисове.

Подхожу к Устрике. Встречные здороваются со мной. Были минуты, когда мое предприятие казалось мне авантюрой — зачем я иду туда? Но уже первые приветливые улыбки, спокойные приветствия заставляют меня забыть о прежних сомнениях. Улица выводит меня на берег озера, и его гладкая ровная поверхность растилается до горизонта и в обе стороны. Колодцы — журавли. Берег озера пологий — но самая кромка его обрывается, снег на ней не держится, красная глина. Очень хорошая полоса для обороны. Вдоль берега лодки, баркасы, почти занесенные снегом. Перильца ведут к озеру, к проруби, где берут воду. Оказывается, правление находится в Заднем поле, и я иду туда. Одна деревня незаметно переходит в другую. Председателя колхоза нет, я жду его, играю в бильярд. Председатель пришел, ласково улыбается, страшно рад, что я приехал к ним в деревню. Все устраивается быстро и легко — и я в доме. Хозяин сидит, штопает сети. «Принять-то примем, только баб наших не трогай, я мужик ревнивый». Так начинается наш разговор. В центре деревни — могилка: в память воинам, павшим в 1941—45 годах, крохотный палисадничек с обелиском. В устье реки Перехода нашли множество черепов, перевезли их сюда; во время шторма тоже выносит мертвецов из озера. А немецкую могилу сровняли с землей, вернее даже не немецкую, а могилу шестнадцати испанцев — теперь на месте этой могилы зеленая площадка для игр при школе. Так говорил председатель, весь перевязанный бинтами: ухо застудил. Есть бригадир, который форсировал озеро по льду. У немцев оборона была крепкая, по всему берегу бункера, по нашему — окопы.

Хозяин — Петр Михайлович Полевой. Воевал много. В Сталинграде тоже был, но там ему не понравилось. Много рассказывает про войну. Про рыбацкую жизнь. После войны

рыба была хорошая — вылавливали судаков по сорок килограммов.

Оказывается, если план лова не выполнен, колхоз платит неустойку рыбзаводу, в прошлом месяце заплатили две тысячи рублей. Работаеть-работаеть, да еще плати за это дело. В этом месяце получка — сорок рублей. Муку рыбакам отпускают по талонам.

7 марта. Вчера разговор пошел еще веселее, едва я спросил: «Где тут у вас магазин?» Хозяин встал, обеспокоенно подошел к печке, понюхал что-то. «Ты что же, мать, давай мяса, картошки». — «Я скоро, скоро». И я пошел в магазин. Там есть патефоны и мука, несколько книг, много гребней, расчесок, духи, мыло; на стенах плакаты.

Пьем с хозяином водку. Пол-литра проходит незаметно, разогрелись, решаем пойти на собрание.

Рыбаки просят, чтобы им запретили ловить рыбу в озере. На год или на два. А мы поедем ловить на Финский залив — там рыбы много, рыбаков не хватает. Начальство не разрешает этого, требует выполнения плана. Тогда рыбаки сами договариваются с приморскими колхозами, грузят свои снасти на машины и едут на Финский залив.

Жизнь здесь простая и удивительная. Просто и спокойно ругаются матом. Просто и спокойно говорят о своей бедности — все-таки сознают ее. Просто и спокойно рассказывают о влосовцах, о полицаях, о драках в соседней деревне.

Немец прислал письмо — спрашивает, в каком состоянии находятся могилы (и фото прислал — могила под березой). А могил нет. Председатель сельсовета поехал в горком советовать, что ответить.

Василий, хозяйский сын, рассказывает, как увозили убитых солдат на санях в Борисово. У некоторых находили документы, прятали их, потом посылали письма на родину и фото.

— Не знаю, что он за человек и какое у него сердце.

— Летом нашли черепа — ребята все молодые, зубы у них ровные, белые.

— А один был, стал сваливать наших в воронку от бомбы. Мы его окружили и говорим: тоже туда хочешь?

Один солдат поднял руки и пошел сдаваться в плен. Все видят, как он сдается, стреляют по нему, не попали. Присел на берегу, перемотал портянки, пошел дальше — деловито, не спеша.

У немцев были аэросани, захваченные еще в сорок втором году. Немцы ходили по ночам в разведку, пускали ракеты.

8 марта. Местные рыбаки ставили в соргк втором сети, нашли на берегу раненого летчика, тот попросил спрятать его, а они повезли его к немцам и выдали. Дядя Гриша получил за это двадцать пять лет, сейчас отсидживает.

— На каждом месте свой дурак сидит.

Итак, мы идем на озеро. Встали в 7.00 и уже через час спускаемся на лед. Меня снарядили так — ватные брюки поверх моих лыжных, телогрейка поверх пиджака, валенки, полушубок, рукавицы. Уже через полчаса становится жарко. Мы то идем, то едем на Юннате — серая, довольно крепкая лошадка. На берегу поругались с цыганом, который не хотел давать хорошего сена и ругался «как собака», по словам одного рыбака. Мы идем по озеру и обсуждаем цыгана. «Он у нас такой, сидел двенадцать лет за убийство, и четыре жены у него было». Вот такой цыган.

Лошадка споро бежит по санной дороге. Деревушка осталась на горизонте. Темный, тонко вычерченный силуэт ее. Правее — церковь в Бурегах. В трех километрах от берега — торосы, когда холодно, лед ризорвет щель, а потом тепло, ее раздует, налезет, получатся торосы. За ними может прятаться старшина или палатка медсанроты. Немцы бомбят ее с самолетов.

С севера идет чистое небо. Вскоре выглядывает солнце. День обещает быть замечательным.

Итак, мы едем по озеру. Белая бесконечность. Санные следы расходятся в стороны. Белые холмики — места, где стоят сети. Без слов — каждый принимается за свое дело. Четверо рыбаков — у каждого свои обязанности. Первый пошел с лопатой — убирает снег, доходит до льда. Второй с пешней пробивает лед. Выходит вода. Третий тоже с пешней, берет через одну. Последний со сливалом (сетка такая) очищает дырки ото льда, выбрасывает лед. Так очень быстро доходим до конца. Лошадь поворачивают. К первой сети привязывают мычку. Из второй дырки вытягивают сеть, укладывают на снегу. Голыми руками вынимают рыбу из сети. Вторая пара рыбаков тянет сеть из третьей проруби; ко второй проруби тоже привязали мычку. Потом один идет к первой проруби, тянет за мычку, и пустая сеть снова идет на дно. Так они чередуются, быстро, ловко, через одну прорубь. Везут по снегу кошель с сеном, лошадь идет за ним. В час очищают по

шесть-восемь сеток, в зависимости от рыбы. Работа идет спокойно, без перебоев, сетка за сеткой.

— И так всю жизнь,— говорит Василий.

Обсуждают рыбу: эта уже сонная, жареная, копченая — заснула в воде. «Вот будешь сегодня на сковороде. А потом на удобрения тебя пустим. А весной обратно в озеро вернешься. Так она жизнь и крутится вокруг нас». Рыба бьется на снегу, точно мушкой посыпанная. Ее бросают в корзину. Работают голыми руками.

9 марта. Рыбацкие разговоры.

Теша стоит сорок копеек за штуку, а завод продает по три рубля двадцать копеек. Судак — нам по три двадцать, а продают по десять семьдесят. Щука — нам два пятьдесят, а государство берет семь семьдесят. Лещ — два восемьдесят и восемь пятьдесят. Снеток — шестьдесят копеек (в сыром виде), а в сухом государство берет — шестнадцать рублей. С весов на весы.

— Камыш (балат), лоза, ольшаник, болото (болотная трава).

— Деревья — тополи. Сосна, ель, береза. 99 рек впадает — рек и речушек — в озеро, а вытекает одна.

— Сети крашенные — красные, зеленоватые. Судака ловить не разрешают — вот она, запретная рыбка. А что с ней делать, коли она сонная? Сети разрешают ставить на тридцать миллиметров, а судака мелкого запрещают ловить — это наш прилов.

Обратно едем с разговорами. Хочешь — воруй, хочешь — помирай. Рыбаки как-то даже с гордостью говорят об этом: я вор. Мы так и на собрании кричим — или разрешите ловить на сорок миллиметров, или закройте водоем. А иначе мы воровать будем. План не выполняем, с нас дерут неустойку, а есть-то надо. Вот и берешь рыбу себе — план все равно провален. На неустойку сдашь, чтобы с тебя живьем не выдрали, а остальное воруешь. Все воруют. К нам тут министерский начальник приехал, мы ему так и сказали: «Ты пузо растишь, ты нас и воровать заставляешь, твоя политика». Так ему наговорили, что ночевать даже у нас не стал, сел в свою машину и укатил.

Почему не пускают рыбаков в другой водоем? Оказывается, проще простого: если рыбаки уйдут в Белозерск или еще куда, их план будет засчитывать Ленрыба, а не Новгородская. Поэтому Новгородский трест их не пускает. «Ну и

будем воровать. Я коммунист, и я ворую», — с горечью говорит Василий Полевой.

— Хрущевка — все пьют хрущевку, так называют здесь денатурат. Боже ты мой, все пьют денатурат и отравляют себя. Если правительство знает об этом и, зная, не принимает мер — это преступление перед народом.

— Рыбу с весов на весы переложат — и сразу цена ее утроится. А спекулянтов в тюрьму сажают. Раньше у нас так было. Рыбаки подъезжают к берегу, а там уже милиция ждет, поворачивают всех на завод. Воровать не давали, строго было — это еще при Сталине. За килограмм рыбы год давали, а то и больше. Сейчас милиции нет, посвободнее жить стало, почти демократия полная.

Хорошую рыбу заворачивают в телогрейку. Корзину везут на завод, а телогрейку — домой.

Вчера вечером после озера пошли в клуб на танцы. Танцуют в валенках, гармонист однообразно пиликает. Танцуют молча, сосредоточенно, в клубе не слышно ни смеха, ни шуток.

Парень есть у нас — бегаёт здорово. Пятнадцать километров до берега, скинет все с себя — и бегом. Я пробовал его на лошади догнать, куда там — лошадь пожалел.

Пришел мужчина с задумчивыми скорбными глазами, начал выдавать текст:

— Это мой личный зять.

— Я полностью безграмотный, но в политике разбираюсь не хуже вас. Скажите мне по-хорошему, куда отставили нашего дорогого любимого товарища Молотова?

— Недостатки у нас, конечно, есть, только руководства нет.

— Я за все человечество говорить не буду, а внутри нашего расположения еще расти надо много.

— Он начальник большой, у него в театре своя будка имеется.

— Дом у меня до войны хороший был, вагонкой обшит. Ну немцы весь дом ободрали, офицерам своим на гробы. Мне вагонку мою очень жалко было, одно утешение — немцы.

Лампочка гаснет в двенадцать часов. Но хозяйская дочь еще долго сидит в темноте и бренчит на гитаре.

! 0 марта. Вчера рубили прорубь на льду. Рыбаки называют их — углы. Василий Полевой работает легко и ловко. Лед хрустит, разламывается, сверкает гремями. В такой яме

изо льда можно вырубить хороший окоп, рубить надо топором. Только рубить опасно: чуть поглубже копнешь — и вода. Солдат прячется в воронку — пробует рубить лед лопатой — не поддается. Вода в воронке бьется и кипит, потом вдруг успокаивается. Вода темная, коричневая, полная битого льда, — быстро затягивается корочкой льда. В воде сверкают хрусталики льда.

Потом идем в шинок покупать водку. Заходим в домик, рыбаки смеются, что у них сорок девять магазинов (сельмаг — пятидесятый), где можно достать водку в любое время суток.

Деревенские избы похожи по убранству — на стенах висят семейные альбомы, вышивки, фотографии, где молодой красавец и красавица воркуют в рамке из сердца. Стоят хорошие кровати, но на них не спят. Василий рассказывает, что за два года надевал свой костюм три раза. «Костюм у меня стильный, за тысячу шестьсот, по индпошиву, по мерке та есть шит. И рубашек десять штук есть, и брюк пятеро. В праздник оденусь — вы меня и не узнаете».

Ночью плохо спал. Проснулся часа в четыре и слушал, как бьют хозяйские часы. Трофейные, из Кенигсберга. Сын выпьет, кричит на отца — ты, верно, всю войну в обозе проходил и винтовку-то в руках не держал. Так сто лет воевать можно.

Утром едем на Юннате в Солобено. Метет так сильно, что ничего не видно — белая безбрежная бесконечность кругом — вверх, по сторонам. Медленно проступает силуэт мельницы, потом какое-то дерево, голый сиротливый тополь, потом деревня. На дороге засели машины. Резина ни к черту, поясняет шофер. Подкладывают сено. Даже снегоочиститель застрял и не может выбраться. Едем с попутной машиной до Нигова, оттуда я звоню в горком и прошу прислать машину. Идем по шоссе навстречу ей, видим в бинокль газик. У моста он останавливается, там что-то чинят. Ветер страшный, продрогли до костей, пока добрались до моста.

11 марта. Страшно подумать, какой забитый, запуганный у нас народ. Василий рассказывает: «Ну куда я пойду жаловаться. Я, конечно, могу и заметку в газету написать, а потом меня за два килограмма рыбы на десять лет упрячут. Председатель тут в глаз стукнул за охапку сена. Хотел ему сдачи дать, потом плюнул и пошел — не стоит связываться». Или еще: «Разве меня шофер довезет за двенадцать руб-

лей до Солобено? Он с меня всю четвертную выдерет». Все дерут с мужика; в деревне своя аристократия, свои мироеды — это продавец, которому тоже надо давать; конюх-цыган — ему тоже надо дать, он сена лошадке подкинет. И председателю, уж конечно, надо давать, от председателя вся жизнь зависит.

Люди тут прекрасные, гостеприимные, добрые, скромные, застенчивые — за день на озере ни разу не присели, не отдохнули. А прав своих не знают. Не ведают. Нет чувства человеческого достоинства, они просто не сознают этого. Жизнь их была и мытарилась, и они относятся к ней просто. Живут просто и удивительно. Первозданная простота. Ругаются, сами не замечая этого. «Ты что-то зачистил, через слово», — вот самое большое замечание, которое может сделать жена мужу.

— Колхознику теперь почет, — говорит Петр Михайлович, — все налоги с нас убрали. В город поеду, мне тоже почет. Дорогу не там перебежал, с тебя штраф на десять рублей возьмут, а для меня прощение выйдет. Потому что я — колхозник, в валенках, да в телогрейке. — Петр Михайлович хитро улыбается, говоря это. Он все понимает, он — мудрец, он и за государство решить бы смог, а вот за себя не умеет. Лицо у него во время разговора становится тонкое, умное, а первый раз его небритое лицо показалось мне грубым и неотесанным. Ему шестьдесят лет, а работает он за двоих. «Деды наши, прадеды рыбу ловили, и мы ловим. Производительность подняли. Деды голыми руками сеть ставили, рукой жердь проталкивали. А мы уже вилку специальную изобрели. Я за день шестьдесят сеток поставлю». Так и живут — мирятся с грязью жизни: грязь в избе, грязь человеческая — воровство, обман, взяточничество, подкуп — все это считается в порядке вещей, как будто так и должно быть. Живут с телевизорами, мотоциклами, а все остается по-прежнему. Невольно вспоминаю Чехова. Вот кто умел красиво причитать о российской действительности.

Подсчитал ресурсы — тютелька в тютельку. Зашел на прощание к секретарю.

Итак, можно подвести некоторые итоги командировки. Почти половину времени был совсем один — сначала надо решить все в самом себе. Отдохнул славно и душой и телом. Вставал, когда хотел, ходил в столовую кушать, ел обед за десять рублей, читал, писал, думал.

Ефимов: «В государстве нет единого рубля, нет валюты. Сколько цен: закупочные, госпоставочные, оптовые, розничные, МТС покупает дизель-топливо по 50 копеек, а продает его — по 80 копеек. Сколько посредников на ту же рыбу — колхоз, завод, магазин — и у каждого своя цена. А где рубль?»

«А меня в гостиницу пустят?» «В таком виде в столовую не пустят», — и так во всем, в любых мелочах — нет чувства человеческого достоинства, нет сознания своих прав. И ничто не делается для того, чтобы изменить это положение. Культ приниженности и культ личности — два полюса.

12 марта. Привокзальная площадь кажется всегда голой и неудобной. Тихо, пусто. Огромный зал ожидания закрыт, а в крохотном кассовом зале битком набито. Специфический запах вокзала, железной дороги. Беру билет и час сижу на чемодане с книгой. Скоро и легко подходит поезд, вагоны облеплены снегом. Уютная ковровая дорожка, длинный коридор — начинаешь чувствовать, что ты на колесах. И колесо тоже дает себя знать. Оно стучит под самым ухом и долго не дает уснуть, часов до трех. Утром зимнее солнце и оглушительное радио бьют в глаза и уши. А до Москвы еще три часа, и нечем скоротать время. Сыграл в шахматы с лейтенантом.

Никто не встречает меня на вокзале, но я иду легкий, счастливый, улыбаюсь мокрой сырой Москве с черным асфальтом на солнце и талым грязным снегом в тени. Вот кончилась еще одна поездка — я готов к роману.

1958.

Санитарный день

11 сентября 71 года. Слушали с Н. Эйдельманом в Переделкино радио: у него хороший приемник. Поймали на середине диктора, говорившего о десталинизации. И вдруг мелькают слова о Хрущеве: с 64-го года он жил на даче... Мы насторожились, прошлись по всем диапазонам. И по всему эфиру это имя — мор, дешторбен.

Н. С. Хрущев умер. Завершилась эпоха, пришедшая на середину нашей жизни. Впрочем, эпоха завершилась еще раньше: 14 октября 1964 года, когда Хрущева сняли. Теперь же это окончательно отошло в историю. Однако всем интересно знать — как его будут теперь хоронить? Наши чингисханы пока хранят молчание. Завтра в газетах появится небольшой некролог, который будет подписан: группа товарищей. Затем хорошо, если дадут ему место на Девичке, считайте, что покойнику крупно повезло. Хрущ погорел из-за своей половинчатости. Вся русская история — это явление нашей нерешительности, половинчатости. Как начали 14 декабря стоянием на Сенатской площади, так и тянем с тех пор резину, а резина двужильная, никак не лопается. За обсуждением этой темы вносится предложение поехать на похороны, завтра разузнаем: где, когда и при каких обстоятельствах. Тут звонок из Клязьмы через Зину: мать затревожилась обо мне, будто бы со мной что-то случилось, и у нее вроде бы даже начались явления. Так что завтра с утра мчусь на Клязьму, как это я до сих пор туда не выбрался? Всегда главное дело оказывается на последнем месте. Для себя ничего, все только и делается на сторону.

12 сентября, воскресенье. Москва безмолвствует, тупое молчание. С утра кто-то приехал из города.

— Слышали про Хрущева? Что говорят в Москве?

— По-разному.

— Где же вы слышали?

— Разумеется, в электричке. Пенсионер говорил. Он спрашивал: умер Хрущев или не умер?

Я тоже собрался в Москву. Город оглушает явным излившемся людями — и все бегут как на пожар. К перрону подали поезд до Владивостока, носильщики катят тележки с дарами московской земли: сумки с яблоками, авоськи с арбузами, картонные коробки с пылесосами, уютюги, посуда, набитые чемоданы. Москва щедро одаривает Сибирь и Дальний Восток — и безмолвствует. Пытаюсь прочесть «Правду» на свет, но там ни строчки, ни звука, ни просвета. Значит, будут тайные похороны, самый страшный вариант. Некомпетентность в масштабе управления страной — что может быть ужаснее? От такой мысли мурашки по коже: недаром сказано полным академиком Л. в ответ на мою идею сформулировать закон мировых горизонтов:

— Степень устойчивости падает в квадрате времени.

С этими мыслями я и приехал на Клязьму. Мать вполне в порядке, увидела меня с террасы, заволновалась, а мне еще раз стыдно стало за свою недоброту. Хоть я и не хочу ничего получить от нее, от отдавать-то ей должен. Ей ведь ничего и не надо больше — только посмотреть на меня. Спросила меня обо всем и тут же забыла, но то, что я приезжал, это ведь в ней сохранится. На даче тоже ничего не знают о Хрущеве: ахают, царство ему небесное, тоже ведь находился на дерганой работе, ничего, зато весь мир объездил.

Вечером пытаюсь обзвонить знакомых: никто ничего не знает, слышу в ответ возгласы удивления. Значит, у нашей страны нет никакого прошлого, нет истории, столь же беспроблемно и ее будущее.

13 сентября. Осуществляется дьявольский план, который можно назвать и хитроумным, вполне, впрочем, в духе дворцовых интриг. «Правда» дала уголок в полурамке, из которого явствует, что у нас все-таки был бывший секретарь ЦК и Председатель Совета Министров.

А что дальше?

Звонит из Переделкино Борис Ямпольский:

— Если хочешь сделать хорошую покупку, о которой мы с тобой говорили, будь без четверти одиннадцать у «Березки» напротив Девицки.

— Это точно? Откуда ты узнал?

— Серый сказал.

Значит, нынче будут похороны частного лица, а завтра можно выступить и с развернутым некрологом. У нас крепко любят покойников, но предпочитают скорее избавиться от них, а после начинаются всякого рода эксгумации. Вот когда его закапывают поглубже, тогда можно будет и сказать: покойник был неплохим человеком, а мы не хотели, чтобы народ глумился над трупом, поэтому так и сделали; мы оберегали интересы покойника, мы же великие гуманисты.

Записал второпях. Время 10 часов утра. Пора ехать. Ловим такси.

— Вам куда?

— К Новодевичке, — говорю. — Едем хоронить Хрущева. Зина толкает меня в бок, а таксист говорит:

— Был сейчас в кунцевской больнице, там все оцеплено, автобусы, машины, войска.

Начинаем гадать: может и нам к Кунцлагерю поехать и начать оттуда? Зина против. Да и на дороге все спокойно,

усиленных нарядов не видать: везти-то его будут по той же дороге. Зато у монастыря все оцеплено.

— Вот «Березка»,— говорит таксист. А майор уже машет нетерпеливо: проезжай.

На мосту окружной дороги торчат зеваки. Поворачиваем влево. Высаживаемся — тут можно.

Перед нами чистый скверик, на дорожках только патрули. Неужто все оцеплено и нам не подойти к «Березке», где назначено свидание с Ямпольским. Такого оборота событий мы никак не предвидели. Идем вокруг дома в надежде пройти внутренними двориками. Куда там! Всюду грузовики с брезентовыми коробками — точно так было и на похоронах Сталина. Лейтенант вежливо козыряет:

— Прохода нет.

Значит, монастырь обложен со всех сторон. У грузовиков стоят солдаты, у офицера на пузе рация. На погонах обозначено — ВВ.

В моей голове рождается хитроумный план. Возвращаемся обратно на скверик. Перед нами движутся четыре иностранных спины — их пропускают. Чернявый паренек снимает телекамерой патрулей и автобусы на фоне монастырской стены — хороший будет кадр, валютный.

Приближаемся к сержанту. Стоп! Нельзя.

— Нам надо на кладбище,— говорю.

— Сегодня санитарный день, кладбище не работает.

— А эти машины тоже для санитарки, да? Не крутите нам мозги, сержант, мы приглашены Радой Сергеевной,— тут уж я сам сбился, не сообразив сразу, как надо.— Рада Никитишна нас пригласила.

— А где приглашение? — Хорошо уже то, что он вступил в диалог.

— Мы ее друзья, она по телефону сказала: приезжайте к 11 часам к «Березке». Разве могла она знать, что будет оцепление.— И показываю ему свой писательский билет.

На помощь сержанту поспешает старшина. Обращаюсь к нему.

— С вашим удостоверением можно пройти на предприятие, а сюда нельзя.

— Разве это не равнозначно предприятию. Ведь нас Рада Никитишна позвала.— Теперь я уже не сбиваюсь.

Старшина задумался, но ответа не дает.

— Тимофеев, пойдём. А Сергейчик здесь останется.
Я говорю ему в спину:

— Если вы не можете решить, позовите капитана.

Старшина не отвечает и уходит, уводя Тимофеева. Сергейчик предпочитает не вмешиваться. Киваю Зине: пойдём.

Метров через пятнадцать нас останавливает на той же дорожке штатский чин в плаще. Предъявляю удостоверение и повторяю словесную версию. Штатский сотрудник совершает молчаливый жест: проходите. Таким же макаром преодолеваем ещё два кордона.

Прямо на газоне стоит коричневая «Волга». Пристраиваемся к ней — как бы ее пассажиры.

Теперь можно оглядеться. Зевак с моста уже прогнали, там прохаживается патруль. По ту сторону моста на дороге стоят грузовики. Монастырь находится в осаде. Ворота кладбища наглухо закрыты. Рядом с нами стоит автобус с грифом — УВД. Над автобусом — многоколенчатая мачта. По соседству второй автобус с мачтой и антенной. Это уже второй вид осаждающих — ВВ. От автобуса тянется по траве провод полевого телефона. Но все спокойно и тихо. Рации бездействуют. Похаживают полковники и генералы в штатском. Монастырь в осаде.

— Но где осажденные? Изредка просачиваются старушеницы с букетиками цветов. Их проверяют, и они переходят на ту сторону улицы — к воротам, где накапливаются прорезанной толпой.

У осажденного монастыря самый мирный вид: видны луковицы собора Богоматери Смоленской, шестиярусная соборная колокольня обхвачена вполне мирными реставрационными лесами.

На дорожке, по которой мы только что прошли, показывается женщина с пионерами. Они проходят на ту сторону улицы, и, к нашему великому удивлению, их пропускают в калитку.

Штатский подходит к полковнику и поясняет:

— Прибыла учительница с периферии, хотят возложить цветы у Зои Косьмодемьянской. Я подумал: можно, все-таки с периферии ехали...

Полковник кивает:

— Против периферии не возражаю.

Так продолжается долго, чуть ли не полтора часа. Со стороны «Березки» к нам пробрался Борис Ямпольский. На-

чинается дождик. Предлагаем Зине укрыться в «Волге», что она и делает, спросив позволения у шофера. Теперь мы еще крепче прикрыты.

На улице возникает движение, идут черные «Волги». Подкатывается автобус, выходят музыканты с трубами. Оркестр явно кладбищенский.

А вот и бортовой грузовик с венками, за ним автобус с зашторенными окнами. Машины проезжают на территорию кладбища, и ворота тут же, словно автоматически, закрываются. Мы тоже трогаемся на ту сторону улицы. В калитке приоткрылась тонкая щелочка, но мы уже наседаем.

Кто-то кричит:

— Откройте, нас же немного.

Генерал в штатском плаще сурово командует:

— Лисичкин, открыть! Быстро!

Солдаты еще копаются с крюком у ворот, а я уже проник в калитку и вижу красную крышку гроба.

Итак, оборона прорвана, это же чудо. Спешим по главной аллее. Ямпольский успевает шепнуть мне:

— Мы тут самые опасные.

Я обгоняю его, стремясь поспеть к автобусу. Гроб уже вытаскивают, вижу белый матовый лоб, утопающий в подушке. Хватаю ножку гроба и тут же оказываюсь каким-то образом оттесненным. Поспеваю только ухватиться за венок и уже не выпускаю его из рук. Процессия тронулась, я пристроился.

Читаю надпись: от Совета Министров. Вот что мне досталось.

Гроб поставили на земляную кучу, он словно бы утонул в толпе, и я ничего не вижу. Зина оказалась ближе меня, прямо с родственниками, за ней цепочка штатских. Кто-то сбоку командует:

— Взялись за руки. Не подпускать.

И тут они продолжают держать оборону. Начинается панихида. Ее ведет невысокий человек в черном костюме с расслабленным лицом.

— Кто это? Кто? Кто такой?

Он говорит с достоинством и горечью. Это Сергей Никитович Хрущев, сын покойного.

Шел дождь, мелкий, сеющий, над гробом держали черный зонтик, который долго не раскрывался. Нам-то ничего, а вот туалет трупа мог нарушиться. Потом говорила донбас-

ская большевичка: пустые слова о партийности, большевистской принципиальности, революционном огне и все такое прочее, что мы слышим на партсобраниях. Потом выступил инженер Вадим Васильев, который заметно волновался и все время твердил: так сказать. Говорил о 37-м годе, он восстановил честь моего отца и моего деда, так сказать будут благодарны ему за это, так сказать.

А я подумал, что Хрущев освободил не только 10 миллионов людей, сидевших в лагерях, но и всех нас. И меня он освободил, хотя я был как бы на свободе. Вот почему я стою сейчас у его гроба.

Ораторы выступали, стоя на куче земли. Сергей Никитович давал им слово, каждый раз подчеркивая: у нас семейные похороны.

Снова заиграл невидимый кладбищенский оркестр, стали подходить прощаться. Покойник желт и худ, нос заострился, рот в провале, сухая пергаментная желтизна.

— Проходите, проходите,— подталкивают меня.

В ногах мужчина держит красную подушечку: четыре Золотых звезды, двадцать орденов — вполне приличные семейные похороны. Я хотел было остаться в ногах, но меня снова оттеснили штатные единицы, они были рассеяны всюду среди нас и ладно исполняли свою работу по защите гроба. Но все равно все было снято и записано, даже микрофон повис над кучей земли.

Родные держатся стойко. Кто-то верно, Юля, всхлинула. Рада ее тут же одернула:

— Держись, тебе говорят. Мы же договорились.

Поперек могилы лежит лом. Приготовлены веревки. Рядом находится могила Сергея Садовского, ее всю затоптали. Сергей Садовский — кто он такой? Забивают гвозди.

— Леша, тащи.

14 сентября. Продолжаем наши игры. Да уж и недолго осталось. Гроб подтащили и поставили на лом. Хороший гроб, за 154 рубля, мы с Юрой мечтали отцу такой выкупить, да не осилили. У могилы орудуют пять могильщиков — сколько из них штатских?

И снова:

— Леша, выдергивай.

Дыра была глубока, долго опускали. Начали потом землю бросать, я тоже швырнул несколько пригоршней, в азарт войдя. Вот когда мне горло сдавило.

А могильщики уже всюю работают лопатами. Штатные тут же запыхались, а вольнонаемные хоть бы хны. Сразу видно: кто есть кто. И вот уже вместо дыры и над нею вырос холмик, словно бы гроб вытеснил его из земли по закону Архимеда. Ребята охлопали холмик лопатами и все стало гладко. Подошла Нина Петровна и положила большую красную розу. Вообще она прекрасно держалась, да и все остальные из близких, только один Алеша Аджубей все время пытался быть в отдалении, стремясь раствориться в дожде.

Я оторвал ромашку от совминовского букета, она уже почти не пахла. Все завершилось быстро, почти стремительно. Операция по обороне монастырских стен проведена блестяще. Чингисханы могут спать спокойно: семейные похороны под государственной охраной с пятью дивизиями прошли так, что лучше некуда. Старушка за моей спиной говорит:

— Живем плохо, а кончаем все одинаково.

Мы еще стоим, хотя делать нам уже нечего. Пытаемся разговаривать, но рядом тут же вырастает штатская единица, все дорожки заставлены ими, они простреливают нас глазами, но мы уже плевали на них.

Оглядываюсь. Сколько нас тут было? Всего человек четвереста, но доброхоты явно в меньшинстве — остальные штатские. Ни один чин из «Волги» к машине не подошел, это им не положено. Им дано только не пущать — и никак нельзя идти туда самим. Выходим из ворот. Там висит объявление: в понедельник, 13 сентября, кладбище не работает — санитарный день. Служитель снимает объявление: санитарный день завершился.

Показался Рудный:

— Смотрите, все прошло спокойно. А меня предупредили: будет Ходынка.

Так мечтали прогрессисты и потому не пошли, надеясь, что придут другие. Разбитый, опустошенный еду в город, должен был встретиться с Зингерманом. Тот спрашивает меня, едва я вошел в институт:

— А Евтушенко читал стихи?

Молва идет впереди меня, только и успевшего сойти с троллейбуса. Через три часа встретил Евтушенко в клубе писателей.

— Что же ты не был на похоронах?

— Я был там раньше тебя,— объявляет он.— Я был в морге.

Очень точно рассчитано. У могилы ему сейчас невыгодно появляться, тем более со стихами. А в морге, в замкнутом пространстве — пожалуй, подойдет.

К вечеру еле добрался домой, нацарапал отчет об осаде монастыря, и вот сегодня, уже в Переделкино, дописываю все это, несколько придя в себя и будучи уже в состоянии подумать о том, что было. Хрущев умер, но появился призрак Хрущева. Предсказанный мной на сегодня некролог в центральной прессе не напечатан, значит, у них даже хитрости нет, есть только тупость да страх. Все соцстраны дали фото и некрологи, молчит одна ГДР. Албания объявила: умер главарь шайки ревизионистов.

Вот и получается у нас, что ничего не было: ни XX, ни XXII съездов, ни сталинских преступлений, ни хрущевской оттепели. Какая тупость! Такая тупость, что она не поддается никакому программированию. Тупость и ложь, рождающиеся из страха. А это уже фашизм. Брежнева я не пойду хоронить, а он ведь кончит еще хуже, это уже точно решено, хоть еще и не подписано. На этом можно поставить точку на моем кладбищенском репортаже, однако продолжают поступать все новые сведения. Кладбище было закрыто еще 6 часов, людей не пускали, чтобы они могли положить цветы на могилу. А зона оцепления начиналась от метро «Спортивная», тысячи людей скопились там, но все улицы были перекрыты — об этом рассказал Анатолий Аграновский. Вот и получились семейные похороны с участием вооруженных сил. Тайные похороны, запрещенные похороны — любые эпитеты оказываются тут возможными и недостаточными. Тупее не может быть, но в данном случае оказывается справедливой поговорка: чем хуже, тем лучше. Наши чингисханы лишний раз показали всем, что они ничего не могут, не умеют, ни к чему не готовы. Но должна же тут быть и какая-то подоплека, еще не очень явная, но тем не менее весьма существенная. Что-то еще такое мы узнаем в самое ближайшее время, подобные кладбищенские истории так просто не кончаются. И мертвецов ни с того, ни с чего не пугаются. Живы будем — поглядим.

15 сентября. Утром, едва я вошел в столовую, Ямпольский зовет меня и выводит в закуток перед туалетом.

— Прощу тебя никому не говорить о том, что я был на

похоронах. И в дневниках не упоминай моего имени, я же знаю, что ты пишешь. Я исчез, я не существую, я не желаю, чтобы мной занимались. Меня нет.

— Да я и не говорил никому. С чего ты взял?

— Во всяком случае, прошу тебя на будущее: меня нет и никто не должен мной заниматься. Я хочу дожить спокойно, сколько мне осталось, поэтому я не существую.

— Хорошо, Борис, я никому не говорил и никому не скажу, только ты не умирай от собственной храбрости.

— Я тебе повторяю. Я никого не боюсь, просто меня нет, я знаю, что это такое, когда тобой начинают заниматься, и не желаю этого.

— Ах, Боря, а ты еще говорил, что мы тут самые опасные. Чем же ты опасен, если ты не существуешь?

— Именно этим я и опасен.

Так мы поговорили, и я поехал в Москву по делам. Всюду приходится рассказывать о похоронах. Взамен получаю добавочную информацию: кладбище уже завалено цветами, все соцстраны прислали Нине Петровне телеграммы со словами соболезнования. Это же элементарный акт вежливости элементарно воспитанного человека. Но только не наши чингисханы. Как у Гейне: это такие дураки, которые не знают своего дурацкого ремесла. Путешествовал по маршруту — «Советская Россия», «Новый мир», «Литгазета». Камазовский очерк в НМ вроде бы не прочитали, но я уже нюхом чувствую — отношение будет кислое. И три месяца работы собаке под хвост. Придется бегать по другим редакциям, пристраивать мой прекрасный очерк.

Вот сдать бы им мой репортаж о похоронах великого реформатора Н. С. Хрущева.

— Примите рукопись и распишитесь в получении.

Вот они бы забегали, запрыгали от радости.

— Да, да в набор! Немедленно.

Или в «Литгазету» отнесу — к Сыру*. Тот прочтет и скажет мне правду-матку:

— Это надо печатать в «Нью-Йорк таймсе». На первой полосе. Но я туда материалы не подписываю.

Увы, подобные мысли мне даже не приходят в голову. Мой репортаж написан на русском языке, но русским шриф-

* Виталий Александрович Сырокомский — известный журналист (Примеч, ред.)

том он напечатан быть не может, а латинским алфавитом я и сам не хочу.

Выходит, я тоже не существую. Борис Ямпольский прав. Остается задать последний вопрос: когда это будет напечатано русским шрифтом?

15 сентября 1971 года

На поле Куликовом

6—7 сентября 1980 года. Ровно в 10 часов 12 минут утра наше питейное заведение на колесах тронулось в путь-дорогу. На десятом километре состоялась первая разведка боем: поэт Саша запустил матерную частушку. Пассажиры смеялись. На 22-м километре явилась первая бутылка, и далее они следовали уже без передыха, завхоз Валерий только успевал их складывать под задним сиденьем.

Московские ратники шли до Куликова поля не меньше двух недель, мы доехали за девять часов с перерывами на винные магазины, зеленые завтраки и просто привалы, когда поэт Саша командовал: мужчины направо, женщины налево. Впрочем, тогда московских ратников было не так уж много — полторы дружины. Это сейчас Куликово поле попало в зону яблочка — разрослась держава. А тогда оно находилось за пределами мишени, и надо было еще прирезать его в свой надел.

Нас в автобусе 17 человек. Мы едем, чередуя заправку и отливку.

Что ждет меня на Куликовом поле? Само поле, не более того. Я все боюсь — не перепахали ли его? А если Куликово поле засеяно, то какие плоды на нем взошли?

Поэтому надо поглядеть на поле. Испить воды из Дона.

Компания, как видите, подобралась веселая, в этой компании я созреваю для Поля.

Не то важно, что я поехал Куликово поле смотреть, а то важно, что я на нем сосредоточился. Куликово поле у нас на всех одно. Но у каждого оно свое.

Прибыли к Полю в темноте и были встречены полковни-

ком Ярцевым: кто, откуда, зачем, почему в нетрезвом состоянии?

Поле находится под строгой охраной, хотя на завтра битвы не предвидится.

Совершенно правильно, гражданин полковник, народ вам доверил Поле, бдите его.

Итак, мы доехали до границ степных далей. Россия вышла из леса в поле — и это случилось здесь. Я почти всю дорогу просидел на переднем кресле, прокладывая маршрут — проехали через Богородицк, Епифань. У меня карта 56-го года, но ею уже нельзя пользоваться: всюду новые дороги, повороты. А сколько же переменялось за 600 лет!

Смотрю на Россию из окна автобуса и думаю: отчего же слабею я при виде России? Так ведь и должен слабеть. Тем более что чаще всего вижу ее из окна транспортного средства, в котором я по ней перемещаюсь. Я воспринимаю Россию взглядом.

Восходит поле и заходит поле. Недаром сейчас его так приветили. Куликово поле нужно нам для русской самодержавности, тут она, самодержавность, и началась. Татары заразили нас своей болезнью. Это тот самый случай, когда раб стремился походить на своего хозяина. Сила на силу. Демократический Великий Новгород не мог победить централизованную татарскую силу. На Куликовом поле взошло русское самодержавие, и обелиск Брюллова тому подтверждение.

— Не уроните обелиск, — говорит полковник Ярцев. — Зачем вы траву мнете?

Население нашего питейного дома разделилось на две группы — хочу в поле, хочу в лес. Мы выбрали скирду. В огонь бросали солому, она слишком быстро сгорала, в этом ее недостаток. Я все же не решился спать в скирде, пошел в автобус, дремал сидя, и ничего мне не снилось. Раза два выбегал на поле греться, но следовал лишь линии асфальта, боясь от нее отклониться: я же сам на асфальте возрос.

Когда-то здесь кричали лебеди и кони, а нынче не слышать живого голоса. Рокочут моторы, ночью их далеко слышно. Сначала возникает звук, потом за гребнем холма рождается зарево, переходящее в огни.

За 600 лет тут не выросло ни одной гостиницы, зато русская сила возросла в 600.000 раз. Мы все взошли на Куликовом поле, и потому идет по полю патруль во главе с пол-

ковником Ярцевым. Подносим ему стопку — он принимает крякая.

Русский народ могла объединить только антинародная сила — и такой силой стало русское самодержавие, недаром для него трудно подобрать аналог среди других народов.

Зато народ не разбежался. Антинародная сила стала истинным выражением народной души. После Куликова поля Россия получила свободу для крепостничества. Может, здесь и завершилось становление русской структурности (но еще не структуры).

— Мы людей не размещаем, мы охраняем, — сказал полковник Ярцев, не догадываясь о том, что отныне и он угодил в российскую летопись.

А вокруг полковника чутко стояли немецкие овчарки, охраняющие великий символ. Так что я был неправ, заявив об умолкнувшей живности, — собаки все-таки лаяли в той ночи.

Великая Россия, и я слабею при виде нее, а она проступает из утреннего тумана: синий автобус прикорнул на обочине, чахлые посадки за кюветом, борозды на поле.

— Надо умыться в Дону, — говорит водитель Гена, — и не ищите в этом никакого смысла, а просто пойдите и умойтесь, потому что штепсельную вилку воткнуть некуда, будем отращивать бороду, как куликовские ратники.

— Поглядите на него, — говорили в народе, — он ветеран Куликовской битвы и потому имеет право на пятидесятипроцентную скидку для проезда в двупарной телеге.

Он воин — и потому не будет крепостным. У кого сила, тому и свобода. Он свободен умереть за свою великую родину, за землю русскую, за веру православную.

Давление Востока через Русь передавалось Западу. А мы вышли в поле и пошли гулять до океана.

Пять минут на автобусе, и мы на берегу Дона, а за Доном собаки лают и сержант с кобурой монумент караулит. На одного гостя полтора охранника — иначе нас не охранить.

Автобус так и называется: «Почетный караул». Следом едет специальный подсобный автобус, в котором развешены на плечиках мундиры. Почетный караул прибыл из Москвы, ближе не запаслись. Они начинают наряжаться и выстраиваться.

600 лет — большой срок. За это время сменилось 30 поколений — не докричатся сквозь толщу этого безмолвного

стройка. Они не передают мне своих слов и заветов. Они передали мне нечто большее — свои гены. Я ничего не слышал от них, но они передали мне все, что хотели передать.

Меня не спрашивали, что бы я хотел получить от своих предков. Я и сам не знаю, что получил от них. Но все полученное сидит во мне крепче крепкого, и я буду передавать его дальше, своим внукам и правнукам.

Российская структура сделалась генетическим кодом, она заложена и защищена тридцатью поколениями, отсюда ее незыблемость и вечность.

Природа искала местность наиболее благоприятную для своего развития и нашла лес и поле. Завоеватели шли с Востока на Запад, пока не наткнулись на силу более сильную. Российский ген оказался самым устойчивым геном.

А поле Куликово светлело, проступая из тумана, и собирало народ. Полковник Ярцев сдал смену генералу. Над полем взлетел вертолет, наблюдая стройную картину стадоотвращения.

Вход на Куликово поле по пропускам. Каждому заранее определено, в каком секторе он должен пребывать.

А я забрел на кладбище, там хоть скамейки есть. У могил можно даже вздремнуть ненадолго.

Меня разбудили дикие крики. По полю носились татары на лошадях, за ними бегали фоторепортеры, пытаясь с опозданием запечатлеть шестисотлетний миг.

Рыдала над могилой женщина, и плач ее был скуден и жалок. Вертолет стрекотал, заглушая юбилейные речи и могильные плачи.

— Ты где служишь?

— В почетном карауле. У нас полк почетного караула, всегда при мундире.

— Так служить можно. А мне вместо мундира танк достался. Вот и сижу в танке.

— А как с кормежкой? Мясо дают?

— Нерегулярно.

А на поле Куликовом посажена сахарная свекла — и скоро пора собирать урожай. По полю ходили ряженые: Петрушка делал рожки, верзила на ходулях боролся за первый приз. Был даже изображен салют, над полем поплыли дымки, звуки скатились к Дону.

Фанерные ларьки оградил поле Куликово — за что боролись? За пирожки с капустой, за кусок колбасы. Мало,

мало, явно мало — но будет ли больше? О том молчат мои гены.

В почетном карауле русские лица, застывшие, грозные. А мне куда? Опять в автобус.

Поставлены храмы, протянулись курганы в траве. Дорога разматывается в обратном порядке. К Оке подходим в темноте. Бутылки испиты, пассажиры умаялись, приумолк питейный дом.

8 сентября. Горжусь собой. Ночь без сна и два дня без горячей пищи. Зато с картинками. Глаза мои насытились Куликовым полем.

Отлежался в ванной. Газетных отчетов не смотрю, меня там нет, я сам творю свой отчет: был на Поле, утвердился в российской структуре. Ой, пора за нее приниматься. Почему же я не пишу о том, что должны знать все?

Мы встали на пути восточной силы и сами стали Востоком. С Востока давило на нас сильнее — и продавило. Восток прорвался к нам, и мы остановили его на поле Куликовом — закрыли своими телами.

На поле Куликовом не было открыто месторождение. Там было открыто нечто большее. Оттуда начала прорастать народность русская. До Куликова поля была нация, после стал народ.

Сидим на кухне и гадаем: на чем Россия держится? По логике вещей, уже не имеет права держаться, а тем не менее держится. И не только держится — но и крепчает.

Но ведь ради такого вывода вовсе не обязательно было ехать за 600 километров в сторону и на 600 лет назад. Хотя ведь неизвестно, какие выводы выводятся в кабинете, а какие в стоге соломы.

Однако я понял — я ездил к истоку.

К востоку от Парижа

1 декабря 1977 года. Погибаю, погибаю, падаю, падаю. Вознесся на 9 тысяч метров, а продолжаю думать о том же. Идеи преследуют меня со скоростью звука. Нам подфартило с «Сиреной» — получили место в заднем салоне, самом спокойном. Ночь лунная, Россия лежит в снегах и про-

плывает под нами. Время в воздухе — 4.45. Дальше начинаются земные тяготы. Обещанная машина не пришла. В какую гостиницу ехать — неизвестно. С помощью справочного бюро выясняем: нас ждут с нетерпением в гостинице «Новокузнецкая», как сказал дежурный горисполкома. Устроились. За это время можно было долететь два раза до Парижа, а я вместо этого долетел один раз до Новокузнецка и при этом даже доволен. Заваливаемся спать, и мне уже ничего не снится. Новая забота: местные газеты обещают в ближайшие дни 20° мороза, надо срочно доставать зимние башмаки. Разве ради этого не стоило лететь за четыре тысячи километров? Я уверен: в родном краю не замерзну. В Париже мне было бы хуже, это уж точно.

Город смотреть не хочется, в гостинице тепло, телевизор исправно показывает новости — о чем еще мечтать полному мыслителю? Задам себе урок: углубиться в Структуру — вдруг что-то просверкнет?

2 декабря. В девять утра в номере появился Г. Н. Смирнов, наш Гертруда, который будет автором книжки, которую мы для него напишем. Дайте мне 5 тысяч рублей, и я за пять месяцев сварганю вам книжку о любом Гертруде с одним условием: чтобы моя фамилия не стояла на титуле — фамилию ставит Саша*. Так мы сделали Затворницкого, Храмцова, Мироненко. Работа в конечном счете невыгодная, зато я экономлю серое вещество. Вопрос лишь один — для чего стоит экономить серое вещество? Для гарнитуров или для Стадологии? Именно на этот вопрос у меня нет уверенного ответа. Так или иначе, систему мы отработали: четыре месяца работаем на Гертруду — гонорар в кармане, и можно 8 месяцев писать для души или, как модно теперь говорить, в стол.

В буфете здесь продают жареное вымя, есть даже почки, серые котлеты, проблема мяса предстает во всем великолепии. Не пора ли заказывать обратный билет? Предлог есть, сел, полетел.

3 декабря. Оркестр дружно грохнул. Мелодия состояла всего из трех нот, но так она легче проникала в сердце после того, когда уже приняты первые двести грамм. Голод не тетка, он гонит нас на улицу. Долго едем на автобусе в ресторан «Москва», якобы лучший в городе. Перед дверью

* Александр Верюжский — журналист, представитель «торговой» прессы, с которым мы работали над такими книжками.

кордон в виде швейцара. Проникаем. Второй кордон — гардеробщик, мелочь в зубы, и мы раздеты. Администратор встречает нас уже с радостью. Вход в зал только по приглашительным билетам, поэтому нас провожают на балкон, где обычно сидят наблюдатели из КГБ. Места в зале, видимо, продаются заранее, так легче рестораторщикам: они запускают на поток одно блюдо, две-три закуски — и проблема плана решена. О том, чтобы получить бульон не может быть и речи, это невыгодно для плана.

Интересно, удалось бы найти бульон в городе Париже, и сколько остановок на автобусе пришлось бы для этого проехать? И вообще возникает роковой вопрос: где лучше? До Парижа хоть лететь ближе.

Саша приехал с шахты в панике: немедленно уезжаем, Смирнов отказывается давать показания. Не буду, говорит, вам свою жизнь рассказывать, давайте про одну работу. Ох уж эти Гертруды! Они стали нынче капризны, как кинозвезды. И точно знают, когда им дозволено капризничать. А может, в самом деле — побоку? Плюнуть на полученный аванс, взять билет на самолет и полететь к своим гарнитурам? Ну хоть в тетрадке покуражиться — куда ж я улечу? Куда денусь от ненавистной работы? Разве другая будет более радостной? Спасения нет. Приходится жить без бульона, без утюга, под звуки трех нот — так они легче доходят до сердца. Самому интересно стало — чем все это кончится?

4 декабря — воскресенье. Час ночи по парижскому времени, начинается ночная жизнь. У подъезда гостиницы нас ждет «газик» во главе с директором шахты «Юбилейная»: сегодня у нас «черное» воскресенье, говорит директор, так что можем постараться показать товар лицом. Едем по ночному городу за товаром. Багровое светится террикон, еще один нарост цивилизации в этой некогда благословенной котловине. А теперь Новокузнецк стоит, окруженный со всех сторон горами. Город не проветривается, над ним все время висит смог. Прибыли на шахту, начинаются переговоры. Оказывается, спуск под землю — это целая операция, требующая самой тщательной подготовки, согласованности многих служб и т. д. Директор висит на телефоне, занимаясь этим согласованием. Наконец все готово, и я попадаю в дурдом. Висят вешалки, змеятся железные конструкции.

— Раздевайтесь до трусов, — говорит тот же директор. Я покорно раздеваюсь. Но это, увы, не Мулен Руж, я не

участвую в парижских ночных играх, разделся, натягиваю на себя робу, резиновые сапоги с портянками — иначе не спустишься под землю, а спуститься туда не то чтобы хочется, но необходимо для работы. Впрочем, я не пожалел о случившемся. В этот день, в этом городе я вряд ли мог получить больше впечатлений. Переодевшись в дурдомовскую одежду, пересекаем заснеженное болото и попадаем в бремсберг — темный наклонный штрек, постепенно погружающийся в преисподнюю. Полтора часа бредем под землей, не видя ни одного светового проблеска, кругом сплошной мрак. Спускаемся, поворачиваем, бредем в гору — мрак, мрак, мрак, лишь наши лучики высвечивают своды и стены. Иногда под ногами горные потоки, мы же на гидрошахте. Тут напрашивается современная быль, этакая фантазмагория, неожиданная концовка, поворот. Куда мы забрели, в какое царство попали? В Париже уже восемь часов утра, а мы все бредем под землей. В темном мраке ворочаются машины, пульпа с рокотом несется под ногами. Гидромонитор выстреливает струю, рушатся своды. Директор показал нам все подземные пропасти, мудро организовал маршрут, и мы увидели преисподнюю с черного хода и лишь потом попали в светлые штреки и поднялись обратно в клетки. И вот наконец-то Париж — в кабине автобуса, который отвозит нас обратно, висят голые девочки. А вечером банкет в ресторане «Москва», где мы вчера были, но это уже банально, так скучно и в Париже бывает. А я шагал по мраку и думал о российской структуре — вот она и есть в действии. Структура никак меня не отпускает, но я и не пытаюсь отделаться от нее. Пусть она зреет во чреве со своим крепостничеством, православием, самодержавием, что означает, кстати, самодержитесь. Мощь и рабство — вот истинный лозунг российской Структуры. Ох, дайте срок, я доберусь до нее, изобразю все ее прелести. Теперь она от меня не денется.

5 декабря. Вчера принял много коньяку на банкете, рука была легка и бездумна. Нынче отоспался, пришел в себя, но не могу вылезти из вчерашнего мрака. В самом деле, я нашел символ Структуры — и оттого ее надо писать не в виде монографии, а в виде исповедального очерка. Вот крепостничество: черные субботы на ЗИЛе, лозунг: «Двое трудятся за троих», вчерашнее путешествие в шахту и многое другое, что я успел повидать на своем веку. Вот вам и первая фраза — я прожил 55 лет в этой стране, которую зову

своей родиной. У меня нет иной родины и иной страны. Я изъездил ее вдоль и поперек, много писал о ее достоинствах и недостатках, считаясь, как у нас говорят, проблемистом. Я всегда стремился понять мою страну, ее историю, ее истоки, ее будущее. Так и начнем. И пойдет моя Структура сама по себе. Мерцает во мраке огонек, прыгает, подскакивает, ничего не освещая, то слабея, то усиливаясь, то вовсе пропадая. Будто этот светлячок движется сам по себе, без участия человека. У меня в руке такой же светлячок, мы движемся навстречу друг другу, сейчас сойдемся, посмотрим друг другу в лицо, может, знакомы? Но светлячок вдруг прыгает влево и пропадает. Кажется, вот он был рядом, рукой подать — и не стало. Я дохожу до соседнего штрека: светлячок удаляется, карабкаясь вверх, и вскоре исчезает за поворотом — не встретились. Так и Россия бредет во мраке по темному кривому штреку. Бредет по своей извечной Структуре.

6 декабря. Вст и определились: до чего же мне не хочется писать сказку. Сам не ожидал такого нежелания. Тем не менее все же решил для очистки совести поехать в отделение железной дороги — а вдруг? Меня принял начальник отделения по фамилии Половой — что может рассказать человек с такой фамилией? Товарищ Половой считает, что все успехи нашей жизни обоснованы на энтузиазме. Возможно, он и прав, только это не из моей оперы. Я обошел диспетчерские пульты в расчете, что пригодится на будущее, и поспешил в тот же ресторан «Москва», где Саша проводил подготовительную работу перед обедом. Таким образом, Сыр остался без сказки — и будет тому рад, а я получил внеочередной обед в директорском кабинете. Затем начнется операция «теплая нога». Собственно, она началась в первый день по приезде. Ботинки мои вышли из строя, я босой. И было решено еще в Москве: попытаться достать ботинки на месте. Саша сделал соответствующее заявление. Было отмечено: постараемся решить вопрос. Каждый день поступали боевые донесения:

— Вопрос прорабатывается.

— Проблема двигается.

— Осталось подработать.

И вот сегодня:

— Можете брать.

Нас везут на «Волге» за пределы города на оптовую ба-

зу: выбирайте любую пару. Но я так ничего и не взял: югославское и польское барахло, а Зина сказала: на молнии не бери. Тем операция «теплая нога» и завершилась, опять я остался с холодной ногой, спасибо, морозов нет. Ничего нет. Есть только мрак шахты, который до сих пор преследует меня. Да, есть еще билет на завтрашний самолет, который я достал по той же торговой линии. Полечу без ботинок. Наш Гертруда по-прежнему капризничает: нынче не позвонил, не явился. Трудная будет книжка. Тяжкий хлеб — стоит ли его добывать с таким трудом? Надо срочно менять профессию, переходить от сказок к суровой реальности.

7 декабря. На шахте «Юбилейная» 1800 рабочих. На столовую дают в день 25 кг мяса, получается 14 грамм мяса на каждого работающего. А угля на каждого приходится 10—12 тонн, следовательно, за каждую добытую тонну угля добытчику полагается 1 грамм мяса. На заводе имени Лихачева каждая суббота «черная», руководителей покупают с помощью рыболовных крючков и японской лески. На Коломенском станкостроительном заводе стоит мастер и следит, чтобы рабочие не отлучались от станка, через полтора года он выдвинулся в большие начальники. Примеры можно продолжить, но это все действует российская Структура, это установлено точно. Как слагалась российская Структура и ее компоненты? Самодержец всяя Руси — кто первый это сказал? Крепостничество — в результате каких актов оно возникло? Народность — это отпор врагам, начиная с Александра Невского: кто с мечом к нам пришел, тот от меча и погибнет. Структура складывалась эволюционно, она всосала в себя вольный Новгород, Запорожскую Сечь, давила все национально-освободительные движения. Не было консерваторов, это беда Структуры, а либералы ее всегда расшатывали — и служили ей. Бунты, восстания, революции пытались взломать Структуру, но, в конечном счете, лишь закрепляли ее, Структура успевала принять ответные меры. Тут и Разин, и Болотников, и Пугачев. Минин и Пожарский вошли в историю наравне с ними, хотя цели их были противоположными. Тут приехал зеленый автомобиль: отправились посмотреть старую крепость, потом долго искали домик, в котором жил Достоевский, там идет реконструкция — обновляют полы, стены.

— Когда закончите? — спрашиваю рабочего.

Ответ стереотипен:

— Когда подвезут материалы.

Вся российская Структура ограждена по границе своей крепостями, земляными валами, недостает лишь Великой китайской стены. Структура складывалась эволюционным путем. Революция пыталась сломать российскую Структуру, но не смогла. Для реставрации понадобилась, однако, контрреволюция, которая и была проведена Сталиным. Сейчас у нас снова пора эволюционного развития российской Структуры, что для России наиболее благодатно. Именно потому и недовольны либералы, они у нас правые и левые. Либералы жаждут бурных перемен, не понимая их губительности для страны, которую они так любят. Закрытая Структура не может быть динамичной. Реформы шестидесятых годов прошлого века дали России больше, чем все бунты и революции. Российская Структура всегда управлялась сверху, снизу она разваливалась. А еще о проблеме снабжения, она всегда заботила крепостника. А нынче эволюция без реформ. Слова Даля о свободе. Я уже ударяюсь в конспект — билет в кармане, он и пробудил мою мысль. Живу с тихой радостью: билет в кармане. В половине седьмого выхожу из гостиницы, в 12.00 по московскому времени я дома, всего девять часов тридцать минут, из них 5.30 в подвешенном и скрюченном состоянии на высоте девяти километров. От двигателей начали вибрировать зубы и где-то из глубины вспыхивала зубная боль. Пролетел два раза над Россией — и оба раза во мраке, так и не увидел ничего, кроме огней ВПП. Зато увидел истинную Россию на глубине двухсот метров — Россию во мраке.

Смерть матери

31 октября 1986 года. Влился в город и даже не заметил этого, только в метро догадался: я же в Москве, к маме приехал.

А мама совсем плохая: стонет, задыхается, рот провалился, почернел. Даю ей несколько глотков воды, она жадно проглатывает и впадает в забытье. Как же она страдает. А помочь ничем нельзя. Я уже обзвонил пол-Москвы, всех знакомых врачей — нет таких средств. Да я и сам знаю.

Но если она стонет, значит, жива, ибо боль — есть жизнь, а уж там ничего не будет. Я захожу в комнату матери как на пограничную территорию, которая ведет туда, где нет ни боли, ни вздыхания. Не надо, чтобы мне досталась такая доля, но тут мы бессильны.

Вот пишу — опять она стонет. Дал ей пять ложек чая, за-тихла. Тяжелый случай. Я сиротею на глазах.

1 ноября. В 8 часов утра мама скончалась.

2, 3, 4 ноября. Снова я в Малеевке. Пытаюсь скрыть-ся здесь от своих напастей и болей. Смерть — это остановка времени, теперь для меня это ясно. Или переход времени на другую шкалу — шкалу бессмертия.

Когда я утром вошел в комнату мамы, она была такой же теплой, как и я, но время для нее уже остановилось. Я позвал Свету, чтобы она подтвердила мои предположения, вдвоем нам стало уже легче. Позвонили Надежде Ильинич-не, скоро она приехала. Я давно заметил, что вокруг покой-ников всегда собирается много живых людей, вполне стадо-логический эффект.

И вот мы, живые, вступаем в систему вымогательства. Приходит женщина из поликлиники, чтобы засвидетельство-вать факт смерти. Неожиданно заявляет:

— Я не могу. Надо ждать, пока она совсем остынет.

Ясное дело, надо давать на лапу. Я получаю в ответ ка-ракули, свидетельствующие о том, что всем ясно.

На основе этих каракулей я должен получить уже дру-гое свидетельство — медицинское. Лечу в поликлинику Лит-фонда, получаю более солидную бумагу с печатью.

Вскоре появляется туалетчик Дима с дипломатом в руке, и через час мама становится неузнаваемо красивой. Есте-ственно, Дима с дипломатом одновременно является и масте-ром по вымогательству.

— Эту операцию я сделал сверх прейскуранта, — говорит с достоинством, не оскорбляя слуха.

Приходит похоронная дама из похоронного бюро — у всех у них четко отработанные приемы, и действуют они безот-казно.

А мама лежит там, за дверью. Заканчивается моя тетрад-ка — на скорбной ноте. А каким тяжелым оказался этот год, давно не было такого тяжелого года. Мама была старше от-ца и так искусно зашифровала свой год рождения, что ей удалось унести эту тайну в могилу. По паспорту она 1895

года, на деле — 1892 год. В Москву она приехала в 1903 году — и прижилась в этом городе. Сколько я ее помню, она всегда работала: сидит, склонившись за столом с иголкой в руках, строчит на машинке, режет огромными ножницами разложенный на столе материал, хлопчет на кухне у керосинки. Так было до войны, я же без отца рос, мама брала меня с собой в баню, я спал в своей кровати, но часто забирался к ней в кровать.

Мать была теплая и мягкая.

Каждый вечер к ней приходили тети, которым она шула, и я приставал к тетям, чтобы они нарисовали мне пароход. У меня было очень много пароходов.

После войны мы тоже хорошо жили с мамой — уже и не так бедно, как раньше, но все равно мать сидела по ночам с иголкой в руках, а я учился в институте и гулял.

Ах, как плохо я пишу. Это про маму-то — а слова пустые, лопаются как пузыри. Нет у меня полновесных слов, но я еще напишу — скоро.

А пока весь в хлопотах. Почти не сплю, только с таблетками. Боялись, что не наберем мужчин для выноса гроба — сын мать не несет...

Но все обошлось. Остается быть послушным и молча делать то, что тебе говорят — в какой последовательности, что выбросить, а что можно только вынести, как стулья поставить на попа и окон не открывать...

Я все исполнил, и я ни на что не ропщу.

5 ноября. Отчего мы стали народом вымогателей? От жадности? От нищеты? Вымогательство идет на всех уровнях. Система поборов, взятки, разработанная еще в годы татарского рабства, и есть система вымогательства. Берут-то в самом низу, но доходит до самого верха. Чем меньше можно на рубль купить, тем больше требуется этих самых рублей. Идея вседозволенности владеет вымогателями — вряд ли они ощущают себя борцами за справедливость, да им и не нужно это.

Явились три лба в черных халатах.

— Мы только дерево приносим, а в гроб не кладем. Это надо особую службу вызывать.

Женщины кинулись к ним с бумажными знаками, через пять минут все было улажено и уложено.

У министра другой словарь, другая хватка, но суть от этого не меняется.

С работой у меня ничего не получается — и вряд ли теперь получится до отъезда из Малеевки. Надо срочно оклеветаться, а то дома в день похорон было совсем плохо: и сон сломался, и рука вышла из строя, и слезливость пошла, хотя было, от чего плакать.

Мать уже стала бессмертной, ничего с ней не делалось, но все-таки бессмертных нет. В сущности, все кончилось довольно быстро, когда она перестала ходить и слегла, немногим более месяца.

Как тут не поверить в существование высшей силы, ведь это она привела меня к матери за сутки до смерти. Утром я проснулся в Малеевке как от толчка и тут же сказал Зине:

— Надо ехать.

— А ты успеешь на автобус? — только и ответила Зина. — Торопись.

Я ехал в поезде и был спокоен — успею. В том, верно, и есть определяющая цель высшей силы — не оставлять после себя никаких следов. Хотя, что может быть хуже того, что было в этом году: отказ на издание двухтомника, болезнь и операция на почке (я беру беды в порядке их появления) и, наконец, смерть матери. А ведь это самое трудное — привыкнуть к ударам судьбы, если вообще надо к этому привыкать. Смириться легче, чем привыкнуть.

Тут выглянуло солнышко, и мы пошли напрямик через малеевскую поляну, а может быть, уже пришли с прогулки, какая разница, даже солнце ничего не красит.

Вот сижу и гадаю — с какой стороны теперь ударит?

6 ноября. Работа застопорилась, плохо сплю, принимаю таблетки и размышляю о том, как дать определение смерти через категорию времени. Наверное, так — смерть есть выпадение из координат времени. За нашим столом сидит Марк Григорьевич Бастунский, доктор физических наук. За ближайшей трапезой я сообщаю ему о своих размышлениях, и он тут же, без проволочек, утверждает найденную формулу.

Не исключено, а скорее вытекает из формулы, что смерть это черная дыра. А жизнь, таким образом, есть всяческое развитие в системе координат времени.

Жизнь — третья координата времени. Первые две координаты: прошлое и будущее.

Печальные мысли на эту тему явились мне в автобусе по дороге в крематорий. Туда ехали страшно долго, а обратно

домчались до дома в три раза быстрее. Так получалось и по ощущениям и по часам.

Я же говорил: высшая сила существует, однако она ловко заматает следы. Если вам угодно, время и есть искомая высшая сила, пусть она не управляет нами, но и мы не в состоянии управлять ею.

Но время-то управляет нами, иначе бы не было выпадения из него. Все это лишь казалось, ибо причина замедления времени на самом деле была чрезвычайно простой: автобус с гробом не может двигаться быстрее 30 километров в час — так положено по инструкции.

А я-то накрутил с три короба. Это называется — философия.

7 ноября. Во время болезни матери я придумал рассказ «Вторая пуповина». Это такая пуповина, которая идет не от матери к сыну, а в обратном направлении — от сына к матери, питая ее своими соками. Мне казалось, что со смертью матери сбор материала для рассказа завершился. Ан нет. Материал продолжает идти. Но теперь он идет из меня.

Это рассказ о жизни Варвары Ильиничны Фирсовой: проезд в Москву девочкой, и вся остальная жизнь — набор картинок с философией. Неясно, однако, как вести рассказ — то ли от первого лица, то ли от не первого.

Подбираю заметки, сделанные по ходу действия.

— И не вздумай притрагиваться к гробу. Сын мать не несет.

— Диван обязательно выносятся. Но не выбрасывать его сорок дней.

— А почему так?

— Я не знаю, так полагается. Наверное, для того, чтобы душе было мягче.

— Ленты для венков привезли буквально через пять минут после того, как мы их заказали. Значит, они были у них уже готовы.

Марья Дмитриевна ходила вокруг гроба, брызгала водой из флакончика и все приговаривала, почти пела.

— Как хорошо, как хорошо! Как хорошо, как мягко!

А мама лежит, правая ладошка под щекой. Лицо сморщенное, но спокойное. А после того, как ее обработал туалетчик Дима, лицо мамы становится значительным и таинственным.

ным. А Дима требует, чтобы мы убрали собаку. «Я этого не люблю», — говорит он.

Траурный агент с черной шляпой сначала загнала нас в угол: время в зале есть только на семнадцать ноль-ноль.

— Это же темно, — удивился я и тогда впервые подумал о времени, которое остановилось.

— Могу дать вам двенадцать двадцать, но это будет большой зал, он дороже на девятнадцать рублей.

— А вот тут указано: двенадцать восемьдесят, — сказала Надежда Ильинична. — Это за что?

— Это за туалет тела усопшей...

— Но мы же уже заплатили туалетчику Диме...

— Ну разумеется, если вы уже заплатили, — траурно согласилась дама в черной шляпе.

Выясняется, что я уже начал писать рассказ под названием: «Рассказ для двоих». Неизвестно лишь — кто эти двое? Почему блины? Зачем кутья? Но все послушно исполняют то, что им говорят. В этом и состоит значение поминок. После второго тоста переходим на международное положение, разговор на тему: не было бы войны. Вот мы и подобрались к ведущей мысли: никто не понимает того, что происходит, но все делают вид, что они шибко умные.

Что есть смерть? Что есть жизнь? Кто ответит на эти вопросы? А солнце? Разве оно мертво — ведь оно пылает и светит, дает жизнь всему живому. Значит, солнце тоже живет.

А вот моя мама погасла. Каталка очень сильно качалась.

— Сегодня мы провозжаем в эту черную яму нашу забывенную Варвару Ильиничну...

Но я так не сказал. Я промолчал. Персонажи для данного рассказа не нужны, тем более узнаваемые. Это должен быть рассказ для двоих, очевидно, тут действуют два персонажа: живой и неживой.

— Почему ты все так аккуратно складываешь?

— Я прибираюсь.

— Почему ты все время рвешь свою одежду, простыни?

— Все так делают.

— Кто все? Кто они?

— Это те, которые уже не могут сказать про себя — «я».

Сложный получается рассказ, многослойный. Но еще чего-то не хватает в нем, какой-то малости, возможно, лишь

первой фразы. Как говорила мама: «Все они убрались», — имея в виду своих подруг и друзей.

Говорят, смерть в 20 лет, если она случается, — несправедлива. Но разве в 94 года смерть более справедлива? Нет справедливой смерти, как нет справедливой войны. Отсюда наша скорбь. Это уход за пределы времени. И потому лишь время лечит эту скорбь. Пока что получил удар в правое плечо, это мой застарелый бургит. Стреляли в плечо со страшной силой, как из автомата. Ах, как хочется постонать хоть немного. Приеду в Москву, там стонать не дадут. Встаю из-за стола, распрямляюсь с трудом. В холодильнике стоит бутылка водки, но мы к ней не прикасаемся. Какие уж тут праздники.

8 ноября. Возможно, именно этой детали мне не доставало. Я первый раз в жизни говорил у гроба — и смотря в гроб. Я всегда сознавал, что не смогу выступить у гроба — не выдержу. Для этого занятия есть особые штатные ораторы, гробовых дел мастера, они с готовностью занимают место у изголовья, речь их легка и приятна. Теперь и мне пришлось говорить, так как я знал — кроме меня никому.

Мне необходимо выписаться, что я и делаю с переменным успехом. Это один из способов внутреннего глушения — проверено многими поколениями пишущих и страждущих. Все лишнее выбрасываю за обочину памяти. Остальное остается во мне — и никуда от этого не деться.

Завтра мамини девятины. Послезавтра мой день рождения. Дай же мне хоть небольшую передышку, чтобы мог я набрать побольше воздуха в грудь — и не кашлять. Чтоб вздохнул я полной грудью — и освободился от тягостных дум. Сколько мне осталось? Год? Два? Десять? Так ведь даже десять — разве это много.

Не прошу многого. Дай мне время и покой — ровно на две книги, а больше ни о чем не прошу тебя.

1986

Бутерброды для Белого дома

17 августа. Наконец-то мы узнали, кому обязаны нашим сегодняшним положением. Фамилию этого человека объявили почти официально. Это А. Н. Яковлев, как я ска-

зал бы: известный и небезызвестный А. Н. Яковлев объявлен архитектором перестройки — и кому же он теперь нужен, этот вшивый архитектор? Составил проект перестройки — и превратил его в жизнь. В результате осуществления этого проекта мы имеем нынешний бардак, то ли еще будет при таких архитекторах. Я на Яковлева имею давний зуб: послал ему «Демонтаж» с дарственной надписью, он даже не ответил, вот и остался не у дел, но кабинет свой пока имеет, хоть и без длинной машины. Дачу, наверное, национализировал. Если советский человек начинает ездить в черном крокодиле, он уже перестает быть человеком. Тут и система закрытых заказов, и спецбуфет, и самолет, и резиденция — такая система не может не разнежить. Они все из этой системы — что Яковлев, что Горбачев, сейчас это становится особенно видно, еще два года назад этого можно было не замечать. Яковлев стал городским голозой или что-то около того. Для него придумали еще более благозвучную должность, он же свой. Они лишь играли в эти игры — а на самом деле все свои. В ближайшие годы мы увидим трансформацию Бориса Ельцина. Оттуда хода назад нету. В некотором смысле эти люди даже опаснее других. Они истинные дети этой структуры — и они же стали ее отступниками. А структурное мышление у них осталось. И потому они все окажутся в тупике, это неизбежно. Но при этом они и всех нас в тупик заведут, кажется, уже завели. Перевертыши — далеко не лучшая часть населения, хотя многие из них могут быть вполне искренними. Впрочем, я стараюсь об этом не думать, живу с больной головой и ловлю редкие просветы, чтобы хоть немного поработать. «Старые сюжеты» завершены, там остались самые малые добавки по фразам. Имею 120 страниц, вот их и надо вычитать на свежую голову. А дальше что писать? Все-таки стоит попробовать «Ингу». Есть в ней что-то такое, что меня тянет. Выпил за обедом сто грамм коньяку, не проходит моя голова.

18 августа, воскресенье. А ведь у меня тоже нет позитивной программы — что делать? У многих нет позитивной программы, по сути ни у кого ее нет, потому что наиболее позитивная программа решается через силу, но это же не позитив. Вторая позитивная программа совершается через разрушение — это мы уже делали и убедились, что это тоже не позитив. Третий позитив — через демократию. Но возможен ли он? И кто сказал, что демократия есть позитив.

Я всегда страдал от того, что у меня нет позитивной программы, ну хоть бы в той ее части, которая касается положительного героя. Всегда пытался писать положительного героя — хотя бы Маргариту Александровну из «Одной пули». В «Демонтаже» я снова остался без положительного героя и решил тогда, что положительный герой это я сам, вернее, моя позиция автора. А тоска по позитиву продолжалась; вот А. Трофимов прочитал мои дневники и сделал неожиданный вывод, что главная тема дневников — это любовь к Зине. Вот вам и ностальгия по позитиву. Я Зину не приукрашиваю, все, что я пишу о ней, — правда. Но я-то знаю, что многого не пишу — пропускаю, умалчиваю. Я Зину берегу в своих описаниях, это и есть мой положительный образ. В целом же моя позитивная программа весьма расплывчата и не имеет точного словесного выражения. Позитивная программа предстает в форме критики — но это же нонсенс. Что сейчас делать? Как спасти Россию? Другой бы сказал — и сколько их сейчас, таких сказителей. А я молчу. И молча тоскую по позитиву. Но если вдуматься, все же есть у меня положительная программа. Это моя российская Структура, которую я разрабатываю с таким упорством — и никак не доработаю. Российская Структура не есть моя позитивная программа, ибо она есть выражение общей сущности, мне не принадлежащей. Но тем не менее ясно, что российская Структура и есть наша всеобщая программа, не имеет значения, какая она, положительная программа или негативная. Российская Структура выше этих оценок, она есть реальная программа, от которой нам никуда не уйти — и не надо уходить. Российская структура не предусматривает перехода от рабства к свободе — оттого мы и спотыкаемся все эти годы. Освобождение от рабства — вот моя позитивная программа. Но это же не есть программа. А ничего более конкретного сказать вам не могу.

19 августа. А еще моя позитивная программа в том и состоит — и не надо никого убеждать в правоте своих идей. Дуракам ничего не докажешь, а умный сам поймет. В том-то и дело, что главное не в том, чтобы убедить внешний мир в своей правоте, опять-таки это легче всего сделать с помощью насилия. А главное в том, чтобы понять себя и — через себя — окружающий мир. Отдает Востоком, индуизмом — но какая разница. Утром приходит сообщение: вариант насилия совершен, об этом сообщают растерянные дикторы. Зрело

долго, но тем не менее случилось неожиданно. В истории страны совершается момент ускорения, однако никто не знает — в какую сторону. Молодая демократия работает на разрыв — но устоит ли? Россия становится опереточной державой — если бы! Все-таки скорее всего это не фарс и даже не трагикомедия. Это наш новый жанр, имя которому притча, так ведь это и не русский жанр, а значит, мы действуем сейчас по нерусскому жанру. Хотя Горбачев не Альенде и не отстреливался с автоматом в руках. Вариант Пиночета кажется фарсовым, но именно он может стать определяющим. Обращение к народу написано на птичьем языке, особенно эта шифровка ГКЧП. Это говорит об их полной беспомощности — приходилось торопиться. Компания подобралась явно придурковатая — как долго они смогут продержаться с таким интеллектом? На экране танцуют белые лебеди, добро торжествует над злом. В два часа дня прошел талдычат одно и то же, этак они недалеко уйдут. Сами главари не решаются показаться на экране. В городе уже висят листовки, подписанные Ельциным. Вот и дожילה Россия до своего позорного часа, кто бы мог подумать. Но дело сделано. Началась проверка перестройки на необратимость. Как же они нас не любят, ненавидят и боятся. Не считают возможным даже объяснить со своим народом. Они вчерашние люди и волокут на экран старье, пусть даже это балет десятилетней давности. Вечером показали весь этот мордovorot, горе мне, горе, нет нам иного исхода.

20 августа. Половина первого ночи, балет продолжается. Так и будем танцевать? Славу богу, в мае вышел в свет мой «Мешок законов», а ведь там сюжет строится на вероятности государственного переворота, который то ли совершится, то ли нет. Следует признать, я легкомысленно отнесся к государственному перевороту, обещая в качестве премии банку с китайскими сосисками. На самом деле все гораздо серьезнее. Приехала Света: что за безобразие, вечером ложишься спать, а утром просыпаешься в другой стране. Алена позвонила и сказала умирающим голосом: «Я пошла». Были и другие звонки: что делать «Апрелю»? Что нам самим делать? Куда девать «Русское богатство»? Сижусь у телефона, разрываюсь между голосами и голубым экраном. Мордovorot больше не показывают. Разве так делают государственные перевороты? Ничего мы не можем. А это озна-

чает, что будет нажата кнопка, в лучшем случае, пусковой рычаг пушечного ствола. Пришла в движение российская Структура — но сумеет ли она сохранить себя? А если сохранится, то что от нее останется? Недаром я написал:

От «Русского богатства»
Осталось только блядство.

Стыда не оберешься — в случае любого исхода путча. Два часа ночи. Переворотчики объявили перерыв на сон. И пусть этот сон будет грядущим. И приснился сладкий сон: члены ГКЧП пришли своим ходом к Ельцину и задрали руки: сдаемся. Увы, даже такого сна мне не приснилось. Неустойчивое равновесие продолжается. Сюжет растягивается, финала нет. Вот что значит отсутствие исторического опыта. Зачем было захватывать телевидение — лишь для того, чтобы показывать балет или прыжки в воду? Система абсурда во время переворота действует с особой силой.

Обе стороны истошно кричат, обращаясь к народу:
— Вас обманули!

Самое удивительное в том, что это правда: народ обманут с двух сторон. А может, это многоугольник обмана?

— Вас обманули, но я скажу вам правду.

— Не верьте ему, я скажу вам правду.

— Задача: захватить телебашню. Три раза показать «Лебединое озеро» — и каждый получит по медали.

— Ага! Тебя выбрали? Так я тебя за это свергну.

Вдруг днем заработало «Эхо Москвы» — начался репортаж с эшафота, тут они и замолчали, молчат уже 7 минут — время 22.52. Днем был Совет «Апреля», но я туда не попал, русскобогатовцы меня не допустили. Оказывается, я уже существую не сам по себе, я носитель дела. Нужно сделать все для того, чтобы вышел первый номер «Русского богатства», тогда нас не запретят. Это правильно — но лишь в идее. А в реальной жизни все будет по-другому.

«Эхо Москвы» молчит уже 50 минут: кнопку нажали — и хана! А ведь обещали вести репортаж с эшафота всю ночь, я уже настроился. И тут обман. Опять обман. Всюду обман. Многоугольник обмана. А я им верю, слушаю изо всех углов. Пять источников звука, включая телефон, вот видите какой я доверчивый. Потому что живу в центре обманного многоугольника. Положение обманутого предпочтительнее всякого другого. У меня в запасе всегда будет козырной туз:

— Я был обманут. Сам-то я хороший, я честный, правдивый — а они меня обманули.

Испытываю разрыв на звук. Со всех сторон словоговорящие приборы, а я маленький, бегаю от одного говорящего прибора к другому — кого слушать? Кому верить? Выдержит ли моя структура? Пусть она выдержит преобразование, лишь бы не лопнула.

21 августа. Мордоворот продолжается. Света в слезах: ее Сережа уехал к Белому дому, она не смогла его уговорить, его же там убьют. Алена вообще исчезла, всю вчерашнюю ночь провела у Белого дома, сегодня тоже ушла туда. Час ночи. Майя звонит: там стреляют, что будет с нашей дочерью?

Я Свете утешаю: не мешай ему, говорил я, настоящий мужчина хоть один раз должен побывать на баррикадах. Но вот и Алена ушла, я в растерянности: что сказать Майе? Женщина не должна быть на баррикадах. А она такая — со зла на танк полезет.

3 часа ночи, есть сообщения о жертвах. Черт подери, я и сам пошел бы. Но с удивлением открываю в себе, что мне это не нужно. Мне нет нужды утверждать себя, доказывать самому себе, что я хороший. Не пошел на баррикады — и совесть моя чиста. Я не могу искать прямолинейного ответа — ни в виде резолюции, ни в виде бутылки с зажигательной смесью. Петляю ухом по эфиру, и мысль моя заплутала. По теории (имеется в виду российская Структура), государственный мордоворот должен одержать победу, дабы зажать страну в железном кулаке, — именно так повелевает российская Структура. А на практике это почему-то не получается. Правда, выводы делать рано — противостояние продолжается. Но в том-то и дело, что я не знаю, как должна вести себя российская Структура в условиях переворота. Что ж, я всегда готов совершенствовать свою структуру, никогда не утверждал, что эта структура незыблема. Первый день мордоворота я вообще был в шоке, а вот сейчас потихоньку прихожу в себя и вижу — все дело в том, что структура работает на саморазрушение. Я уже и раньше писал об этом, теперь буду додумывать. Много десятилетий всплывало на поверхность. Это какую же силу надо иметь, чтобы выдерживать такой напор говна — вот вам первая модель саморазрушения. А мы найдем и вторую модель, и третью: отсут-

ствие частной собственности, уравниловка — что там еще? Итак, я писал про ген саморазрушения.

Вопрос — откуда он берется?

Ответ — из самих компонентов российской Структуры. Но не из всех; или так: из одних меньше, из других больше, — так будет вернее. А больше всего из крепостничества и православия. Главное говно течет из либерализма, это уж точно. Но все равно, я прощаю всех наших либералов, они ведь тоже люди. Сначала он есть человек, а уж потом либерал. Наши либералы все крепостные.

Весь день готовили на кухне бутерброды для Белого дома и отвозили их туда. Лег спать в пятом часу утра, проснулся в двенадцатом, включил телевизор — мордovorот еще держится. Озвучен со всех сторон, значит, действительность еще не распалась. Шансов было мало, возможно, вообще был один шанс из тысячи — и этот шанс исполнился. Вчера ходил в сберкассу, чтобы снять деньги, и купил билеты мгновенной лотереи. Шансов не было никаких. И все-таки на один из билетов выпал выигрыш — сто рублей. Вот и мы выиграли сто рублей за одну копейку. Остается пойти в кассу, чтобы получить выигрыш. В 5 часов включили Белый дом — начались показы. И нас ждет следующая серия под названием — «Уроки Горбачева». Но жив ли он?

22 августа. Сон в руку: они идут по коридору — хенде хох! Молодцы, ребята. А вот я совсем не молодец: расслабился, слезы капаят. Смута рассеялась, а я все никак не разберусь в случившемся. Снова повторяю: случилось то, что не могло случиться. Или я должен ломать Структуру, или существует иное объяснение. Вот и голоса бормочут: этот спектакль был устроен самим Горбачевым. Не лишено. Я много раз писал о том, что нами манипулируют. Но в этот раз не уверен. Не было у меня такого ощущения, что это спектакль. Все было всерьез, и Алена туда пошла, и танки на улицах, и вполне реальные мертвецы. Но так же не бывает. Поэтому попробуем найти логические принципы — если они вообще существуют. Об этом я тоже писал: слабость самой Структуры, работающей на саморазрушение. Но тут же возникает вопрос: почему же раньше данная структура не разрушалась, наоборот, всякий раз самовозрождалась, словно птица Феникс, и только крепче становилась? А нынче вдруг отважилась на саморазрушение? Небольшая неувязочка. Или так, что ли? Нефть кончилась, и начали саморазру-

шаться. Глупо как-то. Думайте, товарищи, думайте. Копайте глубже — авось что-нибудь удастся выкопать.

Но сюжет был закручен круто. Это я говорю вам, как крупный специалист по старым сюжетам. Трое суток держали нас в состоянии самого высокого напряжения, уж мы-то не играли, наши переживания были подлинными. Между тем фарс продолжается. Тараканы выползают из своих щелей: Щербаков, Ивашко — всем хочется пожить у нового пирога, который обещает стать сладким. Стыдно жить на этом свете, господа. 1956 — Венгрия, 1968 — Чехословакия, 1980 — Афганистан — вон сколько стыда скопилось на российских просторах. А чем другим я могу расплатиться с этой державой? Только своим стыдом за нее.

Тут и Зина позвонила из Югославии — за нас беспокоится, мы же в эпицентре. То по телевизору нечего было смотреть, и вдруг по всем каналам пошла работа, только успевай нажимать кнопки. Явная перегрузка изображения. Я хотел было пойти на митинг, но меня не тянет — а зачем я туда пойду? Все русскобогатовцы туда побежали, а мне за столом хочется посидеть.

А задуматься есть над чем. Как отразится наша победа на будущем, в частности, на российской Структуре, именно о Структуре я больше всего хлопочу — не потому что это моя структура, а потому что это реально существующая Структура. Что означает наша победа — это великая санитария или наш очередной самообман. Победные марши никогда не шли нам на пользу, правда, и поражения нас ничему не учили. Исторический опыт вообще оказывал на нас мало влияния. Все знаем, все понимаем — все пропускаем мимо ушей. Удар по структуре был сильным, это и есть шоковая терапия, опыт который опять пройдет мимо нас. Тем не менее, великая капиталистическая революция совершилась, теперь наши дела пойдут веселее.

23 августа. Ура, мы больше не скоты. Достаточно выкатить на улицы Москвы 500 танков, и мы перестанем быть скотами. Так мы сделали. Однако автор сценария остался неизвестным, то ли Миша, то ли Боря — кому выгоднее? Я уже много раз писал о переходе раба в свободное состояние. Тема старая, почти вечная. Зато сегодня все кажется возможным, даже мгновенный переход от скотоводства к человековедению. Как хорошо, что мне не надо освобождаться — не чувствую никакой потребности. Зато отчетливо

вижу во всем случившемся какой-то подвох. А как же иначе? Разве мы можем без подвоха? Конечно, сидя за письменным столом и бегая между звуковыми и зрительными источниками, трудно проникнуть в глубинную суть, но тут включается интуиция.

Спектакль был грандиозный, с неуправляемой массовой — такую по заказу не создашь. Общий замысел тут очевиден. Сценарий был не только бездарно написан, но еще более бездарно исполнен, хотя сотни телекамер поработали на совесть, я же говорю: массовки удались более всего. Тем не менее бездарность перла изо всех углов. В первую очередь, это проявилось в том, что все было шито белыми нитками. Загадочные вопросы так и сыплются из мешка вопросов. Почему А. Н. Яковлев вышел из партии за три дня до переворота, но тем не менее не заявил при уходе, что готовится переворот? Не он ли есть тот самый сценарист? Ведь он дажно у нас серый кардинал — всего несколько дней назад его рассекретили, назвав архитектором перестройки. Так страна внезапно, в день смерти, узнавала имя очередного генерального конструктора ракетного пускача.

Где же мне искать этого бездарного сценариста? Что сделал Христос, войдя в дом? Наследил звездами. Вот и мои сценаристы наследили. У Яковлева — алиби (вышел из партии), у Горбачева — алиби (сидел в Крыму). Вопрос № 2 — а как они спускались по трапу, прилетев из Крыма: сам в свитере, за ним бабуля с внучкой — явно было сыграно, вовсе не обязательно было выставлять это трогательное театральное шествие напоказ перед всем миром. Вопрос № 3 — почему был открыт доступ в Белый дом, пускали кого хотели, включая всех иностранных журналистов с телекамерами? Кому-то было нужно, чтобы они там были. Попробуйте пойти на съезд партии или на сессию Верховного Совета. А тут всюду услужливо расставлены стрелки: за углом налево. А сколько кордонов было во время похорон Хрущева — 12 цепочек! А тут белые нитки так и лезут.

Вопрос № 4 — почему дача президента осталась без связи? Где радиотелефоны? Горбачева отключили, а связь в Белом доме оставили? Я же вам не раз говорил: эти бездари всегда считали нас за дураков, они всегда знали, что мы поверим любой их версии, вплоть до того, что коммунизм будет построен в 1980 году.

Особенность бездаря в том, что он никакими силами не в

состоянии скрыть свою бездарность — вот и лезут белые нитки. Вопрос № 5 — почему Ельцин так грубо и несвоевременно подписал Указ о департизации? Вопрос № 6 — почему так мирно прошел Пленум ЦК? Я мог бы поставить сто таких вопросов, на которые нет ответов. Но я не поспеваю за событиями: обещанное в первый день путча ускорение вступило в силу — за одну пятницу сделано столько дел, сколько не было сделано за все годы перестройки. Железный Феликс лежал по моему проекту носом вниз. Именно сегодня произошел крах большевизма, и это тоже крайне подозрительно. Возникает вопрос № 99 — почему они так спешат? Зачем они спешат? Все ясно: власти нет, головка арестована или смещена, надо делать скорее, пока они не успели опомниться. Белый дом победил. Горбачев размазан по стене в том же самом Белом доме. Сейчас он согласен на все, а завтра может устоять. Нехорошая это спешка, она свидетельствует о слабости победителей. Тем не менее они действуют слаженно — явно по заранее написанному сценарию. Тут мне все ясно: автор этого сценария генерал Шкунаев из небезызвестного романа «Демонтаж». Нынешний слом шел под знаком моего романа «Демонтаж». Правда, сейчас все это делается при свете дня, в условиях гласности. Но ведь правда и то, как заметил кто-то из журналистов: начались тараканьи бега. Если не они писали этот сценарий, то зачем торопиться. Со всех сторон лезут белые нитки. Вопрос № 100 — был совершен акт шантажа по отношению к президенту? Но чем они его шантажировали? Вопрос № 101 — какие превентивные меры надо было реализовать для того, чтобы задуманный путч продолжался не более 72-х часов. Вопрос № 102 — кому этот сценарий более выгоден — Горбачеву или Ельцину? Думайте, товарищи, думайте. А я вам еще подкину вопросы. Уже наматал две катушки белых ниток. Итак, нам с несомненной степенью определенности удалось установить одно: автор сценария находится в стане победителей.

Пришла Алена, полна впечатлений, захлеб рассказывает:
— Это был большой кайф. Я там всех встретила. Это был не путч, а большая тусовка.

— Не загромождай меня деталями, — ответил я. — Твои детали мешают мне сосредоточиться на главном.

И главный вопрос остается:

— Кто нажимал кнопки?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Хемингуэй однажды заметил:

— От многого я освободился тем, что написал об этом.

Так оно и есть: творчество заменяет художнику если не все, то очень многое. Тем не менее существует один литературный жанр, который доступен не только писателям, но каждому человеку — это дневники. Статистика утверждает, что в развитых странах дневники пишет каждый восьмой. Десятки миллионов томов, никем и никогда не читанных! Но как они нужны тем, кто их написал.

Ясно: дневники пишутся для самого себя. Так стоит ли выносить их на читательский суд? Этично ли печатать дневники при жизни их автора?

Полагаю, что это скорее вопрос характера, а не этики. К тому же мне было из чего выбирать. Я пишу дневники с 1950 года и написал за это время 15 тысяч машинописных страниц. Одно время я прятал их в подполе деревенского дома, шифровал многие страницы. Сейчас тетради мирно стоят на полке.

Вот я и решил: на дворе расцвет гласности, сегодня можно печатать даже дневники. А как будет завтра?

Кроме того, я хотел наглядно показать, что возможности журнала одного автора, каковым является «Русское богатство», далеко не исчерпываются даже этими исповедальными страницами. Мне кажется, что с помощью дневников, писем, страниц из личного архива журнал одного автора может выйти на новую степень самовыражения. А ведь это и есть высшая цель искусства.

Любой из этих причин хватило бы для того, чтобы принять окончательное решение. А в их совокупности — тем более.

Расцвет гласности в условиях недоразвитого рынка произвольно приводит к инфляции слова. Нам всем остается сделать совсем немного — вернуть словам их первоначальное значение.

ПОПУТНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

ДВЕ ПОВЕСТИ НА ОДНУ ТЕМУ. Приволок из библиотеки кипу журналов — сколько смог донести. Продолжаю изучать чужие сочинения. Валентин Распутин написал кондовую повесть «Живи и помни», специально приспособленную для чтения ее интеллигентами. Это самый тяжелый случай в литературе, когда неинтеллигент начинает сочинять специально для интеллигентов или же нарочно избирает для них неинтеллигентного героя, как принято говорить — из народа. В эпизоде с Распутиным оба мотива сошлись вместе. Примерно так я и думал об этом авторе: он ставит перед собой задачи, которые не в силах исполнить художественно. И получается сплошь вторичность, пережевывание старых мотивов. История дезертира мне безразлична, ибо в ней нет нового раскрытия, свежего поворота. В результате получается затасканная фальшь, и художественная, и психологическая. Зато русофилам радость, тут есть где разгуляться их русофильскому восторгу. Нет, кондовость никогда не была свойственна русской литературе. А этот «Современник» лишь на кондовости и стоит. Тем более совершенно странно и необъяснимо, что они напечатали повесть С. Ермолинского «Пещерный человек», которую недавно разругали где только можно. Давно и не мной сказано: «Если у нас ругают, значит, это интересно, надо читать». И в самом деле: «Пещерный человек» вещь интересная, с проработкой характеров. Действие происходит на Южном фронте — в Ташкенте. И фон, и мотивировки поведения, и настроение — все правдиво.

Обе повести — «Живи и помни» и «Пещерный человек» — схожи по теме — уход от войны. Но у Распутина, несмотря на достоверность деревенских реалий, случилась фальшь, а у Ермолинского произошло открытие характера, судьбы. Перо всегда побеждает автора, когда отказывается служить ему.

Не могу не переписать в тетрадку стихи из повести С. Ермолинского. Вот они как есть:

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего.
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет,
И не надо помогать.

Одни эти стихи стоят многого. Разумеется, это не эмигрантские стихи, как о том сообщает автор — разумеется, для маскировки и придания проходимости. Я эти стихи слышал — и не раз. Но как-то все по частям. И вот теперь они в целом виде — хотя в них семь строк. Эти стихи кто-то из наших современников сочинил — и на нашей территории, ибо эти стихи написаны изнутри. Они по строю современные.

Русская литература вернее всего продолжает сохранять себя в поэзии. Волшебство поэзии в том и состоит, что она не может погибнуть даже в самые мрачные времена.

*Апрель 1975
Коктебель*

«УНИЧТОЖЕНИЕ ПРИРОДЫ». Мне принесли эту книжку, завернутую в газету «Правда» — и только до утра. Что делать: приобщаемся к свободе по ночам.

В русской публицистике появилась новая могучая книга, во всяком случае — значительная (любимый термин Зины). Книжка небольшая, листов на 8, простая и бесхитростная, начиная с названия. А называется она «Уничтожение природы». Автор Борис Комаров, имя совершенно неизвестное, по всей видимости, это псевдоним. Рассказ о разрушении природы производит потрясающее впечатление. Деваться некуда — дело сделано. Нам удалось создать абсурдную систему, в которой главную роль играет показатель, но только не конечный продукт. Комарик не пищит, а трубит — а как кусает! Хотя рассказ идет совершенно спокойно и даже нарочито вяло. Структура книги также предельно проста: сюжет построен по сферам — вода, воздух (атмосфера), земля, фауна, флора и так далее. Уничтожается все живое и мертвое.

И правда, только правда, одна только правда — и все тут. Остается удивляться, как Борису Комарову удалось собрать такой обширный материал — кажется, не упустил ни одной малости. Тут и статистические данные, и фактографический материал, и просто отдельные эпизоды, подтверждающие

мысль автора. Уж я-то знаю: на сбор такого экологического материала потребны годы. Значит, материал давали автору наши ученые — или вообще это коллективный труд?

И вообще неизвестно — где и как эта книжка издана. Коричневая обложка без названия, на титуле также нет никаких указаний на издателя. Просто книга — «Уничтожение природы» — и все тут.

Однако, скорее всего, книга издана Там. Через «Тамиздат» мы спасаем и русскую идею, и русскую культуру. Так ведь все равно не поможет. Ну прочел я к утру, сделал запись в дневнике — а дальше что? А маршал авиации Н. тем временем дает команду подготовить вертолет к охоте. Маршал взлетает на зорьке, ложится на курс — и бьет влет стада косуль на закуску себе и друзьям. Эпизод потрясающей силы.

Такая книга не могла не появиться — она появилась. И написана она писателем, это по руке чувствуется.

Кто такой неведомый Борис Комаров? Вроде бы он даже по голосам выступал с чтением глав из этой книги. Во всяком случае концы хорошо запряты — тут и КГБ не найдет, уже, наверное, рыщут по всем институтам.

В XXI веке придется расшифровывать многие псевдонимы. А мне все-таки жаль, такую книгу грех печатать под псевдонимом, да к тому же крохотным (судя по всему) тиражом.

Трубит комарик, трубит.

1981

«ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ» НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ. Надо долго подыматься на пятый этаж, зал за залом. Тем не менее свидание состоялось, хотя и было неожиданным. Это тот случай, который входит в раздел: «любовь с первого взгляда».

На территории Румынии с некоторых пор начал действовать наш родной совковый лозунг: «Экономика должна быть экономной». По мере того, как я прохожу музейные залы, служительница щелкает выключателем, высвечивая стены лампами, нацеленными на картины. Сама судьба навела меня на Брейгеля. Картина имеет индивидуальную подсветку и потому смотрится издали. К тому же она одна занимает всю торцовую стену зала. И собственный свет, и свободное пространство вокруг картины рассчитаны как раз на тот эффект, который она вызывает.

Впрочем, я был в этом зале один, добравшись до пятого этажа своим ходом.

Я стоял у подножья лифта. Истинное величие не нуждается в подсветке, эта картина смотрелась бы и во мраке, ибо она вся белая, сложена из снега.

Наверное, это «Избиение младенцев», подумал я, стоя у картины после того, как заглянул в словари и каталоги. А там написано по-румынски, мне не разобрать — да и не надо. Картина сама говорила, возможно, даже кричала. Но как докричаться сквозь 415 лет, или того дальше. Какая разница — 415 лет назад или 415 лет вперед? Для бессмертия не имеет никакого значения.

Картина говорила сама. И голос ее прорывался сквозь века. Это был голос цвета, линий, сопряжений и взмахов кисти. Слева была кирпичная стена — и каждый кирпичик выписан до шороха; зачем с таким тщанием выписаны кирпичи, ряд за рядом? Стена ограждала картину и защищала ее от лишних взглядов.

Я стоял у подножья картины и никак не мог понять, когда же она написана. И чем дольше всматривался, тем больше понимал. Картина написана не 415 лет назад — и даже не в прошлом веке, и тем более не вчера. Эта картина была написана завтра — и прежде всего по технике мысли и ее исполнению.

Как? Разве вы не видели «Избиения младенцев» Питера Брейгеля-старшего? Городская площадь, обставленная домами, всадники приехали и захватили местность и изо всех домов тащат, волокут, подносят младенцев, дабы расправиться с ними, — и кто-то, один из этих младенцев есть Христос, которого надо убить. Не беда, что погибнут тысячи безвинных — лишь бы не стало Христа.

Как можно разгадать все это, если подписи на чужом языке, а у меня перед глазами только раскрашенный холст — и раскрашен не в лоб, а в форме притчи. Я смотрю и ничего не понимаю — кто прав, кто виноват? Кто хороший, а кто плохой?

Вся картина состоит из загадок — а в чем ее секрет?

Двумя этажами ниже, в той же национальной галерее Румынии, висит Эль-Греко «Рождение Христа», написанное примерно в то же время. И тот же глобальный замах.

Годы и века пугающе уходят вдаль, как столбы вдоль дороги. Коль Питер Брейгель именуется старшим, то Эль-Греко,

естественно, моложе, однако на самую малость, всего на 16 лет. В дальней перспективе лет этого вообще не различить. И вообще, вряд ли это имеет значение, коль оба они бессмертны. У бессмертных нет возраста.

Я бессознательно ухожу в отвлекающие описания, ибо не смею подступить к решающему слову — как выразить им то, что я вижу? Глаз воспринимает написанное кистью как бы на ощупь — но ведь и это не то слово.

Откуда он смотрит на городскую площадь? Люди на картине маленькие, лица почти точечные, но ведь и они бессмертны, ибо в каждой точке выражен свой характер, своя судьба.

Как это сделано?

Это же не металл, не бетон, не камень — это же холст. Что может быть более тонким и хрупким, чем этот материал. Как мог он продержаться 415 лет?

Снова отвлекающие подробности, а главного слова нет. Признаюсь, Эль-Греко мне ближе и понятней. Там хоть можно найти объяснение — где находится источник света, освещающий персонажей, откуда смотрит художник, как расположены фигуры ангелов, парящих в невесомости.

Откуда Эль-Греко мог знать про невесомость? Разве мог он знать, как ведет себя в полете невесомое тело? А ведь угадал.

И я угадываю то, что угадал Эль-Греко. А с Брейгелем все непонятно. Секрет его непостижим, вернее, это не один секрет, но полный набор тайн — и все остаются неразгаданными.

Стоит ли стараться?

Ведь можно просто стоять перед холстом и впитывать его в себя. В моем распоряжении еще три визовых дня, я каждый день буду бегать на пятый этаж, но не пойму больше того, что понял в первый день.

Так и улетел из Бухареста, не разгадав Питера Брейгеля-старшего, но впитав его в себя. Дома все спрашивают: расскажи о Бухаресте, я косноязычно бормочу; о Брейгеле-старшем — ни слова, как можно рассказать о своем позоре. Как можно не разгадать Питера-старшего, о котором давно все известно вдоль и поперек.

Вместо этого я бормочу:

— Что значит термин: памятник архитектуры охраняется законом? Это значит, что вокруг данного памятника стоят

часовые с автоматами — они охраняют. А сам памятник объявляется государственной резиденцией главы государства.

— Как у них, так и у нас.

А Питер Брейгель-старший охраняется старушкой.

Я улетел в Москву, но еще много дней картина стояла у меня перед глазами — и оставалась неразгаданной. Я продолжал писать в Москве роман. И вот однажды мне раскрылась истина, довольно простая, но скрытая доселе от меня. Знаю ли я сам, как пишу свой роман? Всегда ли знаю?

Может быть, я и не должен знать собственного секрета, кто знает. А может, и нет никакого секрета, если я и сам не знаю на него ответа. Если секрет существует, кто-то ведь должен знать о нем. А если ни у кого ответа нет — есть ли секрет?

Вправе ли художник не знать своих секретов, с помощью которых он добивается результатов? Важно, что результат налицо.

Откуда Брейгель смотрел на городскую площадь, куда сволакивали младенцев? С крыши? Слишком низко. С колокольни? А где она? Может быть, из космоса? Или это был взгляд дьявола? Зачем искать ответ, коль ясен результат.

Наверное, есть два типа секретов — секреты доступные. И секреты скрытные. Первые секреты являются мнимыми.

Роман написан — а как я это делал, я вроде бы забыл о том и сам теперь не могу разгадать.

Ибо секрет прост, и он состоит в наличии высшей силы, которая руководит художником. Как только мы признаем наличие высшей силы, тотчас все становится на свое место, и вот уже ясно, что никакого секрета не существует, а если он и есть, то состоит всего лишь из одного вопроса — откуда взялась высшая сила?

О секрете говорят все, но никто не смог его разгадать.

Питер Брейгель-старший не говорил о секрете. Он его нарисовал.

1982

ТЕРМИНАТОР-2. Посмотрели на своем «видике» новый американский кинобестселлер, слава о котором докатилась и до наших российских провинций. Говорят, что «Терминатор-2» посмотрели уже 100 миллионов человек, тем самым установ-

лен мировой рекорд в кинобизнесе. И в самом деле, лента того заслуживает. Эта штука великолепно сделана, вернее, слеплена — каждые 45 секунд совершается новый поворот, абсолютно непредсказуемый. Головокружительные погони следуют одна за другой, немыслимые драки, превращения персонажей — все, что душенька пожелает. И при всем при том — заметьте — ни одного поцелуя.

Более точное название ленты «Ликвидатор-2»; об этом, кстати говорится в тексте. Однако я вовсе не собираюсь анализировать этот шедевр массовой культуры, я увидел в этой ленте совсем другое. Сами того не ведая (и не ставя подобной задачи), американцы создали великую метафору — модель нашей российской Структуры, которой я занимаюсь с 1975 года. «Терминатор-2» и есть современный Феникс, возрождаемый при всех обстоятельствах, способный перевоплощаться в любую другую структуру, линию, фигуру. Мировая фантастика не раз воспроизводила подобные персонажи, но в «Терминаторе-2» это состояние доведено до эстетического совершенства.

Итак, коротко — повторим для верности. Граф Уваров сказал одним из первых — Россия стоит на трех китах: самодержавие, православие, народность. Это и есть основа российской Структуры, построение которой началось еще в X веке, с момента крещения Руси. Явившись первым, православие стало скрепляющим материалом структуры — век от века закреплялась самодержавность, совершенствовалось крепостничество. В XIX веке явились два новых компонента структуры — народность и либерализм. В XX веке российская Структура окончательно затвердела, закрепившись в генетическом фонде — теперь ее ничто не стронет с места.

Впрочем, американцы знали, что делали. Ликвидаторов-то два, они противостоят друг другу, все противоборство и совершается между ними. А ведь это противоборство добра и зла, вечная тема мирового искусства.

Точно так же совершается противоборство и в российской Структуре, как, вероятно, во всякой другой (я другими национальными структурами не занимался, хотя теоретически допустимо существование застывшей национальной структуры). Российская же Структура во все века жила за счет противостояния, за счет непрочности гражданского согласия внутри самой структуры: имперская-то ее сущность всегда сохранялась, при всех режимах и погодах, при всех экономи-

ческих формациях. Потому и российская Структура есть одна из форм борьбы — добра и зла. Велика Россия, а порядка в ней нет.

В «Терминаторе-2» есть такой кадр — плохому терминатору Билу попало как следует — в самое уязвимое место. И он рассыпался, что называется, вдребезги — на тысячи осколков. Ну ничегошеньки не осталось. Ан нет — структура-го неунничтожаемая, сливаются клетки, сращиваются ткани, только что Терминатор был конструкцией, скелетом, глядь, снова шагает живой и невредимый, ничего с ним не делается. Точно так же и у нас было после августовского путча. Кажется, все! хана! разбито вдребезги, здание опечатано, архивы горят, сотрудники спасаются подземным переходом. Уж мы-то радовались, душа пела — наконец-то! И ничего подобного: сливаются клетки, возрождается плазма, снова срастались ткани. Сургучные печати сняты с дверей — Терминатор шагает по коридорам целехонький и свежий, только что из гримерной. Хорошо работают наши гримеры. Большие мастера.

Уж какой великий слом был в 1917 году: крепостничество перерубили пополам, царя к стенке, и весь его род туда же. Свобода, бери землю, сколько в карман влезет, но с одним условием: продавать нельзя.

Глядь — из трупного пепла вырос новый самодержец, еще более великий и кровавый. Православие перевернулось в гробу и вместо рая на небе был твердо обещан рай на земле, нынешнему поколению людей — как же мы возрадовались. Либералы дружными рядами пошли служить в КГБ, народность сделалась знаменем национализма.

Что же делать? Как справиться с Терминатором, Ликвидатором или как его там? Американская метафора отвечает и на этот неизбывный русский вопрос. Финальные сцены идут на фоне мартена, в котором кипит расплавленная сталь, очень много кипящей стали, красиво сделано.

Это и есть искомый ответ.

Не переделка.

Даже не перестройка — нет.

Тем более не перекройка.

Только переплавка, причем тотальная — с головы до пят. Только тогда удастся отлить новую форму — и вдохнуть в нее свободную душу.

Плохой ликвидатор Билл сгорает в кипящем котле, меняя при это все свои обличья, которые он принимал на протяже-

нии фильма — это вторая великая метафора фильма «Терминатор-2».

Сколько обличий мы уже поменяли, дабы сохранить свою структуру и сущность?

Металл в народном котле уже вскипает.

1992

ЧЕТЫРЕ НАБРОСКА. Набоков сделал для русского языка больше, чем кто-либо другой. Пока мы восторгались слишком традиционным Булгаковым, Набоков был уже далеко впереди. Он открыл ритм русской прозы и больше того — скорость этого ритма. Он сможет ускорить повествование — и ускоряет его. А может остановить его, заложив под микроскоп. Ему подвластны портрет и пейзаж, диалог и владение деталями, метаформа и игра звуком. Во то же время он разрабатывает новые задачи, которые сам перед собой ставит: круговую компановку сюжета, зеркальность языка, многослойность психологизма или метафоры. Захочет устроить сюжет по кругу — и точно: получился круг. Растяжка сюжета — это тонкая штука, тут можешь или не можешь, третьего не дано. А его метафоричность — это не просто голая метафора, это образ, радуга мысли, сверкание слова. Метафорические образы так пластичны, что кажется — до них можно дотронуться рукой, почувствовать, осязать. Пожалуйста — наугад. «Пошел в спальню замшевой походкой». Или: «Опавшие листья лежали на панели не плоско, а коробясь, жухло, так что под каждым торчал синий уголок тени».

Невозможно сказать, из кого вышел Набоков. Он вышел из всей русской литературы, но предшественника ему нет, разве что в самой общей форме Пушкин, дух Пушкина. Набоков открыл в языке цвет и запах. В России никак не могло появиться такого русского писателя, он мог родиться лишь вне России, живя с обостренным чувством языка, с ностальгией, отстраненным взглядом на свою страну и ее прошлое. Владимир Набоков — это голубая кровь русской литературы.

1977

...Дочитал я эту книжку в клетчатом тканом переплете, напечатанную на ксероксе и переплетенную по две страницы, отчего книга делается похожей на альбом.

Мы тянемся к своему языку, хотим знать своего русского творца, признанного всем миром. И Россия торопится наверстать упущенное. А ведь Набоков женский писатель, он сладострастник слова. Витееват, многоречив, заносчив.

Я не властен в последовательности изучения его творчества, что дадут, то и беру: после «Дара» явился сборник рассказов в клетчатом переплете. Писатель просвечивается в развитии, 29-й год отличается от 39-го. Теперь я вижу и недостатки Набокова. Конечно, он велик, но разве в рангах дело. Я еще не знаю его мировоззрения. «Варварская Москва» — это еще не мировоззрение. Да и вообще — разве в политике дело. Говоря о Набокове, надо говорить о пластике языка. За 200 лет русский литературный язык отмерил колоссальный путь. Толстой писал: «Проза Пушкина гола». При Пушкине она не могла быть иной. Как ребенок рождается голым, так и русская проза... Тем более повезло русскому языку — он родился в пушкинской сорочке. И вырастал стремительно, как положено гиганту. Гоголь обрядил русский язык, Толстой и Достоевский расщепили его душу. Русская проза ушла на глубину. Чехов пробовал ее опростить, искал новые формы выразительности в лаконизме, прав был Горький, когда писал Чехову, что он убивает реализм. Затем стали разрабатывать мистику языка, его знаки и символы. Начали уходить в подтекст. Только Набокову удалось дать **новый толчок** в дальнейшем развитии русской прозы. Я бы назвал это **объемной прозой**. Язык идет одновременно и вглубь и во вне. В языке фиксируется не столько состояние, сколько череда состояний, промежутки между состояниями (рассказ «Дым»). Вместе с разбалтыванием языка совершается и новая его организация. Язык повезло даже в том, что в набоковской прозе явно проступает женский мускул. Аристократ? Тоже ведь повезло. Чернь не осмелится разбалтывать язык, она рабски предана ему и может только коверкать (как Ф. Гладков или Горький). Я тоже из черни, оттого и ползу по чужим дорожкам. Русский язык развивали аристократы духа. Набоков — эмигрант, тут уж русской прозе совсем повезло. В каждой фразе тоска по языку, я уже писал об этом. Впрочем, и Бунин освоил родниковую прозрачность, будучи оторванным от главного источника.

Набоков придал русской прозе новую объемность, он строит метафору в метафоре. Набоков раскрывает штрихи души, от этого и возникает объем. Объем души, объем плоти, объем

пространства, позы, жеста. Получается объемной и картина русской эмиграции. Бунин об этом умолчал. А Набоков рассказал честно. Худо им там было. Тем не менее эмиграция выстояла и дала миру Набокова.

1978

В своих произведениях Набокову удалось создать собственный образ. Слава богу, он либерала из себя не строит, но Россия для него кончается в 1917 году, а дальше начинается — он сам не знает что. Его умиляют крестьяне, пропалывающие на коленях его сад, эпоха государственных каналов еще не началась, брезгливо замечает он. Как нам нравится, когда крестьяне ищачат на нас, но как же мы взвиваемся, когда тех же крестьян отнимают от нас и гонят палкой работать на Россию: канал ли копать или БАМ тянуть. Смотрите, кричим мы, их же палкой гонят. Набоков не желает России никаких перемен, кроме тех, которые могли бы усовершенствовать его комфорт.

Этот великолепный барич прожил долгую жизнь, ему даже намеком не в чем покаяться в этой книге, традиционно принадлежащей к жанру покаяния, я имею в виду «Другие берега». Его даже не тревожит мысль о том, что именно в его поколение погибла его Россия — не было ли тут личной его причастности к гибели? Но кто знает, может в том и счастье, что подобные нравственные дилеммы не волнуют Набокова. Кто знает, может, он прав и смотрит глубже? Набоков открывает новые слои души. Он может прекрасно и точно фиксировать самые мимолетные извивы поведения и душевного состояния. Читать его хорошо и радостно, принимаю его со всеми его причудами. А его двуязычность? Набоков сделал для сближения русских и американцев больше, чем все американские президенты и советские генсеки.

1978

Если Набоков стоит особняком в русской литературе, то «Лолита» стоит особняком в самом Набокове. Таким образом, возникает особняк в особняке. «Лолита» принесла автору всемирную славу. Сама Лолита стала нарицательным об-

разом нимфетки. После создания Лолиты и сам Набоков в некоторой степени стал художественным образом. Во второй части «Лолиты» Набокову сделалось скучно — и поехали по второму кругу в американскую кругосветку. Все попутное оказалось включенным в основной текст: Леон поехал в Лион, а Марио в Рио и т. п. Такие заготовки для разминки пера идут сплошняком. Я о «Лолите» был наслышан давно и представлял ее томным романом, тогда как на деле она оказалась мучительной, почти клинической. Вероятно, это роман-открытие. С него начнется новое поколение романов.

Ехал в сберкассу, чтобы снять последнюю сумму, и продолжал размышлять о Набокове. Может ли существовать великий писатель, который не поставил ни одного вечного вопроса? Набоков сумел вывернуться из этой дилеммы без каких-либо потерь. Просто он свои вечные вопросы зашифровал. В том и есть особнячество его — он остался в стороне от проблем русской нравственности. Но проценты на талант были более чем высокими. Набоков создал новое литературное направление, которое я назвал бы эстетическим конструктивизмом — тут он завоевал все вершины, какие только можно себе вообразить. Он же эти вершины и выстроил.

Сейчас модно иметь в каждом доме ксерокопированные книги Набокова, интеллигенты искупают свой грех перед ним.

Но чу! За стенкой слышатся женские голоса. Я напрягся слухом.

— Не правда ли, он очень мил, этот русский мистер Набоков? У него отняли родину, но не догадались отнять язык. Говорят, что после этого он стал высшим извращенцем — научился совокупляться со словом. Он впадает в оргазм при слове жердь.

— Что с ним поделаешь, я давно подозревала, что он гомосексуалист.

— О нет, тут вы не правы. У меня точные сведения: он лесбиянка. Употребляет только женские слова. И потому памятник ему будет фонетическим — мистер Набокофф.

— Не говорите, не говорите. Он такой душка.

Из ненапечатанного

(Тексты, изъятые при публикации в разные годы)

«Борзописец» возмущается...

В соответствии с планом агентурно-оперативных мероприятий по ДОР (дело оперативной разработки) «Борзописец» (Злобин) проведены мероприятия по оказанию на объект позитивного идеологического воздействия и доработке им рукописи романа «Демонтаж», политически вредной направленности. В этих целях после обсуждения неопубликованного романа в ЦДЛ в газете «Московский литератор» опубликована статья с объективной оценкой романа, через возможности 5 службы УКГБ по Ленинградской обл., проведено обсуждение произведения объекта на редколлегии ж-ла «Нева», во время которого объекту рекомендовано при подготовке к публикации исключить или доработать отдельные сюжетные линии тенденциозного характера. Через кандидата на «в» «ПВА» получена информация о реакции объекта на указанное мероприятие.

«Демократическая газета», 1992,
2 февраля, № 37

...И комментирует

Примечание оказывается вынужденным, как приговор. Даже в разгар гласности можно напустить столько тумана, что читатель окажется в полном тупике: что такое ПВА? ДОР? 5 служба? Но я-то всегда знал, что живу под колпаком: газетная заметка лишь документально подтверждает наши взаимоотношения.

Я могу назвать их всех поименно, но не стану делать этого. Они приходили в мой дом, садились за обеденный стол — я изливал перед ними душу. А они потом «капали» на меня — и не задаром.

Капитан Сафонов сказал по телефону, что на меня собралось 9 томов — капля по капле.

— Теперь эти девять томов уничтожены, — сказал капитан С. — Мы перестроились.

Он солгал. Ведь это такая структура, которая создана для фальсификации и лжи. Я знаю — сейчас идет десятый том, а может, и он подошел к концу. Открыта обложка одиннадцатого.

За свою жизнь я не написал столько, сколько они написали на меня, собирая всю грязь и сажу. Они следили за автором современных сказок, романа «Демонтаж». Сейчас под их приглядом «Русское богатство» — что там еще задумано? Снова подслушиваются разговоры, снова они напрашиваются в гости, ловят за руку в проходе.

Их выдает некомпетентность, приторная предупредительность, ускользающие слова. В часы ночных бессонниц я вычислил их всех, хотя не знаю, кто у них старший. Некто с палочкой? Или человек с микрофоном?

Сейчас они (не первый раз!) распускают слух, будто я работаю на них. Пусть! Все равно не стану называть их поименно.

А стоило бы! Ведь это писатели, журналисты, фотографы, критикессы, коммерсанты — соль земли Российской.

Нет, не поднимется рука доносить на доносителей. В сущности, они тоже жертвы режима. Однажды по слабости, жадности, зависти дали подписку на тайное сотрудничество — оказалось, на всю жизнь. Я уверен: они тоже способны маяться, не все же такие отпетые.

Охота за ведьмами никогда не кончалась добром. Все равно они не уйдут из истории безымянными. Картотеки, как и рукописи, не горят.

Увы, не могу сказать: я прощаю своих стукачей, хотя бы потому что плохо приспособлен к общим местам.

Я говорю им: пусть они сами перенесут свою судьбу. Она уже уготована им.

10 января 1993

Две главы из романа «Демонтаж». «Нева» 1989, № 5—6.

Ганс и Фриц

Небо над лесом быстро темнело, и тогда из этого темного покрывала повалил ярый снег, в один миг залепивший стекла кабины. Мы сидели в теплой кабине, пережидая снег, мотор работал, «додж» слегка подрагивал, а снег валил и валил. Тут заработала артиллерия, то ли они по нам, то ли мы по ним, поехали, сказал бравый капитан Апасов, ползем под снегом на ощупь, пока не наехали на Ганса, раз, два, Ганс в кузове, оказалось, мы сбились с дороги и стоим в лесу среди разбитых блиндажей, где еще вчера шли бои и кругом свежие фрицы, мой сопровождающий Апасов хватать второго, в офицерской шинели, это будет Фриц, зачем тебе, спрашиваю, а он подмигивает, это ваши личные немцы, товарищ подполковник, они же совсем свежие, пригодятся, выбрались на дорогу и обратно в штаб, Ганс и Фриц с нами, я не жалел, что поехал, так и войны не увижу, а тут сам комадующий звонит, приезжай, принимаю на полное обеспечение, как отказать от приглашения маршала, отпросился из Москвы на три месяца в творческую командировку, как приехали, мне сразу подполковника дали, за Ганса и Фрица орден, за голову маршала — второй. Ганса и Фрица всю зиму возили, в «додже» на плащ-палатке, зачем каждый раз искать убитых, раз, два, остановились, за руки-ноги раскидали их на снег в живописных позах, рисуй и щелкай, хоть в альбом, хоть на пленку, у меня потом вышла целая серия под названием, получили по заслугам, Ганс лежит на снегу лицом вверх, раскинув руки, отомстили, тот же Ганс носом в сугроб, меткий выстрел, Фриц валяется под деревом, из нашего дома вон, Фриц лежит мордой вниз, свесившись из окна избы, капитан Апасов был здоров делать из них позы, со вкусом работал, а весна была бурная, «додж» катился по лужам, из кузова начинало попахивать, жалко было расставаться, я с ними словно сроднился, но что делать, мы с капитаном переглянулись, перемигнулись, подъехали к овражку и вытряхнули Ганса и Фрица, догнивай, моя натура, тоже мне завоеватели, потом дороги вообще развезло, голову Волченко я кончил, слепил еще две головы поменьше рангом, больше на фронте

делать нечего, мне уже вызов из Москвы, встречать американских маршалов, а капитан Апасов приезжал потом сдавать в Академию, срезался по русскому, ну вас, говорит, пойдете в дипломаты, веселый паренек.

Анечка

У Егора Телятникова вечная русская беда: он мучился от сознания собственной бесталанности. То ему казалось, что он может достичь всего, до высшего предела, то начинал истязать себя и бросал начатое: опять ничего не выходит. Отсюда все его жанровые шараханья, показной гонор, мнимая деловитость и прочие качества, о которых он, возможно, сам еще не подозревает. Оставшийся сиротой, не знавший отца, он еще добавочно страдал от тайны своего происхождения, которая весьма колоритно подсвечивала и без того усложненный рисунок его характера.

Куда мы идем, думал он. Сначала строили города, мосты, дороги, потом начали бессмысленно рушить их бомбами, выжигать огнем до основания. Лишь после того, как убедились, что все разрушено, решили: можно восстанавливать. Зато будет лучше, чем было. Что толку, что рушат одни, а восстанавливают другие, от этого логики не прибавляется. Так тянется из тысячелетия в тысячелетие, и все это вместе взятое называется историей цивилизации.

Однако же наивное пацифистское мировоззрение Егора Телятникова не отличалось ярко выраженной последовательностью. Осуждая всяческое разрушение вообще, он в то же время приветствовал разрушение данного объекта, со скрежетом проползающего в данный момент мимо него. Ведь рушится не только монумент, вместе с ним рушится и то фальшивое искусство, которое способствовало его произрастанию.

Погон прополз, проползла рука с фуражкой, ползло колено и уже подползал ботинок. Егор Телятников стоял и дивился: с какой тщательностью выделаны детали медного Старика: ногти на пальцах, разрез обшлага, строчка шинельного шва, ширинка на штанах, выточенная с особой нежностью до каждой малой подробности. А погон-то, погон! Вензеля, кан-

ты, золотое шитье канители, сплетающееся в сложнейший рисунок, — а ведь за колючей проволокой плелось!

Теперь его опутали тросами и поволокли в переплавку. Задранный ботинок прополз, волоча под собой битую шпалу. Старик завершился худым ботинком, и это вырванные с корнем подошвы доставили Телятникову дополнительную мстительную радость, более того, показались символическими. Смутные соки бродили в душе Егора Телятникова.

Когда я стал таким, зачем я, куда бреду, не зная, где споткнусь, не ведая, куда выбреду, а ночь темная и дорога щербатая, но при чем тут дорога, разве я не сам ее выбираю, или скорость не та, гоню, мчу, остановиться некогда, мне бы забраться в берлогу да подумать, а мне не дают, ну зачем я ухватился тогда за этот заказ, и что из этого получилось, сам Козлов меня рекомендовал и с той поры считает, что я обязан служить ему до гробовой доски, приехала вдова, слезно просит, вы воевали, я наводила справки, через многое прошли, сражались геройски, но вы остались живым, а мой муж погиб, ему присвоили звание Героя, я только что из Порши, ведь он за Поршу сражался, и есть решение на месте его гибели воздвигнуть памятник, я вам честно признаюсь, средств со стороны области отпущено не так много, а я вдова, сами понимаете, много добавить не смогу, я уже обращалась к Аркадию Евгеньевичу, но он мне заявил, что даром не работает, у него не благотворительное заведение, тогда я, зная вашу доброту и отзывчивость, обращаюсь к вам, ведь это все-таки не совсем даром, может быть, удастся еще кое-что выколлотить из области, но с моей стороны к вам никаких претензий, вам предоставляется полная творческая свобода, вот свободой она меня и купила, хотя я был ушиблен войной и не желал заниматься никаким производством ее звуков в памяти, но свобода, свобода, заказ почти личный, областные долдоны не станут вмешиваться, и сюжет, кажется, порядочный, без обмана, генерал Ефимов был заметной фигурой даже среди маршальского многолюдства, я сам едва не попал к нему, когда выходил из окружения, но каким-то образом проскочил севернее Порши, а он навсегда останется там в виде памятника, который я ему сделаю, я поехал в те лесные и озерные места, нашел его могилу, разыскал очевидцев, я дотошничал, придирался к словам, бумагам, пока общая картина не прояснилась до конца, замысел прорастал из склоненных березок, могу себе представить, как им досталось,

когда армия Ефимова оказалась в окружении, больше того, в котле, в котором можно было только свариться заживо. Их бомбили с воздуха, колошматили артиллерией, засыпали минами, их лупили звуковыми перегрузками, они огрызались, делали вылазки, шли врукопашную и таяли, таяли, от сорока тысяч осталось четыреста, от четырехсот сорок, потом четырнадцать, потом четыре, Ефимов был ранен, но не сдавался, Верховный Главнокомандующий, пока была связь, дал радиogramму с предложением выслать за ним самолет, чтобы вывезти двух человек, он отвечал, что разделит судьбу своей армии, Гитлер предложил ему генеральский плен с сохранением жизни и холодного оружия, он вообще не ответил, он любил Россию и дрался за нее, а еще он любил Анечку, нежное существо с пепельными косичками, это была не ППЖ, полевая походная жена, а, как пишут в романах, настоящее глубокое чувство, начавшееся еще до войны, весной сорок первого, и продолжавшееся до осени, пока они были живы, Анечка кончила курсы медсестер и пошла с Ефимовым воевать, они были бок о бок до последнего дня, когда их осталось четыре человека, а кольцо все теснее, кругом грохот и смерть, он ранен, Аня тянет к нему руки, он стреляет в нее и следующим выстрелом убивает себя, немцам не досталось ничего, кроме трупов, я столько находился пешком по тем заозерным местам, видя всюду следы войны, что был полностью захвачен замыслом, значит так, рассуждаем спокойно, сюжет мне достался романтический, в том же ключе буду его решать, раненый генерал прорастает из камня, а по всему периметру его соратники и бойцы, среди них, почти на первом плане, Анечка в пилотке, из-под которой выбиваются пепельные волосы, у всех в руках оружие, а у Анечки на боку санитарная сумка, и она тянет руки к любимому человеку, собираясь перевязать ему раны, я работал как зверь, полгода не вылезал из мастерской, мне уже мерещилось, что я создал нечто великое, уже приходили друзья, и слух пошел, но тут явилась вдова, долго ходила кругом, словно принюхивалась, а потом в лоб.

— Кто это?

— Анечка, медсестра.

— Анечка вот! — И вытолкнула перед собой чахлую десятилетнюю дурнушку в очках. — Это и есть Анечка Ефимова.

— Я делал другую Анечку, которая была там.

— Вот как?

— И там осталась.

— Возможно...

— Она его спасла.

— Это досужие разговоры. Вы думаете, я не осталась бы с ним, если бы война захватила меня там?

— Не сомневаюсь в этом. Тогда я изобразил бы вас.

— Увы, некому было бы хлопотать за памятник.

— Значит, вы предлагаете мне выбор?

— Никакого выбора быть не может.

Плачущая вдова сделалась кремнем, я пробовал барахтаться, но тут же увидел, что иду ко дну, уже и Порша на ее стороне, а главное, я сам увяз в памятник, он же почти готов, убрать одну-единственную Анечку, и тогда вдова утверждает памятник, потому что все остальное ей нравится и решено в правильном героическо-патриотическом ключе, и день открытия уже назначен, я наотрез отказался, началось паломничество, каждый день ко мне являлись по три генерала, один доказывал, что никакой Анечки в природе не существовало, другой объявлял, что Анечка была не одна, а две, следовательно, это вообще несерьезно, ибо серьезно только тогда, когда одна и притом законная, назначенная Богом и Главковерхом, третий генерал прослезился и поведал, что у него тоже была точно такая же Анечка, но все равно он нашел в себе силы после войны оставить ее и вернуться в дом к детям, потому что Верховный смотрит на такие дела ой-ей-ей, сразу в рядовые, и мы обязаны поступать так, как требует наш долг, а четвертого генерала Анечка после войны сама бросила, выйдя за капитана, так что надо еще доказать, герой она или не герой, были вовсе откровенные посланники, молодой человек, это же ваша первая работа, если вы провалитесь, у вас вообще не будет ни одного заказа, не знаю, чем это кончилось бы, но я перестал барахтаться и капитулировал, сам вырубил сумку на Анечкином боку, словно самого себя отсекал, убрал волосы, а руки переменить просто не успел, пока я тянул, все сроки кончились и меня едва ли не силком накрыли белой простыней, потому что трибуна уже сколочена и пышные речи записаны на бумаге, я еще пытался барахтаться под простыней, чтобы заменить ее руки, но меня за шкуру выставили на трибуну для всеобщего обозрения, опала простыня, и я открылся, нагой и незащищенный, смотрите, люди, как я предал Анечку, казните меня, а в ответ приглушенный шепот, какая прелесть, как это

правдиво и смело, чувствуется рука мастера, способного овладеть метафорой, вы только посмотрите на эти руки, они же совсем не солдатские, это же Анечкины руки, разве вы не слышали эту трогательную историю, они погибли, обнимая друг друга, это ее руки тянутся к нему, какой смелый этот скульптор, пошел один против всех, не побоялся правды, а как он дрался за эту Анечку, в наше время это редкость, а вдова теперь останется с носом, тут подходит ко мне мой друг, поздравляю, ты сегодня на коне, ты понял главный принцип нашего искусства, правда, только правда, но не вся правда, и голос слева молвил, всякой правде нужен свой намек, а секретарь горкома припечатал, словно резолюцию наложил, ты, говорит, нас всех облапошил, ладно, пусть так и останется, искусство, брат, великая сила, вдова еще пыталась шебуршиться, куда там, утверждено и пущено в строй, а я считал себя последней сволочью на белом свете, хотя именно в этот день бесповоротно заработал репутацию отчаянного левака.

И снова бреду, бреду по щербатой своей дороге...

— Егор Егорович, куда вы идете?

— В направлении свободы, Матвей. *

Мой алфавит

из романа «Только одна пуля». «Октябрь», 1980, № 2, 3

...Не часто он страдал от собственной бессловесности, но чаще всего по утрам, в момент пробуждения. Зато теперь он проснулся окончательно, осознав себя лежащим на левом боку, лицом к вздрагивающей стенке, а перед носом торчал хвост вафельного полотенца.

Иван Данилович решительно поднялся, сдвинул занавеску. Поезд слаженно мчался навстречу солнцу, мелькала зеленеющая местность, и радиотенор шоколадным голосом пел в коридоре: «Потому что туда не идут поезда...»

Он отступил от окна, пытаясь наиболее ловко развернуться в межполочной тесноте. Трудовой день начинался с разминки.

Присесть в узости вагона было затруднено, рука неволь-

* Всего в романе «Демонтаж» произведено более 50 купюр, однако автор решил не продолжать свод примеров работы своих «доброхотов» (Прим. автора.)

но хваталась за полку, но вскоре он приспособился. Интересно, занимались ли приседанием в пещере? Или тогда вообще жили на корточках, и гимнастикой тела было его распрямление? А затем пустились в пляс. Так что же было вначале: присядка или приседание?

На двадцать пятом приседании мой герой распрямился. Теперь ему предстоял тренаж интеллектуальный.

Внимание. Ноги на ширине плеч, руки в бок. Боритесь с отложением солей. Занимайтесь по утрам алфавитом. Вы приобретете последовательность мысли и попутно избавитесь от нежелательных солевых отложений. Алфавит мудр и щедр, он передаст вам частицу своего вечного бытия.

Кто научил его алфавиту? Жена? товарищ? автор? Семейная хроника рода Сухаревых не дает уверенного ответа. Не исключено, между прочим, что подбородок сам придумал это. Мы чувствуем наш язык ухом, глазом, гортанью — и тем удовлетворены. Сухарев же добавочно ощущал язык подбородком, мог каждую буковку узнать на ощупь, из буквы мог сотворить фонему и слить фонемы в музыку изначального смысла.

Закрыв глаза и вскинув подбородок, он начал записывать в воздухе предварительные круги, так сказать, разгон пера, готового излиться словесной вязью. Русская речь беззвучно струилась в голове, расходясь в такт вращения подбородка под сводами бытия. Колеса отстукивали некий ритм, прося слова для справки.

Шесть оборотов по часовой, шесть против часовой, мой подбородок обретает требуемую подвижность, готовясь начертать бессмертную строку, хотя бы одну-единственную за сегодняшний день, хоть за всю жизнь.

Вот вам алфавит — и можете слагать сами.

Начали.

Арка и перекладина в ее середине — торжествующий звук первобытной гортани, возвестивший о человеке. Так и мы явились в мир с тем же звуком: а не закричишь — заставят, немота карается небытием. Но мы орем голосисто, и нам гортань помогает, стоит ей раскрыться в наиболее свободном положении — и речь са-ма по-ли-ла-ась. «А» есть правофланговый смысла, она очерчивается подбородком как ка-чал-ка-а: от левой ножки снизу взбеганием по вертикали, затем направо по верхней перекладине, и сразу ниспадает, завершая арочное основание. Плавный взбег и скок налево —

начертана средняя переключина, пошла кладка звука, начало начал.

А подбородок сам собой опустился на исходную точку, лишь похрустывают шейные позвонки, растворяя вредные соли и обещая светлое будущее.

Начинается буква, с точки зрения моего подбородка, сложная, сотканная из противоречий. Долго пришлось работать природе, чтобы буква могла возникнуть в узком разлете расцепившихся губ.

Подбородок пробежал по верхней переключине, но вынужден возвратиться к исходной точке, чтобы не заблудиться перед завершающим кругом творения, — сработанная буква победно булькнула на белой палубе и бежала без билета с корабля на бал работников береговой службы, нет проблемы: быть или не быть, — она была и будет.

И со звоном, словно вьюн, ввинчивается двойным заводом веселая виньетка, увертливый ванька-встанька, вычурный завиток востока и воистину вечная, ибо от нее зависит наше положение в купе, в поезде, в обществе, во времени, внутри или вне, впервые и всегда, ввоз и вывоз, впиваясь в висок, она соскальзывает с бороды в равнение знаков, вплетаясь плавным завитком в своего соседа, знак глухой, непроясненный — и вот уже воздвиглась грозная виселица для легковерных согласных, а может, это жезл, регулирующий звуковое движение, первый фонетический хамелеон, игриво перебегающий из гостиной на кухню или прямо в желудок, если его не загнать в полногласный угол, но и тогда он при первом же удобном случае норовит сбежать — и при дороге ни с того, ни с сего вырос придорожник, и по взмаху мага распустился густоалый мак, а лаг покрылся лаком.

Так я прохожу подбородком вдоль всего ряда, прошупываю букву за буковкой. Из этих стояков, завитков, балок, переключин сложено все записанное и звучащее мироздание — а разве есть иное?

Складывается первое слово, представленное азбукой в готовом виде — извечный союз трех фонем. Где же приделывать переключину? Подбородок сам знать должен, ибо подготовлен фундамент и на нем возведен дворец, предрешающая модель державы.

Легкий веерообразный разбег — где я? Возле нового звука, безостатно всосавшего в себя старое «ять», но оставшегося по-прежнему бессребренником и тихоней, смиренно высту-

пающим на второстепенных ролях суффиксов и окончаний, которые то и дело проглатываются нетерпеливой гортанью, а затем внезапно берущим реванш путем перебегания в корень, — но и здесь он себе верен.

Движение продолжается, не прерываясь ни на минуту: жирный жест двух полудужий, жердь желания, жизнерадостная жила междометий.

Со звонким взмахом из тех же полудужий образуется знак зубастый и вздорный: земля, за нею заводь, за ними завтрак в зеленой зоне, заноза в языке, когда он вибрирует, твой звук издавая.

Удивительное дело, продолжал размышлять вслед за автором Сухарев, одни и те же палочки и завитки, одни и те же движения и повороты руки на бумаге (или бороды в воздухе) в зависимости от последовательности сочетаний могут давать противоположный смысл. Добро — зло, жизнь — смерть, да — нет. А ведь из одинаковых кирпичиков сложено.

Прямая и полукружие — две первичных клетки моего алфавита, мужская и женская. Они не могут соединяться немо. Они сливаются, сгорая от полнозвучной страсти — и тем продолжают свой бессмертный голосистый род. О, сколько слов при этом было наговорено, о, какие это расчудесные слова. Кто их поведает миру?

Следует заметить также, что первичные клетки попались нам куда как плодовые и, кажется, готовы оглушить нас фонетическим взрывом. Опустите ноги чуть пониже, чувствуете, уже подмокает, вот уже по стопу, по щиколотку — грядет всемирный потоп информации. Как спастись от него?

Выжимайте слова перед озвучанием.

Вагон шатало на стыках желаний, борода вздымалась на гребень и ниспадала в лощины. Началось алфавитное высокогорье с острозаточенными зубцами вершин, тыкающимися языком то в верхнее, то в нижнее пространство гортани.

— Кто ты?

— И-К-Л-М-Н.

— Где ты?

— Во Коломне.

Отвечаю тебе на едином дыхании, подбородок скачет на рытвинах в ожидании мягкого и глубокого вздоха. Конечно, в воздухе не до каллиграфии, тут создается силуэт хребта, все глубже погружаешься в смысл звука, в его музыкальный подтекст, фонетический корень.

Дошли до перевала. Отсюда начинается спуск в долину человечества. Если «А» изливается из нас привольно, то для «О» потребовалось напряжение всего окололгубного пространства. «О» — это усовершенствованное биологической эволюцией «А», но сколько же тысячелетий прошло, прежде чем оно отлетело от напрягшихся поперек своего разреза губ. Оно и сейчас, видно, не до конца укрепилось, коль то и дело просится к прадедам: пачем хрестаматийная карова? прадаю и пакупаю!

Но после «О» не стало возврата к зверю. Если верно утверждение, что гласные можно расположить вдоль семи цветов радуги, то «А» и «О» окажутся на замыкающих полосах спектра, красном и фиолетовом соответственно.

С открытием «О» структура языка приобрела многослойность и повышенную обороноспособность. Фонетическое око сделалось солнцем звуковой системы, вокруг которого вращаются все прочие знаки. Щедрая энергия его звукового ядра ослепительной вспышкой озаряет согласные, пробуждая их к звонкой жизни.

Спускаемся с перевала в просторы, поросшие упорством, и одновременно вступаем на территорию второго слова.

— П-Р-С-Т! Идущие к звуку приветствуют тебя.

Что можно начертать бородой в готовом виде, не представляя знаков, но следуя вдоль четкого их строя? Ответ скрывается в загадочном вопросе, цепляющемся за нижнюю строку:

— Где туф — изрекает на молекулярном уровне русский алфавит и вопрошает вслед за ним затюканный снабженец.

Из ответов на этот вопрос родились все последующие загадки мирового бытия.

Куда же дальше? Всеконечно, в сектор шипящих, настойчиво требующих расширения штатов путем возвращения беглеца и перебежчика, не скажу какого.

Не шипите, будто тут фонетическая провинция, без нее не прожить никакому державному гласу. Тут цвет и запах языка, его чуткие шорохи, переходящие в овацию.

Как-то Сухарев шалости ради пробовал начертать универсальным своим подбородком буквы латинского алфавита. И что же? Мой полнглот запутался в иноземных извивах, едва добредя до пятого знака.

Вот когда он окончательно убедился в исконности своих неведомых предков. Наши шейные позвонки навечно приспособ-

соблены к графической четкости кириллицы с генетически заложенной в ней русской программой.

Позвонки бестрепетно преодолевают частокол шипящих, не запинаясь на самых цепких закорючках. Чужому позвоночнику сюда и соваться нечего.

И на крутом вираже заключающего завитка выплыли юзом в уютный подотдел дифтонгов, где услаждаются эстеты и мыкаются школьные тупицы. Завершающие язык вгоняли подбородок в крутую высоту.

Возьмите на язык и слух. Чувствуете, как ширится цветовая гамма, рождая звуки, расположенные за видимой чертой спектра: ультрафиолетовое «ё-о-о», инфракрасное «я-а-а».

Вот куда я взлетел своим подбородком.

— Откуда ты и куда?

— От «А» до «Я».

— Далеко ли?

— Ой, далеко! Тридцать два этапа, и еще семь верст до небес, и все пехом.

— Трудно ли?

— Ой и не говори: то ли окать, то ли акать, то ли ёкать или якать, вякать, цыкать иль икать, то ли вообще воды в рот набрать.

Лишь русскому подбородку такой алфавит по зубам. Вишь как разохотился, не желает сходить с орбиты, жаждет нового восхождения на новом витке спирали, да боюсь станет вред от фонетических перегрузок.

Подбородок продолжает вращаться, но теперь он не ввинчивается, а отвинчивается от звука, освобождая его от приязи, строя и выпуская на простор смысла. Если я с утра не пройду парадом вдоль родимого ряда, ни словечка из меня не выдавится, зато теперь шейные позвонки на весь день зарядились звуковой энергией, требующей выхода сквозь голосовые связки или на чистый лист бумаги, строка за строкой.

О русский звук, рожденный сердцем и меж сердцами пробежавший. Язык мой, от прадедов данный. И каким же ты словом зачат, чтоб любовь тобой изливалась. И каким же ты словом исторгнут, чтоб над миром трубно звучать. И каким же ты словом жив, чтоб народ собою отважить. Я без этого благодатного слова нем, я без этого мужицкого слова хил, я в пустыне без этого чуткого слова. Ты и в лепете, ты и в клетоте, ты и в песне и в судьбе. Что еще ты объявишь све-

ту? Что младенцу шепнешь в колыбель? Твое слово земля слушает.

О, язык мой, моя жизнь вся тебе отдана — и вся моя жизнь есть пробуждение к слову.

За окном все так же раскручивалась распахнувшаяся родная земля, по земле родной пробежали знаки, слагаясь в слова: косогор, опушка, деревня, околица... Это и есть Россия, столица звука.

1973

* — Читатель может пожать плечами: а что тут такого в этих отрывках? Тут и вычеркивать нечего. Нынче мы не такое читаем. А в том услада тому, кто зачеркивает, чтобы власть свою показать. Он меня вычеркивает, значит, он выше меня, а я перед ним состою в позе согбенного. К тому же, зачеркивая меня, он оправдывал свое пустопорожнее кресло. Потому и чиркали всех нас вдоль и поперек, дабы мы не забывали о своей зависимости. Весь институт совковой редакции был колючей проволокой вокруг свободного духа. Зато у нас явилась в ответ другая, уже своя, услада — писать в стол, не для печати. Ох, как хорошо писалось в стол — чтобы не трогали мое слово, не прикасались к нему. Эвон сколько книг уже напечатали — все идет из стола. И еще долго будет выходить. Про себя мы называли это столыпинской реакцией. (Прим. автора.)

Из ненаписанного

Ранние записные книжки

Записная книжка — без номера — 1940—41, 618 школа, 9-й «Б» — детали, темы, идеи, мысли (чужие и свои), объявления, обрубки, наброски, этюды, выводы (предварительные) и прочая и прочая.

Борис и Софья стали составлять договор о любви и дружбе и поссорились на 7-м пункте о сферах влияния.

Автор и его потребители.

Объявление в мастерской мсталлоремонта на Разгуляе: «Здесь конькам точка».

Канителиада,

Спекулянтиков меняет фамилию на Покупаев-Продаваев.

И скажут сотню лет спустя:

Он жил и умер не спроста.

Кисло, будто сидишь в лимоне.

Наши девушки медсестрят.

Сбор к 18 часам в Клубе строителей. Едем в трамвае на вокзал, гадаем: на какой? Приехали на Киевский. В 4 часа утра посадка в теплушки, песни, сон, смотрение на дорогу. Река Брынь. В 6 часов вечера приехали — станция Сопоть. К десяти попали в Малые Лутны. Раздают лопаты.

Мы вырыли трассу глубоко,

Фашистам здесь не пройти..

Лишь смерть они смогут найти.

Так будет: око за око!

15-го нас бомбили. Никто не пострадал. Ходили смотреть воронки. Очень резкий запах.

Записная книжка № 6, ноябрь, 1941 год

Впервые перед праздником не носился по магазинам, и праздники прошли плохо. Даже в кино не повезло, он заснул на плохой картине.

Трое суток ареста за фунт хлеба.

Мне восемнадцать лет.

И к тому же я люблю.

Другого такого как я — больше.

А будет — я его удавлю.

Не бор-машина, а бр-р-р-машина.

Отупение — это антизаострение.

В санчасти пахло звернищем.

— Десятое к ноге! Одиннадцатое на плечо!

Старшина писал: «Прашу сделать...» А мы стояли и жадно смотрели на каждую букву.

Автоматическая ручка с надписью: «Перед употреблением взбалтывать».

Встань как один,
Советский гражданин!
На защиту страны
Во имя победной войны!

Записная книжка № 8, 1945 год

Гроздь: голов свисали с трамвая.

Всю японскую войну грузили баржи.

Переводили несколько недель карточки немецкого госпиталя в Зандбастелле: русские, грузины, татары — у всех одинаковый диагноз — ТБЦ. Все они мертвы — гешторбен. Кипы карточек привозили на грузовиках.

Грациозная мимика.

Он, она и почтовый ящик. Те же — и трамвай.

Как я сапоги продавал, не торгуясь. Купил их мужчина средних лет с усиками. Купил и говорит: «Вы могли бы продать дороже. Так что спасибо вам».

Радикальная рабовладельческая демократия.

Записная книжка № 11, май, 1946 год, Москва

Портрет неизвестного поэта работы неизвестного художника.

Столб фонтана гнулся к земле березой.

Лозунг — «Всеми средствами производить увеличение средств для производства средств производства».

Гражданин, из вас сахарный песок сыплется.

В госпитальном дворе шляются немцы и приветствуют офицеров.

И дым Отечества нам сладок,

Когда в Отечестве порядок.

Она усталилась на него голыми коленками.

Сюжет: приходит извещение о смерти полковника. Жена полковника, теперь вдова, получает приличную пенсию. Но через два года выясняется: полковник жив. С трудом доказывает, что это именно он. И тут же ему говорят: «Получали пенсию, платите деньги обратно». — «Лучше бы я погиб».

Грѣз гроз грыз. Груз груздь — в грязь!

Покинув казармы, пошли на базар мы.

Я, надев очки,

Спешу к девочке.

На войне убивали людей и время.

Наступило лето. Об этом красноречиво свидетельствовала надпись: «Пива нет».

Тетя Валя раздобрилась, перепечатав мои стихи, и даже угостила вареной картошкой с маслом — это был мой первый гонорар.

Люди шли по тротуару, как будто все они были привязаны за веревочку и кто-то невидимый тянул их.

Вершина упадка.

У Семена Кирсанова. Комната метров 20. Буфет, два стола, шесть стульев. Тумбочка с телефоном — и все! Маленький человек с умным смуглым лицом и седеющими волосами. Отвисшие щеки. На столе стакан с водой и кусочки льда в нем. Жарко. Читал стихи. Увлёкся, забыл про жару. Он сказал: «Если стихи у вас выливаются, вы их выливайте».

Телефон Леонида Леонова — КО-69-31.

Университетом жизни является такой университет, диплом об окончании которого удостоверяется могилкой.

Избранная дрянь — однодумник.

Объявление на вокзале: «Герои Советского Союза сдаются в багаж без очереди».

Не всякая Мария — дева Мария.

Вещи уплывали. Было странно, до чего они стали легки. Буфеты, шкафы, стулья с легкостью пушинки выпархивали в дверь и растворялись в пространстве.

Блажен, кто не ведает.

Закрыто на ремонт — написано на витрине с внутренней стороны. Получилось: тномер ан отыркаЗ.

Женщина с большим будущим.

Нечто среднее между картежным притоном и осенним окопом под Вязьмой.

Рай на земле будет тогда, когда планету зажмут с полюсов в гигантский токарный станок и, воспользовавшись энергией вращения Земли, обточат наш шарик до полной гладкости и прилизанности.

«Ага, попалась, детка», — подумал бесенок моего героя.

Бреду в бреду.

Поэтический блуд.

В голубой пыли река:

Серебряная лирика.

Временная беременная.

Чтобы хапнуть, миллион, был два года в мыле он.

Записная книжка № 14

Мысли в клеточку. Начато 10 марта 47 года XX века нашей эры. Тел. Е 1-95-25. Вознаграждение гарантируется.

Повесть про совесть. Увы, я не сгорел, я только обжегся.

Фармацевт был формалистом.

Поэтическая благонадежность.

Усовершенствованный дилетант.

Фрицеество.

Планировал дворцы, а получились хижинки.

В ее глазах отражался крашенный потолок.

Рука об руку

Пойдем к облаку,

К золотистому голышу.

Ты весь шар земной

Обойдешь за мной

И придешь со мной к шалашу.

Недоделанный идеал. Это то, что останется после нас. А мы-то ду-малн...

Слишком легкая музыка.

Социалистический утопизм.

Метро Метрович Электромоторов.

В глаголе «стоять» очень ярко выражен момент движения.

Иду по городу, одет в уличный шум.

Каждый квадратный миллиметр ее лица был возделан с такой тщательностью, что урожай был сам-сто.

Бестолковый словарь.

Пышная как парашют.

Ты все еще живешь на чувствах? Пора переходить на мысли.

Я мог бы стать статуей в нише,

Если бы был чуть пониже.

Мучительно вспомнил: как же зовут майора Казанина. Призывал на память старые конверты, даже нашел похвальное письмо, написанное им. А имени нигде нет. Как же его зовут? И вдруг до меня дошел голос его ППЖ Шурки: «Гена!» — звала она,

О Русь, о простота,
Воспитанная кровью.
И пестрые стада
С погодой по корове.

Принцип большинства в половом вопросе.

Злоязычная опухоль.

Корень квадратный из добродетели — невинность. Страх в квадрате — ужас.

Полюндром. Вокзал ласков. Искать такси.

Рай под майонезом.

Куйбышев. Ресторан «Арктика» закрыт на зимовку.

Женщина среднего поведения.

Был какой-то непонятный день. Нечто среднее между национальным праздником и днем рождения бабушки.

Записная книжка № 16. Начата 1 января 48 года

На ней надето много денег.

Жертва объективности.

Я все забуду, даже то, что было.

Что помнишь ты, и то, что ты забыла.

Единственным смягчающим обстоятельством лжи был голос, которым она была произнесена.

Ночь закрытых дверей.

По телеграфу из Тюмени.

Я заказал себе пельмени.

Пройдет полгода — и не менее,

И будем кушать мы пельмени.

Молодоженам не до счастья.

Минус в вашу пользу.

Персонифицированная ничтожность.

Женщина, влавшая в невинность.

Бабушка путала поговорки: «В темноте не в обиде.— Каждому овощу свой фрукт.— Близко хорошо не бывает».

Отец приехал из Владивостока и все повторял: «Как далеко, как далеко. Если бы ты знал, как это далеко».

История седеет быстро.

Самоубийство — дуэль со всем миром.

Сплав стали с тряпкой.

Жизнь потеряла содержание. Следовательно, будет логично, если она утратит и форму. Так будет с Россией.

Читал в книге только четные страницы, а нечетные пропускал.

Изливает свою душонку.

Приказ был адресован — Начальникам всех начальников.

Медсестра говорит больному перед операцией: «У тебя родные-то есть?» — «А что?» — «Кольцо, часы им послать, а то все равно снимут».

Больной скрипит зубами.

Вокзал — надежд пристанище,

Намек на то, что ты

Не всегда расстанешься,

Не спрячешься в кусты.
 Что теплоту сердечную
 Убережешь в руке
 И поездами встречными
 Забредишь вдалеке.

Обязательно нельзя.
 Ужасно то, что все хорошо.
 Покидали XX век безропотно.

ГОВОРIT АЛЕНА

Алена ходит по комнате. Ей нет двух лет. Ноги заплетаются, идет спотыкание. Зато какая речь. Ребенок освоил все суффиксы русского языка, я и не подозревал, что их такое множество.

С трудом поспеваю записывать.

папа	папаша	папулик	папусечка
папунчик	папусенька	папука	папенька
папашечка	папик	папаха	папанечка
папчик	папашка	папушка	папан
папочка	папуха	папуленька	папашенька
папанчик	папулинчик	папульчик	папунчик
папон	папкин	папончик	папахен
папастый	папуленция	папуля	папаня
папище	папчук	папличка	

1957 год

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Романа «Демонтаж» создатель
однажды сам себе сказал:
«Какой великий неписатель,
как много он не написал».

Дата неизвестна

КОРОТКИЕ СООБЩЕНИЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «РБ»

Мы уже сообщали о том, что образован благотворительный фонд «Русского богатства» — его уставной капитал составляет 25 тысяч рублей. Попечителем благотворительного фонда утверждена Елсна Александровна Иванова.

Уже проделана первая работа: 25 писателей — ветеранов Великой Отечественной войны получили от нашего фонда материальную помощь. Мы сознаем всю скромность нашего первого дарения и потому полны решимости продолжить начатое.

Обращаемся к читателям, организациям, фирмам, кооперативам, которым не чужды благотворительные цели и устремления, вносить свои средства в фонд «Русского богатства». Имена всех дарителей будут опубликованы на страницах журнала.

В наше тяжелое переломное время мы считаем своим долгом принять посильное участие в социальной защите престарелых и одиноких. Наша помощь окажется тем эффективнее, если мы соединим свои усилия в этих начинаниях.

Наш расчетный счет № 34005 в КБ «Авиабанк». Корр. счет 161820, МФО 299112.

Контактный телефон 284-63-96.

По поводу приобретения журнала «Русское богатство» обращаться в книжные магазины и другие торговые организации:

129110, Москва, Проспект Мира, 57. Магазин «Журналист».

Москва, Проспект Мира, 2. Магазин № 57. МКП «Огни».

Москва, Кузнецкий мост, 18. Магазин № 6.

127254, Москва, ул. Руставели, 8. РПФ «Адрес».

П Р А В Л Е Н И Е

редакции журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

Председатель правления — А. П. Злобин

В. Г. Ге (коммерческий директор), **С. Р. Карасев**, **Г. Г. Кошелев**
(главный художник), **В. М. Орлов** (сопредседатель), **Е. К. Людвиковская**
(коммерческий директор), **С. С. Рябинький**, **М. И. Франкевич** (Авиабанк).

Ответственный секретарь С. Г. Горбатов

Художественно-технический редактор Г. А. Шалыгина

Корректор В. Л. Тищенко

Сдано в набор 22.02.93. Подписано в печать 20.04.93. Формат 60×88¹/₁₆.
Объем 25 п. л. Тираж 5000 экз. Зак. 330.

АО «Чертановская типография». 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а.

ПРИНИМАЕТ

вклады от населения на срок:
— от шести месяцев до года — доход **45%**
годовых;
— свыше одного года — доход **70%**
годовых.

Сохранность вкладов и выдача их по первому требованию вкладчика — гарантируются!

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ

индивидуальные сейфы для хранения ценностей и документов.

ОТКРЫВАЕТ

валютные счета клиентам, по их поручению производит расчеты с любыми зарубежными фирмами и организациями, в любой части мира, путем перечисления сумм со счетов, производит покупку и продажу иностранной валюты гражданам, а также совершает другие валютные операции.

**Объявленный уставный
капитал Авиабанка —
600.000.000 рублей.**

Банк имеет филиалы в Санкт-Петербурге, Воронеже, Жуковском, Самаре, Душанбе, Махачкале, намечено открытие их и в других городах.

**АВИАБАНК —
ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА
ВАШИХ УСПЕХОВ!**

101849, Москва, Центр,
Уланский пер. 16
Тел.: 207-58-56, 207-68-24
Факс: 207-04-67
Телекс: 411761 АВИН

Акростих

Николай Глазков

БАЛЛАДА

Тронце-Сергиевская Лавра
Оплотом Родины была —
Люблю поэтому и славлю
Ее кресты и купола!
Завидев эти стены, башни,
Лавина вражья бесшабашно

Обрушила на них свой гнев.
Бесстрашно бой вели монахи —
И отступили ляхи в страхе,
Не думали они о крахе.
Ушли, ничем не овладев!

1975

Владимир Корнилов

ПАНЕГИРИК

Анатолий Злобин,
Новый бизнесмен,
Адски он способен,
Тыщекратно смел.
Одержим идей,
Лидер перемен
И его беднее

Иемен и Бахрейн.
Злобин Анатолий
Лучшего гарант,
Он собой доволен,
Бизнеса гигант,
И ему раздолье, —
Но на то талант!

1992

Михаил Светлов

ЭКСПРОМТ, ЗАПИСАННЫЙ НА САЛФЕТКЕ.

Тогда я пел мою «Гренаду»,
Однажды заболел и слег.
Ловя завистливые взгляды,
Я лучше выдумать не мог.

1962

